Изданія К. Т. Солдатенкова.

Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ). М. 1865 г. Ц. 7 р.
Буасье Гастонъ. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
Бэра. Исторія Всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.
Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. Н. Веселовскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.
Веселовскій А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева*. М. 1879 г. Ц. 24 р.
Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли крестьянами-собственниками. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. *А. Козлова*. М. 1876 г. Ц. 4 р. 50 к.
Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.
Гиббона. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Перев. *В. Н. Невѣдомскій*. Часть I. М. 1883 г. Ц. 4 р
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I. и II, III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Ц. 8 р.
Ешевскаго. Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Ц. 6 р.
Забѣлина И. Е. Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
— Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи, части 1 и 2, М. 1872 и 1873. Каждая по 2 р.
Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.
Кавелина. Сочиненія. 4 части. М. 1875 г. Ц. 5 р.
Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 20 р.
Ключевскаго. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1875 г. Ц. 2 р.
Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.
Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.
— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.
Куно-Фишеръ. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсадинъ*. М. 1882 г. Ц. 1р. 25 к.
Курціусъ. Исторія Греціи. 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880—3 г. Ц. 12 р.
Кольцовъ А. В. Стихотворенія. Изданіе 7-е. М. 1880 г. Ц. 20 к.
Лотце. Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.
Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева*. М. 1873 г. Ц. 6 р.
Магаффи. Исторія классическаго періода Греческой литературы. Т. I. Поэзія: пер. *А. Веселовскій*. М. 1882 г. Ц. 3 р.
Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ

ПРЯМЫЕ И КРИВЫЕ

въ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

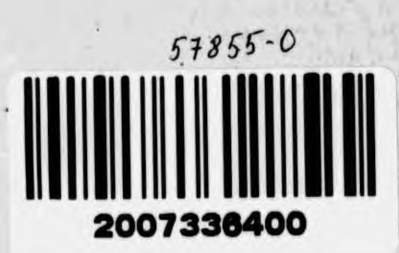
Соч. ИВАНА ЗАБѢЛИНА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 1 р. 50 коп.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская ул., д. Локотниковой.
1883.

57855-0



СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія:

Для настоящаго изданія это сочиненіе вновь пересмотрено и дополнено. Первоначально оно было напечатано въ Русскомъ Архивѣ г. Бартенева, годъ 1872, №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 12. Статья: „Безвѣстный герой Смутнаго Времени" была напечатана въ Древней и Новой Россіи г. Шубинскаго, годъ 1875, №. 3.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

Прямые и кривые въ Смутное Время.

I.

Наше «Смутное Время» — эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замѣчательная именно со стороны исторіи народа, какъ можно говорить, если ограничимъ понятіе государства только государственною властью съ ея органами и представителями.

Въ общихъ чертахъ «Смута» представляетъ явленіе весьма своеобычное. Это не революція, не перестановка старыхъ порядковъ по новому. Это только глубокое потрясеніе, великое «шатаніе» именно государства въ сказанномъ смыслѣ: ибо въ это время всестороннимъ банкротомъ оказался не народъ, а само правительство, сама правящая и владѣющая власть, и въ своей единицѣ, и въ общемъ составѣ своихъ представителей; между тѣмъ, какъ народъ-то именно обнаружилъ такое богатство нравственныхъ силъ и такую прочность своихъ историческихъ и гражданскихъ (именно гражданскихъ) устоевъ, какой въ немъ и предполагать было невозможно.

Смута началась прежде всего во дворцѣ, по видимости, съ того важнаго обстоятельства, что тамошняя среда поспособ-

ствовала преждевременному прекращенію Рюриковой династіи съ тайнымъ намѣреніемъ самой начать опасную и азартную игру въ цари. Темное это дѣло обозначилось именемъ Годунова. Но Годуновыхъ было тогда много, полонъ дворъ, и настоящій Годуновъ, болѣе другихъ сильный, способный и дальновидный, по тѣмъ самымъ причинамъ выдвинулся только наиболѣе замѣтнымъ ихъ типомъ. Въ существенномъ же смыслѣ, исторію нашей Смуты нельзя начинать со дня кончины послѣдняго Рюриковича или съ прекращенія только династіи, ибо и здѣсь послѣднимъ Рюриковичемъ въ сущности былъ Иванъ Грозный. Тѣмъ менѣе можно ее начинать съ появленія перваго Самозванца, который былъ уже прямымъ и непосредственнымъ, вполнѣ созрѣлымъ и сочнымъ ея плодомъ. Смута издавна гнѣздилась въ государевомъ дворѣ и всегда болѣе или менѣе жарко вспыхивала, какъ скоро открывался ей выходъ на Божій свѣтъ, какъ скоро наготовлялись для нея горючіе матеріалы. Еще за сто слишкомъ лѣтъ до появленія Самозванцевъ, она уже вполнѣ ясно обозначила свои стремленія и цѣли. Она и тогда уже пробовала начать дѣло тоже Самозванцемъ [1]). Ея историческіе корни уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и крамольномъ духѣ той среды боярства, которая крѣпко помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины владѣть Землею, господствовать въ Землѣ за одно съ своимъ княземъ; непререкаемое право властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли; право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было исторической необходимостью и, такъ сказать, исторической нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни.

Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу Исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было-бы переродиться во что-либо новое, политически-годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіи этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало только свои старыя, допотопныя начала жизни и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую Смуту.

Началами дружинной жизни (если объяснять ихъ одними только существенными, хотя и рѣзкими чертами), были самоволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе высокихъ столовъ для своего князя, т. е. великихъ, старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многаго имѣнія. Все это конечно утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины — боярства къ лицу своего князя и въ первую пору вполнѣ единило интересы дружины съ интересами князя, по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои личныя эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такія начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дружинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были выработывать ея нравы и обычаи по особому складу, свойственному тѣмъ началамъ. Она по этому развила въ себѣ нравы и инстинкты исключительно личнаго, своекорыстнаго свойства, развила стремленія только къ личному благу и добру, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли, которая не даромъ же ее кормила.

Но Исторія шла впередъ. Въ ней стали просыпаться идеи и объ общихъ земскихъ цѣляхъ, объ общемъ земскомъ добрѣ. Суздальскіе князья первые внятно заслышали добрыя внушенія

такихъ идей и первые поворотили слѣдомъ за ними; особенно знаменитый Всеволодъ-Великое Гнѣздо, который, благодаря служенію общимъ идеямъ, и тогда уже могъ Волгу веслами раскропить, а Донъ шеломами разлить. Дружина этого поворота Исторіи не поняла и не послѣдовала за новымъ движеніемъ. Ей предстояло устроить свое положеніе въ Землѣ на твердомъ какомъ либо политическомъ основаніи, связавши свои интересы съ интересами земства, куда именно повернулъ самъ князь. Она, напротивъ, осталась при своей старинѣ, помнила только свою прежнюю волю и надъ Землею и надъ княземъ. Она осталась глухою на очень слышный зовъ Исторіи. Но, не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она за это самое должна была поневолѣ сдѣлаться слугою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя дружба стала разстроиваться. Стремясь за общеземскими цѣлями, князь, въ Москвѣ, выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но, не выучившись ничему новому, она крѣпко держала въ памяти свое старое, крѣпко жила своими старыми преданіями и не думала измѣнять своимъ древнимъ правамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около государя-самодержца, она все еще думала, что это только первый ея дружинникъ и стала постоянно заводить тѣже самыя исторіи, какими была ознаменована междоусобная жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей. [2])

Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде, такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и цѣлымъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ Государемъ и Землею въ свои руки.

Здѣсь въ полной мѣрѣ и обнаруживалось самое существо древне-дружиннаго обычая—это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ. Само собою разумѣется, что въ глубинѣ такого жизненнаго начала лежали сами собою, какъ зародыши, и стремленія ко всякой земской или государственной розни, какою обозначена наша Исторія именно въ тотъ ея періодъ, когда дружинное начало было господствующимъ. Разносить Землю розно заставлялъ именно интересъ дружиннаго властолюбія, для котораго удѣльное устройство Земли было всегда торжествомъ всякихъ самовольныхъ правъ, въ родѣ права перехода отъ князя къ князю, и вообще торжествомъ своей воли и конечно всегдашнимъ бѣдствіемъ для Земли. Поэтому и въ государевой Москвѣ древніе дружинники долго старались тоже заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о прямыхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государевою властью. Однако идеи государственнаго единства, перешагнувши чрезъ множество повинныхъ и неповинныхъ жертвъ, восторжествовали. Но въ этой безпощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, все для того же единаго самодержавнаго лица, уничтожая самое себя въ побочныхъ вѣтвяхъ, должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть. Это былъ неотразимый трагическій исходъ дѣла посреди тѣхъ стихій жизни, въ которыхъ велась эта борьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ первый актъ драмы, которую мы въ особенности называемъ «Смутнымъ Временемъ». Главная роль здѣсь принадлежитъ Грозному. Какъ губитель, онъ является непосредственнымъ произведеніемъ и воспитанникомъ Смуты. Какъ сказано, онъ въ сущности и былъ послѣднимъ государемъ изъ династіи Рюрика. Второе дѣйствіе драмы, гдѣ главную роль игралъ Годуновъ, началось въ ночь того же дня,

какъ умеръ главный герой перваго дѣйствія, Грозный. [3]) Тогда боярскому властолюбію открылась широкая, хотя и опасная, дорога къ постановкѣ новой династіи и вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поприще показать всей Землѣ, чѣмъ жили и на чемъ собственно стояли древне-дружинныя стремленія въ нашей Исторіи. Они и въ это время не только не помнили о Землѣ-народѣ, но успѣли даже совсѣмъ закрѣпить крестьянъ себѣ въ собственность.

Достигая въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ царскаго престола, эти стремленія, посреди собственной же зависти и ненависти соперниковъ и въ сокрушеніе имъ, стали дѣлать всяческіе подлоги и неслыханныя по коварству преступленія. Вся правящая и владѣющая среда въ государствѣ утратила такимъ образомъ въ глазахъ народа и малѣйшее нравственное значеніе. Она вся изолгалась, перессорилась, потянула въ разныя стороны, завела себѣ особыхъ царей, кто иноземныхъ, кто доморощенныхъ, преслѣдуя, отъ перваго и до послѣдняго человѣка, лишь однѣ цѣли — захватъ власти, захватъ владѣнія.

Извѣстно, что Русскій материкъ-общество состоялъ въ то время изъ трехъ пластовъ, кои отдѣлялись другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачъ жизни. Съ государевой, а стало быть и съ государственной точки зрѣнія, эти пласты именовали сами себя богомольцами (духовенство), холопами (всѣ служилые люди) и сиротами (все земство, народъ). Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю, именно пластъ служебный, по древнему — дружинный, а нынѣ уже холопій, или еще точнѣе — дворовый.

Когда, какъ мы сказали, государь-хозяинъ дома померъ, не оставивъ прямаго наслѣдника, то слуги-холопи бросились къ его сундукамъ, стали хватать имѣнье, разумѣется безъ пощады уничтожая соперниковъ... Иные осиливали всѣхъ (Годуновъ, Шуйскій) и успѣвали всенародно записать все имѣніе за однимъ своимъ лицомъ... Иные, желая отнять такимъ способомъ захваченное наслѣдство, поставляли поддѣльнаго наслѣдника — самозванца и для помоги своему дѣлу приводили въ домъ иноземные полки, собирали всякихъ безъименныхъ гулящихъ людей... Иные, наконецъ, кто съ желаніемъ успокоить государство, а кто съ желаніемъ тоже половить въ мутной водѣ рыбу, отдались Западнымъ, какъ говорилъ въ одной изъ своихъ грамотъ въ Нижній Новгородъ знаменитый Прокопій Ляпуновъ, призвали на владѣнье сосѣда (Польскаго королевича или собственно Поляковъ). Сосѣдъ, давнишній завистникъ покойника, былъ очень радъ такому случаю и сталъ владѣть и хозяйничать въ дому по-свойски...

Однако всѣ эти разновидныя на взглядъ стремленія и дѣйствія тянули къ одному, или обнаруживали одно: бояринъ подъискивался на царство, хотѣлъ быть царемъ; рядовой дворянинъ подъискивался на боярство, хотѣлъ боярскаго сана и боярскихъ вотчинъ; низшая степень — холопъ (не царскій, а боярскій) искалъ казачества, — для него это былъ такой же боярскій санъ и чинъ. Всѣ искали и хватали себѣ побольше личнаго благополучія и вовсе забывали о томъ, что̀ надо было всей Землѣ.

Сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ, и все слышалъ, что̀ тамъ творилось, и прямо называлъ все это дѣло воровствомъ, а всѣхъ заводчиковъ Смуты — ворами. Но онъ не зналъ, какъ помочь бѣдѣ, какъ взяться за дѣло. Онъ было сначала и самъ смѣшался съ холопскою толпою, вмѣстѣ съ боярскими людьми и подъ предводительствомъ холопа Болотникова доходилъ даже до Москвы, а по городамъ сталъ было казнить по своему, даже распинать на стѣнахъ воеводъ, отомщая боярскому сословію всѣ старыя его обиды и общую теперешнюю Смуту. [4]) Но скоро

онъ понялъ, что все это было холопское дѣло, что ему здѣсь кромѣ своихъ боковъ отстаивать и защищать нечего.

Богомольцы въ страхѣ и ужасѣ молили Бога о помощи, призывали всѣхъ къ покаянію, проповѣдывали о грѣхахъ, благочестиво увѣряли, что за грѣхи Богъ всѣхъ и наказываетъ.

Отъ взора богомольцевъ однако не утаилась та очевидность, что главною силою Смуты были служилые люди и потому крѣпкій адамантъ правды и прямоты, патріархъ Гермогенъ прямо къ дворянамъ и обратилъ свои первыя воззванія еще при Шуйскомъ, прося и умоляя опомниться, не заводить Царству погибели и христіанству безчестія. «А міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ», прибавлялъ святитель, останавливая боярскую и дворянскую затѣю ссадить Шуйскаго съ престола. Но какое слово могло остановить взволнованные и помраченные умы?

Богомольцы особенно ужасались разоренія православной вѣры отъ сосѣдскаго Латынства и наконецъ, когда уже близился часъ этого разоренья, они первые, благословеніемъ и словомъ того-же крѣпкаго адаманта патріарха Гермогена, провозвѣстили всему народу, что настало время стать крѣпко и померeть за православіе, а Латынскую силу совсѣмъ изгнать изъ государства. Это было дѣло досточудное и храброе, ибо всѣ уже отчаялись. Ни заступающаго, ни помогающаго не было, ни дѣломъ, ни словомъ. Не токмо вѣру попрать, но хотя бъ на всѣхъ *хохлы* захотѣли (Поляки) учинить, и за то бъ никто слова не смѣлъ молвить, боясь Литвы-Поляковъ и Русскихъ злодѣевъ. Весь народъ того только и ждалъ, чтобъ укрѣпиться на чемъ-нибудь и обрадовался слову патріарха, какъ Божьей вѣсти о спасеніи. Весь народъ своими очами видѣлъ, что за то за все, чего ему надѣлали Поляки и воры, дѣйствительно настало время всѣмъ стать и помереть. Изъ города въ городъ побѣ-

жали безстрашные гонцы съ призывными грамотами, и вскорѣ многіе люди собрались подъ Москву очищать Землю отъ враговъ.

Но это первое движеніе, Ляпуновское, находилось исключительно въ рукахъ того же служилаго разряда людей, который самъ же и завелъ Смуту. Подъ Москву собрались тѣ же ихъ замыслы, какъ бы что захватить въ свои руки, какъ бы самому чѣмъ завладѣть. Господствовали здѣсь понятія, что очищать Землю отъ злодѣевъ значитъ собирать съ нея дани и пошлины и всякіе поборы, владѣть всякими вотчинами, а тамъ пока что Богъ дастъ. Собрались сюда (главными воеводами по крайней мѣрѣ здѣсь были) все люди той же Смуты, отъ которой иные изъ нихъ (Трубецкой и Заруцкій) получили даже боярскіе саны. Да и самый лучшій, передовой человѣкъ изъ этого движенія, Ляпуновъ, извѣстнымъ приговоромъ всего Ополченія о правильной раздачѣ вотчинъ всенародно обличившій своекорыстныя цѣли своихъ товарищей и за то погибшій, тѣмъ именно сначала и прославился, что былъ руководителемъ Смуты противъ Василія Шуйскаго, въ пользу другаго Шуйскаго—Михаила Скопина, а потомъ въ пользу Василія Голицина, стало быть въ пользу тоже своихъ любимыхъ людей и любимыхъ цѣлей. [5]) Конечно его цѣли были истинно-патріотическія, онъ желалъ въ цари человѣка достойнаго; но въ этомъ желаньи было слишкомъ много своего, Ляпуновскаго, что и должно было оскорблять чувство общее, всенародное. Вѣдь и вся Смута исключительно двигалась только личными, своими, а не общеземскими, общественными побужденіями и интересами. Для борьбы съ ней нужны были совсѣмъ другіе люди. Ляпуновъ, въ добавокъ, подлилъ въ огонь масла: онъ призвалъ подъ Москву въ помощь своему ополченію боярскихъ холопей, которыхъ и безъ того уже много бродило по Землѣ, украдкой, самозванно называясь казаками. Всенароднымъ обѣщаніемъ Ляпунова, чтобъ «шли они безо всякаго сумнѣнія и

боязни, всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и инымъ казакамъ, и грамоты имъ на то отъ всей Земли дадутъ», [6]) холопы, прежніе бѣглые и теперь побѣжавшіе, получили законное освобожденіе и потянули къ Москвѣ большими толпами. Кромѣ холоповъ здѣсь были всякіе воры, ерыжные и зернщики, и все это безъименное, гулящее, однимъ разомъ пріобрѣло свободное имя казаковъ и наполнило таборы Заруцкаго и Трубецкаго. Ясно, какого рода была помога со стороны такихъ полковъ. Ляпуновъ самъ же первый и поплатился за свою ошибку.

Ополченіе разстроилось отъ ненадежной, на половину измѣнной и развращенной холопствомъ среды. Лучшіе, настоящіе люди разбѣжались по домамъ.

Сирота-народъ и это все видѣлъ. Онъ, хотя и помогалъ своимъ хребтомъ этому движенію, но не занималъ въ немъ никакого самостоятельнаго мѣста. Онъ видѣлъ, напротивъ, что самостоятельное мѣсто здѣсь было захвачено и отдано его же разорителямъ, боярскимъ холопамъ и всякимъ ворамъ. Дѣло было неладное, а помочь бѣдѣ не доставало смысла. Но пришла, наконецъ, очередь совершить свой подвигъ и сиротѣ-народу, ибо настоящихъ защитниковъ и избавителей нигдѣ уже не видѣлось.

Богомольцы сдѣлали свое дѣло, подняли, возбудили народные умы изображеніемъ страданій и беззащитнаго положенія церкви; поставили этимъ умамъ ясную, опредѣленную задачу—спасти православіе. Служилые люди тоже сдѣлали свое дѣло, собрались спасать Отечество, но не съ той стороны зашли. Своею неспособностью поставить общее дѣло Земли выше своего личнаго дѣла разорили свой трудъ и оставили подъ Москвою преопасное зелье (таборы помянутыхъ холопскихъ казаковъ), которое разъѣдало силы Земли пуще Поляковъ.

Оставалась очередь за «сиротами».

Они въ то время, въ лицѣ своего старосты Козмы, и кликнули свой знаменитый кличъ, что если помогать отечеству, такъ не пожалѣть ни жизни и ничего; не то что думать о какомъ захватѣ, или искать боярскихъ чиновъ, боярскихъ вотчинъ и всякихъ личныхъ выгодъ, а отдать все свое, женъ, дѣтей, дворы, имѣнье, продавать, закладывать, да бить челомъ, чтобъ кто вступился за истинную православную вѣру и взялъ бы на себя воеводство. Этотъ кличъ знаменитъ и по истинѣ великъ, потому что онъ выразилъ нравственный, гражданскій поворотъ общества съ кривыхъ дорогъ на прямой путь. Онъ никѣмъ другимъ не могъ быть и сказанъ, какъ именно достаточнымъ посадскимъ человѣкомъ, который конечно не отъ бѣдной голытьбы, а отъ достаточныхъ же и требовалъ упомянутыхъ жертвъ. Онъ прямо ударялъ по кошелямъ богачей. Если выбрать хорошаго воеводу было дѣломъ очень важнымъ, то еще важнѣе было дѣло собрать денегъ, безъ которыхъ нельзя было собрать и вести войско. Вотъ почему посадскій умъ прямо и остановился на этомъ пунктѣ, а главное—далъ ему въ высшей степени правильную организацію.

Сироты посадскіе, взявшись за дѣло, повели его по своему, совсѣмъ иначе, чѣмъ водилось оно въ дворянскомъ кругу; повели его своимъ умомъ-разумомъ, какъ бывало у нихъ искони-вѣковъ въ обычаѣ на посадѣ. Все у нихъ дѣлалось по выбору, да по мірскому совѣту, да и по всемірному приговору. Людей они выбирали своихъ, даже и въ воеводы. У нихъ самъ никто не овладѣвалъ властью, будь то бояринъ, или думный. Не по боярству они и людей выбирали, а по истиннымъ заслугамъ, лишь были бы такія заслуги всему міру извѣстны.

И вотъ здѣсь-то, въ этотъ моментъ нашей Исторіи, и представляется до крайности любопытное и назидательное зрѣлище: спокойный, вѣчно страдающій и бѣдствующій сирота-народъ двинулся собраннымъ на свои послѣднія деньги Опол-

ченіемъ усмирять буйство своего правительства; двинулся возстановлять въ государствѣ тишину и спокойствіе, нарушенное не имъ, народомъ, а его правительствомъ, которое между тѣмъ всегда жаловалось только на бунты и неповиновеніе народа же; онъ пришелъ спасать, поднимать правительство, изнеможенное въ крамолахъ и смутахъ, запродавшее родную Землю въ иновѣрныя руки; пришелъ выручить изъ бѣды свое правительство, сидѣвшее, по своей же винѣ и въ томъ же Кремлѣ, въ плѣну у Поляковъ.

Ясно, что всѣ герои этого движенія должны быть иные люди, чѣмъ герои прежняго движенія. Они не порывисты, какъ Ляпуновъ, степенны, до крайности осторожны и осмотрительны, а потому медлительны, и отъ того на театральный взглядъ вовсе не замѣчательны и даже не замѣтны. Но такъ всегда бываетъ со всѣми, когда люди работаютъ не для себя, а для общаго дѣла, когда они впередъ выставляютъ не свою личность, какъ Ляпуновъ, а прежде всего это общее дѣло. Общее дѣло, которое несли на своихъ плечахъ наши герои, Мининъ и Пожарскій, совсѣмъ покрыло ихъ личности; изъ-за него ихъ вовсе не было видно, и они вовсе о томъ не думали, видно ли ихъ, или не видно. Напротивъ, личность Ляпунова сильно бросается въ глаза по той причинѣ, что много въ ней театральнаго. Онъ тоже понесъ на своихъ плечахъ общее дѣло, но никакъ не могъ схоронить въ немъ своей Ляпуновской «самости», если можно такъ выразиться. Въ добавокъ, по существу своихъ дѣйствій, онъ является прямымъ революціонеромъ. Онъ низвергаетъ Шуйскаго, объявляетъ волю боярскимъ холопамъ, слѣд. переставляетъ порядки. Такими дѣлами можно было только еще больше раздражать общественныя страсти и давать Смутѣ новый огонь, а не умирять ее. Теперешніе герои всего этого довольно испытали и шли къ своей цѣли уже другою стороною. Они шли не переставлять, а уставлять по старому, уставлять покой и тишину и соединенье государству, «какъ было доселѣ, какъ было при прежнихъ государяхъ». Такъ они сами говорили и писали. Понятно, что по этому пути ничего особеннаго, яркаго, театральнаго, сдѣлать было невозможно. Герои принимаютъ облики рядовыхъ людей и, когда оканчивается ихъ подвигъ, на самомъ дѣлѣ поступаютъ въ рядовые и ничѣмъ театральнымъ не выказываются передъ всенародными очами.

Тѣмъ не меньше Нижегородскій подвигъ въ нашей Исторіи дѣло великое, величайшее изъ всѣхъ нашихъ историческихъ дѣлъ, потому что оно въ полномъ смыслѣ дѣло народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты-народа, у котораго всѣ другія сословія явились на этотъ разъ только помогателями.

Каковъ же былъ первый человѣкъ этого подвига, Козьма Мининъ? Имѣть по возможности близкое къ истинѣ понятіе о замѣчательныхъ личностяхъ своей Исторіи по многимъ отношеніямъ очень важно.

II.

Исторія своими событіями и славою или безславіемъ своихъ дѣятелей всегда и неотразимо, въ томъ или другомъ направленіи, воспитываетъ умы и нравы живущаго поколѣнія. Примѣры, поведеніе и характеры отцовъ и дѣдовъ, а тѣмъ болѣе историческихъ лицъ, всегда оставляютъ свой слѣдъ въ сознаніи потомства. Они возвышаютъ и облагороживаютъ, или принижаютъ и угнетаютъ это сознаніе, даютъ ему бодрость и силу, воспитываютъ твердость и прямоту характера, или ослабляютъ всякій характеръ и разслабляютъ всякій нравъ.

Если, при извѣстной разработкѣ Исторіи, галлерея историческихъ портретовъ составится изъ плутовъ и негодяевъ и по меньшей мѣрѣ изъ лицъ ни на что негодныхъ, то на чемъ же юноша, всегда идеалистъ, воспитаетъ свои идеалы. Вѣдь юность безъ идеаловъ не можетъ пробыть. Не то, такъ другое, не прямое, такъ кривое,—но она неотмѣнно будетъ создавать себѣ путеводные нравственные свѣточи, неотмѣнно будетъ искать нравственную высоту и твердыню, по образцу которой можно было бы установить и свой нравъ и характеръ.

Всѣмъ извѣстно, что древніе, въ особенности Греки и Римляне умѣли воспитывать героевъ.... Это умѣнье заключалось лишь въ томъ, что они умѣли изображать въ своей исторіи лучшихъ передовыхъ своихъ дѣятелей не только въ исторической, но и въ поэтической правдѣ. Они умѣли цѣнить заслуги героевъ, умѣли различать золотую правду и истину этихъ заслугъ отъ житейской лжи и грязи, въ которой каждый человѣкъ необходимо проживаетъ и всегда больше или меньше ею марается. Они умѣли отличать въ этихъ заслугахъ не только реальную и такъ сказать полезную ихъ сущность, но и сущность идеальную, т. е. историческую идею исполненнаго дѣла и подвига, что необходимо и возвышало характеръ героя до степени идеала.

Наше Русское воздѣлываніе Исторіи находится отъ древнихъ совсѣмъ на другомъ, на противуположномъ концѣ. Какъ извѣстно, мы очень усердно только отрицаемъ и обличаемъ нашу Исторію и о какихъ-либо характерахъ-идеалахъ не смѣемъ и помышлять. Идеальнаго въ своей исторіи мы не допускаемъ. Какіе у насъ были идеалы, а тѣмъ паче герои! Вся наша исторія есть темное царство невѣжества, варварства, суесвятства, рабства и такъ дальше. Лицемѣрить нечего: такъ думаетъ великое большинство образованныхъ русскихъ людей. Ясное дѣло, что такая Исторія воспитывать героевъ не можетъ, что на юношескіе идеалы она должна дѣйствовать угнетательно. Самое лучшее, какъ юноша можетъ поступить съ такою исторіею, это—совсѣмъ не знать, существуетъ ли она. Большинство такъ и поступаетъ.... Но не за то ли самое это большинство Русской образованности несетъ можетъ быть очень справедливый укоръ, что оно не имѣетъ почвы подъ собою, что не чувствуетъ въ себѣ своего историческаго національнаго сознанія, а потому, и умственно, и нравственно носится попутными вѣтрами во всякую сторону.

Дѣйствительно, твердою опорою и неколебимою почвою для національнаго сознанія и самопознанія всегда служитъ національная Исторія. Народности именуются историческими, въ отличіе отъ кочевыхъ, единственно по той причинѣ, что занимаютъ во всемірной Исторіи свое особое историческое мѣсто, свойственное выработанной народомъ его собственной

Исторіи. Съ этого историческаго мѣста никакую народность сдвинуть нельзя, и сама народность, еслибъ и хотѣла, сдвинуться съ него не можетъ. Однако при этомъ должно также разумѣть, что пріобрѣтая во Всемірной Исторіи почетное или непочетное, но свое особое мѣсто, народность необходимо заработала чѣмъ либо это право сидѣть, хотя бы и въ послѣднихъ, но въ ряду другихъ историческихъ народовъ. Слѣдовательно и у такой послѣдней народности были свои добрыя плодотворныя идеи, свои добрые идеалы въ развитіи жизни, были свои герои, строители и воздѣлыватели этой жизни. Безъ того Исторіи, какъ и исторической народности не бываетъ. Все это и составляетъ содержаніе каждой національной Исторіи.

Не обижена Богомъ въ этомъ отношеніи и Русская Исторія. Есть, или должны находиться и въ ней добрые общечеловѣческіе идеи и идеалы, свѣтлые и высоконравственные герои и строители жизни. Намъ только надо хорошо помнить правдивое замѣчаніе античныхъ писателей, что «та или другая слава и знаменитость народа или человѣка въ исторіи зависитъ вовсе не отъ славныхъ или безславныхъ дѣлъ, вовсе не отъ существа историческихъ подвиговъ, а въ полной мѣрѣ зависитъ отъ искусства и умѣнья, или даже отъ намѣренія писателей изображать въ славѣ или уничижать народныя дѣла, какъ и дѣянія историческихъ личностей». Конечно добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, скорѣе разносится и скорѣе попадаетъ на глаза, и потому вообще отрицать, осуждать и охуждать несравненно легче, чѣмъ доискиваться положительныхъ достоинствъ, всегда глубоко сокрытыхъ и въ лицахъ и въ событіяхъ. Но наука требуетъ истины, а искусство какъ выразитель самой жизни, именно со стороны ея идеаловъ, никогда не можетъ удовлетворяться тенденціями одного только осужденія и отрицанія. Оно въ своей сущности всегда стоитъ

на положительной основѣ. Точно такъ же, какъ и наука, оно ищетъ той же правды и только иначе возсоздаетъ ее.

Если историческая правда, или историческая ложь въ изображеніи событій и характеровъ, неизбѣжно воспитываетъ умы и нравы живущаго поколѣнія, или по крайней мѣрѣ оставляетъ въ нихъ свой неизгладимый слѣдъ, дѣйствующій и въ мысляхъ и въ поведеніи живущихъ людей, то, при такомъ, можно сказать, жизненномъ значеніи историческихъ сказаній и повѣстей, настоитъ великая необходимость обращаться съ историческимъ матеріаломъ какъ возможно внимательнѣе и разборчивѣе, дабы при изысканіи и раскрытіи п р а в д ы, не принять за правду недостойную ложь. Въ этомъ заключается основная задача ученыхъ изысканій. Но таже задача должна руководить и созданіями художниковъ, такъ какъ подобныя созданія сильнѣе, осязательнѣе, ярче воспроизводятъ, а стало быть и распространяютъ, и правду, и ложь. Съ этой стороны положеніе нашихъ художниковъ не совсѣмъ отрадно.

Обыкновенно при постановкѣ исторической Русской картины живописной, пластической, драматической и всякой другой, они встрѣчаютъ неодолимыя затрудненія въ изученіи задуманнаго сюжета и особенно его лицъ. Въ общемъ историческомъ повѣствованіи всякая личность, задерживаемая въ своихъ дѣяніяхъ или ходомъ событій или ходомъ самаго разсказа, теряетъ по необходимости очень многое изъ своего характера и притомъ нерѣдко теряетъ самыя живыя свои черты, столько цѣнимыя художниками. Отдѣльныхъ біографій у насъ очень немного, да и тѣ по большой части писаны безъ всякой критики, а иныя съ безсознательною мыслью, что если описывать героя, такъ непремѣнно нужно со всѣхъ сторонъ его хвалить и выгораживать отъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, такъ точно какъ, въ другой крайности, иные безъ малѣйшей же критики возводятъ на нихъ разныя небылицы и напрас-

лины. Такимъ образомъ художнику почти не бываетъ возможности добиться настоящаго толку, какой правдивый историческій смыслъ и какой правдивый личный характеръ имѣетъ избранная личность? Естественно, что историческія картины очень рѣдко намъ удаются и именно только потому, что историки мало, или вовсе не помогаютъ художникамъ. Единственнымъ источникомъ художественныхъ историческихъ созерцаній остается и до сихъ поръ все тотъ же Карамзинъ, который по свойствамъ своего таланта былъ въ дѣйствительности настоящимъ художникомъ и въ своей исторіи руководился сколько голою правдою, столько же и поэзіею, родною силою для каждаго художника, а къ тому еще имѣлъ достойную памяти привычку обставлять свои общія описанія и изображенія частными примѣчаніями, гдѣ всегда можно встрѣтить живыя черты времени и лицъ.

При этомъ строгіе судьи и отрицатели увѣряютъ, что источники нашей Исторіи очень скудны и потому всѣ наши историческія личности неясны, тусклы, освѣщены неправильнымъ, фальшивымъ свѣтомъ, при помощи уже нашего воображенія. Но, чтобы такъ говорить, надо попытать порыться въ источникахъ; быть можетъ, они будутъ на столько достаточны, что изъ неяснаго и тусклаго выйдетъ ясное и свѣтлое. Мы вообще убѣждены, что источники тутъ не причина. Если можетъ что̀ затруднить дѣло, такъ это только самая работа надъ источниками, тяжелая, мелочная, до крайности скучная, въ которой сохнетъ умъ, вянетъ воображеніе, но за то выростаетъ достовѣрность. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ обременять художниковъ не возможно, и отъ нихъ требовать подобнаго изученія несправедливо. Здѣсь должны начать свое дѣло труженики науки. Художникъ совершенно справедливъ, когда говоритъ, что источники нашей Исторіи очень скудны, ибо у него въ умѣ совсѣмъ другое понятіе

объ источникѣ, чѣмъ у труженика науки. Для художника источникомъ служитъ вообще что-либо обработанное, цѣльное, полное, въ родѣ обстоятельнаго изслѣдованія, цѣлой повѣсти, разсказа и т. п.; труженикъ науки принимаетъ за источникъ одинъ намекъ, одно указаніе изъ двухъ-трехъ словъ, и изъ такихъ мелочей уже лѣпитъ свою мозаику, для которой крѣпкимъ цементомъ должна быть только здравая критика. Очень понятно, что работа труженика науки и есть источникъ для художника, и вотъ почему надо очень желать, чтобы наука помогала въ этомъ случаѣ художеству.

Недавно художественная исторія (въ сочиненіи г. Костомарова: Личности Смутнаго Времени) изобразила намъ Минина слѣдующими широкими чертами: «Это былъ человѣкъ тонкій и хитрый, съ крѣпкою волею, крутаго нрава, человѣкъ въ полномъ значеніи слова практичный, т. е. такой, который, идя къ цѣли, выбираетъ ближайшій путь и не останавливается ни передъ какими бы то ни было тягостями и бѣдствіями для другихъ, не заботится о томъ, что̀ произойдетъ послѣ, лишь бы скорѣе была достигнута намѣченная цѣль».

Сначала Мининъ разыгрываетъ передъ Нижегородцами роль театральнаго пророка, говоритъ имъ о видѣніи св. Сергія съ цѣлью «показать себя человѣкомъ, осѣненнымъ благодатію, навести на слушателей обаяніе чудесности и такимъ образомъ внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ и заставить покоряться своей волѣ». Словомъ сказать, онъ «не считаетъ безнравственнымъ обманывать людей чудесами для хорошей цѣли». Затѣмъ онъ выпрашиваетъ у народа крѣпкую диктатуру и изъ пророковъ является жестокимъ, по театральному, диктаторомъ, который, чтобы собрать деньги, пускаетъ въ продажу бѣдняковъ и тѣмъ «накатываетъ» на Русь большое внутреннее зло, порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ, зло, котораго послѣдствія очень чувство-

вались и при царѣ Михаилѣ. Вообще рука этого человѣка была тяжела, мѣры его были круты и жестоки, но конечно неизбѣжны. По видимому онъ умышленно выбралъ въ воеводы и Пожарскаго (какъ человѣка дюжиннаго и малоспособнаго) съ тою цѣлью, чтобъ удобнѣе было самому одному безусловно всѣмъ распоряжаться. Наконецъ, по случаю одного дѣла, видится, что и способы обращенія его съ собранною земскою казною не совсѣмъ были безкорыстны. Таковъ новый портретъ Минина. [7])

Источники чертятъ намъ совсѣмъ другое лицо. Существуетъ дѣйствительно легенда (въ спискѣ XVIII в.) въ которой, по правдѣ сказать, мы очень сомнѣваемся, но которая извѣщаетъ что Мининъ, выйдя на свой подвигъ, заявилъ народу о видѣніи ему св. Сергія, то есть началъ дѣло, такъ сказать, благословясь. Легенда разсказываетъ коротко, что, при полученіи въ Нижнемъ Троицкой грамоты, Мининъ на городскомъ совѣтѣ объявилъ: «Св. Сергій явился мнѣ и повелѣлъ возбудить спящихъ. Прочтите же грамоту Троицкихъ властей въ соборѣ, а (потомъ) что̀ Богъ велитъ!..» Тутъ стряпчій Биркинъ «сумняшеся», но чему именно, легенда не отмѣчаетъ. Козьма же рече ему: «Аще хощеши, исповѣдаю тя православнымъ. Той же умолча». И только! [8])

Нельзя сомнѣваться, что эта легенда составлена уже послѣ, какъ составлялись и составляются всѣ легенды, какъ пишется и легенда-исторія, т. е. обычными пріемами вообразительнаго творчества. Одна голая мысль, одно голое слово, голое свидѣтельство, какъ простыя отвлеченности, облекаются въ одежду живой реальности, въ одежду жизненнаго вещества, пріобрѣтаютъ плоть, воплощаются въ живые образы. Въ настоящемъ случаѣ голое свидѣтельство заключалось въ томъ, что, по преданію, Мининъ самъ послѣ сказывалъ знаменитому архимандриту Троицкой Лавры Діонисію, что возбужденъ былъ

къ своему подвигу явленіемъ ему прп. Сергія еще въ Нижнемъ Новгородѣ. Намъ здѣсь не слѣдуетъ разсуждать о томъ, что монастырскіе Троицкіе писатели, келари, Аврамій Палицынъ и Симонъ Азарьинъ, столько были привязаны къ своей обители, что всякій важный подвигъ въ государствѣ естественно приписывали почину, вліянію, покровительству, назиданію именно ихъ обители; что ихъ обитель во всякое время была источникомъ всякаго добра и блага для Русской земли; что имя св. Сергія по всюду являлось чудесною, спасительною силою во всѣхъ трудныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ Отечества. Они были вполнѣ правы и ничего новаго не говорили, когда такъ, а не иначе, разумѣли значеніе своей обители. Ихъ мысли были общимъ искреннимъ убѣжденіемъ для всего Московскаго народа и особенно для его владѣющей и правящей среды. Эта слава монастыря утвердилась еще при жизни прп. Сергія достославною побѣдою на Куликовомъ полѣ, которая была одержана по его благословенію. Съ той поры Московскіе государи постоянно ходили на поклоненіе къ «великому отцу и чудотворцу Сергію, заступнику и крѣпкому молитвеннику и скорому помощнику» во всякихъ напастяхъ и трудныхъ случаяхъ.

Очень естественно, что послѣ Смутнаго Времени въ монастырѣ осталось преданіе, что Минину, наканунѣ его подвига, было явленіе прп. Сергія. Келарь Симонъ Азарьинъ, спустя сорокъ лѣтъ послѣ Смуты, записалъ это событіе въ число новоявленныхъ чудесъ преподобнаго. Намъ неизвѣстно, съ какими подробностями оно тамъ записано, но было бы почти удивительно, еслибъ оно не попало въ монастырскую лѣтопись. Подвигъ Минина, когда онъ достославно окончился, представлялся самъ по себѣ чудомъ. Самъ Мининъ былъ чудомъ между современниками. Какъ, въ такомъ незамѣтномъ чинѣ совершить такое великое и благодатное дѣло! По убѣжденію вѣка, это

не могло произойдти безъ наитія Божіей благодати, и самъ Мининъ былъ потомъ искренно и религіозно убѣжденъ, что онъ только орудіе Промысла. Такъ въ то время мыслили люди и не могли иначе мыслить, по той причинѣ, что во всѣхъ дѣлахъ своихъ видѣли или благословеніе, или наказаніе Божіе, или козни и ненависть врага роду человѣческому. Поэтому сила видѣній, искреннихъ и истинныхъ, для тогдашней мысли и чувства, была силою всего тогдашняго умоначертанія. Въ образѣ видѣнія могла воплощаться даже теплая молитва о Божіей помощи. И нѣтъ ничего удивительнаго, что такимъ путемъ въ дѣйствительности имѣлъ видѣніе и знаменитый Мининъ. Но все дѣло въ томъ, былъ ли фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ приводимая выше легенда? Какъ бы ни было, но существовало, уже послѣ смерти Минина, преданіе о видѣніи и существовало конечно, въ монастырѣ, который приписывалъ своимъ грамотамъ особенное дѣйствіе именно въ Нижнемъ Новгородѣ. Современные лѣтописцы и даже келарь Аврамій объ этомъ ничего не знаютъ, а именно Аврамій никакъ бы не пропустилъ въ своемъ сочиненіи такого важнаго для его цѣли факта. Онъ, напротивъ, о Мининѣ говоритъ какъ-то вскользь, мимоходомъ, не останавливая на немъ особаго вниманія. Между тѣмъ задачею его сочиненія были слава чудесъ прп. Сергія и слава своего монастыря.

По сказанію келаря Симона, какъ оно сокращено въ житіи Преп. Сергія, написанномъ митр. Филаретомъ, Мининъ введенъ былъ въ подвигъ, превышающій его званіе, слѣдующими обстоятельствами: Онъ былъ человѣкъ благочестивый и имѣлъ обычай по временамъ удаляться въ особую храмину для молитвы. Однажды въ этой храминѣ (на молитвѣ) явился ему Преп. Сергій и повелѣвалъ собирать казну для ратныхъ и идти на очищеніе Москвы отъ враговъ. Козьма, опомнясь, былъ въ великомъ страхѣ, однако ни на что не рѣшился, думая, что

устроеніе рати совсѣмъ не его дѣло. Видѣніе повторилось, но онъ по прежнему остался въ тѣхъ же мысляхъ. Преподобный явился ему въ третій разъ и возобновилъ свое повелѣніе уже съ прещеніемъ, присовокупивъ, что есть Божіе изволеніе помиловать православныхъ христіанъ и отъ великаго смятенія привести въ тишину; что старѣйшіе въ городѣ не столько войдутъ въ поручаемое Козьмѣ дѣло, сколько меньшіе, и что начинаніе ихъ приведется къ доброму концу. Въ трепетѣ отъ этого новаго явленія, Козьма даже заболѣлъ, раскаялся въ своей неподвижности и, рѣшаясь исполнить повелѣнное, сталъ думать, какъ начать дѣло. Вскорѣ онъ былъ избранъ всѣмъ городомъ въ земскіе старосты. Онъ принялъ этотъ случай, какъ Божье указаніе о томъ, что надо дѣлать и началъ въ Земской Избѣ со слезами всѣмъ говорить о бѣдствіяхъ Отечества, выставляя на видъ бездѣйствіе своихъ согражданъ. Одни отъ такихъ рѣчей уходили съ насмѣшками, но иные, особенно изъ меньшихъ, приняли ихъ къ сердцу и послѣ размышленій и разсужденій укрѣпились и утвердили знаменитый приговоръ, что во всемъ будутъ Козьму слушать. Начался сборъ казны и Козьма первый же положилъ передъ людьми почти все свое имѣнье.

Объ этихъ явленіяхъ Преподобнаго самъ Козьма, на походѣ съ Пожарскимъ къ Москвѣ, разсказалъ Троицкому архимандриту Діонисію. Въ народѣ, такимъ образомъ, уже послѣ событій, могла распространиться молва объ этихъ чудныхъ явленіяхъ.

Однако народъ, въ началѣ, необходимо получалъ этою молвою одно короткое простое свѣдѣніе, простое извѣстіе о видѣніи, что Козьмѣ являлся преп. Сергій. Для народнаго ума этого было недостаточно. У него является тотчасъ потребность обставить это извѣстіе соотвѣтствующими обстоятельствами, и такимъ образомъ является разсказъ-легенда о томъ, какъ было дѣло,

при какихъ обстоятельствахъ. Выходитъ на сцену и сомнѣвающійся, и никто другой, какъ именно Биркинъ, самъ человѣкъ весьма сомнительныхъ достоинствъ по своимъ измѣннымъ поступкамъ. Ясно, что легенда, рисуя одно только начало, знаетъ уже конецъ, т. е. всю послѣдующую исторію событія, и въ сущности рисуетъ очень правильно историческія роли своихъ лицъ. Но она дальше не пошла и подробнѣе ничего не сказала, а этого, въ свою очередь, недостаточно стало для Исторіи. На помощь легендѣ явился историкъ и разрисовалъ своими красками уже самую легенду.

«Когда разсуждали о мѣрахъ для возбужденія Нижегородцевъ ко всеобщему возстанію, Launинъ всталъ и, какъ вдохновенный, сказалъ: Св. Сергій явился мнѣ сегодня ночью и повелѣлъ возбудить уснувшихъ... Биркинъ усомнился въ справедливости словъ Минина, но былъ обличенъ имъ. «Или хочешь ты, сказалъ ему Козьма, чтобъ я открылъ православнымъ то, что̀ замышляешь ты?» Биркинъ замолчалъ, и всѣ согласились съ мнѣніемъ Минина».

Другой варіантъ того же автора: «Во время совѣта, Мининъ сказалъ: Св. Сергій явился мнѣ нынѣ во снѣ и повелѣлъ возбудить уснувшихъ.... Стряпчій Биркинъ противорѣчилъ (уже не сомнѣвался!), но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ ему, что онъ догадывается о его замыслѣ» 9).

Третій варіантъ другаго историка: «Мининъ сказалъ: мнѣ было видѣніе, явился Св. Сергій во снѣ и повелѣлъ разбудить спящихъ. Тутъ стряпчій Биркинъ, недоброхотъ Минину, сказалъ: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!» Этотъ Биркинъ былъ человѣкъ двусмысленнаго поведенія и служилъ прежде Тушинскому вору. За нимъ водились грѣхи; Мининъ зналъ про нихъ, могъ обличить его и сказалъ ему теперь тихо: «Молчи,—а не то я тебя выявлю передъ православными!» Биркинъ принужденъ былъ прикусить языкъ. Видѣніе Минина пошло за правду...»

Четвертый варіантъ — того же автора: «Мининъ заявилъ народу, что ему были видѣнія (уже не одно!), являлся Св. Сергій. «Не было тебѣ никакого видѣнія!» сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ бы холодною водою окатившій восторженное заявленіе Козьмы Минича. — «Молчи! сказалъ ему Козьма М. и тихо пригрозилъ объявить православнымъ то, что̀ зналъ за Биркинымъ; и Биркинъ долженъ былъ замолчать». 10)

Изъ этихъ разнорѣчій одного и того же простаго свидѣтельства мы можемъ составить себѣ весьма наглядное понятіе о томъ, какъ создаются, органически наростаютъ всякія легенды и всякія сказанія, какъ они постепенно одѣваются красками воображенія и поэзіи. Къ простому свѣдѣнію: «явился мнѣ», прибавляется незамѣтно новое свѣдѣніе: «сегодня ночью», или: «нынѣ во снѣ»; къ простому слову «сказалъ», прибавляется; «тихо пригрозилъ»; потомъ: «вдохновенный, восторженный, холодная вода, прикусилъ языкъ», и т. д.

И все это очень понятно, когда легенда переходитъ изъ устъ въ уста въ народѣ. На этотъ счетъ народъ—всегда поэтъ и художникъ, свободно создающій изъ встрѣченнаго имъ матеріала всякія сказанія. Но совсѣмъ уже непонятно, когда тѣмъ же самымъ путемъ легенда переходитъ изъ страницы въ страницу въ Исторіи, всегда претендующей на строгую критику источниковъ и на свою ученость, всегда грозящей «безпощаднымъ ножемъ критическаго анализа»!

Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ. Исторія, вообще говоря, столько же искусство, сколько и наука. Но искусство-то именно и требуетъ,

чтобы сухой и тощій фактъ былъ возстановленъ по крайней мѣрѣ въ своей поэтической правдѣ, если въ немъ недостаточно видна правда въ собственномъ смыслѣ историческая, т. е. правда живой дѣйствительности, критически провѣренной наукою. А какую же поэтическую правду возстановляютъ здѣсь почтенные историки!...

О Биркинѣ первоначальное показаніе говоритъ: «Биркинъ же сумняшеся»... и только! Оно не отмѣчаетъ, въ чемъ? Ибо, по смыслу легенды, онъ могъ сомнѣваться и въ начинаніи дѣла или, вѣрнѣе, могъ отрицать это начинаніе, чтобъ оно не заводилось, такъ какъ не въ томъ были его выгоды. Вотъ почему первый варіантъ нерѣшительно говоритъ, что Биркинъ усомнился въ справедливости словъ Минина; второй уже отступаетъ отъ неясности и прямо говоритъ, что Биркинъ противорѣчилъ, сталъ противорѣчить. Но чему? Какимъ словамъ или какой мысли? Замѣчаніе Минина, что онъ догадывается о его замыслѣ и готовъ всѣмъ разсказать, объясняетъ дѣло не иначе, что Биркинъ противорѣчилъ именно начинанію подвига. Остальные два варіанта останавливаются только на видѣніи и заставляютъ Биркина сказать: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!» Мининъ отвѣчаетъ ему т и х о: «молчи, а не то» и пр. Биркинъ прикусилъ языкъ, и видѣніе пошло за правду!

Легенда очень просто выставила Биркина сумнительнымъ, ибо уже знала подробно о томъ, что онъ сдѣлаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Казани и въ Ярославлѣ, гдѣ остановилось двинувшееся Нижегородское ополченіе и куда къ нему въ помогу Биркинъ привелъ ратныхъ изъ Казани. Въ Казани онъ замыслилъ другое. Въ Ярославлѣ онъ содѣялъ многую смуту, хотѣлъ быть въ начальникахъ, и такую пакость содѣялъ, что едва межъ себя бою не сотворили, и потому вся Нижегородская рать откинула его. Вотъ о чемъ могъ быть у

него споръ съ Мининымъ. Впрочемъ въ первыхъ грамотахъ Ополченія Биркинъ стоитъ вторымъ лицомъ послѣ Пожарскаго, слѣд. тоже участвуетъ въ собраніи. Вначалѣ они вмѣстѣ собираются вести Ополченіе подъ Москву. Потомъ уже Биркинъ былъ посланъ въ Казань за ратными, гдѣ сошелся съ Шульгинымъ, и оба замыслили властвовать въ Казани и богатиться, а для того радовались продолженію Смуты, и тому, что Москва за Литвою. Свѣдѣніе объ этомъ Мининъ и все Ополченіе получили отъ возвратившихся изъ Казани своихъ пословъ изъ духовенства. [11])

Словомъ сказать, Биркинъ въ Казани измѣнилъ Ополченію. Зналъ ли впередъ самъ Мининъ, что Биркинъ измѣнитъ, неизвѣстно. Но легенда объ этомъ очень хорошо знала, ибо составлялась послѣ всѣхъ этихъ событій. Видимо, что Мининъ подозрѣвалъ его и для того отпустилъ съ нимъ поповъ, какъ людей болѣе вѣрныхъ, которые, возвратясь, и разсказали объ измѣнѣ. Но все-таки это извѣстіе поразило Нижегородское ополченіе. Тогда всѣ ратные люди возложили упованіе на одного Господа и, помянувъ Іерусалимское плѣненіе, какъ по разореніи Іерусалима собрались послѣдніе люди Іудеи и, пришедъ подъ Іерусалимъ, очистили его; такъ и Московскаго государства п о с л ѣ д н і е люди, собравшись, пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Такими чертами рисуютъ это обстоятельство лѣтописцы и тѣмъ указываютъ, что Нижегородцы, хотя и имѣли причины подозрѣвать Биркина, но такой развязки дѣла вовсе не ожидали.

Такимъ образомъ легенда остается легендою и, въ качествѣ историческаго свидѣтельства, въ Исторію принята быть не можетъ, какъ не могутъ быть туда же приняты напр. всѣ легенды о смерти Сусанина, созданныя точно также изъ одного голаго свидѣтельства, что онъ былъ замученъ Поляками, не сказавши, гдѣ находится царь Михаилъ. На легенды смѣшно

даже поднимать и безпощадный ножъ критическаго анализа. Ихъ область Поэзія, а не Исторія. Другое дѣло, если онѣ напрашиваются быть свидѣтельствами исторически-достовѣрными, какъ иные разсуждаютъ о легендахъ Сусанина и какъ разсуждаютъ даже историки о настоящей легендѣ Минина. Но и въ этомъ случаѣ достаточно одного здраваго смысла, чтобы рѣшить дѣло.

Нельзя, основываясь на легендѣ, сочинять характеръ исторической личности и размышлять о томъ, какъ эта личность сказала такое-то слово: тихо или громко, между тѣмъ какъ личность вовсе такого слова никогда и не говорила, а сказывала за нее это слово легенда, спустя много лѣтъ уже по смерти личности. Нельзя, слѣд., выводить отсюда и никакихъ заключеній о томъ, что Мининъ былъ способенъ обмануть народъ своимъ видѣніемъ, хотя бы и для хорошей цѣли.

Минину совсѣмъ не нужно было обманывать народъ чудесами, чтобъ внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ. Онъ въ Нижнемъ занималъ такое положеніе, которое и безъ того внушало уваженіе къ его рѣчамъ и совѣтамъ. Онъ былъ земскій староста, былъ начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ у своей братьи, посадскихъ людей, вручившихъ ему эту должность разумѣется неиначе, какъ по общему мірскому выбору; слѣд. онъ и безъ того былъ человѣкъ замѣтный въ народѣ и уважаемый. Художествомъ онъ былъ говядарь, не гуртовщикъ, а «продавецъ мяса и рыбы». Его промыслъ или богатство, торговые обороты, оцѣнивались въ 300 р.,—достатокъ не малый по тому времени, но и не великій, если лѣтописецъ прибавляетъ вообще, что онъ «убогою куплею питался».

Если онъ былъ избранъ еще прежде начальникомъ судныхъ дѣлъ у своей братьи, то, намъ кажется, это одно уже до-

статочно рисуетъ его личность. Намъ кажется, что онъ за то былъ избранъ въ судные начальники, что не былъ способенъ дѣлать подлоги и обманы, хотя бы и съ хорошею цѣлью. Онъ занималъ свою должность по выбору народа, а не по назначенію правительства, въ чемъ есть великая разница, и трудно представить себѣ, чтобы народъ добровольно посадилъ себѣ на хребты человѣка сомнительныхъ достоинствъ, когда при выборѣ людей въ подобныя должности всегда народомъ же ставились и неизмѣнныя условія, чтобъ человѣкъ былъ добръ (въ общемъ обширномъ смыслѣ), разуменъ, душею прямъ.

«А судится Шуяномъ, посадскимъ людемъ, по сей нашей уставной грамотѣ межъ себя самимъ по прежнему,—говоритъ Царь Василій Шуйскій посаду города Шуи.—А кому ихъ судити и управа межъ ими чинити и наши четвертные доходы сбирати по книгамъ сполна,—и Шуяне, посадскіе люди, всѣмъ посадомъ выбираютъ межъ себя въ излюбленные въ земскіе судьи, по годомъ, посадскихъ же лутчихъ (по богатству) и середнихъ (по богатству) людей, добрыхъ и просужихъ, которые бъ были душею прямы и всѣмъ имъ посадскимъ людемъ были любы...» [12])

Земскій староста, начальникъ судныхъ дѣлъ, долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя конечно не могли быть худыя или сомнительныя черты. Не въ игрушки же народъ игралъ, поручая управлять своими дѣлами и судить себя кому ни попало, или людямъ хитрымъ, крутаго нрава, съ тяжелою рукою, вообще диктаторамъ. Диктаторовъ-то пуще всего народъ и не терпѣлъ, когда самъ выбиралъ людей, и по закону черезъ годъ же могъ смѣнять ихъ безвозвратно. А диктаторъ Мининъ, на оборотъ, изъ земскихъ старостъ посада былъ утвержденъ даже выборнымъ отъ всей Земли. Чтобы

понять такія несообразности, надо представить себѣ Нижегородскій народъ народомъ театральнымъ, пейзаномъ, который поступаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по заученному ходу пьесы. Къ сожалѣнію въ исторіяхъ весьма часто народъ такъ и представляется.

III.

Когда, по вызову Минина, Нижегородцы рѣшились помочь Отечеству, по своему, своимъ умомъ и обычаемъ, то первымъ ихъ дѣломъ былъ выборъ воеводы. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что въ этомъ случаѣ выборъ былъ свободный, всѣмъ міромъ, хотя иные описываютъ вообще, что все устроилъ Мининъ, что онъ же «совосприподобилъ» и князя Пожарскаго. Но такъ говорятъ, съ понятною симпатіею къ Минину, именно тѣ лѣтописцы, которые и все Нижегородское событіе, по его внутреннему смыслу, сливаютъ въ одно имя Минина. Здѣсь лѣтописцы стоятъ на общей, высшей, идеальной точкѣ зрѣнія въ изложеніи событія и не вдаются ни въ какія частныя, реальныя подробности. Здѣсь несомнѣннымъ фактомъ является не подробность, а смыслъ и значеніе всего дѣла. Но какъ скоро они сходятъ на землю и описываютъ, какъ на самомъ дѣлѣ происходило событіе, то касаются и подробностей, которыя и являются уже фактами. Они тутъ и говорятъ, что выборъ воеводы происходилъ всѣмъ міромъ. Конечно, очень вѣроятно, что одинъ изъ первыхъ на Пожарскаго указалъ Мининъ. Но по какой причинѣ, съ какою цѣлью, почему именно указалъ на Пожарскаго, а не на кого другаго? Историки отрицатели объ этомъ ничего не знаютъ. Они видятъ только, что Мининъ хотѣлъ Пожарскаго, а Пожарскій потомъ хотѣлъ Минина; а откуда возникла такая взаимность, они не знаютъ. По портрету Пожарскаго, ими же написанному, они допуска-

ютъ предположеніе, весьма вѣроятное по ихъ замѣчанію, что Мининъ умышленно пригласилъ въ воеводы такого князя, «чтобы удобнѣе было самому безусловно всѣмъ распоряжаться».

Посмотримъ на этотъ портретъ.

Лицо Пожарскаго, по начертанію отрицающихъ историковъ, не имѣло никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей. «Это былъ человѣкъ малоспособный. Онъ не совершилъ ничего необыкновеннаго, дѣйствовалъ за урядъ съ другими, не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушались. Онъ самъ сознавалъ за собою духовную скудость. Въ званіи главноначальствующаго онъ дѣлалъ поступки, которые современники считали ошибками. Онъ отшелъ къ Москвѣ чрезвычайно медленно, сворачивалъ съ дороги, ѣздилъ въ Суздаль кланяться гробамъ своихъ отцовъ; а между тѣмъ всѣ умоляли его идти скорѣе и онъ очень хорошо зналъ, въ какой опасности была Москва. Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвой, онъ почти не показалъ своей личности. Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданиномъ и государственнымъ человѣкомъ? Къ сожалѣнію тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ ничего. Мы знаемъ только, что подъ его предводительствомъ происходили ссоры, несогласія, и онъ долго не могъ съ ними сладить. Конечно, прямо возводить за это на него вину мы не можемъ, потому что ничего не знаемъ. Почему его выбрали въ воеводы, мы находимъ себѣ удовлетвореніе въ одномъ: мы полагаемъ, что этотъ человѣкъ заслужилъ уваженіе за безупречность поведенія, за то, что не приставалъ, подобно многимъ, ни къ Полякамъ, ни къ Шведамъ, ни къ Русскимъ ворамъ. Но если это и способствовало его выбору, то едвали было единственною на то причиною.

Были лица не менѣе его безупречныя и болѣе его заявившія о своихъ способностяхъ. Современники и самъ царь не считали за нимъ особыхъ великихъ заслугъ Отечеству, которыя бы выводили его изъ ряда другихъ; не считали его, подобно тому какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси.... Такимъ образомъ, держась строго источниковъ, мы должны представить себѣ Пожарскаго совсѣмъ не такимъ лицомъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ; мы и не замѣчали, что образъ его созданъ нашимъ воображеніемъ по скудости источниковъ... Это неболѣе, какъ неясная тѣнь, подобная множеству другихъ тѣней, въ видѣ которыхъ наши источники передали потомству историческихъ дѣятелей прошлаго времени.»

Однако въ нарисованныхъ чертахъ достаточно выясняется одно, что это былъ человѣкъ дюжинный, малоспособный. Оттого Мининъ и указалъ на этого человѣка, руководясь своими цѣлями. Но чтоже Нижегородскій народъ! Этотъ умный, торговый, промышленный народъ, умѣвшій всякому дѣлу дать счетъ и мѣру; народъ самостоятельный, какъ сама Волга, на которой онъ жилъ и по которой хозяйничалъ своими промыслами; народъ, который во всю смутную эпоху ни разу не поколебался ни въ какую сторону, первый же, въ одно время съ Ляпуновымъ и независимо отъ него, поднялся по призыву патріарха Ермогена; въ теченіи всего времени постоянно сносился съ патріархомъ, и на письмѣ, и на словахъ, посредствомъ своихъ безстрашныхъ людей, посадскаго человѣка Свіяженина Родіона Мосѣева и боярскаго сына Романа Пахомова, провѣдывая, что творится въ Москвѣ, совѣтуясь, какъ помочь бѣдѣ; этотъ народъ, который по своей окраинѣ, во все смутное время былъ самымъ живымъ побудителемъ на подвигъ ко всякому доброму и прямому дѣлу? Не говоримъ о тамошнемъ (Нижегородскомъ) воеводѣ, о самомъ Иванѣ Биркинѣ, о другихъ слу-

жилыхъ людяхъ, совмѣстникахъ и соперникахъ Пожарскому по чину и по званію, которые ни за что не уступили бы Минину въ выборѣ человѣка именно дюжиннаго, малоспособнаго, рядоваго. Но мы уже упомянули, что иные наши историки смотрятъ на исторію, какъ на театральную сцену, гдѣ уже заранѣе извѣстно, что̀ совершится, и гдѣ, главное, народъ ведетъ себя такъ, какъ написано историками въ пьесѣ: молчитъ и тупо смотритъ, когда должны дѣйствовать герои. И вотъ Мининъ размахиваетъ руками, повелѣваетъ печерскому архимандриту Ѳеодосію и первому по старшинству дворянину Ждану Болтину идти къ Пожарскому послами; повелѣваетъ, выбравъ отъ всѣхъ чиновъ лучшихъ людей, послать ихъ съ послами, какъ представителей мірскаго совѣта. Народъ молчитъ, тупо смотритъ и исполняетъ повелѣнное.

Точно также поступаетъ и Пожарскій, когда посольство приходитъ къ нему. Онъ требуетъ, чтобы изъ посадскихъ выбрали хорошаго человѣка для сбора казны. Послы было замялись, кого же избрать? Но герой «не далъ имъ долго ломать головы» и указалъ Минина. Народъ, по театральному, уже «естественно долженъ былъ выбрать того, кого желалъ приглашаемый начальникъ». Таковъ русскій историческій народъ! Самъ онъ ни о чемъ не размышляетъ и не разсуждаетъ, а исполняетъ только повелѣнное. По приказу Минина выбираетъ Пожарскаго, по приказу Пожарскаго выбираетъ Минина, а между тѣмъ все дѣлаетъ по мірскому совѣту, на мірской сходкѣ, общимъ земскимъ собраніемъ, удерживая эту форму своихъ разсужденій въ теченіи всей своей Исторіи на перекоръ всѣмъ напастямъ и невзгодамъ!

Истина дѣла заключается въ томъ, что Нижегородцы выбрали Пожарскаго всенародно, помимо всѣхъ другихъ и самого Биркина, присланнаго къ нимъ для добраго совѣта еще Ляпуновымъ [13]), что всѣ они Пожарскому били челомъ, просили, чтобъ былъ у нихъ воеводой и пошелъ бы съ ними очищать Москву. Пожарскій самъ пишетъ во всенародной же грамотѣ, что присылали къ нему «многажды», слѣдоват. избраніе его сдѣлано не въ одинъ разъ, а шли долго переговоры. Онъ жилъ тогда, изнемогая отъ ранъ, въ своей Суздальской вотчинѣ, около 120 верстъ отъ Нижняго. [14]). Онъ не отказывался, а напротивъ изъявилъ радость и полную готовность идти съ ними, положить голову, дабы очистить Москву; но многажды, вѣроятно, онъ толковалъ о томъ, какъ лучше устроить дѣло, ибо въ виду были разные образцы, которыми ничего добраго не совершено. Приходилось хорошо подумать—дѣло было великое! Онъ передъ послами засвидѣтельствовалъ великое усердіе Нижегородцевъ къ Отечеству, но вмѣстѣ заявилъ, что боится измѣны и поворота вспять, и что вообще горожане упрямы и къ воеводамъ непослушны. что слѣд. воеводству можетъ случиться помѣха, что дѣло надо чѣмъ нибудь укрѣпить, чтобъ было оно вѣрно и несомнѣнно. Козьма Мининъ, еще прежде прихода пословъ, далъ ему совѣтъ одному не браться за дѣло, а просить о выборѣ изъ посадскихъ добраго человѣка, съ кѣмъ бы у такого великаго дѣла быть и кому казну собирать. [15]). Это было первое и утвержденіе, и укрѣпленіе дѣла, и самое разумное, какое только возможно было придумать въ тѣхъ обстоятельствахъ.

Главная сила, конечно, была въ деньгахъ, и съ ними слѣдовало вести себя осторожно. Выборъ посадскаго для завѣдыванія казною, которая главнымъ образомъ отъ посадскихъ же и поступала, совсѣмъ отдѣлялъ денежную статью отъ ратной, отдавалъ ее на руки самимъ же жертвователямъ, чѣмъ и очищалъ ратную статью отъ всякихъ навѣтовъ и подозрѣній въ неправильномъ и своекорыстномъ расходованіи земской суммы. Подъ Москвою казна, привозимая изъ городовъ, поступала вся въ руки Заруцкаго; онъ ею пользовался, какъ

хотѣлъ и раздавалъ только своимъ единомышленникамъ, а другіе помирали съ голоду и брели со службы прочь. Такъ поступали или могли поступать и другіе воеводы. Всегда они бывали полными распорядителями казны. Но такой образецъ теперь не годился. Теперь отъ воеводы для укрѣпленія дѣла требовалось, чтобъ онъ былъ чистъ, чтобъ никому отъ него обиды не было. Только въ такомъ случаѣ возможно было устроить крѣпкое, единодушное Ополченіе. Пусть, кто даетъ деньги, кто ихъ между себя собираетъ, пусть тотъ ихъ и расходуетъ, покупая самъ запасы, выдавая самъ жалованье. Деньги будутъ всегда у него на счету и на лицо. Это было такое простое и обычное дѣло въ тогдашнихъ земскихъ общинахъ, что стоило только ввести его въ устройство Ополченія, то и можно было этимъ однимъ вызвать въ немъ самое крѣпкое единодушіе, и не въ одномъ Нижнемъ Новгородѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ вскорѣ и обнаружилось.

Вотъ о чемъ у Козьмы съ Пожарскимъ было «по слову», какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, т. е. было полное соглашеніе на томъ, чтобы воеводство и все ратное дѣло совсѣмъ начисто вывести изъ мутной воды поборовъ, грабежей, насилій, хищничества и всѣхъ подобныхъ дѣйствій, какими вообще отличалось всякое воеводство въ то время. Въ этомъ же случаѣ подлѣ воеводы становился выборный посадскій человѣкъ, и не въ подчиненномъ, а въ равномъ къ нему отношеніи. Сирота—посадскій, на равной ногѣ, въ равныхъ отношеніяхъ съ служилымъ (собственно съ дворянствомъ и всякимъ воеводствомъ) беретъ общее дѣло въ свои руки и руководитъ имъ въ тѣсномъ союзѣ, въ полномъ единеніи съ воеводою, чего доселѣ небывало. Пишутъ они въ города грамоты и въ послахъ посылаютъ въ ряду съ дворянами непремѣнно и посадскаго, который въ городахъ долженъ дѣлать свое денежное дѣло, какъ дворянинъ дѣлаетъ свое ратное дѣло.

Такъ было устроено, по новому образцу, воеводство Нижегородскаго ополченія. Но нужна была и еще самая важная крѣпость. Нижегородцы, въ часъ своего воодушевленія, рѣшили на мірскомъ совѣтѣ собрать между себя деньги; но требовалось, чтобы денегъ достало не только на подъемъ, но и на продолженіе до конца этого патріотическаго движенія; требовалось обезпечить ратное дѣло со всѣхъ сторонъ; нужно было вѣрное и крѣпкое ручательство, что деньги будутъ, и ратны не будутъ сами ходить по крестьянскимъ избамъ собирать себѣ продовольствіе, какъ водилось тогда во всѣхъ другихъ полкахъ. Выборный земскій человѣкъ, на которомъ ложилась тяжелая обязанность обезпечить во всемъ новую рать, по необходимости долженъ былъ заручиться полнымъ довѣріемъ и полною властью для исполненія своего дѣла, чтобъ не разстроить начатаго подвига.

Когда, по указанію Пожарскаго,—что распорядителемъ этого дѣла могъ бы быть Мининъ, что ему то дѣло за обычай, бывалъ онъ служилый человѣкъ, — Нижегородцы приступили къ Минину съ просьбами взяться за дѣло, онъ долго отказывался, по совѣту съ Пожарскимъ же, и именно для той цѣли, чтобы выпросить мірской приговоръ или неподвижное заручное утвержденіе всего того, въ чемъ была крайняя необходимость, дабы установить Ополченіе на твердомъ, неколебимомъ основаніи. Приговоръ былъ данъ, и въ приговорѣ написано: «стоять за истину всѣмъ безъизмѣнно, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ—отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ, и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было». На томъ всѣ Нижегородцы дали Богу души свои, какъ потомъ они писали въ грамотахъ, не пощадили себя ни въ чемъ.

Мининъ приговоръ этотъ тотчасъ послалъ къ Пожарскому изъ боязни, чтобъ не взяли его назадъ. Но изъ этого видно, что приговоръ не былъ данъ на одно лицо Минина, а вѣроятнѣе всего былъ данъ, такъ сказать, самому дѣлу, столько-же и на имя Пожарскаго, или вообще на имя всей рати, ибо главный его пунктъ состоялъ въ томъ, чтобы ратнымъ деньги давать. Иначе не было причины посылать его скорѣй къ Пожарскому. Это же показываетъ, что народъ Нижегородскій вовсе не былъ народомъ театральнымъ. Онъ съ готовностью соглашался на всякія жертвы, ибо видѣлъ безъисходную гибель Отечества. Онъ желалъ одного—устроить крѣпкое и правильное Ополченіе и потому искренно радовался всякому доброму совѣту въ выборѣ достойныхъ къ этому дѣлу людей. Онъ обсуждалъ и эти выборы и самое дѣло безъ торопливости и не спѣша, многажды примѣривая, какъ будетъ лучше; ибо зналъ, что дѣло было великое, т. е. собственно трудное, которое, чтобы поднять однимъ посадомъ, надобны были великія, послѣднія силы. Но, какъ живая среда, онъ могъ передумывать свои рѣшенія, особенно на счетъ денежныхъ жертвъ, самаго важнаго и чувствительнаго пункта въ этомъ случаѣ. Онъ могъ подвергаться многочисленнымъ вліяніямъ, разнымъ враждебнымъ вѣтрамъ, въ виду общей бури, и вслѣдствіе того, могъ, какъ самостоятельная сила, разстроить доброе начинаніе. Необходимо было эту силу установить неподвижно на одномъ. Для этого искони-вѣковъ существовало въ земствѣ одно средство: — всемірный приговоръ, заручное утвержденіе своихъ рѣшеній всѣмъ міромъ. Очень хорошо понимая, что въ людяхъ всякое бываетъ, міръ по этому всегда въ надобныхъ случаяхъ и утверждалъ надъ собою широкую власть избраннаго дѣлать его мірское дѣло. Такъ утверждались въ своихъ должностяхъ даже земскіе старосты и другіе чины, ходившіе у мірскихъ дѣлъ: «намъ мірскимъ людямъ его старосты во всякихъ мірскихъ дѣлахъ слушати; а не учнемъ его слушати, и ему насъ вольно и неволею къ мірскому дѣлу нудити; а ему намъ (міру) ни которыя грубости не учинить...» Вотъ что писывали въ своихъ приговорахъ земскіе люди и въ частныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ земскій приговоръ на какое либо общее дѣло всегда давалъ да и долженъ давать извѣстную степень диктатуры для исполнительной власти, безъ чего, конечно, и по тому же разуму земства, невозможно было дѣлать никакое мірское дѣло. Ярославскій посадъ еще при Ляпуновскомъ ополченіи написалъ въ такой приговоръ: если кто не пойдетъ (спасать Москву) или воротится, тѣмъ милости не дати... [16]). Но какая бы ни давалась диктатура, она всегда была ограничена, вопервыхъ цѣлями общаго дѣла, а потомъ обычаями и порядками земскаго юридическаго и общиннаго быта. Диктаторъ не могъ ничего дѣлать только по своей фантазіи: иначе возсталъ бы на него весь міръ. Въ такую фантазію г. Костомаровъ нарядилъ Минина, заставивши его продавать бѣдныхъ богатымъ, чтобъ вытянуть у богатыхъ запрятанныя даже въ землѣ деньги. Фантазія эта основывается на буквальномъ толкованіи извѣстной рѣчи Минина: «дворы, женъ, дѣтей закладывать и продавать,» слова, которыя онъ внесъ и въ приговоръ. Историкъ говоритъ, что эти слова имѣли вовсе не риторическій, а дѣйствительный, буквальный и при томъ тяжелый смыслъ, именно, что «Мининъ, для пріобрѣтенія денегъ, пустилъ въ торгъ бѣдняковъ: за неимѣніемъ у нихъ денегъ, оцѣнивали и продавали ихъ имущества и отдавали ихъ семьи и ихъ самихъ въ кабалу; что имущества и люди шли за безцѣнокъ, потому что въ деньгахъ была нужда, а выставленнаго товара было много; да и требовалось, чтобъ покупать и брать въ кабалу богатымъ было очень выгодно, ибо только тогда они рѣшатся пустить въ обращеніе свои деньги.»

Можно себѣ вообразить этихъ несчастныхъ Нижегородскихъ богачей, накупившихъ себѣ въ кабалу на этомъ африканскомъ аукціонѣ за безцѣнокъ по 50, по 100, по 200 дворовъ или хотя и меньше, но съ бѣдными, голодными семьями, которыхъ по этому слѣдовало кормить, обувать, одѣвать, отапливать, и безъ малѣйшей отъ нихъ пользы; ибо куда жъ было ихъ употреблять въ осеннюю и зимнюю пору, когда именно и происходила эта достопамятная торговля. Да и можно себѣ вообразить этихъ опять-таки театральныхъ бѣдняковъ, уныло и безсловно ожидавшихъ на торгу своей участи: изъ свободнаго посадскаго сдѣлаться на вѣчно или на время (объ этомъ историкъ не говоритъ) кабальнымъ холопомъ богача.

Но уважаемый историкъ такъ убѣжденъ въ этомъ ф а к т ѣ, что усиливается объяснить, какія отъ того случились для Руси зловредныя послѣдствія уже въ позднее время и указываетъ на множество бѣглыхъ кабальныхъ при царѣ Михаилѣ и на тѣсноту въ посадахъ отъ «мужиковъ-горлановъ», которые почему-то подразумѣваются богачами. Стало быть бѣдняки, распроданные Мининымъ, впослѣдствіи всѣ разбѣжались, и Нижній долженъ былъ опустѣть, остаться только съ богатыми!

Намъ думается, что такъ толковать приснопамятныя слова Минина, внесенныя имъ и въ приговоръ, невозможно, именно по той причинѣ, что такого событія, какъ повальная продажа свободныхъ людей въ рабство, въ дѣйствительности никогда не могло случиться. Въ словахъ Минина выразилась только напряженная верховная мысль народнаго нижегородскаго воодушевленія, мысль о томъ, что настало время всѣмъ идти на всякія жертвы для спасенія Отечества, и народъ, подписавшій приговоръ о женахъ и дѣтяхъ, что ихъ закладывать, продавать, стоялъ въ этомъ рѣшеніи на этой же одной крѣпкой мысли—на безграничномъ послушаніи относительно сбора денегъ, на сердечной готовности отдать на общее дѣло последнюю копѣйку, добыть денегъ всѣми мѣрами, откапывая изъ сундуковъ и даже изъ земли (куда тоже хоронили) спрятанныя сбереженія и сокровища. Мы полагаемъ, что до заклада и продажи женъ и дѣтей дѣло не доходило и ни въ какомъ случаѣ не могло дойти. Объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ въ тогдашнихъ свидѣтельствахъ. Напротивъ, всѣ свидѣтельства прямо говорятъ, что Launchинъ собиралъ деньги инымъ способомъ. Онъ «посадскихъ, торговыхъ и всякихъ людей о к л а д ы в а л ъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ»... Обычай былъ брать извѣстный процентъ, извѣстную долю, или съ капитала пожитковъ, или съ капитала промысловъ, напр. п я т у ю, т р е т ь ю д о л ю. Такъ было при сборѣ денегъ и въ этотъ разъ. Кто напр. торговалъ на 300 р., какъ Мининъ, съ того брали 100 р., которые Мининъ и внесъ; у кого было три копѣйки пожитковъ, съ того брали копѣйку и т. д., платили всѣ ровно, т. е. третью, пятую, десятую долю своего дохода или достатка, какъ назначалось по о к л а д у. Если для кого было особенно больно такое равномѣрное собираніе оклада, такъ разумѣется для богачей. Они въ этомъ случаѣ должны были слишкомъ много платить сравнительно съ общимъ уровнемъ всякихъ житейскихъ даяній. Имѣвшій примѣрно три милліона долженъ былъ отдать цѣлый милліонъ. Это было до чрезвычайности тяжело, необычно и непривычно, ибо вообще богачи, хотя и много даютъ противъ ходячей цифры, но всегда даютъ очень и очень мало противъ своего достатка, сравнительно съ тѣмъ, что даетъ бѣдный отъ своего достатка. Меньше полушки уже дать ничего нельзя, но полушка отъ рубля и рубль отъ тысячи, или сотня ото ста тысячъ рублей—жертва слишкомъ различная. Чтобы такимъ образомъ уравнять плательщиковъ, земство и производило свои о к л а д ы по пожиткамъ и промысламъ, кто что имѣлъ. Слово о к л а д ъ не простой

звукъ, который стоило произнести и дѣло кончено. Это была цѣлая связь земскихъ отношеній. Въ окладчики выбирали міромъ людей честныхъ и душею прямыхъ, чтобъ богатымъ не дѣлали поноровки, а бѣднымъ неправеднаго утѣсненія. Они принимали присягу окладывать: «въ Божію правду, по Христовѣ Евангельской, непорочной заповѣди, еже ей ей»... По присягѣ они должны были опредѣлить въ точности достатокъ каждаго, кто что могъ и долженъ былъ дать, слѣд. они должны были хорошо знать состояніе капиталовъ въ своей общинѣ, за что и призывались въ выборные. Кромѣ того, всѣ ихъ дѣйствія всегда были на глазахъ у всего міра, ибо окладываніе происходило на мірскомъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ плательщиковъ, гдѣ очень трудно было и утаивать свои промыслы и достатки. Вотъ съ какими порядками производились и оклады Минина. Они производились всею общиною; всѣ должны были другъ про друга сказывать правду—стоять за истину, какъ гласилъ общій приговоръ.

Впрочемъ есть положительныя оффиціальныя свидѣтельства, что никакого диктаторства со стороны Минина въ этомъ случаѣ не было и быть не могло. Изъ Нижегородской приходной книги этого времени узнаемъ, что сборы назначались не однимъ лицомъ Минина, а по приговору воеводы съ дворянами и дьяковъ, и Козьмы Минина съ земскими старостами и всѣми посадскими; а въ другихъ случаяхъ по такому же приговору, только безъ Козьмы. [17]). Словомъ сказать, въ старомъ нашемъ земствѣ всякій, даже и копѣечный сборъ и на всякій случай, всегда неотмѣнно производился міромъ, по его разверсткамъ и розрубамъ, по самому возможно-вѣрному распредѣленію, кому что въ силахъ платить. Плательщики могли сами продавать свое имущество или отдавать его натурою, чтобы уплатить по окладу свою долю; но по какому случаю должно было ихъ самихъ продавать въ кабалу, этого мы никакъ понять не

можемъ. Они должны были принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Кличъ Минина: «женъ, дѣтей закладывать и продавать», обращался не столько къ бѣднымъ, сколько, и главнымъ образомъ, къ богатымъ, показывая имъ мѣру жертвы, которую должны были всѣ принести, т. е. высшую мѣру, какой не бывало. О богатыхъ и достаточныхъ и говорится въ грамотахъ, что они не пощадили себя. Пожарскій пишетъ между прочимъ, что въ Нижнемъ и въ иныхъ городахъ, люди сами себя ни въ чемъ не пощадили, сбирая съ себя деньги, сверхъ окладныхъ денегъ. (Вотъ въ чемъ собственно заключалась безпощадность сбора). Кто могъ сбирать съ себя деньги кромѣ денежныхъ же людей, кромѣ тѣхъ у кого онѣ были?

Мы не стали бы долго останавливаться на измышленной продажѣ Мининымъ людей, еслибъ историкъ на этомъ основаніи не открывалъ у него измышленной же новой стороны характера: крутости его нрава, тяжести его руки и того, что онъ дѣйствовалъ, не останавливаясь предъ бѣдствіями другихъ и предъ тѣмъ, что̀ произойдетъ послѣ, т. е. былъ жестокъ, лишь бы была достигнута цѣль. Тяжесть его руки подтверждается напр. тѣмъ, что онъ не жаловалъ ни поповъ, ни монастырей, (хотя, какъ завѣрялъ, ему и являлись святые, прибавляетъ историкъ). Все это нежалованье заключается въ самомъ обычномъ въ то время обстоятельствѣ, что Мининъ обложилъ сборомъ монастыри и церковниковъ съ ихъ землями; а это всегда дѣлывало и государство въ подобныхъ общихъ сборахъ, иногда по настоянію земскихъ же выборныхъ, и духовенство всегда съ готовностью приносило и свои жертвы.

Такимъ образомъ, подумавши хорошенько, мы можемъ оставить Минина свободнымъ отъ взводимаго на него историкомъ тяжкаго обвиненія.

Такъ какъ дѣла людей служатъ въ дѣйствительности лучшею характеристикою ихъ нравовъ, то посмотримъ какъ Мининъ исполнилъ земскій приговоръ въ той его статьѣ, которая обозначена выраженіемъ: «а ратнымъ людямъ деньги давать, чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было».

Всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что ратные люди Нижегородскаго ополченія были во все время вполнѣ и съ довольствомъ обезпечены, и жалованьемъ, и кормомъ; что не только свои, но и чужихъ полковъ люди, именно подмосковныхъ, отъ Заруцкаго и Трубецкаго, приходившіе въ станъ Пожарскаго, всегда получали довольное содержаніе и денежную помогу; что Мининъ «жаждущія сердца ратныхъ утолялъ, и наготу ихъ прикрывалъ, и во всемъ ихъ покоилъ, и сими дѣлами собралъ воинство немалое», прибавляетъ лѣтописецъ. Въ этомъ и состояла главнѣйшая и великая заслуга Минина; въ этомъ и обнаруживался его дальновидный, практическій умъ. Онъ хорошо понималъ, что никакіе диктаторскіе приговоры и никакія патріотическія воодушевленія не собрали бы ратныхъ, еслибъ нечего имъ было ѣсть, или скудно бъ имъ было жить; а еслибъ и собрали, то отъ скудости развратили бы Ополченіе, и оно снова разсыпалось бы отъ буйства и грабежей. Довольное содержаніе служило крѣпкимъ основаніемъ для нравственнаго устройства полковъ. Жалованье онъ давалъ большое: первой статьѣ по 50 р., второй по 45 р., третьей по 40 р., и меньше 30 р. не было; по крайней мѣрѣ такъ устроены были въ началѣ самаго дѣла Смольняне, пришедшіе въ Нижній совсѣмъ раззоренными. [18]).

Какъ только промчалась молва о Нижегородскомъ собраніи и о такомъ устроеніи рати, то стали ратные съѣзжаться изо

всѣхъ городовъ, а города по призыву Пожарскаго тоже обрадовались и стали присылать и людей на совѣтъ и многую казну на расходы; ибо одной Нижегородской казны уже не доставало, о чемъ Пожарскій и писалъ грамоты. И была въ то время въ Нижнемъ во всѣхъ людяхъ тишина. Богъ призрѣлъ на ту рать и далъ между ними совѣтъ и любовь, такъ что отнюдь не было у нихъ никакой вражды и во всемъ была спорина: которые покупали лошадей за малую цѣну тощихъ, безсильныхъ, тѣхъ же лошадей черезъ мѣсяцъ продавцы не узнавали; отъ хорошаго корма и скотинка-худоба становилась доброю. Лѣтописцы не пропустили этого малаго случая и усердно занесли его въ лѣтопись наравнѣ съ большими дѣлами, что вполнѣ и обрисовываетъ всякія другія свойства Нижегородскаго движенія и даетъ немалое освѣщеніе его главнымъ личностямъ. [19]).

За это въ высшей степени практическое и вмѣстѣ гуманное устроеніе рати, Мининъ съ Пожарскимъ пріобрѣли однакоже многія нареканія отъ извѣстнаго Аврамія Палицына, который обвинялъ ихъ за то, что въ Ярославлѣ они все только у ч р е ж д а л и—кормили, обезпечивали, покоили ратныхъ жалованьемъ и трапезами, и за тѣмъ будто бы и походъ очень медлился... Мы увидимъ, какъ былъ справедливъ этотъ Палицынъ.

Таковъ былъ способъ расходованія Мининымъ собранной общественной казны. Онъ ее раздавалъ щедро, но разумно, ибо на ней держался весь этотъ достославный народный подвигъ. Ни одного намека въ лѣтописяхъ и въ другихъ актахъ о томъ, чтобы Мининъ обращался съ этою казною нечестно. Ни одного лѣтописнаго замѣчанія о томъ, чтобы Нижегородская рать была когда либо оскорблена со стороны расходованія казны, чтобы происходили въ казнѣ самовольные захваты со стороны начальниковъ. Между тѣмъ лѣтописцы ни-

когда не молчать о такихъ дѣлахъ, у кого бы они ни случились.

Историки недавно открыли новое свидѣтельство для біографіи Минина, которое даетъ указаніе, что онъ будто бы бралъ посулы-взятки и стало быть даетъ указаніе и о способахъ его обращенія съ общественною казною, т. е., говоря яснѣе и просто, даетъ намекъ на то, что онъ. беря посулы, могъ красть и казну. Свидѣтельство это состоитъ вотъ въ чемъ. Былъ противъ Нижняго, за Волгою, монастырь, называемый Толоконцевскій (теперь село Толоконцево) построенный бортниками при царѣ Васильѣ, отцѣ Грознаго. Игуменъ этого монастыря, Калистъ, проворовался и пропилъ всю монастырскую казну, и всѣ грамоты и документы отдалъ Печерскому монастырю въ Нижнемъ. Печерскій и сталъ ими владѣть, но незаконно будто бы. Въ Смутное Время бортники жаловались на это въ приказъ Большаго Дворца Борису Салтыкову да Ивану Болотникову (дьяку), которые, надо сказать, стали засѣдать въ этомъ приказѣ только съ 1613 г., съ прихода царя Михаила въ Москву. Но (говоритъ свидѣтельство) 22 февраля 1612 г., то есть, когда Мининъ съ Нижегородцами шли къ Ярославлю, назначено было произвести обыскъ. Оказалось, что бортники были правы, что Нижегородскіе посадскіе старосты Андрей Марковъ и Козьма Мининъ Сухорукъ, «норовя Ѳеодосію архимандриту Печерскому, по дружбѣ и посуламъ, опять отдали Толоконцевскій монастырь Печерскому». Вотъ и все! Свѣдѣніе невнятное и къ сожалѣнію невѣрное въ указаніи чиселъ. Не ясно, по какому праву посадскіе старосты распоряжались монастыремъ, какъ собственностью. Вообще это свѣдѣніе ничего доказывать не можетъ, ибо Толоконцевцы могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись всякія вещи для большаго объясненія своей правды. Надо отыскать особое слѣдствіе объ этихъ посулахъ, которое непремѣнно и разъяснило бы, кто правъ и кто виноватъ: а въ теперешнемъ видѣ это свидѣтельство представляется только сплетнею, недостаточною для тяжкихъ намековъ о личности Минина. Отъ сплетенъ никто не избавленъ. Что же касается «бортниковъ» и ихъ вражды съ Нижегородскимъ посадомъ, то надо замѣтить, что вѣроятно это была вражда старинная и велась изъ-за какихъ либо поземельныхъ отношеній, какъ видно и изъ приводимаго спора о монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бортники усердно служили Смутѣ и еще въ 1607 г., когда сосѣдніе Арзамасъ и Алатырь съ уѣздами отложились-было отъ царя Василья, предавшись разумѣется измышленному царю, то и бортники за одно съ Мордвою и Русскими ворами тоже поднялись и осадили Нижній, который крѣпко стоялъ за настоящаго царя и освободился отъ враговъ лишь по случаю прихода царскихъ войскъ къ Арзамасу и Алатырю, чего бортники съ дружиной испугались и разбѣжались прочь отъ города. [20]). Ясно, такимъ образомъ, изъ какого стана люди взводили на Минина, то есть на Нижегородскій посадъ въ лицѣ его земскихъ судей, обвиненіе во взяткахъ и посулахъ. Впрочемъ, въ изданныхъ теперь актахъ Печерскаго монастыря, изъ которыхъ вѣроятно и почерпнуты свѣдѣнія о взяткахъ Минина, открывается къ удивленію, что въ этихъ актахъ о Мининѣ нѣтъ и рѣчи и все дѣло о тяжбѣ Толоконцевскаго монастыря представляется въ иномъ видѣ [21]).

Авторитетъ Минина, какъ человѣка высокой честности, высокихъ патріотическихъ добродѣтелей, утвердился не фантазіями нашихъ современниковъ, а правдивыми свидѣтельствами его современниковъ, которыя были въ великомъ множествѣ распространены въ хронографахъ въ теченіе всего XVII ст. и не подвергались сомнѣніямъ. Да и записали эти свидѣтельства очевидцы событій, принадлежавшіе къ различнымъ сторо-

намъ и партіямъ. У всѣхъ мы, напротивъ, находимъ особую симпатію къ Минину, а у иныхъ восторженныя ему похвалы. Легенды же пошли разумѣется еще дальше, и въ одной присвоивается ему же, помимо Пожарскаго, даже и воеводство надъ Ополченіемъ и всѣ побѣды подъ Москвою, съ изображеніемъ боярскаго высокомѣрія со стороны Трубецкаго, говорившаго: «вотъ мужикъ нашу честь хочетъ взять на себя, а наша служба и радѣнье ни во что будетъ! Я стою подъ Москвой не малое время... Посмотрю, что́ будетъ у того мужика, увижу его промыслъ!» [22]).

Объ этомъ-то мужикѣ вотъ что писали его современники: «Воздвизаетъ Богъ нѣкоего мужа отъ христіанскаго (крестьянскаго) благочестиваго народа, не славнаго родомъ, но мудраго смысломъ, который, видя многихъ насильствуемыхъ, зѣло оскорбился и Зоровавельски поболѣлъ душею за людей Господнихъ: принялъ на себя молву безчисленныхъ печалей, всегда носился бурями различныхъ попеченій, непрестанно о своемъ дѣлѣ попеченіе имѣлъ; если и не искусенъ воинскимъ стремленіемъ, но смѣлъ (гражданскимъ) дерзновеніемъ, собралъ отъ народа многая сокровища сребра; одарилъ ратныхъ людей оброками довольными и такимъ способомъ собралъ многіе полки. И военачальника, искуснаго во бранѣхъ, кн. Д. М. Пожарскаго, совосприподобилъ; самъ же никогда отъ полковъ не отлучался; какъ древній Гедеонъ всѣхъ сердца укрѣплялъ на враговъ: благимъ добронравіемъ своимъ, какъ солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ, военачальниковъ совокупилъ и всѣхъ храбрыхъ во едино собралъ...» [23]).

Витіеватыя фразы, изысканныя слова бывали въ то время особымъ выраженіемъ писательскаго восторга, о чемъ безъ риторики говорить было невозможно. Но поддѣльнаго восторга мы здѣсь не находимъ. Это только книжное выра-

женіе того, что́ другіе лѣтописцы обозначаютъ словами простыми, дѣловыми, излагая дѣло.

Однакожъ, какія черты личнаго характера мы можемъ раскрыть во всѣхъ этихъ словахъ? Первая и самая важнѣйшая черта, это то, что Мининъ способенъ былъ сильно, до глубины души, оскорбляться общественнымъ зломъ; не могъ онъ холодно и безучастно смотрѣть на насильство, которому подверглась вся Земля отъ иноземцовъ, а еще больше отъ своихъ воровъ. Душа его способна была заболѣть Зоровавельски, т. е. заболѣть чувствомъ народной свободы, какъ болѣла душа Зоровавеля, освободившаго свой народъ изъ Персидскаго плѣна, возстановившаго этому народу его храмъ Іерусалимскій. Но душа Зоровавеля высилась также чувствомъ истины, правды. Онъ лучше всѣхъ растолковалъ значеніе истины Персидскому Дарію. Сходство личности Минина съ этою библейскою личностью вспомянулось не безъ основанія, ибо и Мининъ служилъ правдѣ, занимая начальство «судныхъ дѣлъ» у своей братьи. Точно также указано другое сходство, съ личностью Гедеона, возставшаго за свободу своего народа, съумѣвшаго собрать во едино всѣхъ храбрыхъ и достославно исполнившаго дѣло народнаго освобожденія. Можно понять, какъ современники смотрѣли на подвигъ Минина, когда приводили себѣ на память такія уподобленія. За тѣмъ изъ ихъ свидѣтельствъ видно, что, взявшись за дѣло, Мининъ отдался ему всѣмъ сердцемъ, не смотря на молву, т. е. на гнетъ безчисленныхъ печалей и всевозможныхъ затрудненій и препонъ; и способенъ былъ довести дѣло до конца, своимъ непрестаннымъ попеченіемъ о немъ со стороны денежнаго и матеріальнаго обезпеченія ратныхъ, своимъ благимъ добронравіемъ, т. е. своею гуманностью и любовью, со стороны примиренія враждующихъ интересовъ между начальниками рати, изъ которыхъ сумняцційся Иванъ Биркинъ отставленъ былъ отъ Ополченія

приговором всѣхъ же ратныхъ. Вотъ за эти-то основныя черты характера Мининъ естественно воспринялъ во всѣхъ людяхъ своей Нижегородской страны **власть и силу**, какъ выражается одинъ лѣтописатель, подавая поводъ къ зачисленію Минина и по этимъ словамъ къ сонму народныхъ демагоговъ. Но лѣтописецъ выразился: «во (на) всѣхъ людяхъ», а не «надъ всѣми людьми», въ чемъ есть значительная разница въ смыслѣ самаго дѣла [24]). Эта сила и власть, не говоря о заручномъ крѣпкомъ мірскомъ приговорѣ, здѣсь значатъ не иное что, какъ общее довѣріе, общее уваженіе къ личности; это здѣсь значитъ, что Мининъ сдѣлался выборнымъ человѣкомъ всей Земли, исполнителемъ великаго земскаго дѣла.

Быть выборнымъ человѣкомъ въ своемъ посадѣ, да еще на должность начальника судныхъ дѣлъ—вещь немалая для любой личности; но стать выборнымъ человѣкомъ отъ всей Земли на подвигъ освобожденія Отечества,—это тоже не простой звукъ, а весьма сложная связь жизненныхъ земскихъ отношеній, для которыхъ все это дѣло вовсе не было театральною игрушкою, а требовало послѣднихъ жертвъ, послѣднихъ силъ, и потому призывало или должно было призвать къ себѣ людей чистыхъ во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ, крѣпкихъ, прямыхъ душею и въ высокой степени честныхъ, не говоря о разныхъ **дѣловыхъ** способностяхъ, какія были надобны уже непреложно. Конечно, если народъ Нижегородскій и весь нашъ старинный народъ, въ дѣйствительности былъ народъ театральный, сценическій пейзанъ, тогда подобныя соображенія не должны и въ голову приходить. Но пока мы будемъ искренно вѣрить и вѣровать, что у нашего стариннаго народа было несравненно больше здраваго смысла, чѣмъ въ написанной нами объ немъ Исторіи, то придется по необходимости внимательнѣе взглянуть на то обстоятельство, чѣмъ люди руководились, и руководились ли чѣмъ нибудь, когда добровольно,

безъ всякаго гнета предержащихъ властей, избирали и выбирали людей въ исполнители своего земскаго дѣла? Руководились ли они чѣмъ нибудь, когда отдавали въ полное распоряженіе свои послѣднія деньги въ руки, способныя вообще къ подлогамъ, чего на міру никакъ утаить было нельзя, и тотъ же Биркинъ постарался бы распространить худую молву о подложномъ видѣніи по всему народу? Руководились ли они чѣмъ нибудь, когда на-слово повѣрили Минину, что Пожарскій человѣкъ порядочный и въ воеводы годится, на-слово повѣрили Пожарскому, что Мининъ человѣкъ хорошій и способенъ справить дѣло? Много и очень много вопросовъ прежде необходимо рѣшить въ этомъ направленіи, а потомъ уже, для совершенной очистки дѣла, очень поможетъ этому дѣлу и возбужденіе вопросовъ обвинительныхъ, вопросовъ, оставляющихъ личность въ подозрѣніи.

По свидѣтельству наиболѣе достовѣрныхъ лѣтописей, Мининъ, начавшій народный подвигъ въ Нижнемъ, былъ первымъ же его двигателемъ и въ окончаніи дѣла, въ Москвѣ въ битвѣ съ Ходкѣвичемъ, о чемъ скажемъ ниже.

Царю Михаилу, въ чину думнаго дворянина, онъ послужилъ не долго, всего три года, и скончался въ 1616 году, возвращаясь съ трудной и тяжелой службы розысковъ въ Казанскихъ мѣстахъ (съ пытками и даже казнями) по случаю какого-то возстанія Татаръ и Черемисы. Царь и слѣд. весь Дворъ питали къ нему большое довѣріе, которое выразилось въ 1615 г. порученіемъ ему беречь Москву вмѣстѣ съ ближними боярами на время путешествія царя къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Сынъ Минина, Нефедъ началъ службу во дворцѣ, какъ и Пожарскій, въ чинѣ стряпчаго съ платьемъ и стольника, но тоже пожилъ недолго [25]).

IV.

Въ жизни Пожарскаго, избраніе его въ воеводы всенароднаго Ополченія является дѣломъ первой важности, которое и придаетъ этой личности особенное значеніе. Почему избранъ былъ Пожарскій, а не другой кто? Воеводъ было много, а онъ въ добавокъ еще лечился отъ ранъ въ своей Суздальской вотчинѣ и, слѣдовательно, былъ удаленъ отъ сцены дѣйствій и дѣлъ. Отрицающіе историки говорятъ, что они не знаютъ, почему избранъ именно Пожарскій и употребляютъ стараніе пояснить это темное мѣсто нашей Исторіи. Однако современники объ этомъ очень хорошо знали и записали все обстоятельство въ своей лѣтописи. Они разсказываютъ, что когда въ Нижнемъ, послѣ рѣчи Минина, пошелъ толкъ о выборѣ воеводы, какого человѣка выбрать, то положены были такія условія: выбрать «мужа честнаго, кому заобычно ратное дѣло, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ и который въ измѣнѣ не явился»... Послѣднее условіе для Нижегородцевъ было важно не менѣе перваго. Они сами ни разу не являлись въ измѣнѣ и потому дружились только съ людьми, подобными себѣ, съ людьми крѣпкими и неизмѣнными. Они присягнули Шуйскому и, въ виду даже общей измѣны, стояли за него крѣпко, не вертѣли душой, какъ другіе, туда и сюда. Ихъ преданность все-таки законно избранному государю

была извѣстна всѣмъ и когда Шуйскаго сводили съ престола, то ему было предложено, чтобы вмѣсто государства взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Это была преданность не личности Шуйскаго, а преданность чему нубудь одному, одной мысли, одному какому порядку. Въ этомъ случаѣ Нижегородцы мыслили за одно съ главою духовенства, съ крѣпкимъ тоже человѣкомъ, патріархомъ Ермогеномъ. Такъ точно мыслилъ, какъ увидимъ, и Пожарскій, и вотъ чѣмъ объясняется его нравственная связь и быть можетъ настоящая дружба съ Нижегородцами. Затѣмъ Пожарскій всѣмъ извѣстенъ былъ, какъ храбрый и искусный во браняхъ воевода; даже и Поляки называли его искуснымъ воиномъ. Вольно объ этомъ не знать его новому біографу.

Первое, записанное лѣтописью, дѣло Пожарскаго, еще при Шуйскомъ, въ 1608 г., было подъ Коломною. Пришла въ Москву вѣсть, что отъ Владиміра идутъ подъ Коломну Литовскіе полки и Русскіе воры. Царь послалъ туда первымъ воеводою Пожарскаго, который, не дожидаясь прихода враговъ подъ городъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Развѣдавъ тайно, гдѣ находится ихъ станъ, придвинулся туда въ ночь и на утренней зарѣ внезапно напалъ на враговъ, разбилъ ихъ на-голову, отгромивъ многую казну и запасы, «поби ихъ язвою великою». Въ это время воеводѣ было 30 лѣтъ.

На другой годъ онъ сѣлъ въ Москвѣ съ царемъ Шуйскимъ въ осадѣ отъ Тушинскаго Вора. Извѣстно, каково было сидѣть въ этой осадѣ. Отъ голода и всякой нужды, а больше всего отъ измѣны, несчастный царь былъ почти всѣми покинутъ. Еще въ началѣ, послѣ первой боевой неудачи, тотчасъ многіе потянули въ Тушино съ князьями во главѣ, извѣстнымъ Трубецкимъ, Сицкимъ, Черкасскимъ-Мастрюкомъ и др. Это двинулся собственно царскій Дворъ искать въ Тушинѣ боярства и чиновъ, стольники, стряпчіе, жильцы, Московскіе

дворяне, подъячіе и помѣщики разныхъ городовъ; а потомъ дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ разъѣхались по домамъ, такъ что осталось изъ города человѣка по два и по три. Одно только дворянство Зарѣчныхъ далекихъ городовъ осталось крѣпкимъ царю и, сколько было силъ, защищало Москву [26]).

Великое утѣсненіе Москвѣ въ то время дѣлалъ новоявленный воръ, Хатунскій мужикъ Сальковъ: запасы въ городъ приходили по одной Коломенской дорогѣ,—онъ и ту совсѣмъ отнялъ. Царь послалъ на Коломну князя Мосальскаго собрать запасы и доставить бережно въ Москву; но Сальковъ разбилъ его, отнялъ всѣ запасы, а чего не могъ забрать съ собою, все пожегъ. Москва погибала отъ голода. Сальковъ двигался ближе къ столицѣ и сталъ у Николы на Угрѣшѣ. Посланъ былъ новый воевода Борисъ Сукинъ, ходившій тоже безъ успѣха. Царь наконецъ послалъ нѣсколько воеводъ по разнымъ дорогамъ. Изъ нихъ сошелся съ воромъ на Владимірской дорогѣ, на рѣчкѣ Пѣхоркѣ, князь Пожарскій. Былъ бой великій на многое время. Сальковъ былъ разбитъ, и самъ едва успѣлъ убѣжать съ 30 человѣками, съ которыми послѣ и явился къ царю съ повинною [27]).

За Московское осадное сидѣнье Шуйскій наградилъ Пожарскаго вотчиною, на которую грамота утверждена была и царемъ Михаиломъ. Въ ней писано: «Пожаловали за его прямую службу, что будучи въ Москвѣ въ осадѣ въ нужное и въ прискорбное время, противъ враговъ онъ стоялъ крѣпко и мужественно и многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости...» Все это, конечно, были дѣла обыкновенныя, рядовыя, но только для прямыхъ и честныхъ людей, которыхъ оставалось въ то время не со-

всѣмъ много, такъ что ихъ пожалуй можно и по пальцамъ перечесть.

Въ 1610 г. съ 8 февраля мы находимъ Пожарскаго воеводою въ Зарайскѣ. И здѣсь, на воеводствѣ, онъ во многомъ отличается отъ другихъ воеводъ. Еслибъ такіе воеводы были рядовыми и дюжинными въ то время, то не настала бы и не разошлась бы по всей Землѣ и самая Смута.

Извѣстно, что по смерти Скопина-Шуйскаго, Ляпуновъ за одно съ бояриномъ кн. В. В. Голицынымъ завели бойкую травлю противъ царя Василья, желая поскорѣе ссадить его съ царства, разумѣется для того, чтобы Голицыну же сѣсть на его мѣсто. Ляпуновъ поднялся было на царя Василья еще въ первый годъ его царствованія. Онъ вмѣстѣ съ Сунбуловымъ, Пашковымъ, Болотниковымъ пришелъ подъ Москву. Стали они близь города въ Коломенскомъ и въ другихъ мѣстахъ и надѣлали царю много тревоги. Однако Скопинъ-Шуйскій разбилъ ихъ всѣхъ и разсѣялъ; многіе тутъ же сдались или принесли повинную царю Василью, въ томъ числѣ Пашковъ и Ляпуновъ. Царь на радости все имъ простилъ, а Ляпунова пожаловалъ даже въ думные дворяне. Думный дворянинъ все таки царя не любилъ и не долго служилъ ему прямо. Въ томъ же 1610 г. онъ написалъ къ знаменитому Скопину-Шуйскому грамотку: аки змія, такъ и онъ, льстивый человѣкъ, поздравлялъ князя Скопина на царствѣ, а царя Василья описалъ укорными словами, желая возъярить князя на царя, а предложеніемъ князю царства — остудить передъ царемъ его самого. Такъ по крайней мѣрѣ повѣствуетъ лѣтописецъ. Скопинъ дѣйствительно, прибывши въ Москву и попировавши у дяди Дм. Шуйскаго, вскорѣ скончался, говорятъ отъ отравы. Ляпуновъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ разсылать грамоты по городамъ, разсказывая, что Скопина уморилъ царь Василій и что необходимо мстить за его

смерть и ссадить царя съ престола. Съ этой цѣлью онъ сталъ ссылаться и съ Тушинскимъ воромъ, стоявшимъ тогда въ Калугѣ. Въ Зарайскъ, гдѣ воеводствовалъ Пожарскій, Ляпуновъ послалъ съ грамотою своего племянника. Это одно показывало, что возмутитель хорошо зналъ мысли и характеръ Пожарскаго и чтобы успѣшнѣе склонить его къ своему дѣлу, отправилъ посломъ человѣка близкаго. Но Пожарскій не покривилъ душой и не согласился вести игру въ цари, ибо не могъ не видѣть, что здѣсь двигаетъ людьми не общій, земскій интересъ, а только личные, своекорыстные и честолюбивые замыслы. Посла онъ отпустилъ съ отвѣтомъ, что къ ихъ дѣлу не пристанетъ, а грамоту Ляпунова на-скоро отослалъ къ царю, требуя на помощь войска. Помощь была тотчасъ прислана, и Зарайскъ остался крѣпокъ отъ измѣны, вслѣдствіе чего и Ляпуновъ пересталъ ссылаться съ Калужскимъ воромъ.

Но была дума у Ляпунова большая на царя Василья; стали они съ кн. Голицынымъ крѣпко помышлять, какъ бы ссадить его съ царства. Явилось въ людяхъ такое мнѣніе, что отъ Тушинскаго царика отстать, да чтобы и царь Василій оставилъ царство. Тушинцы заговорили объ этомъ первые и говорили обманомъ. Бояре и вся Палата въ тихомолку были очень рады такой сдѣлкѣ и ссадили своего царя. Но отъ вора никто не отсталъ, а на оборотъ потянулись къ нему и тѣ, кто и прежде у него не бывалъ. Какъ же послѣ и. позорили Тушинцы Московскихъ простаковъ! Они-то, по ихъ словамъ, и были настоящіе измѣнники, ибо не только ссадили своего царя, но еще больше опозорились тѣмъ, что отдали его своими руками въ плѣнъ Полякамъ. Бранное, позорное слово измѣнникъ, которымъ обыкновенно укоряли Москвичи Тушинцовъ, совсѣмъ потеряло свой истинный смыслъ. Всѣ

поголовно сдѣлались измѣнниками и ворами. Того только и надобно было настоящимъ ворамъ.

Однако среди этого всеобщаго позора оставались личности чистыя, крѣпкія и прямыя.

Когда дѣло Шуйскаго клонилось уже совсѣмъ къ упадку, и разные города стали мало по малу отдаваться въ руки самозванца, городъ Коломна многое время стоялъ въ правдѣ, ни на какую вражью хитрость не прельщался. Но наконецъ покривились и Коломничи и присягнули самозванцу. Ни духовный ихъ владыка, епископъ, ни воеводы, не въ силахъ были ничего сдѣлать. Воеводъ-то Коломничи заставили присягнуть первыхъ, а потомъ и сами стали присягать и послали грамоты въ Каширу к въ Зарайскъ, требуя и тамъ такой же присяги. Кашира съ радостью исполнила ихъ желанье. Тамошній воевода князь Ромодановскій, стоя за правду, воспротивился было цѣловать крестъ вору; но его едва не убили, заставили силою присягнуть, да въ добавокъ самого же послали къ Вору съ повинною. Дошла очередь и до Зарайска. Здѣсь, по полученіи Коломенской грамоты, всѣ градожители стеклись къ воеводѣ Пожарскому, чтобъ также цѣловалъ крестъ Вору. Но Пожарскій сталъ крѣпко съ немногими людьми, которые безъ сомнѣнія потому и не колебались, что видѣли опору въ воеводѣ. Толпы приходили къ нему, хотѣли тоже убить: но ни на что не подавался воевода. Сильно укрѣплялъ его и соборный протопопъ Дмитрій, благословляя лучше умереть, чѣмъ приставать къ злому совѣту. Воевода, видя, что поборниковъ за правду мало, заперся съ ними въ кремлѣ въ осаду. Впрочемъ сильнымъ его союзникомъ въ этомъ случаѣ было то обстоятельство, что для смутнаго времени въ кремль свезено было все имущество и всѣ кормовые запасы горожанъ, такъ что, оставшись за стѣнами, они остались и безъ денегъ и безъ продовольствія. Это принудило мятежни-

ковъ покориться; они прислали къ воеводѣ съ повинною и съ рѣчами, что цѣлуютъ крестъ тому, кто будетъ Московскому государству царь. Пожарскій отвѣчалъ, что и теперь есть царь—для чего требуете другаго? Пожалуй, говорили горожане, мы согласны: если царь Василій будетъ по старому, будемъ и ему служить, а будетъ кто иной, и тому будемъ служить. Все дѣло, слѣд. состояло въ томъ, чтобъ служить избранному царю, а не вору; этого добивался Пожарскій, на чемъ и укрѣпился съ народомъ крестнымъ цѣлованьемъ. Послѣ того начало быть въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія; всѣ утвердились межъ себя, и на воровскихъ людей начали ходить и ихъ побивать, и вскорѣ обратили на свой путь и городъ Коломну. Такимъ образомъ Пожарскій умѣлъ быть храбрымъ, умѣлъ и пользоваться обстоятельствами, способными дать храбрости прочное положеніе. Воеводою въ Зарайскѣ онъ оставался и во время Междуцарствія.

Царя Василья ссадили съ царства и даже постригли, съ тою конечно цѣлью, чтобъ совсѣмъ изчезла въ народѣ мысль воротить его снова на престолъ. Приняли власть Русскаго государства семь Московскихъ бояриновъ; но ничтожно было для нихъ управленіе, иронически замѣчаетъ лѣтописецъ. Только два мѣсяца насладились властью! Очень многіе изъ нихъ давно тянули къ Польшѣ и наконецъ избрали себѣ въ цари Польскаго королевича Владислава, изъ боязни будто бы передъ Тушинскимъ Воромъ и думая утишить тѣмъ Смуту, а главное получить отъ новаго царя новыя вотчины и почести. Другіе пошли дальше, задумали отдаться самому Польскому королю, отцу королевича, и съ этою цѣлью поспѣшили отдать Полякамъ и самый Кремль. Поляки вошли въ Москву, какъ въ свою вотчину, и зажили припѣваючи. «Седмочисленные бояры», продолжаетъ свою иронію лѣтописецъ, отдали всю власть Русской земли въ руки Литовскихъ воеводъ. «Оскудѣша убо

премудрые старцы и изнемогоша чудные совѣтники!» Правду писалъ къ народу и патріархъ Ермогенъ: «солгалось про старыхъ (старшихъ, большихъ) то слово, что красота граду старые мужи; а тѣ старые и молодому бѣду доспѣли!»

Боярскій подвигъ отдать Русскую землю во власть Поляковъ, въ тотъ же день былъ осужденъ Московскою чернью (посадомъ, мелкими людьми), которая взволновалась, не взирая на исполненную присягу, поднялась на бояръ и требовала перемѣны Государя. Зло однако утихло до времени, замѣчаетъ Москвичъ. Но конечно семибоярскій подвигъ вскорѣ долженъ былъ встрѣтить сильный отпоръ и негодованіе и по всей Землѣ. Коварство враговъ тотчасъ было почувствовано и понято вполнѣ, и Земля стала собираться на свою защиту. Первое слово было произнесено патріархомъ Ермогеномъ. Оно, было сказано въ самомъ Кремлѣ, посреди враговъ; оттуда сначала прокрадывалось въ города таинственно, раздавалось въ городахъ все громче и громче и затѣмъ охватило всѣ умы однимъ торжественнымъ кликомъ: стать всѣмъ за одно и очистить Землю отъ враговъ. Но болѣе яркимъ двигателемъ и здѣсь явился тотъ же Прокопій Ляпуновъ. Первые же и независимо отъ него поднялись Нижегородцы.

Чудные совѣтники-бояре употребляли всѣ мѣры, чтобы остановить движеніе. Зная, что первый его стремитель—патріархъ Ермогенъ, они требовали отъ него новыхъ грамотъ къ Прокопью и въ города, чтобы къ Москвѣ не собирались. Салтыковъ съ ножемъ даже приставалъ къ святителю. Но патріархъ напротивъ, благословлялъ всеобщій походъ къ Москвѣ, разрѣшалъ самую присягу королевичу, ставя неизмѣннымъ условіемъ его крещенье въ православіе и очищеніе государства отъ Литовскихъ полковъ.

Когда патріархъ остался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи, правящая измѣнная власть, чтобы разстроить походъ Ля-

пунова, подозвала воевать на Рязанскія мѣста такъ называемыхъ Черкасъ, Малороссійскихъ казаковъ, съ которыми, конечно, тотчасъ соединились и толпы Русскихъ воровъ подъ предводительствомъ Исая или Исака Сунбулова. Повоевавъ многія мѣста, они между прочимъ захватили городъ Пронскъ. Ляпуновъ выбилъ ихъ изъ этого города, затѣмъ самъ былъ загнанъ въ него въ тѣсную осаду. Тогда не дремалъ Зарайскій воевода, Пожарскій. Собравшись съ Рязанцами и Коломничами, онъ двинулся къ Пронску и освободилъ Прокопія. Черкасы отступили къ Михайлову. Проводивъ Ляпунова къ Рязани, онъ поспѣшилъ въ свой Зарайскъ, ибо ожидалъ и туда враговъ. Дѣйствительно, слѣдомъ за нимъ явились Черкасы и Сунбуловъ и въ ночь взяли Зарайскій острогъ — городовое укрѣпленіе вокругъ кремля. Пожарскій съ малыми людьми вышелъ противъ нихъ изъ кремля, выбилъ ихъ вонъ изъ острога и гналъ далече, безъ пощады побивая. Сунбуловъ утекъ къ Москвѣ, а Черкасы побѣжали на Украйну. Подвигъ былъ чуденъ и потому приписанъ чудотворенію Николы Зарайскаго.

Вотъ дѣла Пожарскаго до прибытія его въ Москву, описанныя современниками, слѣд. всѣмъ извѣстныя. [28])

Мы видимъ, что онъ теперь усердно помогаетъ Ляпунову, выручаетъ его изъ бѣды, того именно Ляпунова, съ которымъ за нѣсколько времени не хотѣлъ соединиться противъ царя Василья, котораго грамоту отослалъ тотчасъ къ царю, какъ явное свидѣтельство его измѣнныхъ замысловъ, и что требуется скорая ратная помощь. Теперь онъ съ Ляпуновымъ за одно; вмѣстѣ идутъ въ родной Ляпунову Рязанскій Переяславль, гдѣ Пожарскій принимаетъ отъ архіепископа Ѳеодорита благословеніе и возвращается защищать Зарайскъ. Теперь у обоихъ одна мысль—очистить Землю отъ Литвы и Поляковъ. И благословеніе Ѳеодорита, очень вѣроятно, еще больше освящало и укрѣпляло эту мысль, ибо не частный же случай это благословеніе, записанное лѣтописцемъ въ ряду разныхъ событій. Нѣтъ сомнѣнія, что архіепископъ благословлялъ ихъ на задуманный походъ.

Когда побѣдою Пожарскаго Рязанская земля была очищена отъ казаковъ и всякихъ воровъ, воеводы изо всѣхъ городовъ собрались и двинулись къ Москвѣ.

Пожарскій пришелъ первый. Какъ онъ пришелъ, намъ неизвѣстно. Былъ ли онъ передовымъ всей Рязанской рати, которою предводительствовалъ Ляпуновъ или, по общему совѣту, пришелъ независимо отъ Ляпунова, какъ независимый воевода Зарайскій: лѣтописцы не упоминаютъ объ этомъ. Они утверждаютъ только, что къ Москвѣ пошли всѣхъ городовъ воеводы. Само собою разумѣется, что самъ по себѣ, однимъ лицомъ, Пожарскій не могъ явиться въ Москвѣ. Не могъ онъ самовольно оставить воеводство, да и очень не безопасно было ѣздить тогда безъ ратныхъ людей. Какъ бы ни было, но Пожарскій былъ уже въ Москвѣ, и выпала ему завидная доля первому же и начать борьбу съ Ляхами для очищенія Москвы и государства.

Это первое, чудовищное дѣйствіе драмы прозывалось потомъ Московскимъ раззореньемъ, «М о с к о в с к о ю р о з р у х о ю». Послушаемъ, что разсказываетъ объ этой р о з р у х ѣ самовидецъ и участникъ въ дѣйствіи, Полякъ Маскѣвичъ.

«Мы были осторожны, вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ многочисленныя войска къ столицѣ. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу... Во вторникъ (на Страстной 19 марта 1611 г.) по утру въ Китай-городѣ наши поссорились съ Русскими. По совѣсти не умѣю сказать, кто началъ ссору, мы ли, они ли. Кажется однако, наши подали первый поводъ къ волненію, поспѣшая очистить Московскіе домы до прихода дру-

гихъ: вѣрно кто нибудь былъ увлеченъ оскорбленіемъ, и пошла потѣха.... Завязалась битва сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40000); потомъ въ Бѣломъ городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ за ограды: они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столы и лавки и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ... Жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ, ибо, по тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ. Каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: огня! огня! жги домы!.. Пожаръ занялся и погналъ Русскихъ изъ засадъ... На другой день отданъ былъ приказъ зажечь весь городъ, гдѣ только можно... Пламя охватило домы и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало Русскихъ.... Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны; огонь охранялъ насъ... Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться.... И такъ (уже и на третій день) мы снова запалили ее, по изреченію Псалмопѣвца: «градъ Господень изметy, да ничтоже въ немъ останется». Смѣло могу сказать, заключаетъ Маскѣвичь, что въ Москвѣ ни осталось ни кола, ни двора».

Записки Жолкѣвскаго прибавляютъ, что во время общей борьбы «въ чрезвычайной тѣснотѣ людей, происходило великое убійство. Плачь, крикъ женщинъ и дѣтей представляли нѣчто подобное дню Страшнаго Суда; многіе изъ нихъ съ женами и дѣтьми сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ... Такимъ образомъ столица Московская сгорѣла съ великимъ кровопролитіемъ и убыткомъ, который и оцѣнить нельзя.»

Согласно разсказываютъ объ этой Московской розрухѣ и наши лѣтописцы. Они говорятъ, что на Страстной недѣлѣ, во вторникъ, 19 Марта, на разсвѣтѣ, Ляхи начали побивать Москвичей сначала въ Китай-городѣ, въ торговыхъ рядахъ, гдѣ всѣхъ посѣкли, кого только нашли. Изъ Китая пошли къ Тверскимъ воротамъ, но тамъ встрѣтили сильный отпоръ со стороны стрѣльцовъ, которые не выпустили ихъ изъ города. Отсюда они кинулись на Срѣтенку, прокладывая себѣ дорогу безпощаднымъ убійствомъ. Здѣсь ихъ ожидалъ Пожарскій въ соединеньи съ пушкарями (по близости былъ Пушечный дворъ). При помощи пушекъ, онъ отбилъ враговъ, втопталъ ихъ обратно въ Китай-Городъ и поспѣшно устроилъ острожекъ-крѣпостцу у церкви Введенія Богородицы. Иныя Польскія роты бросились на Кулишки;—тамъ заперъ имъ выходъ изъ города Ив. Бутурлинъ, стоявшій у Яузскихъ воротъ. Опустошивъ Кулишки, враги перебрались за Москву рѣку, но и тамъ встрѣтили отпоръ отъ Ив. Колтовскаго. Послѣ того занялся пожаръ. Первый сталъ поджигать свой же дворъ начальникъ всему злу, Михайло Кривой-Салтыковъ.

На другой день, въ среду, пришелъ на помощь передовой

отрядъ Ляпунова съ воеводою Ив. Плещеевымъ, а въ тоже время пришелъ на помощь Полякамъ полковникъ Струсь. Плещеевъ былъ отбитъ и прогнанъ отъ Москвы. Между тѣмъ враги зажгли деревянный городъ. Замоскворѣцкій отрядъ Ив. Колтовскаго въ ужасѣ отъ пожара весь разбѣжался, кто куда. Поляки двинулись снова на Срѣтенку и на Кулишки. Пожарскій съ малыми людьми остановилъ ихъ натискъ у своего Введенскаго острожка. Онъ бился съ ними цѣлый день, не давалъ имъ жечь этой мѣстности и не пропустилъ ихъ за Бѣлый городъ. Наконецъ, изнемогши отъ великихъ ранъ, палъ на землю, заплакавши горько, «не терпя видѣти толикія скорби людямъ» и желалъ лучше умереть, чѣмъ жить посреди такого бѣдствія.

Его отвезли въ Сергіевъ монастырь. Съ паденіемъ Пожарскаго пала и послѣдняя оборона Москвы. Оставшіеся люди, увидѣвши, что нѣтъ у нихъ помогающаго и владѣющаго, кто бы могъ управить оборону, всѣ въ отчаяніи побѣжали изъ Москвы, куда глаза глядятъ. Большая часть однако направилась на сѣверъ по Троицкой дорогѣ, ибо у Троицы по святому завѣту преп. Сергія всякому проходящему, особенно скорбному, голодному, больному, раненому всегда былъ открытъ Троицкій домъ и столъ со всѣми заботами и попеченіями о нуждѣ и здоровьѣ каждаго. Помогающихъ дѣйствительно ни откуда не было. Воеводы, шедшіе изъ городовъ, сами не ускорили своего похода и впередъ себя помощи не прислали. Такъ окончилось начальное дѣло освобожденія Москвы.

Мы видѣли, что средоточіемъ обороны въ это время былъ поставленный Пожарскимъ Введенскій острожекъ, а средоточіемъ храбрости, нравственной поддержки и вліянія былъ самъ Пожарскій. Онъ упалъ, и все ослабѣло, распустилось и побѣжало, кто куда. Онъ не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго. Но въ его обстоятельствахъ было и то необыкновенно, чтобъ не уйдти

съ поля, какъ напр. ушелъ Колтовской, испугавшись пожара. Онъ, напротивъ, сталъ еще крѣпче и долго не давалъ жечь по крайней мѣрѣ того, что оставалось еще подъ его защитою.

Въ его обстоятельствахъ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ воспользоваться тѣми средствами обороны, какія еще оставались въ рукахъ. Онъ сосредоточилъ свою защиту около пушкарей и Пушечнаго двора, поставилъ для пушекъ же и Введенскій острожекъ. Маскѣвичь засвидѣтельствовалъ, какъ дѣйствовали эти пушки. Такимъ образомъ Пожарскій не выпустилъ обыкновеннаго дѣла изъ своихъ рукъ и съумѣлъ нанести врагу достаточно вреда. Пожарскій израненный въ отчаяніи горько плакалъ, видя неминуемую погибель народа и не видя никакихъ средствъ помочь ему. Въ эту минуту онъ естественно желалъ лучше помереть, чѣмъ жить. Онъ не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго. Онъ чисто и честно исполнилъ обыкновенный долгъ сына родной земли, и только! Точно также обыкновенно онъ велъ себя и во всѣхъ прежнихъ своихъ дѣлахъ съ врагами, поражая Салькова, Черкасъ, Сунбулова, отказываясь отъ измѣны Ляпунова и потомъ всѣми мѣрами помогая тому же Ляпунову... Не нужно особенно зоркихъ глазъ, чтобы разсмотрѣть, чѣмъ именно были всегда исполнены побужденія Пожарскаго. Не за личныя цѣли онъ стоялъ и не цѣлямъ какой либо партіи онъ служилъ; онъ стоялъ за общее земское дѣло и служилъ ему чисто, прямо и честно. Вотъ эти-то обыкновенныя его дѣла и дѣйствія и придали его личности необыкновенное для того времени значеніе, которое было хорошо понято въ Нижнемъ и тамъ же обозначено желаніемъ найдти воеводу, который бы «въ измѣнѣ не явился», который бы не припадалъ на всякія стороны, смотря, гдѣ выгоднѣе для чести или для корысти, какъ поступало великое большинство тогдашнихъ князей, бояръ и воеводъ.

Такимъ образомъ Нижегородскій народъ, выбирая Пожар-

скаго, поступалъ со всѣхъ сторонъ очень разсудительно, основательно и самостоятельно, ибо хорошо зналъ, кого выбиралъ и вовсе не нуждался въ томъ, чтобъ его въ этомъ выборѣ кто либо особенно подгонялъ. Какъ только было произнесено имя Пожарскаго, то весь городъ и остановился на этомъ лицѣ, не отыскивая другаго, и стоялъ въ своей мысли въ теченіи всей зимы. Стояли на той же мысли и съѣхавшіеся потомъ въ Нижній князья, бояре, воеводы, очень бо́льшіе передъ Пожарскимъ честью своего отечества. Но историкъ говоритъ, что были и другіе хорошіе люди, «не менѣе Пожарскаго безупречные и болѣе его заявившіе о своихъ способностяхъ» и при этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, указываетъ на Ѳедора Шереметева. Если это пожалованный Разстригою бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ, то извѣстно, что онъ при Шуйскомъ безуспѣшно и долго стоялъ подъ Астраханью и потомъ съ большимъ успѣхомъ шелъ оттуда къ Москвѣ, побивая мятежниковъ, очищая отъ нихъ поволжскіе, понизовые города вплоть до Касимова, хотя, въ заключеніе, у Суздаля, былъ съ многочисленнымъ войскомъ на голову разбитъ Лисовскимъ, по той причинѣ, что, при движеніи къ Суздалю, того не вѣдалъ, что у Суздаля крѣпкаго мѣста нѣтъ, гдѣ бъ было пѣшимъ людямъ укрѣпиться — все пришли поля. Самъ воевода едва утекъ во Владиміръ. Этой неудачей онъ безславно покрылъ всѣ прежнія удачи и такъ тогда смутилъ Москву, что она не хотѣла вѣрить даже и успѣхамъ Скопина, побѣдоносно двигавшагося также къ Москвѣ, съ сѣвера. Затѣмъ, въ Междуцарствіе, этотъ Ѳед. Ив. Шереметевъ находится въ томъ седмочисленномъ сонмѣ бояръ, который поспѣшилъ присягнуть королевичу Владиславу и потомъ отдалъ правящую власть въ руки Поляковъ, о чемъ такъ иронически разсказываетъ лѣтописецъ. Самый договоръ съ Жолкѣвскимъ объ избраніи Владислава на царство, велъ и утвердилъ тотъ же Шереметевъ,

какъ избранный Думою, въ числѣ троихъ бояръ, третьимъ послѣ Мстиславскаго и Голицына. Онъ служилъ и прямилъ не только королевичу, но и самому королю Сигизмунду, у котораго за это выпросилъ новую богатую вотчину, именно въ то время (4 Мая 1611 г.), когда собралось подъ Москву Ляпуновское ополченіе. Дальше: въ концѣ Генваря 1612 года, слѣдовательно, когда почувствовано было этими чудными совѣтниками настоящее движеніе народа и именно на Низу, тотъ же Шереметевъ подписывалъ вмѣстѣ съ другими, но кромѣ патріарха, увѣщательныя грамоты въ города, напр. на Кострому, въ Ярославль, наказывая народу, чтобъ не собирались идти подъ Москву (для ея освобожденія!), а чтобъ вѣрны были присягѣ Владиславу. Вотъ чѣмъ Шереметевъ заявлялъ свою безупречность и свои способности въ бо́льшей степени, чѣмъ Пожарскій. Здѣсь умъ Шереметева совсѣмъ расходился съ умомъ народа, который совсѣмъ не такъ понималъ свои отношенія къ Русской землѣ. Всѣ бояре послѣ говаривали, что они подписывали позорныя грамоты изъ подъ-неволи, изъ смертной боязни; но передъ ними же, передъ всѣми, стоялъ неколебимо патріархъ и грамотъ не подписывалъ. Стало быть онъ одинъ только былъ храбрый человѣкъ! Оттого Кривой Салтыковъ и забралъ себѣ всю власть, что всѣ остальные были или трусы, или сторонники Поляковъ. Середнее положеніе было только за патріархомъ Ермогеномъ. Но онъ себѣ подражателей не нашелъ. Вообще же историкъ не замѣтилъ главной причины, почему Нижегородцы совсѣмъ не могли выбрать въ воеводы Шереметева. Этотъ герой находился тогда очень далеко отъ нихъ. Онъ сидѣлъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ рукахъ у Поляковъ, по указкѣ которыхъ, если не по собственной волѣ, и разсылалъ грамоты, чтобъ Нижегородцы и никто изъ городовъ подъ Москву спасать Отечество не собирались. Ѳед. Шереметевъ занялъ очень видное мѣсто при царѣ Михаилѣ, по

той особенно причинѣ, что былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской. Лучшею характеристикою этого боярина, какъ и многихъ другихъ тогдашнихъ бояръ и сановниковъ, служитъ существующее (по свидѣтельству П. И. Мельникова) его письмо къ Голицыну, въ которомъ онъ объявляетъ: «Выберемъ (на царство) Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ». Смыслъ этого письма таковъ, какъ очень справедливо замѣчаетъ г-нъ Костомаровъ, что бояре склонялись къ выбору Романова, между прочимъ потому, что при его молодости и неопытности думали править сами и поступать по своей волѣ. Такъ въ дѣйствительности и было въ первое время царствованія Михаила, пока не явился дѣятелемъ управленія (съ 1620 г.) его отецъ Филаретъ, одинъ изъ крѣпкихъ людей смутной эпохи [29]).

На другой и на третій день послѣ Московскаго пожара и разгрома у Москвы показались передовые полки собравшейся рати. Затѣмъ, одинъ за другимъ, стали подходить и воеводы изъ городовъ. Первый пришелъ Заруцкій 24 Марта, за нимъ 25 Трубецкой, оба изъ Калуги съ дружиною Тушинскаго Вора. Въ тотъ же день пришелъ Ляпуновъ съ Рязанцами; потомъ пришелъ кн. Репнинъ съ Нижегородцами, пришли съ воеводами Арзамазцы, Муромцы, Владимірцы, Костромичи, Ярославцы, Романовцы, Угличане, Каширяне, — всею Землею собрались уже къ 1 Апрѣля—и Москву осадили на-крѣпко. Но прежде чѣмъ разсказывать, какъ дѣйствовали эти воеводы, лѣтописецъ тотчасъ же прямо начинаетъ повѣсть о томъ, что была у нихъ подъ Москвою разнь великая и безо всякаго дѣла стояли многіе дни. Ратные люди всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ, объяснили, что отъ множества воеводъ и отъ ихъ несогласій только замѣшательство ратному дѣлу, не знать, кого изъ нихъ слушать; и порѣшили выбрать начальниковъ, кого бъ одного слушаться. Выбрали Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова.

Выборъ первыхъ двухъ прямо и показывалъ, что въ войскѣ господствовала партія Тушинская, казацкое атаманье, какъ выражался патріархъ Ермогенъ. Однако Ляпуновъ, какъ настоящій диктаторъ, забралъ всю власть въ руки къ себѣ. Ненавидя вообще измѣнниковъ-бояръ, призвавъ въ ополченіе ихъ же холоповъ, съ объявленіемъ имъ свободы, онъ давалъ сильно чувствовать свою власть отецкимъ дѣтямъ, т. е. тому же боярскому сословію, у котораго однакожъ, какъ у сословія помѣщиковъ, онъ все-таки былъ главнымъ представителемъ. Приходили къ нему на поклоненіе и стаивали у его избы многое время, дожидаясь, когда приметъ или когда выйдетъ. Съ казаками Тушинской дружины онъ поступалъ еще хуже. За то была на него ненависть великая. Съ другой стороны Заруцкій опирался только на своеволіе казаковъ, понабралъ себѣ въ кормленіе много городовъ и волостей, и на казацкое насиліе и буйство всегда смотрѣлъ сквозь пальцы, потому что искренно дружилъ только Ворамъ-самозванцамъ да Полякамъ. За то и на него отъ всей Земли была ненависть великая. Трубецкой во всѣхъ случаяхъ держался стороны Заруцкаго. Таковъ былъ составъ этого ополченія.

Очень понятно, что среди такихъ огней скоро должна была возродиться мысль объ избраніи какого либо законнаго царя, хоть «гиршого да иншого», чтобъ по крайней мѣрѣ освободить себя отъ самоуправства избранныхъ воеводъ. Еще больше должны были разсуждать объ этомъ сами воеводы, чтобъ избавиться другъ отъ друга и именемъ новаго царя завладѣть властью вполнѣ. Придумали послать въ Новгородъ просить царя изъ за моря, у Варяговъ, Шведскаго королевича Филиппа. У Заруцкаго же съ казаками и съ иными боярами и дворянами была другая мысль; они хотѣли подойти поближе къ цѣли и думали посадить на царство Калужскаго воренка, Маринкина сына. Она же въ ту пору и жила не далеко отъ Москвы, въ Коломнѣ.

Между тѣмъ ратнымъ людямъ отъ воеводскаго управленія пришло не въ-мочь. Снова они собрались на совѣтъ и написали воеводамъ отъ всей рати челобитную, въ которой просили, чтобъ воеводы были между собою въ совѣтѣ и ратныхъ людей жаловали бъ по достоинству, а не выборомъ и не черезъ мѣру; и себѣ бы взяли вотчины тоже въ мѣру, а остальныя вотчины и всякія земли взять бы во Дворецъ и тѣмъ кормить и жаловать ихъ, ратныхъ людей. Также между собою всѣмъ ратнымъ другъ друга не попрекать — кто служилъ въ Тушинскихъ таборахъ и кто служилъ въ Москвѣ царю Василью. А о боярскихъ дворовыхъ людяхъ, которые ушли отъ бояръ-измѣнниковъ и теперь въ казакахъ, помыслить и сказать имъ указъ, въ какомъ чинѣ имъ служить... Ясно, что въ ратныхъ людяхъ просыпались здравыя политическія стремленія: они хотѣли порядка, правильнаго устройства, хотѣли забыть позорное прошлое, кто, какъ и гдѣ измѣнно служилъ или дѣйствовалъ, въ Тушинѣ или въ Москвѣ; хотѣли какъ бы обновиться, начать новую жизнь... Начальники, прочитавши челобитную, стали судить объ ней розно. Трубецкому и Заруцкому она очень не полюбилась, именно по поводу вотчинъ, что̀ вполнѣ и обнаруживало, съ какими цѣлями и зачѣмъ именно они передвинулись отъ Калуги къ Москвѣ. Ради оканянныхъ вотчинъ передвигались они отъ одного самозванца къ другому, а потомъ и пришли къ Москвѣ, гдѣ пока еще мутной воды было много и еще можно было уловить не одну рыбку, а пожалуй и цѣлую рыбищу, какъ уловилъ себѣ Заруцкій богатую область Вагу, а за нимъ потомъ и Трубецкой уловилъ ее же.

Ляпуновъ, починомъ котораго вѣроятно и челобитная была написана, показалъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ примкнулъ къ челобитной и вопреки желанію товарищей-воеводъ, велѣлъ составить приговоръ, который былъ написанъ 30 Іюня и съ

большими подробностями распространялся главнымъ образомъ о правильномъ распредѣленіи помѣстій и вотчинъ, грозя отнимать, кто забралъ не по своей мѣрѣ слишкомъ много, взыскивать неправильно собранные доходы и т. п., что̀ все должно было окончательно возстановить противъ Ляпунова всѣхъ воровъ и грабителей. Трубецкой и Заруцкій, говоритъ лѣтописецъ, возненавидѣли его и стали мыслить, какобъ его убить. Замѣчательно, что въ приговорѣ, наравнѣ съ другими, участвовали и **дворовые**, т. е. боярскіе холопи. Таковы были внутреннія, домашнія отношенія въ первой рати, собравшейся на очищеніе Москвы. Съ Поляками она билась всетаки крѣпко и храбро, почти каждый день. Три дня дрались съ Сапѣгою и заставили его отойдти отъ Москвы; очистили отъ враговъ весь Бѣлый Городъ, подѣлали въ немъ много укрѣпленій. Но все это строилось радѣньемъ Ляпунова. Писался онъ третьимъ послѣ Тушинскихъ бояръ, какъ думный дворянинъ; но на дѣлѣ былъ первымъ и главнымъ, и распоряжался самостоятельно. Однако скоро насталъ часъ и для него. Какъ слѣдовало ожидать, дѣло вышло изъ-за казаковъ. Казаки больше всего воевали по селамъ и деревнямъ и по большимъ дорогамъ, грабя и побивая торговыхъ и всякихъ запасистыхъ людей. Прокопій много разъ въ Разрядѣ на совѣтахъ говорилъ князю Трубецкому, Заруцкому, Просовецкому, чтобъ унимали своихъ казаковъ, что торговымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ проѣзда въ Москву, а оттого и всей рати нужда во всемъ. Атаманье объясняло, что воровать казакамъ оно не позволяетъ, а что если кто тайно ѣздитъ, тѣхъ надо ловить, казнить смертью, а нельзя поймать, такъ на мѣстѣ ихъ побивать. Порѣшивши такъ (о чемъ Прокопій разослалъ по городамъ и грамоты), казаки стали ѣздить на грабежъ уже станицами, человѣкъ по 200, по 300 и больше. Какъ ихъ ловить и какъ на мѣстѣ побивать? Однако подобный случай не замедлилъ. У

Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ поймалъ такихъ воровъ 28 человѣкъ и посажалъ ихъ въ рѣку, потопилъ. Но трупы были привезены въ Москву на зрѣлище всему казачеству. Тогда оно и поднялось на Прокопья всѣмъ казацкимъ кругомъ. Прокопій было побѣжалъ въ свою Рязань, но ратные возвратили его и упросили остаться по прежнему. Тогда принялся за дѣло соперникъ его Заруцкій, сговорившись съ Гонсѣвскимъ, Польскимъ воеводою Кремля. Была поддѣлана подъ руку Ляпунова измѣнная грамотка, что онъ сносится съ Поляками. Казаки потребовали его въ кругъ для земскаго дѣла. Онъ было не шелъ, но атаманье поклялось, что ничего худаго ему не сдѣлаютъ. Однако для земскаго дѣла ни Трубецкой, ни Заруцкій не вышли въ кругъ. Начался великій шумъ, споръ; атаманъ Сергѣй Карамышевъ разомъ все покончилъ, начавъ Прокопья сѣчь саблею. Сказалъ было прежній великій недругъ Прокопья, Ив. Ржевскій, прямое, смѣлое слово, что губятъ Прокопья неповинно, но тутъ же и погибъ за одно съ нимъ. Это случилось 22 іюля [30]).

Смерть Ляпунова произвела потрясающее впечатлѣніе на всю рать, особенно на дворянское земство, на прямыхъ служилыхъ людей, которые и поспѣшили убраться подальше отъ Москвы. Иные, кто былъ повороватѣе и похитрѣе, покупали себѣ у Заруцкаго воеводства и начальства и тоже по добру по здорову удалялись отъ злодѣевъ. Какъ потомъ неистовствовали казаки надъ служилымъ дворянствомъ, объ этомъ лѣтописцы разсказываютъ слѣдующее. Вскорѣ, какъ пришла и Казанская рать, принесенъ былъ изъ Казани образъ Богородицы, списокъ съ чудотворной. Всѣ ратные вышли встрѣчать святыню пѣшими, а Заруцкій съ казаками выѣхалъ на коняхъ, непочтительно и невѣжливо. При этомъ казаки явили великое самовластіе: всѣхъ ратныхъ позорили, лаяли и поносили, а многихъ и били; ратные въ великомъ ужасѣ и

страхѣ думали, что ихъ всѣхъ побьютъ, какъ Ляпунова. За тѣмъ во время взятья у Поляковъ Дѣвичьяго монастыря, на битвахъ, многіе честные люди, стольники, дворяне, искали сами себѣ смерти, отъ казачьяго насилія, безчестія и позору. Особенное гоненіе и тѣсненіе было отъ Понизовыхъ казаковъ, отъ Волжской вольницы, въ которой много было боярскихъ холопей. Они продолжали мстить боярству помѣщичьи обиды и наказывали его за начатую смуту тѣмъ же оружіемъ. Служилые почти всѣ разошлись по домамъ. Осталась подъ Москвою рать Тушина и Калуги, рать Тушинскаго царика, подъ начальствомъ его бояръ Трубецкаго и Заруцкаго, который сдѣлался теперь полнымъ властелиномъ, ибо Трубецкой игралъ при немъ ничтожную роль. Конечно, эта рать приносила Москвѣ весьма двусмысленную помощь. Она и не устояла противъ Сапѣги, который успѣлъ спокойно доставить запасы осажденнымъ въ Кремлѣ Полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее изъ Бѣлаго Города. Потомъ она отбила Ходкѣвича; но, вѣроятно, потому что онъ пришелъ прямо на таборы, значитъ было уже необходимо за себя постоять; а затѣмъ во все время дорога врагамъ въ Кремль и изъ Кремля была вообще не совсѣмъ закрыта, и особенной тѣсноты имъ не было. Такъ вели себя Тушинскіе воеводы потому, что имъ главнымъ образомъ нужно было только стоять у Москвы, какъ они стояли еще въ Тушинѣ, ибо это стоять значило пользоваться кормленьемъ и доходами съ городовъ, съ дворцовыхъ богатыхъ селъ, съ вотчинъ и волостей, раздавать вотчины своимъ доброхотамъ и совѣтникамъ, первенствовать и владычествовать надъ Землею. Вотъ почему они хотѣли сначала присягнуть Калужскому воренку, а потомъ присягнули новому самозванцу, появившемуся во Псковѣ, но ими же вѣроятно и поставленному. Съ такими царями можно было очень долго стоять, домогаясь будто бы очистить Москву отъ Польской силы [31]).

V.

Обыкновенно разсказываютъ (и это стало уже непогрѣшимою истиною), что Нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что Нижегородцы до того времени, какъ будто, по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что́ дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоитъ необходимость помочь Отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Аврамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о такомъ дѣйствіи Троицкихъ грамотъ и даже о самыхъ грамотахъ не говорятъ ни слова.

Но уже доказано и довольно основательно, что старецъ Аврамій, въ своемъ «Сказаніи объ осадѣ Троицкаго монастыря», писалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпическую поэму, даже въ иныхъ мѣстахъ книжно-стихотворнымъ складомъ, а главное писалъ своему монастырю и особенно себѣ высокопарный панегирикъ, похвальное слово. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является его имя, исторія должна принимать съ великою осторожностью, ибо это тѣже легенды. Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время починомъ Троицкаго монастыря,

старецъ беззастѣнчиво, напр., расписываетъ, что Ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими же грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ Московской розрухи, 19 Марта, т. е. въ то время когда уже Ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ. О томъ, что поднялъ это Ополченіе не кто иной, какъ патріархъ Ермогенъ, старецъ Аврамій вовсе не знаетъ, или какъ бы не хочетъ знать, между тѣмъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся тогдашняя переписка городовъ между собою. Онъ, напротивъ, говоритъ, что «тѣ ихъ грамоты отъ обители Живоначальныя Троицы во всѣ Россійскіе города достигли, и слухъ сей въ уши всѣхъ распространился, и милостію Пребезначальныя Троицы по всѣмъ городамъ всѣ бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православныхъ христіянъ мало по малу разгорались духомъ ратнымъ, и вскорѣ, сославшись между собою, сподвиглись отъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ на отмщеніе крови христіанской...» Послѣ рати много храбрыхъ! говоритъ старая пословица.

Этихъ грамотъ Исторія до сихъ еще поръ не открыла. Ей извѣстны двѣ окружныя грамоты отъ Троицы: одна писанная въ Іюлѣ, другая 6 Октября; обѣ писаны по просьбѣ стоявшихъ подъ Москвою воеводъ, а не по начину самого монастыря, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Аврамій. Первая писана въ Казань еще при жизни Ляпунова и проситъ помощи ратными людьми и казною, чтобъ шли скорѣе. Самъ Ляпуновъ еще въ Апрѣлѣ писалъ въ Казань (гдѣ грамота получена Мая 1-го) о томъ же, объявляя и боярскимъ холопамъ волю, если пойдутъ къ Москвѣ [32]). Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла отъ Троицы кромѣ Казани и въ другіе города. Однако въ томъ же Іюлѣ пришла наконецъ Казанская рать съ бояриномъ В. П. Морозовымъ, но она Ляпунова уже не застала, и на приступахъ къ Дѣ-

вичьему монастырю, вѣроятно, потерпѣла тотъ же позоръ отъ казаковъ, о которомъ говорено выше. Очень хорошо понималъ стремленія казаковъ и чутко слѣдилъ за ними патріархъ Ермогенъ. Когда, послѣ убійства Ляпунова, въ таборахъ, повидимому, разнеслась тушинская мысль посадить царемъ Маринкина сына, онъ въ Августѣ торопливо и въ душевномъ волненіи (это очень замѣтно во всѣхъ его словахъ) пишетъ въ свой любезный Нижній Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣй писать въ Казань къ митрополиту, чтобъ писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску учительную грамоту, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и атаманьѣ говорили (отъ Казани) безстрашно, чтобъ отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. «И на Вологду ко властямъ пишите, и къ Рязанскому (владыкѣ) пишите, да и во всѣ городы пишите (прибавлялъ патріархъ), чтобъ отвсюду писали въ полки къ бояромъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ: проклятъ отъ св. Собора и отъ насъ.» Затѣмъ патріархъ приказывалъ имъ всѣ тѣ грамоты собрать къ себѣ въ Нижній и прислать въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислать съ прежними же безстрашными людьми Родіономъ Мосѣевымъ и Ратманомъ Пахомовымъ, которымъ въ полкахъ говорить безстрашно, что проклятый отнюдь не надобенъ. «А хотя буде и пострáждете, заключалъ святитель, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ. А въ города для грамотъ посылать ихъ же, а велѣть имъ говорить моимъ словомъ.» Эта грамота была получена въ Нижнемъ 25 Августа. 30 числа она пошла въ Казань и по всѣмъ городамъ. Казанцы переслали ее въ Пермь. По всему Поволжью и съ притоками всѣ узнали, чего хотятъ казаки, и всѣ стали единодушно противъ ихъ мысли. Въ тоже самое время всюду распространилась вѣсть и объ убійствѣ промышленника и побората по Христовой Вѣрѣ, Ляпунова. Казань и объ этомъ шлетъ поспѣшно грамоту въ Пермь (получена 16 Сент.) и увѣдомляетъ, что въ Москвѣ поборателя Прокопья, казаки убили и что она, Казань, сослалась уже съ Нижнимъ и со всѣми поволжскими городами, что «быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, казаковъ въ города не пускать; если станутъ они выбирать государя, не сослався со всею Землею, того государя не принимать.» Ясно, что вся Земля уже отложилась отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарождалось дѣло независимое и самостоятельное. По всей Землѣ только и говору было, что казаки опаснѣе Ляховъ, что идти къ Москвѣ значитъ идти къ казакамъ на позоръ и на смерть. Пожарскій въ первой своей окружной грамотѣ о сборѣ рати счелъ необходимымъ успокоить служилыхъ людей, что если опасаются они отъ казаковъ какого налогу или иныхъ какихъ воровскихъ заводовъ, то бъ были покойны: «какъ будутъ всѣ верховые и понизовые города въ сходѣ, мы всею Землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ». Это вообще показываетъ, что казацкіе подвиги навели порядочный страхъ на всю Землю. Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага Отечеству, Поляки и казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счеты [33].

Объ этомъ очень мало знали только Троицкія власти съ своимъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ. Впрочемъ могло и то случиться, что, живя въ близи казаковъ и казацкихъ воеводъ, они по необходимости должны были мирволить имъ и жить съ ними въ дружбѣ. Но какое же впечатлѣніе и дѣйствіе могла сдѣлать эта Іюльская (отъ 13 числа) Троицкая грамота, призывавшая ратныхъ спасать Москву и доставлять деньги для

собравшагося Ополченія, когда слѣдомъ за нею повсюду приходила возмутительная вѣсть объ убійствѣ Ляпунова (22 Іюля), а затѣмъ (въ Августѣ) о намѣреніи казаковъ присягнуть Маринкину сыну-воренку. Зовутъ и умоляютъ идти спасать Москву, а пріѣзжіе отъ Москвы тутъ же разсказываютъ всему народу, что они едва спаслись отъ казацкихъ насилій и злодѣйствъ! «Разыдоша бо ся тогда вси отъ насилія казаковъ», пишетъ самъ Палицынъ.

Въ Сентябрѣ (отъ 24 числа) сталъ приближаться къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ, всего съ 2000 войска. Но такъ былъ ослабленъ казацкій подмосковный станъ, что и этой рати онъ испугался, дѣйствительно или притворно, неизвѣстно. Боялись, что гетманъ, занявъ хлѣбныя дороги, утѣснитъ казаковъ голодомъ. Трубецкой поспѣшилъ написать въ Троицкій монастырь, прося о свинцѣ и порохѣ и опять моля, чтобъ писали грамоты во всѣ города о помощи. Окружная грамота отъ 6 Октября была послана. Въ ней вкратцѣ излагалась исторія Московскаго разворенья и что «видя такое злое и страшное дѣло, оставшіеся православные христіане, Московскаго государства бояре и воеводы, Трубецкой и Заруцкой, со многими воеводами и пр. пришли подъ Москву для избавленія и стоятъ, а измѣнниковъ и Поляковъ осадили и тѣсноту имъ чинятъ великую [34]).» О Ляпуновѣ ни слова, какъ будто его вовсе и не бывало на свѣтѣ. О казакахъ ни слова, какъ будто стоятъ подъ Москвою только одни земскія рати. Потомъ описывается опасность боярамъ и воеводамъ и всей рати отъ теперешняго прихода Ходкѣвича съ прибавленіемъ, что они стоятъ крѣпко и неподвижно, и съ просьбою стать съ ними обще за одно и помочь, не мѣшкая, ратными людьми. Все это украшено приличными риторскими фразами о всеобщей гибели и отчаяніи. Но, опять можно понять, какое впечатлѣніе могла произвести эта новая, Октябрьская грамота въ народѣ, который

зналъ обстоятельства дѣла гораздо лучше, чѣмъ Троицкія власти. Народъ, въ Сентябрѣ уже повсюду, изъ грамоты Ермогена зналъ, что подъ Москвою хотятъ присягать Воренку; народъ, въ это время, по слову Ермогена, писалъ подъ Москву поученіе къ боярамъ, чтобъ не совершали такого вопіющаго позора, а въ Троицкой грамотѣ его зовутъ, умоляютъ идти и помогать тѣмъ самымъ боярамъ!... Народъ съ чувствомъ негодованія писалъ о смерти Ляпунова, поминая его добрымъ словомъ, а власти не промолвили въ его память ни одного слова. Имъ промолвить этого было нельзя, потому что грамоту они писали по внушенію и по просьбѣ заводчиковъ его убійства. Народъ, какъ мы говорили, отъ всякаго пріѣзжаго изъ подъ Москвы, которыхъ было повсюду очень много, слышалъ только о неистовствѣ казаковъ, о томъ, что всѣ отъ ихъ насилій разошлись по домамъ, что вся подмосковная рать стоитъ теперь только для грабежей; а Троицкія власти зовутъ, умоляютъ стать за едино съ этими грабителями, да еще и защитить ихъ отъ Ходкѣвича. Когда не было опасности, казаки всѣхъ позорили и гнали, а когда пришлось туго, зовутъ на помощь! Неужели въ то время потерянъ былъ у всѣхъ здравый смыслъ, чтобъ пойдти на призывъ этой не совсѣмъ понятной для народа грамоты? Еслибъ Троицкія власти изобразили вообще погибельное положеніе дѣлъ и призывали бы всѣхъ, какъ патріархъ Ермогенъ, образумиться, покаяться и, соединившись въ одну мысль, спасти Государство не отъ одной бѣды для казаковъ, отъ Ходкѣвича, а отъ общей бѣды, отъ общей смуты и разворенья, — тогда бы ихъ грамота имѣла дѣйствительно тотъ смыслъ, какой приписываютъ ей историки, и была бы принята въ народѣ, какъ принимались грамоты Ермогена, Ляпунова, всѣ грамоты городовъ. Эта же грамота своимъ содержаніемъ, послѣ множества такихъ же грамотъ, пересылавшихся въ городахъ прежде, никого не могла возбу-

дить, а тѣмъ менѣе Нижегородцевъ, которые состояніе дѣлъ знали гораздо точнѣе и подробнѣе, а главное, гораздо истиннѣе.

Вся Земля, еще съ Январьскихъ грамотъ отъ Москвичей изъ подъ Смоленска [35]) и отъ Москвичей изъ подъ Москвы наизустъ знала всѣ эти плачущія, скорбящія рѣчи о погибели и при томъ въ словахъ истиннаго чувства, а не въ словахъ книжной витіеватости. Поэтому новаго въ Троицкой грамотѣ ни для кого и ничего не было. Шелъ на Трубецкаго и Заруцкаго съ казаками Ходкѣвичъ: чтожъ тутъ было новаго и особеннаго, когда и сама Москва еще была въ рукахъ Поляковъ?

Все это даетъ намъ основаніе не вѣрить сказанію Палицына, что Нижегородцы возбуждены были Троицкими грамотами. Нѣтъ, они давно были возбуждены, съ самаго начала Смуты, и постоянно поддерживались въ своихъ мысляхъ патріархомъ Ермогеномъ, который еще 25 Августа дѣлаетъ ихъ живымъ средоточіемъ переписки со всѣми городами противъ замысла казаковъ присягнуть Маринкину сыну; а наступилъ Сентябрь, и Нижегородцы уже принялись за дѣло настоящимъ образомъ. Сильнѣе всего возбудить ихъ къ дѣлу могла именно эта грамота патріарха, принесшая имъ самое возмутительное свѣдѣніе о намѣреніяхъ бояръ и казацкой атаманьи. Надо же было покончить со всѣми подобными воровствами и смутами. Ни одинъ живой человѣкъ не могъ этого не почувствовать. Пора было возбудить спящихъ, т. е. указать выходъ изъ безвыходнаго, погибельнаго положенія! Такой живой человѣкъ, возбудитель спящихъ, и явился въ лицѣ Минина. Но онъ поднялся не Ходкѣвича отбивать, какъ призывали Троицкія власти, прося, чтобъ не мѣшкали, чтобъ «въ долгомъ времени, гладнымъ утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ (казакамъ) какія порухи не учинили.» Мининъ поднялся съ мыслью создать свое независимое, сильное и крѣпкое Ополченіе, сильное

на столько, чтобъ не бояться и казаковъ съ ихъ казацкими воеводами.

Очень понятно, что для такого ополченія нуженъ былъ и воевода иной, вовсе не рядовой, съ какимъ можно было отправить полки только противъ Ходкѣвича. Въ этомъ случаѣ нравственныя качества воеводы, быть можетъ, становились несравненно важнѣе, чѣмъ военныя качества. Вотъ почему дѣлается яснымъ, что Пожарскаго не одинъ Мининъ желалъ и выбиралъ, а приневолили его къ воеводству бояре и вся Земля, сильно, т. е. насильно, какъ онъ, на глазахъ у всѣхъ, свидѣтельствовалъ самъ въ переговорахъ съ Новгородскими послами. Затѣмъ на глазахъ у всѣхъ же, въ окружныхъ своихъ грамотахъ, онъ свидѣтельствовалъ, что посылали за нимъ многажды ѣхать въ Нижній для земскаго совѣта, что по прошенію онъ пріѣхалъ, и стали къ нему въ Нижній пріѣзжать бояре, воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне большіе и меньшіе, дѣти боярскіе, т. е. все служилое сословіе, которое въ выборѣ воеводы должно было имѣть конечно сильнѣйшій голосъ; что, главное, съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою и съ посадскими людьми на совѣтѣ, онъ и всѣ дали Богу души свои, т. е. поклялись, цѣловали крестъ на всемъ томъ, на чемъ стоять порѣшили. Слѣдовательно воеводство Пожарскаго утверждено было всѣмъ міромъ, и служилыми и посадскими.

Очень видимо, что Нижегородцы вовсе и не торопились идти на Ходкѣвича. Они дѣлали дѣло поважнѣе и дѣлали его осмотрительно, осторожно; не тотчасъ, какъ попало, рѣшали свои выборы и свои приговоры. Они работали всю осень и всю зиму до великаго поста, когда въ концѣ Февраля и въ началѣ Марта и тронулись въ походъ къ Ярославлю, задумавъ устроить въ этомъ городѣ, такъ сказать, главную свою квартиру; ибо онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ серединный городъ для сбора рати.

Между тѣмъ прослышали о Нижегородскомъ собраніи и въ Москвѣ. И вотъ что здѣсь обнаружилось. И враги сидѣвшіе въ Кремлѣ, на которыхъ поднимались Нижегородцы, и свои, которые стояли вокругъ Кремля и должны были бы очень обрадоваться такой вѣсти, стали дѣйствовать за одно, причемъ свои-то показали еще больше ловкости и хитрости въ замыслахъ остановить движеніе. Кремлевскіе измѣнники-бояре приступили къ патріарху Ермогену, заставляя его писать въ Нижній, чтобъ не собирались и не ходили подъ Москву, и когда онъ остался неколебимъ, сами написали въ Ярославль и Кострому, а вѣроятно и въ другіе значительные города, чтобъ народъ образумился и оставался вѣренъ присягѣ Владиславу, ибо безъ того ничего хорошаго и сдѣлаться не можетъ.

Заруцкій же послалъ въ Ярославль казаковъ, за которыми слѣдомъ пошелъ съ полками Просовецкій, чтобъ ускорить и занять Ярославль и всѣ поморскіе города, дабы не соединились съ Нижегородцами. Трубецкой, конечно, не замѣчалъ, что̀ затѣваетъ его властелинъ-товарищъ. Вотъ какъ-было хотѣли встрѣтить Нижегородцевъ изъ подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ Троицкія грамоты. Правду Нижегородцы говорили, отправляясь въ походъ, что они теперь послѣдніе люди. Однако попытка Заруцкаго не удалась. Тотчасъ былъ посланъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, который ускорилъ въ Ярославль прежде Просовецкаго: казаковъ переловили, посажали въ тюрьмы, и Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не пошелъ къ Ярославлю.

Первые шаги Ополченія повсюду были для него торжествомъ. Вездѣ встрѣчали его съ истинною радостью, доставляя казну на помогу и собирая ратныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ, прошло Балахну, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму, Кострому и пришло въ Ярославль еще по зимнему пути. Въ Рѣшмѣ оно получило изъ Владиміра недобрую вѣсть. Тамошній воевода, другъ Пожарскому, окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ, извѣщалъ, что во Псковѣ проявился новостарый Самозванецъ, что оному вору и подъ Москвою цѣловали крестъ. Въ то же время и изъ подъ Москвы отъ Трубецкаго и Заруцкаго пришли посланцы съ отписками, въ которыхъ казацкіе воеводы писали, что по грѣхамъ подъ Москвою прельстились и цѣловали крестъ Псковскому Вору, но что теперь всѣ люди ту вражью прелесть узнали и снова цѣловали крестъ на томъ, что быть всѣмъ во единой мысли, и чтобъ Нижегородцы шли подъ Москву не опасаясь. Писанія были прочтены передъ всѣми ратными и въ Москву посланъ отвѣтъ, что Нижегородцы не имѣютъ никакого развратья и ничего не опасаются, всю надежду положили на Бога и собираются придти подъ Москву вскорѣ. [36])

Въ Костромѣ случилась небольшая задержка. Тамъ воеводствовалъ Ив. Шереметевъ, племянникъ Ѳедора Шереметева, сидѣвшаго у Поляковъ и писавшаго грамоты противъ Нижегородской рати. Онъ не только по добру не встрѣтилъ Ополченіе, но не хотѣлъ и въ городъ его пустить, т. е. не хотѣлъ быть за одно съ Нижегородцами, непремѣнно по грамотѣ отъ Кремлевскихъ бояръ. Костромичи тоже раздѣлились на двое: одни остались съ воеводою, другіе съ честью встрѣтили Ополченіе и разсказали о воеводскомъ умыслѣ. Пожарскій придвинулся къ городу и сталъ на посадѣ. Тогда вѣрные Костромичи поднялись на Шереметева, ссадили его съ воеводства и совсѣмъ было хотѣли убить, еслибъ не спасъ Пожарскій, утишивъ народное негодованіе. Послѣ Шереметевъ дѣйствовалъ въ полкахъ же Пожарскаго, но все таки остался противникомъ Нижегородцевъ и самого Пожарскаго.

Въ Ярославлѣ Ополченіе было встрѣчено съ особенною ра-

достью и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину Ярославцы принесли даже многіе дары, но предводители ничего не приняли. Не за тѣмъ они шли, чтобы собирать себѣ дары по городамъ, хотя это была самая обычная почесть въ Русскомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости. Дары-то именно и бывали знакомъ и выраженіемъ радости.

Изъ Ярославля походъ замѣшкался на-долго, и на первое время вотъ по какимъ причинамъ: многая рать Черкасъ (Малороссійскихъ казаковъ) прошла въ ту пору къ Антоньеву монастырю (близь Краснаго Холма, 30-ть верстъ отъ Бѣжецка) и тамъ остановилась; на Угличѣ стояли казаки; Вас. Толстой пришелъ съ казаками изъ подъ Москвы и занялъ Пошехонье, слѣд. въ тылу у Ярославля. Съ Новгородской стороны пришли Нѣмцы и стали въ Тихвинѣ. Какъ же было поспѣшать въ Москву, когда непріятель отнималъ всю правую руку и тотчасъ могъ наступить съ затылка? Но больше всего грозилъ Новгородъ съ своими Нѣмцами. Необходимо было до точности развѣдать, что̀ тамъ дѣлается и куда онъ смотритъ. Если войско есть сила, то знаніе всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ въ военномъ дѣлѣ, для того, чтобъ выиграть это дѣло, является силою еще болѣе значительною. Ни Пожарскій, ни Мининъ въ этомъ случаѣ не были простаками, да и не были безразсудно-горячими людьми, чтобъ великое дѣло, которое они несли на своихъ плечахъ, потерять разомъ, въ угоду случайныхъ, мимоидущихъ, хотя и храбрыхъ, стремленій. Не въ самомъ же дѣлѣ они шли только на Ходкѣвича, только пособлять казацкимъ воеводамъ. Они собрали совѣтъ, начали думать со всею ратью, съ духовенствомъ и съ посадскими людьми, какъ бы Земскому Дѣлу было прибыльнѣе. Совѣтомъ рѣшили: въ Новгородъ послать пословъ, а на Черкасъ и казаковъ послать ратныхъ людей. Скоро сказка сказывается, да

не скоро дѣло дѣлается. Такъ и для сказки-исторіи ни почемъ ни время, ни люди, ни ихъ обстоятельства!

Спѣшить изъ Ярославля, главнымъ образомъ потому было нельзя, что въ Москвѣ держалась еще присяга Псковскому вору Сидоркѣ, представлявшему лице Тушинскаго Вора, будто не убитаго въ Калугѣ. Это была новая ложной лжи ложь, какъ лѣтопись отзывалась о другомъ ворѣ Петрушкѣ. Какъ видѣли, Трубецкой и Заруцкій присылали по этому поводу своихъ посланцевъ съ грамотами еще въ Рѣшму, описывая, что прельстившись-было, присягнули, а потомъ опомнились и снова присягнули стоять въ правдѣ. Такъ объ этомъ разсказываютъ лѣтописцы. Но изъ переписки Пожарскаго узнаемъ, что воровская присяга оставалась въ своей силѣ до 6 Іюня, когда казацкіе воеводы прислали настоящую повинную и раскаялись въ своей лжи. Стало быть въ Рѣшму (въ началѣ Марта) они писали обманъ, что образумились и отступились отъ Вора. Вѣроятнѣе всего ихъ посланцы ѣздили въ Рѣшму разузнать, что дѣлается въ Ополченіи, каково оно сильно и скоро ли дойдетъ въ Москву? Изъ Троицкой грамоты къ Пожарскому узнаемъ, что воровская присяга въ полкахъ была затѣяна еще 2 Марта. Она затѣяна разумѣется съ тою цѣлью, какъ мы сказали, чтобъ смять и спутать Нижегородское движеніе, которое тогда только что выступило въ походъ. Но когда Нижегородцы стали уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути (значитъ во второй половинѣ Марта), то Трубецкой, узнавъ вѣроятно (иначе его дѣйствій нельзя объяснить), что дѣло выходитъ не шуточное, которое смять и разстроить уже невозможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту же сторону и 28 Марта послалъ въ Троицкій монастырь объясненіе, что присягнулъ онъ неволею, какъ и другіе, что онъ радъ соединенью съ Пожарскимъ, что нельзя ли отъ монастыря послать

о томъ къ Пожарскому грамоту [37]). Странно только, что онъ выжидалъ чуть не цѣлый мѣсяцъ; доброму воеводѣ можно было о томъ же просить тотчасъ послѣ невольной присяги, а онъ тотчасъ посылаетъ къ Нижегородцамъ въ Рѣшму только одинъ обманъ, и только тогда даетъ объясненіе своей лжи, когда въ ней оставаться становилось уже очень невыгодно. Однако теперь онъ не пишетъ прямо въ Ярославль, а проситъ писать туда Троицкихъ властей, очень хорошо понимая, что Нижегородцы его грамотамъ не повѣрятъ. Грамота конечно была написана. Въ ней Троицкія власти просили Пожарскаго идти подъ Москву на-спѣхъ, потому, чтобъ тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, розныю своею не потеряли большаго Каменнаго города и остроговъ—укрѣпленій и пушекъ. Какъ будто все дѣло Отечества заключалось въ этомъ Каменномъ Бѣломъ городѣ и не было другихъ, важнѣйшихъ обстоятельствъ, съ которыми требовалось сладить прежде всего! Самое любопытное въ грамотѣ то обстоятельство, что въ короткомъ изложеніи событій, она опять ни слова не говоритъ о Ляпуновѣ и указываетъ, что ополченіе Ляпуновское привелъ подъ Москву Трубецкой. Грамота вѣроятно была послана въ началѣ Апрѣля. Но еще 7 Апрѣля Пожарскій объ ней ничего не зналъ и писалъ въ Сольвычегодскъ, къ богачамъ Строгановымъ, просилъ помоги деньгами и раскрывалъ имъ всю исторію Смуты и особенно дѣла казаковъ, какъ они вождя-первоначальника Прокопья убили и стали совершать вся злая по своему казацкому воровскому обычаю, какъ оттого служилые люди (помѣщики) изъ подъ Москвы разъѣхались по городамъ и стали совѣщаться со всѣми городами, чтобъ быть въ совѣтѣ и въ соединеньи и выбрать государя всею Землею (вотъ слѣд. гдѣ полагалось уже начало и Нижегородскому движенію); потомъ, какъ сатана омрачилъ ихъ очи: при нихъ Калужскій ихъ царь былъ убитъ, и про то всѣмъ было вѣдомо, а они присягнули Псковскому

вору. За тѣмъ воевода просилъ помыслить общимъ совѣтомъ о выборѣ государя, просилъ прислать выборныхъ въ Ярославль для всемірнаго совѣта и заключилъ желаніемъ: «И молити бы намъ всѣмъ Бога, чтобъ быть намъ всѣмъ въ любви и въ совѣтѣ безо всякихъ сердечныхъ злобъ!» Въ этихъ достопамятныхъ словахъ выразилась вся политика Нижегородскаго Ополченія, вся его душа, руководившая постоянно и неизмѣнно его дѣйствіями [38]).

Но все таки нà-спѣхъ идти къ Москвѣ, какъ того желали Трубецкой и Троицкія власти, не совсѣмъ было возможно. И въ деньгахъ еще была нужда, и подъ Москвой недоброе творилось. Быть можетъ, Пожарскій и имѣлъ уже въ рукахъ упомянутую Троицкую грамоту, но мало ей вѣрилъ; да и никакъ нельзя было вѣрить сообщенію Трубецкаго. Чему и кому можно было тогда вѣрить безъ осторожнаго и самаго осмотрительнаго испытанія?

Въ другой грамотѣ, писанной спустя два мѣсяца, въ Путивль, для возвѣщенія украинным городамъ и съ увѣщаніемъ чтобы отстали отъ Псковскаго вора, Пожарскій прямо говоритъ, по какой причинѣ онъ не пошелъ и не могъ идти наспѣхъ подъ Москву.

«Изъ Ярославля хотѣли идти, пишетъ воевода, но тутъ получили отъ Трубецкаго и Заруцкаго вѣсть, что они присягнули Вору, и Маринѣ, и сыну ея, и мы, видя это злое начинаніе, подъ Москву не пошли, а послали по городамъ воеводъ съ ратными людьми, во Владиміръ, въ Суздаль, Переяславль, Ростовъ, на Устюжну, въ Кашинъ, Угличь, въ Тверь, къ Троицѣ, въ Касимовъ и въ иные города, а на гетмана Ходкѣвича и на Черкасъ послали воеводу кн. Черкасскаго-Мастрюка съ огненнымъ боемъ, и они во многихъ мѣстахъ враговъ побили (особенно Черкасскій), а на достальныхъ Черкасъ пошли за Торжекъ...» Такимъ образомъ все Ополченіе

по необходимости было распущено по сторонамъ, чтобы укрѣпить города, очистить Землю отъ явныхъ и тайныхъ враговъ: иначе похода и предпринимать было невозможно. Въ той же грамотѣ Пожарскій, для большаго убѣжденія Путивлянъ, объясняетъ имъ, что Трубецкой и Заруцкій прислали повинную грамоту (отъ 6 Іюня) и отъ Вора совсѣмъ отказались: «а въ ихъ грамотѣ написано съ великимъ моленіемъ, что они своровали, цѣловали крестъ Вору, а нынѣ узнали, что то прямой воръ и теперь крестъ цѣловали, что и впредь Вора не затѣвать и быть съ нами со всѣми во всемірномъ совѣтѣ и соединеньи противъ враговъ... И вамъ бы, господа (прибавляетъ воевода), отъ Вора теперь отстать и быть съ нами и со всею Землею въ неподвижной правдѣ и въ соединеньи» [39]).

Такимъ образомъ только въ половинѣ Іюня Нижегородцы узнали, что подъ Москвою, по крайней мѣрѣ хоть съ виду, воровство утихло. Но они очень желали, чтобы оно утихло и за Москвою, въ украинныхъ городахъ, къ югу, и для того писали грамоту въ Путивль.

Уже изъ этихъ двухъ грамотъ, на сѣверъ и на югъ отъ Москвы, выясняется, что Нижегородское Ополченіе, прежде, чѣмъ двигаться дальше, стояло на одномъ, добивалось одного самаго главнаго, т. е. общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли. Съ этою цѣлью отовсюду оно постоянно требовало присылки выборныхъ, человѣка по два и по три, для общаго Земскаго совѣта, т. е. неутомимо, на походѣ же, собирало этотъ совѣтъ и всѣми силами старалось образумить города, привлечь ихъ на путь неподвижной правды. Оно очень хорошо понимало, что побѣдить врага не было возможности, когда была еще рознь по Землѣ; хорошо понимало, что въ этой розни зараждаются всякіе воровскіе замыслы и въ станѣ Трубецкаго и Заруцкаго, что только «всемірное соединенье» можетъ положить конецъ криводушію этихъ воеводъ. Дѣйствуя изъ Ярославля по этому

направленію слишкомъ два мѣсяца, оно добилось наконецъ того, что Тушинскіе бояре прислали повинную даже съ великимъ моленіемъ. По мѣрѣ того, какъ росла въ Ярославлѣ Нижегородская, не военная только, а именно нравственная сила, какъ все виднѣе и виднѣе восходило это солнце общаго избавленія отъ всякихъ враговъ, чужихъ и домашнихъ, такъ все больше и разсѣевался туманъ всякаго лукавства и криводушія въ людяхъ. Но для того, чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, потребно было время и время. Не поминаемъ о состояніи тогдашнихъ путей и о многихъ другихъ препонахъ, какія всегда являются въ военное и при томъ въ смутное время. Очень много героизма и отваги требовалось и для того, чтобы доставить напр. куда слѣдуетъ надобную грамотку. Сколько же было въ то время такихъ безстрашныхъ людей, какъ Мосѣевъ и Пахомовъ, когда по всей Землѣ между городами шла самая оживленная переписка изъ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ лагерей. Ни почтъ, ни телеграфовъ не было, и все это дѣлали нарочные, успѣвавшіе служить своимъ цѣлямъ съ истинною отвагою и преданностью. Сколько героевъ, которыхъ имена одинъ Богъ вѣдаетъ!

Но вообще, осмотрѣвшись хорошенько въ средѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, мы можемъ утвердительно сказать, что Нижегородское Ополченіе, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, не потеряло для главной своей цѣли ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это самое важное изъ того, что можно ставить ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную Смуту, и эта осада была несрав-

ненно мудренѣе осады Китай-города или Кремля, къ которой такъ настойчиво призывали Пожарскаго Троицкія власти. Что, если бы Пожарскій, послушавшись Апрѣльской Троицкой грамоты, поскакалъ бы съ Ополченіемъ на-спѣхъ спасать Московскій Бѣлый городъ съ его укрѣпленіями, оставивъ за собою и около себя по разнымъ городамъ воровскія и вражескія дружины съ знаменемъ Псковскаго вора или съ готовностью поднять это знамя? Что вышло бы тогда? Вышла бы таже самая исторія, если еще не похуже, какая случилась съ первымъ ополченіемъ, съ Ляпуновымъ. Хорошо изучивъ эту уже случившуюся исторію, Нижегородцы употребили весь свой разумъ, чтобы она не повторилась.

Нѣтъ, спѣшить было не только невозможно, но и не было разумно. Кто особенно хлопоталъ о томъ, чтобъ Нижегородцы пришли подъ Москву, какъ можно скорѣе? Очень хлопотали объ этомъ явные враги Нижегородскаго движенія, Заруцкій съ своею атаманьею и весьма двусмысленный Трубецкой, оправдывавшій свою вину своею же трусостью, что его все приневоливали къ воровскимъ затѣямъ, въ родѣ присяги Псковскому вору. Они народнаго, собственно земскаго движенія, боялись, какъ правдиваго суда надъ своими поступками, ибо эти посадскіе мужики непремѣнно сосчитали бы, сколько забрано вотчинъ и всякихъ доходовъ и куда все это пошло, кто пользовался? Поэтому Тушинскимъ боярамъ нужно было оторвать Ополченіе отъ остальныхъ городовъ, оторвать отъ его корней, отъ Земли, а тамъ подъ Москвою легко снова его развѣять въ разныя стороны. Лѣтописецъ прямо и утвердительно говорить, что Заруцкій хотѣлъ «оное собраніе, стоящее въ Ярославлѣ, разсыпать».

Была еще не малая причина долгаго стоянья въ Ярославлѣ— это переговоры съ Новгородомъ, который являлся какъ бы особымъ государствомъ для Ярославской рати. Необходимо было

привести и его въ соединенье, ибо здѣшніе Нѣмцы были столь же опасный огонь, какъ и Московскіе Поляки и казаки, и Нижегородцамъ въ дѣйствительности приходилось двигаться между двухъ огней. Наконецъ 26 Іюля утвержденъ былъ договоръ, что Нижегородское Ополченіе готово за одно съ Новгородомъ избрать въ цари Шведскаго королевича, если только онъ приметъ православную вѣру, т. е. въ сущности утверждено было единенье съ Новгородскою областью, добрый совѣтъ и любовь. На томъ необходимо было порѣшить, прибавляетъ лѣтописецъ, для того, чтобъ Нѣмцы не помѣшали идти подъ Москву: а того и въ мысли не было, замѣчаетъ онъ, чтобы взять на государство иноземца: всѣ желали изъ Московскихъ родовъ государя.

Только послѣ окончательнаго укрѣпленія съ Новгородомъ, т. е. только 26 Іюля, Ополченіе могло безъ помѣхи двинуться въ Москву [40]).

И оно не помедлило. Но въ это время Заруцкій употребилъ послѣднее средство: онъ подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Неизвѣстно, для чего ему такъ нуженъ былъ этотъ дюжинный, по воззрѣнію нашихъ историковъ, человѣкъ! Однажды воевода, въ съѣзжей избѣ (такъ назывались тогда братскія сборныя совѣтныя избы), стоялъ у дверей и смотрѣлъ пушечный нарядъ, который готовились везти къ Москвѣ. Была тѣснота отъ многаго народа. Казакъ Романъ поддерживалъ князя подъ руку (вѣрно князь за ранами не могъ еще выходить безъ помоги). Вдругъ толпа раздалась, казакъ Романъ повалился и застоналъ, Пожарскій подумалъ, что толпа его притиснула и хотѣлъ выйдти вонъ. Но люди съ крикомъ: «тебя князь, хотятъ убить!» не пустили его изъ избы и, осмотрѣвши мѣсто, нашли окровавленный ножъ. Оказалось, что подосланный Заруцкимъ казакъ Стенька хотѣлъ пырнуть ножемъ Пожарскаго и попалъ по ногѣ казаку Роману. Вся

рать и всѣ посадскіе зашумѣли, поймали Стеньку и стали пытать. Онъ повинился, указалъ товарищей, которыхъ тоже похватали и разослали въ города по тюрьмамъ, а иныхъ взяли съ собой въ Москву для обличенія злодѣйства. Тамъ они предъ всею ратью вину свою объявили и были всѣ отпущены на свободу. «А убить ни единаго не далъ князь Дмитрій Михаиловичъ», прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы по крайней мѣрѣ главныхъ злодѣевъ. Но не кровь начинать шелъ Пожарскій. Такъ онъ защитилъ и воеводу Шереметева [41]).

И такъ вотъ къ какимъ товарищамъ въ союзъ должно было спѣшить Нижегородское Ополченіе по призыву Троицкихъ грамотъ, вовсе не вѣдавшихъ, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ за стѣнами ихъ монастыря, получавшихъ свѣдѣнія изъ одного лишь источника, отъ Тушинскаго боярина Трубецкаго и только съ его точки зрѣнія смотрѣвшихъ на всѣ тогдашнія дѣла.

Нижегородцы видѣли дальше и знали всѣ обстоятельства дѣла основательнѣе и глубже. Имъ надо было хорошо поразмыслить, какимъ способомъ придти къ Москвѣ, чтобъ не загубить все свое начинаніе. Въ тоже время Трубецкой съ Заруцкимъ прислали пословъ (оффиціальныхъ) и просили идти подъ Москву, не мѣшкая, для того, что идетъ близко Ходкѣвичъ. Пожарскій тотчасъ отправилъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ Михаила Самсоновича Дмитріева, велѣлъ спѣшить; но, пришедъ въ Москву, въ таборы казацкіе не входить, а стать особо, укрѣпивъ свой собственный острожекъ у Петровскихъ воротъ. За тѣмъ послалъ еще отрядъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, велѣлъ тоже спѣшить, но стать также особо, у Тверскихъ воротъ. Первый пришелъ въ Москву 24 Іюля, второй 2 Августа. Полагая на проходъ отъ Ярославля до Москвы недѣлю, можемъ заключить, что первый вышелъ изъ Ярославля 17 Іюля, второй 26 Іюля, если не раньше.

Между тѣмъ въ Москву пришли и ратные изъ украинныхъ городовъ, вѣроятно по призывнымъ грамотамъ Пожарскаго, изъ которыхъ съ Путивльскою мы уже знакомы. Они стали тоже особо, у Никитскихъ воротъ, вѣроятно по соглашенію съ Пожарскимъ же. И было имъ отъ Заруцкаго и отъ казаковъ великое утѣсненіе, такъ что всею ратью они отправили посольство въ Ярославль съ просьбою идти, не медля, и избавить ихъ отъ казацкаго насилія. И вотъ здѣсь въ яркомъ свѣтѣ обнаружилось различіе полковъ подмосковныхъ (собранныхъ безъ должнаго руководительства и попеченія и безъ всякаго хозяйства)— отъ тѣхъ, которые шли изъ подъ Нижняго съ Козьмою Мининымъ. Пришли посланцы въ Ярославль и увидѣли милость Божію: ратныхъ людей пожалованныхъ и во всемъ устроенныхъ. Помянули свое утѣсненіе отъ казаковъ, и горько заплакали. Сквозь многихъ слезъ не могли и слова вымолвить. Воевода и многіе ратные, которымъ всѣмъ они прежде были знакомы, теперь едва ихъ узнавали и сами плакали, видя ихъ скорбь и нужду. Бѣдняковъ одарили жалованьемъ (деньгами) и сукнами на одежду и отпустили съ вѣстью, что идутъ скоро. Всякихъ пословъ, особенно изъ подъ Москвы, Пожарскій съ Мининымъ всегда принимали и отпускали по Русскому обычаю гостепріимно, съ подарками и съ выдачею служащимъ земскаго жалованья. Это, конечно, дѣйствовало очень миротворно и привлекало людей къ Ополченію. Когда послы возвратились и разсказали всѣмъ, каково хорошо въ Ярославлѣ, то Заруцкій хотѣлъ ихъ побить; они едва спаслись въ передовой полкъ Пожарскаго; другіе ратные отъ насилій Заруцкаго тоже спѣшили уйти, кто куда; а украинные люди, не ожидая добра, побѣжали всѣ по своимъ городамъ.

Должно полагать, что Пожарскій поднялся изъ Ярославля 27 Іюля, на другой день по укрѣпленіи съ Новгородомъ, и ночевалъ, отойдя 7 верстъ. Іюля 29 онъ уже стоялъ въ 29

верстахъ отъ города [42]). Отсюда, отправивъ въ путь со всею ратью кн. Хованскаго и Козьму, самъ съ малою дружиною удалился въ Суздаль, въ монастырь Спасо-Евфиміевской, поклониться гробамъ родителей. Рать успѣла сдѣлать одинъ переходъ и остановилась въ Ростовѣ, куда прибылъ и Пожарскій. Поклоненіе родителямъ въ такихъ важныхъ случаяхъ было кореннымъ и крѣпкимъ Русскимъ обычаемъ во все время нашей исторіи. Отчее благословеніе утверждало домы чадъ. Благословиться у покойныхъ родителей, поклонившись ихъ гробамъ, и ходилъ Пожарскій въ свой любезный монастырь. Вотъ для чего онъ сворачивалъ съ дороги на одинъ переходъ. А историкъ представляетъ, какъ будто онъ постоянно захаживалъ по сторонамъ «какъ бы для прохлады».

На походѣ изъ Ростова Пожарскій все таки долженъ былъ послать отрядъ на Бѣло-озеро для береженья отъ Нѣмцевъ, потому что была вѣсть о ихъ движеньи изъ Новгорода. Между тѣмъ Заруцкій, услышавъ, что Ополченіе уже двинулось изъ Ярославля, собрался съ казаками, мало не съ половиною войска, и побѣжалъ съ Москвы къ Маринкѣ на Коломну, а потомъ въ Рязанскія мѣста, чѣмъ и доказалъ, какъ нельзя лучше, съ какими цѣлями онъ стоялъ слишкомъ годъ подъ Москвою. Отъ оставшагося войска съ Трубецкимъ, нѣсколько атамановъ и казаковъ явились къ Пожарскому еще въ Ростовѣ съ просьбою идти подъ Москву не мѣшкая: а пришли вовсе не для того, прибавляетъ лѣтописецъ, пришли развѣдать, нѣтъ ли какого умышленья надъ ними; потому что, по пословицѣ «на ворѣ шапка горитъ,» они ожидали отъ Нижегородской силы расправы за свое воровство. Кн. Дмитрій и Козьма, по своему обычаю, пожаловали пословъ деньгами и сукнами и отпустили съ честью. Имени Трубецкаго при этомъ посольствѣ лѣтопись не упоминаетъ, но конечно посольство отправлено съ его вѣдома. Онъ, гдѣ было нужно, всегда прятался за дру-

гихъ, какъ и здѣсь спрятался за все войско. При другихъ случаяхъ, именно въ послѣдующихъ отношеніяхъ къ Пожарскому, онъ напротивъ рѣзко выставляется впередъ.

Ополченіе, наконецъ, Августа 14 пришло подъ Троицкій монастырь; было встрѣчено съ великою честью и хотѣло тутъ стоять нѣкоторое время, желая по своему обычаю укрѣпиться съ подмосковными казачьими таборами, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстью, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговору съ казаками. Отпѣли молебны и съ благословеніемъ архим. Діонисія и всей братіи тронулись въ походъ; но шли съ большимъ опасеніемъ, были «въ великой ужасти, какъ на такое великое дѣло идти!» Это значитъ, что Ополченіе до послѣдней минуты сомнѣвалось въ своемъ успѣхѣ и боялось особенно казаковъ, съ которыми въ одной мысли не успѣло укрѣпиться никакимъ уговоромъ. Опасенія были не напрасны. Однако въ это же самое время Пожарскій отказался отъ предлагаемой Нѣмцами помощи, говоря, что теперь, дастъ Богъ, Ополченіе управится съ Поляками и само, безъ чужой помощи; что до этого времени сильны были Поляки по той причинѣ, что Московское государство было въ розни; слѣд. Ополченіе уже сознавало, сколько завоеваній оно сдѣлало, не обнажая меча [43]).

Пожарскій пришелъ въ Москву 20 Августа. Такимъ образомъ походъ его изъ Нижняго продолжался безъ малаго 6 мѣсяцевъ, изъ которыхъ почти четыре мѣсяца онъ стоялъ въ Ярославлѣ. Походъ медленный.

Мы разсказали о немъ по указанію лѣтописей и грамотъ. Тѣ и другія тоже отмѣчаютъ, что походъ позамѣшкался; но нигдѣ не обвиняютъ въ томъ воеводу, а тутъ же объясняютъ и причины, отчего шло замедленіе. Объясняетъ эти при-

чины, согласно съ лѣтописцами, и самъ Пожарскій во всенародныхъ своихъ грамотахъ, слѣд. гласно и безъ всякаго намѣренія оправдать себя, а описываетъ просто, какъ шло дѣло.

Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, Троицкій келарь старецъ Аврамій Палицынъ, легендамъ котораго, къ сожалѣнію, историки вѣрятъ безъ разбора. По всему видимо, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ Нижегородскому. Это и естественно, ибо къ первому онъ былъ ближе и по сосѣдству. Онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ. Отсюда ему часто кланялись и просили то о томъ, то о другомъ, то написать грамоту въ города, то прислать свинцу и зелья. Тамъ же, въ Ярославлѣ или вообще у Нижегородцевъ, его просьбъ, наставленій и поученій не слушали и дѣлали по своему. Вотъ одна изъ причинъ, почему старецъ горою стоитъ за подмосковные таборы, хлопочетъ помочь имъ во всемъ, соединяя довольно близоруко въ своемъ понятіи, что это казацкое ополченіе— главная сила для спасенія отечества, и потому нисколько не размышляя о томъ, какое значеніе имѣетъ Ополченіе Земское, Нижегородское, и вовсе не заботясь объ его участи. Вообще въ своемъ «Сказаніи» онъ обнаруживаетъ по этому дѣлу очень тѣсный и узкій, ограниченный, старческій взглядъ на событія и положеніе вещей. Ему бы только всѣ скорѣе шли подъ Москву, къ Трубецкому, выручать его изъ тѣсноты или отъ голода... Что творится вокругъ, какая господствуетъ рознь въ городахъ, какое насиліе въ подмосковныхъ таборахъ, онъ этому не придаетъ никакого значенія и упоминаетъ объ этомъ какъ-бы только къ слову, по той необходимости, что нельзя же этого не записать въ исторію событій. Казацкія дѣла онъ правильно чертитъ только по случаю смерти Ляпунова. За тѣмъ, будто все миновалось, будто изчезли и всѣ казацкія

затѣи! Онъ все проповѣдуетъ только, чтобъ были всѣ въ единеніи и свои слова почитаетъ дѣломъ. Но кто же въ то время объ этомъ не говорилъ? Всѣ, и друзья, и враги Отечества, толковали о соединеніи, каждый на свой ладъ. Это было первымъ и послѣднимъ словомъ всѣхъ разговоровъ, всѣхъ грамотъ, изъ какого бы лагеря онѣ не выходили. Привести всѣ города и стороны къ одной мысли могли бы послѣ Ляпунова, легче и вѣрнѣе, стоявшіе подъ Москвою воеводы Трубецкой и Заруцкій. Они стояли здѣсь слишкомъ цѣлый годъ, постоянно сносились съ Троицкимъ монастыремъ, который по ихъ же просьбамъ, сталъ писать свои грамоты о собраніи ратныхъ и денегъ. А между тѣмъ, въ то же время, земская рать уходила изъ подъ Москвы именно отъ насилія казаковъ. Это было извѣстно всей Землѣ; это повторялось до самаго почти прихода Нижегородцевъ. Но объ этомъ Троицкія грамоты не говорятъ ни слова.

За кого слѣдовательно стоялъ старецъ Аврамій? Неиначе, какъ за свои личныя связи, или пріятельство, или короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ Сказаніи онъ даетъ такое видное мѣсто. А если кому особенно нужна была учительная грамота, такъ именно этому Трубецкому. Его лукавое или трусливое поведеніе, еще со времени Ляпунова, постоянно усиливало и совсѣмъ усилило злодѣя Заруцкаго. Отчего Троицкія власти, отказавшись отъ Псковскаго вора, и грамоту его оплеваша и, узнавши, что въ таборахъ ему присягнули, отчего онѣ тотчасъ же не написали туда учительной грамоты объ отверженіи самозванца? Вѣдь, по словамъ же Аврамія, и Трубецкой и очень многіе ратные, присягнули неводею: стало быть существовала достаточная почва для всѣянія правды и, конечно, противъ назидательныхъ поученій отъ божественныхъ писаній не поднялась бы и дерзость казаковъ. Вѣдь съумѣли же казаки сами собою потомъ отказаться отъ Вора, т. е.

тогда, когда Ярославская стоянка Пожарскаго сдѣлала это орудіе Смуты совсѣмъ уже безполезнымъ и когда поддержкою его можно было совсѣмъ уже проиграть всѣ свои замыслы. Вѣдь съумѣлъ же потомъ старецъ Аврамій поучить какъ слѣдуетъ казаковъ, что бы они помогли наконецъ Пожарскому отогнать совсѣмъ Ходкѣвича [44]).

Вообще отношенія Аврамія и съ этой стороны требуютъ правильной и правдивой оцѣнки. Совокупныя дѣянія Ермогена и Ляпунова старецъ Аврамій отнесъ къ дѣяніямъ своего монастыря, на похвалу ему, и совсѣмъ скрылъ правду. Медленный походъ Пожарскаго даетъ ему еще больше повода написать уже самому себѣ беззастѣнчивый панегирикъ. Послушать этого старца, такъ придется и въ самомъ дѣлѣ повѣрить, что не будь его, ничего бы хорошаго и не случилось, какъ впрочемъ историки ему и повѣрили. Они уже утвердительно говорятъ, что «въ таковомъ Москвы избавленіи первымъ, можно сказать, дѣйствующимъ былъ Аврамій Палицынъ... великій по всѣмъ дѣяніямъ мужъ... который тогда въ осажденной Москвѣ находился, яко душа движущая и оживляющая все...» Или: «Имена Сергіевскихъ архимандритовъ Іоасафа и Діонисія и келаря Аврамія Палицына, возбудившихъ тогда всеобщій патріотизмъ въ сынахъ Россіи, должны имѣть первое мѣсто предъ именами Мининыхъ и Пожарскихъ, которыхъ Россія безъ нихъ тогда можетъ быть и не видала бы.» Понятно, что съ своей точки зрѣнія, такъ могли говорить церковные и монастырскіе историки; но тоже подтверждаетъ и исторія гражданская. О побѣдѣ надъ Ходкѣвичемъ она замѣчаетъ: «Такъ, если довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль, одинъ человѣкъ (Палицынъ) нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда Русское дѣло» [45]). Въ томъ-то и дѣло, что Аврамію никакъ нельзя вѣрить на-слово, а потому и нельзя его панегирикъ самому себѣ вносить въ Исторію, тѣмъ паче если мы хотимъ ее очистить, какъ Авгіеву конюшню, по замѣчанію г. Костомарова.

Въ чемъ же и какъ обвиняетъ Пожарскаго этотъ старецъ, а за нимъ и легковѣрная легенда-исторія? Первую грамоту Троицкія власти писали къ Пожарскому въ Апрѣлѣ, объясняя, что 2 Марта Трубецкой и Заруцкій съ своимъ войскомъ присягнули Псковскому вору, а 28 Марта Трубецкой писалъ, что присягнулъ неволею и хочетъ соединенья съ Пожарскимъ, чтобъ онъ скорѣе шелъ подъ Москву спасать Бѣлый городъ, остроги, пушечный нарядъ. Князь же Дмитрій, говоритъ старецъ «писаніе отъ обители въ презрѣніе положи, пребысть въ Ярославлѣ многое время...» Мы думаемъ, что эта грамота даже изумила Пожарскаго и всѣхъ Нижегородцевъ. Ихъ призывали сражаться за одно съ людьми, которые присягнули даже и не настоящему, а поддѣланному Вору, въ то время, когда имъ всѣмъ было очень памятно заклятіе Ермогена не присягать Маринѣ и ея Воренку. Съ того заклятія прошло всего полгода. И къ тому же самая грамота писана не отъ однѣхъ властей, но еще отъ Василья Сукина, измѣнившаго нашему посольству въ Литвѣ вмѣстѣ съ старцемъ келаремъ Авраміемъ. Получивъ награды и откупившись у канцлера Сапѣги, они уѣхали отъ пословъ съ тѣмъ, чтобъ завести и распространить въ Москвѣ присягу самому королю Сигизмунду [46]). Какъ было вѣрить такимъ людямъ? На глаза Нижегородцевъ это были люди кривые. Затѣмъ и вообще Пожарскій не на столько былъ дюжинный простакъ, чтобы полѣзть самому въ ловушку, чтобъ не понять, что Трубецкой, пожалуй, хитритъ, зоветъ скорѣе Ополченіе на погибель, пока оно слабо и разсѣять его легко. Старецъ могъ ошибаться въ Трубецкомъ, но Пожарскій тѣмъ и отличался, что всегда былъ очень остороженъ. Онъ могъ сообразить вотъ что: Странно! Трубецкой присягнулъ Вору нево-

лею, изъ трусости, и молчалъ почти цѣлый мѣсяцъ. Могъ бы онъ и раньше разсказать свой грѣхъ старцу и отписать къ Нижегородцамъ о соединеніи. Нѣтъ, онъ прозрѣваетъ тогда, когда Нижегородцы являются въ Ярославлѣ дѣйствительною силою, способною положить конецъ всякому воровству. Стало быть дѣло можетъ поворотить на правду — надо заранѣе проложить и къ ней хотя окольный путь.

Вотъ что могъ Пожарскій думать о Трубецкомъ. Въ своей грамотѣ, писанной въ то же время, онъ прямо и выражается, что Трубецкой съ Заруцкимъ своровали, слѣд. онъ прямо и думаетъ о нихъ одинаково, что люди они криводушные.

Такимъ образомъ Троицкая грамота приносила Нижегородцамъ не болѣе, какъ только весьма ненадежное и двусмысленное свѣдѣніе о намѣреніяхъ подмосковныхъ воеводъ, и Пожарскій былъ вправѣ положить ее въ презрѣніе.

Но старецъ Аврамій дѣлалъ свое дѣло. Онъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, спасалъ Отечество. Вотъ почему снова изъ монастыря отправляютъ къ Пожарскому двухъ старцевъ, умоляя поскорѣй идти къ Москвѣ и помощь учинить, «пишуще то съ моленіемъ, то съ устрашеніемъ, потому-де, что началъ дѣло доброе и о немъ не радитъ, а мыслитъ неправильно, думаетъ о сладкомъ, что оно горько (идти скорѣй подъ Москву); а о горькомъ, что оно сладко и это сладкое полагаетъ во вседневномъ насыщеніи, и прочая отъ божественныхъ писаній довольно писаше.» Князь старцевъ отпустилъ, «самъ же косно и медленно о шествіи промышляше, нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ словесъ... въ Ярославлѣ же стояше и войско учреждающе (угощая), подъ Москвою же вси отъ глада изнемогающе.» Дѣйствительно подъ Москвою бѣдствовали. Но ктоже былъ въ томъ виноватъ, что въ Ярославлѣ были сыты, а подъ Москвой голодны! Въ теченіи зимы не Поляки тѣснили подмосковные таборы, а они осаждали Поляковъ и

могли бы точно также соединить въ одну мысль всѣ города, какъ въ тоже время успѣлъ ихъ соединить Нижній. Въ соединеніи было бы и хлѣба вдоволь. Между тѣмъ таборы сочиняли новаго Вора и занимались цѣлованіемъ ему креста. Старцу, вѣдь, все это было хорошо извѣстно.

Только отъ 6 Іюня Пожарскій получилъ увѣреніе, повинную грамоту отъ Трубецкаго и Заруцкаго, что они и ихъ таборы отстали отъ Вора. Но и тутъ благоразуміе и осторожность настоятельно требовали выждать время и разъузнать повѣрнѣе, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ союзъ съ Новгородомъ утвержденъ былъ только 26 Іюля. Раньше этихъ чиселъ Пожарскій никакъ идти не могъ, если желалъ совершить свой подвигъ основательно и безъ оглядокъ. Новгородъ съ Нѣмцами грозилъ бѣдой и былъ, какъ и Москва, очень сомнителенъ. Первый посолъ туда изъ Ярославля, возвратясь, привезъ такую мысль, что въ Новгородѣ отнюдь добра ждать нечего. Понадобилось же и послѣ утвержденнаго союза послать съ похода, изъ Ростова, отрядъ на Бѣло-озеро для береженья отъ Нѣмцовъ [47]).

Впрочемъ, не одинъ Троицкій монастырь старался охрабрить Пожарскаго и Нижегородское Ополченіе къ исполненію ихъ подвига. Въ то время въ Ростовѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, подвизался затворникъ Иринархъ, который, услышавъ, что Пожарскій съ Мининымъ стоятъ въ Ярославлѣ и, на призывъ Трубецкаго, боятся, не смѣютъ идти подъ Москву, помышляя объ убійствѣ отъ Заруцкаго, — послалъ къ нимъ челобитье и просвиру, повелѣвая идти безъ боязни, что узрятъ они славу Божію и Заруцкаго въ Москвѣ не застанутъ. Обрадовался Пожарскій такому слову и тронулся изъ Ярославля. Въ Ростовѣ они, съ Мининымъ, пришли за благословеніемъ къ подвижнику сами. Онъ ихъ укрѣпилъ и далъ имъ въ помощь свой подвижническій знаменитый крестъ, съ кото-

рымъ Пожарскій и довершилъ свой подвигъ въ Москвѣ. Это сказаніе, по своей простотѣ, конечно, несравненно достовѣрнѣе сочиненій и легендъ Палицына [48]).

Мы уже замѣтили, что главныя побѣды Пожарскаго, главныя его завоеванія въ томъ и заключались, что онъ мирными переговорами, договорами, уговорами привлекалъ всѣхъ къ одной мысли: очистить государство отъ Поляковъ и своихъ всякихъ воровъ и выбрать государя по общему совѣту. Служа этой мысли, онъ и Новгороду сдѣлалъ уступку, согласившись на его выборъ королевича Филиппа; онъ и съ цесарскимъ посломъ завелъ переговоры о выборѣ царя изъ Цесарскаго Дома, почитая очень выгоднымъ на это время имѣть пріятелемъ такого монарха, который могъ пособить противъ Поляковъ.

Убѣдившись, наконецъ, что дѣло со всѣхъ сторонъ пока улажено, онъ тогда только и могъ спокойно двинуться къ Москвѣ, не раньше 27 Іюля. Но старецъ Аврамій не вытерпѣлъ. Онъ 28 Іюля (нето 28 Іюня, слѣдов. мѣсяцомъ раньше) самолично отправился къ Пожарскому въ Ярославль, куда могъ прибыть конечно уже не раньше 29 или даже 30 числа, когда Ополченіе стояло уже въ 29 верстахъ отъ города. Но старецъ все таки приходитъ будто бы въ Ярославль и что же тамъ находитъ: «мятежниковъ, и ласкателей, и трапезолюбителей, а не боголюбцевъ, — воздвигающихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ... Разсмотрѣлъ все сіе старецъ и князя Дмитрія и Козьму, и все воинство довольно п о у ч и л ъ отъ божественныхъ писаній... много молилъ ихъ поспѣшить...» Князь и Козьма и все воинство послущали молящаго и поучающаго старца и выслали свои передовые полки, такъ что, еслибъ не пришелъ старецъ, то они все еще продолжали бы учреждать свои трапезы; а передовые, какъ видѣли, посланы еще 17 и 24 Іюля были уже въ Москвѣ [49]).

Однако передъ этими числами и въ эти числа никакихъ

сваръ и мятежнаго гнѣва въ Ополченіи не было, а случилось единодушное возстаніе всей рати на подосланныхъ изъ подъ Москвы убійцъ; полки посланы вскорѣ, какъ отпущены послы отъ Трубецкаго и Заруцкаго, принесшіе вѣсть о скоромъ приходѣ Ходкѣвича; можетъ быть и самъ старецъ былъ тутъ въ это же самое время и потомъ забылъ числа и обстоятельства.

Видимо, что старецъ въ своей памяти очень многое перепуталъ и перезабылъ, не забывая только при всякомъ случаѣ восхвалять самого себя. Въ Ополченіи, когда оно стояло въ Ярославлѣ, дѣйствительно были смуты, но не въ это время. Первую смуту завелъ возвратившійся изъ Казани Ив. Биркинъ, домогаясь начальства, изъ за чего едва не случилось кровопролитія. Биркина отринули, но послѣ него, вѣроятно, остался хвостъ. Честолюбцевъ было не мало, особенно изъ знатныхъ родовъ. Вождей они не слушались, слѣдоват. примирить ихъ въ несогласіяхъ и разсудить ихъ было некому. Пожарскій держалъ себя не такъ, какъ Ляпуновъ. Не изъ слабости характера, а изъ убѣжденія, что Ополченіе должно держаться совѣтомъ и любовью, устраняя всякія сердечныя злобы, онъ не поступалъ самовластно, по-диктаторски. Вообще насиліемъ утишать вражду онъ не былъ способенъ; не таковы были его отношенія къ Землѣ. Вотъ по какой причинѣ онъ отдалъ и самого себя на судъ т р е т ь я г о, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда и водилось въ старину. Общимъ совѣтомъ, этого третьяго избрали въ лицѣ бывшаго Ростовскаго митрополита Кирилла, который жилъ на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ. Святитель пріѣхалъ въ Ярославль, и тишина возстановилась. Людей божіихъ онъ укрѣплялъ: какъ учинится ссора у начальниковъ, они шли къ нему и докладывали ему обо всемъ. Такимъ образомъ Ополченіе и здѣсь показало себя, на сколько оно вѣрно крѣпкому земскому смыслу, призывая въ свою среду миротворное разсужденіе святителя и устраняя тѣмъ са-

мымъ всякія диктаторскія попытки для устроенія порядка. Такимъ началомъ власти Земля жила искони вѣковъ; имъ же держались и между княжескія отношенія въ древній періодъ нашей исторіи.

Митрополитъ Кириллъ сопровождалъ Ополченіе и въ Москву, гдѣ потомъ, во время избранія Михаила, занялъ первое мѣсто между собравшимся духовенствомъ и первенствовалъ во всѣхъ распоряженіяхъ Земской Думы, которая, кстати надо замѣтить, была уже на половину собрана Нижегородскимъ же ополченіемъ и шла вмѣстѣ съ нимъ очищать Москву [50]).

Мы упоминали, что Пожарскій хотѣлъ стать на время у Троицы, дабы уговориться съ подмосковными казацкими таборами; однако, получивъ вѣсть о приближеніи полковъ Ходкѣвича, по необходимости долженъ былъ и самъ поспѣшить. Но нѣтъ, все это сдѣлалось лишь поученіемъ старца Аврамія, который разсказываетъ, что много молилъ о семъ воеводу и все воинство, что было у нихъ много разнствія и нестроеніе великое: одни хотѣли идти, другіе не хотѣли, говорили, что Пожарскаго манятъ подъ Москву казаки, хотятъ его убить, какъ Прокопья убили. Старецъ и именно онъ, даже и не архимандритъ Діонисій, много поучалъ всѣхъ, особенно Пожарскаго, чтобъ онъ по слову Господню не страшился смерти: если и пострадаетъ, то мученикъ будетъ Господу. Тогда только воевода оставилъ всѣ свои размышленія, страхъ вмѣнилъ ни во что и двинулся въ походъ. Само собою разумѣется, что такія благословенія церкви были необходимы ратнымъ и всегда ихъ сопровождали на битву, какъ обычное церковное слово. Но старецъ изъ обычнаго поученія церкви устроиваетъ похвальбу для своего личнаго подвига, высовывая и здѣсь свою фигуру всѣмъ на глаза. Однако, по его же словамъ, Пожарскій взялъ съ собою и старца. Съ какою цѣлью? Безъ сомнѣнія для сношеній съ Трубецкимъ и съ казаками, съ которыми старецъ былъ очень знакомъ. Такъ потомъ и случилось, какъ увидимъ. Лѣтописцы разсказываютъ о походѣ отъ Троицы правдивѣе, и о старцѣ, конечно, ни слова, а описываютъ, какъ архим. Діонисій благословилъ войско, провожая; какъ въ то время, дувшій до тѣхъ поръ сильный вѣтеръ отъ Москвы, перемѣнился и сталъ дуть попутно на Москву, что произвело въ полкахъ особую радость [51]). Старецъ объ этомъ обстоятельствѣ ничего не говоритъ, а оно, для цѣлей его сказанія, было бы очень важно. Можно сомнѣваться былъ ли онъ тогда въ монастырѣ, при отправленіи войска? Не ѣздилъ ли онъ въ Москву для уговора съ казаками, конечно, по порученію Пожарскаго?

Наконецъ Ополченіе придвинулось къ Москвѣ. Оно пришло уже вечеромъ и расположилось ночевать на Яузѣ, за 5 верстъ отъ города. Между тѣмъ были посланы разъѣздные осмотрѣть мѣста, гдѣ бы стать правильнымъ станомъ. Трубецкой безпрестанно присылалъ къ Нижегородцамъ, звалъ къ себѣ стоять въ таборы, т. е. у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, между тѣмъ какъ Ходкѣвичь двигался съ западной стороны. Нижегородцы всею ратью отказались: отнюдь тому не быть, чтобъ стать вмѣстѣ съ казаками, опять они начнутъ враждовать съ земскими. Всею ратью, слѣд., выражено старое и полное недовѣріе къ таборамъ и къ ихъ воеводѣ. На это она имѣла множество причинъ и въ числѣ ихъ весьма недавнюю и яркую причину со стороны только что бѣжавшаго Заруцкаго. Самъ же старецъ пишетъ въ своемъ Сказаніи, что когда пришелъ въ Москву передовой полкъ Нижегородцевъ съ воеводою Пожарскимъ-Лопатою и сталъ у Тверскихъ воротъ въ укрѣпленіи, то Заруцкій заслалъ множество казаковъ, да убьютъ воеводу и войско его разобьютъ; и много бились, но трудились напрасно, ничего не успѣли и со срамомъ отошли, а Заруцкій вскорѣ, и притомъ въ ночь, побѣжалъ. Теперь Заруцкаго

не было; но былъ его неизмѣнный товарищъ Трубецкой, у котораго прямаго лица разсмотрѣть было еще нельзя. Вотъ почему Нижегородцы вели себя очень осторожно.

На утро отъ Яузы Ополченіе вступало въ городъ. Трубецкой со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его и снова звалъ Пожарскаго стоять къ себѣ, въ свои укрѣпленія. Пожарскій снова ему отказалъ, что отнюдь ему вмѣстѣ съ казаками не стаивать, и сталъ у Арбатскихъ воротъ, откуда и ожидали нападенія Ходкѣвича.

Трубецкой съ казаками начали на кн. Дмитрія и на Козьму и на всю ихъ рать злобу держать и замыслили учинить имъ препону за то, что къ нимъ въ таборы не пошли. Съ какою цѣлью Трубецкой звалъ Ополченіе стоять въ своихъ таборахъ у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, когда было всѣмъ извѣстно, что Ходкѣвичь идетъ съ запасами по Можайской дорогѣ, съ запада, и слѣд. легко можетъ пробраться прямо въ Кремль, куда назначались запасы? Такимъ образомъ не Трубецкой, а Пожарскій становится врагу поперекъ дороги, устроивъ свой лагерь у Арбатскихъ воротъ и занявъ еще прежде передовымъ отрядомъ всю сторону воротъ Пречистенскихъ, съ запада отъ Кремля. Уже въ одномъ этомъ размѣщеніи воеводъ въ виду наступающаго врага, очень ясно обнаруживается, какъ различны были цѣли одного и цѣли другаго.

Ходкѣвичь стоялъ уже на Поклонной горѣ и скоро (Августа 21) перелѣзъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ Поляковъ, были Венгры и Малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки. Онъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояли полки Пожарскаго. Первому Пожарскому и выпала боевая честь встрѣтить враговъ. Трубецкой съ своими сталъ подальше, по другую сторону Москвырѣки, за Крымскимъ бродомъ, оберегая отъ Ходкѣвича обходъ въ Кремль по Замоскворѣчью. Въ добавокъ онъ прислалъ къ

Пожарскому просить конныхъ сотенъ себѣ на подмогу, чтобъ промыслить надъ Ходкѣвичемъ со стороны, съ боку. Пожарскій, надѣясь правдѣ быть, отпустилъ къ нему пять сотенъ, выбравъ лучшихъ изъ своихъ полковъ. Между тѣмъ Ходкѣвичь наступалъ только съ одними конными, а Пожарскому самому конные были бы очень надобны.

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осмаго. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили Нижегородцевъ, приговаривая: богаты пришли изъ Ярославля, и одни могутъ отбиться отъ гетмана! Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно коннымъ войскомъ, когда у Ходкѣвича только конные и были! Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли ли они стоять противъ Польской, Венгерской, Малороссійской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. «И былъ бой зѣло крѣпокъ», хватались за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, ринулись и помогли своимъ. За ними также самовольно ринулись и прямые люди изъ казацкой атаманьи: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) вражды только пагуба творится и Государству и ратнымъ!» Да будетъ вовѣки благословенна память этихъ истинныхъ сыновъ своей Земли [52]).

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда перебрался къ Донскому монастырю, на сторону Тру-

бецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и слѣд. могли быть ему очень полезны.

Онъ дѣйствительно по сторонѣ Трубецкаго, по-зарѣчью, и повелъ вновь свои атаки жестокимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ князь Пожарскій. Опять Пожарскій! Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ, изъ острожка у церкви Климента, и укрѣпившись новымъ острожкомъ у церкви Екатерины. Такимъ образомъ добрый подвигъ кн. Пожарскаго, оттѣснившаго Поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ Смуту. Нижегородцы пріуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобъ за едино подняться на гетмана. «Они же не хотяху.» Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Авраамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны, всю Сергіеву казну, какъ говоритъ другой Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ. Казаки на обѣщаніе склонились и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, при чемъ однихъ Венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобъ не пропустить въ городъ Польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше

помощь вотъ какую: слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охрабрилъ Нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого Ополченія на спасеніе и очищеніе Государства. При этомъ лѣтописецъ какъ бы съ радостью восклицаетъ: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю.» Тотъ Козьма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. «Бери, кого хочешь!» отвѣтилъ князь. Козьма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина) стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козьма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостію ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали, конные потоптали пѣшихъ. Козьма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонитъ Поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и ринулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, — дрогнулъ, и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ конечно бросились первые казаки, запасы отняли, а таборы разграбили до-чиста. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Но нельзя говорить, вопреки лѣтописямъ, какъ говоритъ г. Костомаровъ, что запасы отбиты однимъ казацкимъ войскомъ. Здѣсь участвовала поголовно вся рать и началъ первый Мининъ. Чтобы отбить запасы, надо было отогнать изъ таборовъ гетмана, а это совершено общимъ натискомъ всей рати, а не одними казаками. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать

гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. «Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобъ послѣ скорбь не приключилась! Это вѣдь Божіею помощію прогнаны наши враги!» Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія и на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы [53]).

Такъ описываютъ это дѣло лѣтописцы. Иначе о немъ повѣствуетъ старецъ Аврамій. Онъ тоже говоритъ, что первыми вступили въ битву съ гетманомъ полки Пожарскаго и отбили его; тоже говоритъ, что Трубецкой стоялъ за Москвою-рѣкою, но не поминаетъ, что стоялъ въ бездѣйствіи и не помогалъ Пожарскому; говоритъ, что въ другой приходъ гетмана наши были смяты и побѣжали, но не поминаетъ, что именно казаки ушли съ поля въ свои таборы. Это обстоятельство онъ объясняетъ такъ: казаки, выбитые изъ Климентовскаго острожка, увидя на немъ Литовскія знамена, и главное, много привезенныхъ запасовъ, зѣло умилились и прослезились о томъ, что числомъ ихъ мало. Однако возвратились, взяли острожекъ приступомъ, забрали и запасы и стали побивать и гнать Литву, удивляясь самимъ себѣ, что въ маломъ числѣ осиливаютъ враговъ. Но тутъ дьяволъ позавидовалъ, вложилъ имъ лукавую мысль: увидѣли они, что никто имъ не помогалъ, исполнились гнѣва и, возвращаясь въ свои таборы, стали укорять дворянъ, что богатятся они многими имѣніями; себя же называли нагими и голодными (только что отбивъ запасы!) и объявляли, что теперь въ битву съ врагами никогда больше не пойдутъ. Тогда непріятель, увидѣвъ, что казаки отступили, принялъ великое дерзновеніе, успѣлъ захватить мѣстность Ордынки и

укрѣпился у церкви Екатерины. Обращать казаковъ на путь истины посланъ былъ, какъ мы говорили, старецъ Аврамій, который по этому случаю ставитъ свою личность въ весьма почетное положеніе, описывая, какъ его просили и молили со слезами о посольствѣ, какъ онъ, видя Пожарскаго и Минина со многими дворянами плачущихся, и самъ прослезился и отправился въ путь, забывая о своей старости. Казакамъ онъ сказалъ льстивую рѣчь, что отъ нихъ началось доброе дѣло, что своею храбростью они прославились въ дальнихъ государствахъ и т. д. Шествіе старца по казацкимъ станамъ было торжествомъ внезапнаго обращенія казаковъ къ истинному дѣлу, они тѣснили другъ друга, возвращаясь къ битвѣ съ врагами, переходя рѣку изъ-за Яузы, гдѣ были расположены ихъ таборы. Старецъ пришелъ и въ эти таборы и что же нашелъ тамъ? «Обрѣте многое множество, иныхъ піющихъ а иныхъ играющихъ зернью» (вотъ отчего они были наги и голодны!). Старецъ пуще другихъ далъ имъ поученіе. Казаки поднялись, ударили въ набатъ и, кликнувши сказанный старцемъ ясакъ—лозунгъ во имя преп. Сергія — Сергіевъ! Сергіевъ! побѣжали всѣ къ бою. Старецъ, вопреки лѣтописцамъ, не поминаетъ, что въ это время онъ поднялъ казаковъ обѣщаніемъ многой монастырской казны. Приспѣли казаки къ обозу гетмана, жестоко напали на его войско, одни босые, другіе нагіе, только съ оружіемъ въ рукахъ, обозъ разорвали, и запасы отняли. Приспѣли воеводы съ конными полками, и гетманъ побѣжалъ и сталъ на Воробьевой горѣ, а старецъ послѣ побѣды возвратился къ Пожарскому. И выходитъ, что побѣду велъ самъ старецъ, какъ бы предводительствуя казаками, которые одни все дѣло и порѣшили. Онъ такъ и пишетъ: келарь же по побѣдѣ пріиде ко князю Д. М. Пожарскому и пр. О подвигѣ Минина онъ не говоритъ ни слова. Но лѣтописи такихъ дѣяній Аврамія не помнятъ, а иныя при-

писываютъ даже самое примиреніе казаковъ съ войскомъ Пожарскаго тому же Минину [54].)

Такъ описываетъ самъ себя старецъ Аврамій, умаляя для красоты своего портрета заслуги Пожарскаго и Минина, увеличивая для той же красоты заслуги казаковъ, заставляя вѣрить себѣ легковѣрныхъ историковъ, которые его беззастѣнчивый панегирикъ самому себѣ предпочитаютъ правдивымъ сказаніямъ правдивыхъ лѣтописцевъ.

Другой Троицкій келарь, современникъ событій и ученикъ архим. Діонисія, Симонъ Азарьинъ, не менѣе Аврамія любившій свой монастырь, но нестолько, какъ Аврамій любившій свою особу, разсказываетъ о казакахъ, что какъ скоро услышали въ монастырѣ о великой розни и враждѣ между земцами и казаками, что не помогаютъ другъ другу, то арх. Діонисій и келарь Аврамій поспѣшили въ Москву и вмѣстѣ съ Козьмою стали молить казаковъ да пріидутъ во смиреніе. И многимъ челобитьемъ приведоша ихъ во смиреніе... и земскіе полки многимъ моленіемъ въ братолюбіе приведоша. А что казацкое войско негодовало, называя себя бѣдными и непожалованными, то власти Троицкіе въ отвѣтъ на это обѣщали имъ всю Сергіеву казну отдать. Услышавши такое слово, казаки съ радостію обѣщались постоять за Вѣру и головы положить. И во время благополучно, кликнувши ясакомъ: Сергіевъ! Сергіевъ! обои полки, дворяне (земцы) и казаки, устремились на враговъ единодушно и Богъ имъ помогъ за молитвы преподобнаго Сергія [55].)

Но будемъ продолжать. Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая сердечная злоба, всякій раздоръ. Но корень Смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ случай и средство высказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда съ низу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярское великородство и владычество тотчасъ первыя заговорили о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтѣ. Тушинскій бояринъ, Трубецкой, сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ Нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобъ пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ, не для того, чтобъ не хотѣли ему честь воздавать, а боялись отъ казаковъ убійства.

Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него, какъ заступился было и врагъ Ляпунова, Ив. Ржевскій. Все это было у всѣхъ на глазахъ и въ крѣпкой памяти. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и Нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою установили одно правительство: перенесли сюда Разрядъ и другіе Приказы и всякія дѣла стали дѣлать за одно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были посланы грамоты и особо, отъ всей рати, для увѣренія.

Это происходило въ началѣ Ноября. Для Нижегородцевъ и для друзей Отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ Отечества было исключительною задачею Нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ

такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтныя попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковной рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы Поляковъ и Владислава до послѣдней минуты не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону. Видимо, что Нижегородцы для нихъ были великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли разсѣять это Ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Мы упоминали, что Пожарскій въ Костромѣ спасъ отъ народной ярости воеводу Ивана Шереметева. Этотъ Шереметевъ съ братомъ Васильемъ потомъ идутъ подъ Москву въ полкахъ же Пожарскаго. Но во-время они не пришли и не являлись въ Ополченіе до 5 Сентября. Въ этотъ день они пріѣхали и стали въ полкахъ кн. Трубецкаго, что конечно удивило Нижегородцевъ. «И учали Ив. Шереметевъ съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ, Ив. Плещеевымъ, кн. Ив. Засѣкинымъ съ товарищами научать атамановъ и казаковъ на всякое зло, чтобъ развратье и ссору въ Землѣ учинить. И по Иванову Шереметева наученью, атаманы и казаки учинили въ полкахъ и по дорогамъ грабежи и убійства великіе и собирались уже идти въ Ярославль и на Вологду и въ иные города, чтобъ ихъ засѣсть и православныхъ христіанъ разорять». Такъ объ этомъ 9-го Сентября писало Нижегородское ополченіе въ Вологду, предостерегая жить съ великимъ опасеніемъ. Оно за тѣмъ извѣщало, что «Шереметевъ съ кн. Шаховскимъ и товарищами научаютъ атамановъ и казаковъ, чтобъ у насъ начальника кн. Дмитрія Михайловича убить, что и Прокопья Ляпунова убили (а Прокопій убитъ отъ Иванова жъ заводу Шереметева), а насъ бы

всѣхъ ратныхъ людей перетрабить и отъ Москвы отогнать. А-то у Ивана Шереметева съ товарищи, и у атамановъ и казаковъ, умышляютъ, чтобъ Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанію вся совершати и Государство разоряти и православныхъ христіанъ побивати» [56].)

Опять мы можемъ спросить, зачѣмъ такъ надобенъ былъ всякимъ заводчикамъ Смуты этотъ дюжинный человѣкъ Пожарскій? Обнаруживается здѣсь также и то обстоятельство, что Шереметевы дѣйствовали такъ по науку отъ сидѣвшихъ въ Кремлѣ бояръ, ибо Ив. Шереметевъ по ихъ же грамотѣ дѣйствовалъ противъ Нижегородцевъ и въ Костромѣ. Обнаруживается вообще, что боярствующіе интересы въ большинствѣ ихъ представителей были противъ всякаго земскаго движенія, а Пожарскаго по справедливости почитали самымъ крѣпкимъ и сильнымъ орудіемъ этого движенія. Вотъ чего легковѣрные историки, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не понимаютъ.

Къ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и посланіе (Троицкое) къ двумъ князьямъ Дмитріямъ, Трубецкому и Пожарскому, о соединеніи и о любви. Пожарскій конечно очень хорошо зналъ цѣну всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и поученіямъ. Хорошо и легко было писать и посылать поучительныя посланія, ибо въ этомъ заключалась прямая служебная и нравственная обязанность духовенства; но каково было исполнять добрые совѣты и моленья, именно тѣмъ людямъ, которые заботились не о своемъ боярскомъ лицѣ (какъ Трубецкой), а впереди всего о томъ, чтобы спасти Отечество и не разстроить собранное для него и созданное великимъ трудомъ Ополченіе. Съ головою Пожарскаго непремѣнно рухнуло бы и все дѣло, имъ устроенное, какъ рухнуло такое же дѣло отъ погибели Ляпунова. Трубецкой не былъ способенъ поддержать никакое дѣло, какъ это обнаруживалось и послѣ, при

царѣ Михаилѣ. Пожарскій спасъ свое великое дѣло, не столько храбростью, сколько великою осторожностью, въ чемъ несомнѣнно очень ему помогалъ Козьма.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ Поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и для людей XVII вѣка вовсе не чужды были симпатіи съ поступкамъ человѣчнымъ, вполнѣ гуманнымъ, въ чемъ иные друзья Русской Исторіи весьма сомнѣваются.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали мало по малу выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Великородные бояре, продававшіе постоянно Отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилья своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, кто бъ ихъ защитилъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ. Здѣсь они надѣялись найдти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ честно, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить Нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и Поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобъ приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубецкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ казаки, то поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло вѣроятно уладилось какими либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ Поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Казаки весь полкъ побили, такъ что немногіе остались. Другой полкъ Будиловъ взялъ кн. Пожарскій: ни единаго не убили и не ограбили, и разослали всѣхъ по городамъ. Объ этомъ Будилѣ можно прибавить, что когда Пожарскій, еще вскорѣ послѣ удаленія отъ Москвы Ходкѣвича, предложилъ осажденнымъ въ Кремлѣ Полякамъ сдаться, изображая имъ весьма толково и справедливо, безъ малѣйшаго высокомѣрія, безвыходное ихъ положеніе, то Будило отвѣтилъ бранью и польскимъ хвастовствомъ, уподоблялъ русскихъ по мужеству и доблести осламъ и байбакамъ, говоря, что въ рыцарскихъ дѣлахъ русскіе хуже и ниже всѣхъ другихъ народовъ. «Лучше ты, Пожарскій, писалъ онъ, отпусти къ сохамъ своихъ людей. Пусть хлопъ по прежнему воздѣлываетъ землю, попъ пусть знаетъ церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей,—царству тогда лучше будетъ, чѣмъ теперь, при твоемъ управленіи и т. д. [57]).

22—26 Октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ [58]). Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ Нижегородцамъ. Казаки однако готовили эпилогъ своего стоянья подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтопись), что всю казну во многихъ городахъ выграбили; теперь же, едва и послѣдней

казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и недали совершить убійства: много вражды было, и едва безъ крови прошло.

Дабы изобразить въ подлинномъ видѣ, каковы на самомъ дѣлѣ были эти подмосковные стоятели, воспользуемся словами того же Палицына, ихъ поучателя и предводителя, описывающаго ихъ подвиги, какъ они прославляли себя именно послѣ очищенія отъ враговъ Москвы, когда всѣ радовались, что Смута наконецъ окончилась: «Казацкаго же чина воинство, говоритъ старецъ, многочисленно тогда бысть, въ прелесть велику горши прежняго впадоша; вдавшися въ блудъ, и питію, и зерни; и пропивше и проигравше вся своя имѣнія; грабяху, насилующе многимъ въ воинствѣ, пачеже православному крестьянству; и исходяще изъ царствующаго града во вся грады и села и деревни, и на пути грабяще и мучаще не милостиво, сугубѣйши перваго десятерицею. И кто можетъ изглаголати тоя тогда бѣды сотворшіяся отъ нихъ! Ни единъ бо отъ невѣрныхъ сотвори толико зла, еже они творяху православнымъ христіаномъ, различно мучаще. И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйши перваго (прежняго). Бояре же и воеводы не вѣдуще, что сотворити«...

VI.

Пожарскій окончилъ свой подвигъ и не получилъ отъ современниковъ достойной награды, или соотвѣтственной его заслугамъ признательности!

Вотъ убѣжденіе, какое необходимо является, когда перечитываемъ исторію Смутнаго времени съ ея конечнымъ дѣломъ, избраніемъ на царство Михаила. Но мы забываемъ, что въ рукахъ у насъ только оффиціальная сторона этой исторіи, сторона внѣшнихъ дѣлъ и событій; что домашней ея стороны мы вовсе не знаемъ, да и не обращаемъ на эту сторону никакого вниманія и вовсе не пытаемся разработывать ее. Между тѣмъ, безъ познанія и пониманія разныхъ бытовыхъ условій тогдашней жизни, совсѣмъ нельзя объяснить очень многіе случаи этой исторіи. Дѣйствительно, рядоваго стольника Пожарскаго мы снова видимъ въ рядовыхъ боярахъ—и только! Какъ будто лишь одинъ чинъ боярскій вполнѣ соотвѣтствовалъ заслугамъ избавителя и успокоителя Отечества! Мало того, его вскорѣ, по поводу мѣстническихъ счетовъ, выдаютъ головою Салтыкову, племяннику извѣстнаго злодѣя Салтыкова, имя котораго позорно разносилось по всей Землѣ. Не говоримъ о томъ, что честная и прямая личность Пожарскаго, такъ сказать, совсѣмъ была затерта въ толпѣ бояръ и другихъ чиновъ, отличавшихся въ Смутное время, въ большинствѣ, дѣлами болѣе или менѣе кривыми.

Объясняя себѣ это, не совсѣмъ понятное на наши взгляды, отношеніе къ Пожарскому его современниковъ, иные (Полевой) прямо говорили: «не награды, но гоненіе постигло всѣхъ, отличившихся при спасеніи Москвы!» Другіе (г. Костомаровъ) стараются доказать, что именно Пожарскаго-то не за что было и награждать, что современники вовсе не считали его тѣмъ, чѣмъ почитаемъ мы, потомки, что онъ былъ одинъ изъ многихъ, что личность его не возвышалась надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей, что, пожалуй, Мининъ и выбралъ-то его за малоспособность и т. д., подтверждая все это тѣми фактами, что напр. Трубецкой получилъ бо́льшую признательность даже отъ Земскаго Собора, что Пожарскій стоитъ всегда вторымъ, послѣ Трубецкаго; что не былъ онъ въ числѣ пословъ къ царю Михаилу, что при Михаилѣ онъ исправлялъ все второстепенныя порученія и т. д.

Всѣ эти соображенія главнымъ образомъ основываются на томъ обстоятельствѣ, что современное Пожарскому общество и само правительство никакъ особенно не выразило ему своей признательности. Но какъ и чѣмъ оно должно было выразить эту признательность? Все, что̀ возможно требовать отъ тогдашняго общества и что̀ оно во власти было сдѣлать, это— дать Пожарскому такую же награду вотчиною, какая была дана Трубецкому, который, какъ извѣстно, получилъ въ собственность знаменитую область Вагу съ земскою грамотою на это пожалованіе. Есть, сомнительное пока, свидѣтельство, что и Пожарскій, тѣмъ же путемъ, получилъ подобную же награду. Спиридовъ въ своемъ «Описаніи служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ,» говоритъ, что «Пожарскій получилъ отъ своихъ соотечественниковъ живѣйшіе и чистѣйшіе знаки благодарности и признательности, кои (соотечественники), признавая его орудіемъ Божія милосердія, назвали его своимъ избавителемъ и спасителемъ, а въ засвидѣтельствованіе сего, всѣ власти и государственные чины, согласно и единодушно приговоря пожаловать его въ бояра и дать ему изъ казенныхъ волостей отчины, вручили ему на сіе жалованную грамоту, духовными властями, боярами и другими чиновниками подписанную, что̀ все послѣ и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердилъ таковою же своею грамотою» [59]).

Нельзя вполнѣ довѣрять этому свидѣтельству, надо видѣть самую грамоту. Но если существуетъ грамота Трубецкому, то весьма могла существовать и грамота Пожарскому. Это нисколько не противорѣчитъ истинѣ, а напротивъ представляется весьма естественнымъ дѣломъ: если Трубецкой пожелалъ себѣ награды или пожелало его наградить все его ополченіе, то и ополченіе Пожарскаго, даже противъ его собственнаго желанія, могло и должно было, въ виду справедливости, опредѣлить награду и своему полководцу. Точно такъ долженъ былъ дѣйствовать и общій Земскій Совѣтъ, если онъ когда либо занимался раздачею наградъ. Спиридовъ пользовался архивными бумагами еще до 1812 года и могъ дѣйствительно имѣть въ рукахъ грамоту Пожарскаго съ пожалованіемъ его въ бояре, ибо въ 12 году очень многое изъ старины погорѣло. Его книга показываетъ довольно тщательное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и не даетъ причинъ полагать, чтобы онъ, сочиняя въ иныхъ мѣстахъ краснорѣчивыя фразы, сочинялъ и самые факты.

Впрочемъ о награжденіи Пожарскаго грамотою свидѣтельствуетъ болѣе старый источникъ, Ядро Россійской Исторіи Манкіева (изд. 2-е, стр. 322), говоря, что «Пожарскому за службу и очищеніе Москвы отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ честь, боярство и великія вотчины изъ государевыхъ волостей даны и на то жалованная грамота отъ всего государства бояръ руками подписанная, которую такожде царь Михаилъ Ѳеодор. подтвердилъ.» Если это самое свѣдѣніе послужило основаніемъ для разсказа у Спиридова, то во всякомъ

случаѣ остается одно несомнѣннымъ, что грамота Пожарскому также существовала. Какъ бы ни было, но если обѣ грамоты были выданы въ одно время, то, судя по наличной грамотѣ Трубецкаго, онѣ обѣ всетаки не могли имѣть должнаго значенія, ибо выданы онѣ не общимъ Земскимъ Соборомъ, который собрался со всѣхъ областей для избранія царя, а выданы только собраніемъ двухъ ополченій, освободившихъ Москву отъ Поляковъ, и нѣкоторыми духовными властями, находившимися тогда въ Москвѣ. Грамоту Трубецкаго подписали 15 лицъ изъ духовенства и только 12 свѣтскихъ лицъ—всё воеводы ополченія: ни одного выборнаго изъ городовъ, ни одного посадскаго, но за то здѣсь есть знаменитый Иванъ Биркинъ. Все это лучше всего и обнаруживаетъ, что воеводы, по крайней мѣрѣ Трубецкой, сами себя наградили еще до съѣзда Земскаго Собора, и вообще помимо его рѣшенія, дабы не встрѣтить съ этой стороны препятствій и прекреканій. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что первая мысль о наградѣ, вся форма ея исполненія принадлежитъ Тушинскому боярину Трубецкому, такимъ же способомъ получившему и боярство и привыкшему вслѣдъ за Салтыковымъ и Заруцкимъ самовольно награждать и себя, и своихъ близкихъ. Могутъ замѣтить: какъ же подписали эту грамоту и митр. Кириллъ во главѣ, и самъ Пожарскій съ нѣкоторыми своими же воеводами? А какъ же не подписать, если была выдана грамота и Пожарскому? Но, главное, всѣ участники этого дѣла очень хорошо знали, что ихъ грамотами оно еще не рѣшается, что грамоты всетаки должны быть утверждены новымъ царемъ, какъ всегда подобныя жалованныя грамоты и утверждались, и о чемъ говорилось и въ грамотѣ Трубецкаго, что подписавшіе обязывались бить челомъ о такомъ утвержденіи и просить о новой, уже царской, грамотѣ за красною печатью. Извѣстно, что грамота Трубецкому утверждена не была. По крайней мѣрѣ область

Вага по прежнему находилась въ числѣ дворцовыхъ волостей, а не въ вотчинѣ Трубецкаго. Есть также извѣстіе, что собравшійся Земскій Совѣтъ отписывалъ обратно захваченныя разными лицами дворцовыя волости, слѣд. грамота Трубецкаго могла быть отмѣнена еще Земскимъ Совѣтомъ, по приговору всей собравшейся Земли, ибо онъ зацѣпилъ очень лакомый кусъ изъ дворцоваго хозяйства, тотчасъ понадобившійся для новаго царя при общемъ разстройствѣ этого хозяйства [60]).

За то грамота Пожарскаго, если таковая дѣйствительно существовала, утвердилась при новомъ царѣ пожалованіемъ его въ бояре 11 Іюля, предъ самымъ выходомъ царя къ коронаціи, и укрѣпленіемъ за нимъ вотчины (30 Іюля), хотя и старой, пожалованной еще царемъ Васильемъ, но съ прибавкою и новыхъ мѣстъ. Пожарскій, какъ видно изъ свѣдѣнія о его грамотѣ, награждалъ себя очень умѣренно, боярскимъ саномъ, который ему принадлежалъ уже по праву воеводства надъ боярами же, и вотчиною безъ имени и безъ количества земли, не захватывая себѣ цѣлой области. Оттого и новому царю исполнить его желаніе или желаніе всего его ополченія было очень не трудно.

Намъ неизвѣстно, былъ ли чѣмъ награжденъ отъ царя въ это же время Трубецкой, и были ли ему какія жалованныя грамоты и впослѣдствіи. Извѣстно только, что онъ въ 1625 г. былъ удаленъ на воеводство въ Тобольскъ. Это по просту значило — былъ сосланъ, ибо Сибирское воеводство такому родовитому боярину давалось не иначе, какъ вмѣсто ссылки. Оно много значило для малыхъ людей, но для большихъ ничего другаго значить не могло. Между тѣмъ, сами же историки говорятъ, что Пожарскій существеннѣйшія награды получилъ уже послѣ, по возвращеніи Филарета, т. е. тогда, прибавимъ мы, когда управленіе отъ олигарховъ-бояръ, все пріятелей Трубецкому, перешло въ твердыя и справедливыя руки. Филаретъ

очень многое исправилъ, запущенное молодостью и слабостью своего сына Михаила.

Вообще на повѣрку выходитъ, что Пожарскій былъ награжденъ больше, чѣмъ Трубецкой, и слѣд. больше всѣхъ своихъ товарищей по освобожденію Москвы. Мининъ пожалованъ въ думные дворяне на другой день, 12 Іюля, въ имянины царя. Послѣ онъ былъ пожалованъ вотчиною изъ государевыхъ селъ Нижегородскимъ селомъ Богородицкимъ съ деревнями [61]). По существу дѣла Трубецкой былъ обиженъ, если въ замѣнъ лакомаго куса, любезной Ваги, ему не было дано никакой вотчины. Намъ кажется, что люди и тогда обладали здравымъ умомъ и не совсѣмъ были чужды понятій о справедливости. Не смотря на связи Трубецкаго со многими сторонниками Михаила и близость его ко Двору даже по родству, не смотря на его великородство, онъ всетаки въ общемъ мнѣніи правительства оставался Тушинскимъ бояриномъ, между тѣмъ какъ Пожарскій, совсѣмъ чуждый Двору, и въ Михайловой грамотѣ на вотчину былъ восхваленъ предъ всѣми, что «при царѣ Васильѣ стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безо всякія шатости, и на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился.» Вѣдь такія слова должны были очень больно рѣзать глаза многимъ боярамъ и особенно Трубецкому.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что сослуживъ народную службу по избранію всей Земли, онъ, съ избраніемъ царя, съ установленіемъ стараго царскаго порядка службы, очутился снова рядовымъ стольникомъ, а потомъ и рядовымъ бояриномъ; изъ Дмитрія предъ народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, сталъ холопомъ Митькою предъ царемъ, какъ тотчасъ была написана имъ вмѣстѣ съ Митькою же Трубецкимъ челобитная къ царю Михаилу, въ которой они, напоминая о своей службѣ, что очистили государство отъ враговъ, просили повелѣнія, гдѣ на

радости прикажетъ имъ выѣхать къ нему на встрѣчу, увидѣть его пресвѣтлыя очи [62]).

Надо хорошо запомнить, что Смутное время не было временемъ революціи, перетасовки и перестановки старыхъ порядковъ. Оно было только, какъ мы уже замѣтили, всестороннимъ банкротствомъ правительства, полнымъ банкротствомъ его нравственной силы. Правительство было не чисто, оно изолгалось, оно ознаменовало себя цѣлымъ рядомъ возмутительныхъ подлоговъ. Народъ это видѣлъ хорошо и поднялся на возстановленіе правды въ своемъ правительствѣ, на возстановленіе государственной власти, избранной правдою всей земли, а не подлогами и «воровствомъ» какихъ либо городовъ и партій. Пожарскій съ Мининымъ сдѣлались руководителями и предводителями этой всенародной правды. Они шли съ Нижегородцами не для того, чтобы перестроить государство на новый ладъ, а напротивъ шли съ одною мыслью и съ однимъ желаньемъ возстановить прежній порядокъ, расшатавшійся отъ неправды правительства. Повторимъ также, что Смутное время тѣмъ особенно и замѣчательно, что въ немъ роли правительства и народа переставились. Въ это время не народъ бунтовалъ и безобразничалъ, не подвластная среда шумѣла и шаталась, а безобразничала и шаталась вся правящая, владѣющая среда. Народъ, измученный, растерзанный даже на части буйствомъ этой среды, поднялся и унялъ ее, водворилъ тишину и спокойствіе въ государствѣ. Тѣмъ его подвигъ и окончился. О другомъ ни о чемъ онъ не думалъ, ибо тутъ же вполнѣ убѣдился, что безгосударное время совсѣмъ можетъ погубить всю Землю, что множество властей есть собственно боярская игра и прямое зло государству; онъ доказалъ только на опытѣ, что государственное устройство неизмѣримо крѣпче и правдивѣе держится общимъ Земскимъ Совѣтомъ (безъ котораго Нижегородцы шагу не дѣлали), а не еди-

ничною волею разныхъ самовластцевъ, въ родѣ даже Ляпунова, и не указами избраннаго кружка такихъ самовластцевъ въ родѣ боярской Думы. Земскій Совѣтъ Нижегородцевъ нѣкоторое время былъ руководителемъ государственнаго устройства даже и въ первые годы царствованія Михаила. Но конечно, матерые жернова стараго порядка смололи и это доброе зерно: оно не дало никакого роста. И всетаки подвигъ Минина и Пожарскаго есть великое изъ великихъ народныхъ дѣлъ нашей Исторіи. Онъ предъ ея лицемъ съ полною очевидностью раскрылъ глубину той премудрости, что и народъ независимо, самъ собою, съ великимъ и въ полномъ смыслѣ государственнымъ умѣньемъ, можетъ дѣлать свое политическое земское дѣло.

При этомъ необходимо еще запомнить, что съ возстановленіемъ стараго порядка само собою послѣдовало, никѣмъ не провозглашенное, но всѣми глубоко сознанное всепрощеніе для всѣхъ и всяческихъ воровъ и негодяевъ, которые, какъ скоро Смута утихла и излюбленный царь былъ избранъ, всѣ тутъ же оказались людьми честными и въ нравственномъ и въ служебномъ смыслѣ. Блудные сыны, постигнутые тьмою неразумія, образумились, всѣ люди въ бѣдахъ поискусились и въ чувство и въ правду пришли!... Все смутное воровство было забыто навсегда: кривые Тушинцы смѣшались съ прямыми Нижегородцами и старые жернова стали молоть по старому, какъ было прежде, какъ было при прежнихъ государяхъ. А потому весьма понятно, когда прежніе порядки установились на своихъ прежнихъ мѣстахъ, то и люди, возстановлявшіе эти порядки, должны были остаться тоже на своихъ прежнихъ мѣстахъ, съ прежнимъ своимъ значеніемъ и положеніемъ въ обществѣ, а особенно въ службѣ. Дмитрій сталъ Митькою. Еслибъ Смута была перестройкою и передѣлкою государства, тогда явились бы и новыя мѣста для людей, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ и первыхъ

мѣстъ принадлежало бы и Пожарскому. Тогда съ нимъ, какъ и съ Мининымъ, никто бы и спорить не сталъ изъ-за мѣста и не могло бы быть позорнаго случая выдачи его головою Салтыковымъ. Общее мнѣніе, всенародное избраніе указало бы имъ настоящія, безспорныя ихъ мѣста. Но такъ какъ все дѣло заключалось въ возстановленіи прежнихъ порядковъ, а стало быть и прежнихъ мѣстъ, то наши герои изъ предводителей тотчасъ попали въ рядовые, какими были прежде. Ни для кого изъ современниковъ это не было и удивительно. Съ избраніемъ царя потянулся въ царствѣ-государствѣ прежній царскій порядокъ и жизни, и отношеній, и службы.

Въ Царской Думѣ и даже еще прежде въ Земской Соборной Думѣ сѣлъ на первое мѣсто князь Мстиславскій, ибо на томъ мѣстѣ онъ сидѣлъ и допрежде, и никакая, даже царская власть пересадить его пониже не могла, потому что крѣпокъ онъ былъ на этомъ мѣстѣ своими счетами о боярскихъ мѣстахъ. Это мѣсто хранилъ за нимъ его родъ. Царь могъ жаловать въ бояре, но въ сыны честнаго великороднаго отца онъ не могъ жаловать. Это было выше его власти, во всемъ другомъ безграничной и самовольной. Стало быть на самомъ-то дѣлѣ царемъ и повелителемъ былъ старый порядокъ жизни и всего быта, который тотчасъ же и сталъ все перемалывать по своему. Царь Михаилъ правомъ пожалованія въ бояре воспользовался въ первый же часъ своего царствованія. Въ день коронованія, при всеобщей радости, одушевлявшей безъ сомнѣнія и его самого, онъ, собираясь идти въ соборъ, вышелъ въ Золотую Палату, сѣлъ впервые на своемъ царскомъ мѣстѣ и пожаловалъ въ бояре, но кого же перваго? Казалось бы въ умѣ молодаго царя, избраннаго всею Землею, никакихъ другихъ лицъ, никакихъ другихъ именъ, въ эту торжественную минуту, не могло и вспоминаться, кромѣ именъ лучшихъ людей Смутнаго времени, избавителей и сохранителей

государства, на престолѣ котораго теперь онъ возсѣдаетъ. Но сила возстановленнаго стараго порядка взяла свое и въ полной мѣрѣ обнаружила, что послѣ Смуты новаго въ царскомъ быту не произошло ничего. Молодой царь на радости своего коронованія прежде всего пожаловалъ въ бояре не стольника Пожарскаго и не Козьму, а своего двоюроднаго брата, кн. Ивана Борисовича Черкасскаго, только въ эту минуту сдѣлавшагося особенно извѣстнымъ народному множеству. Какая была его служба, никто не зналъ, да и самъ онъ вѣроятно былъ еще очень молодъ. Но это было дѣло собственное царское, личное дѣло царя. Этотъ его поступокъ былъ руководимъ всесильною въ то время мыслью о чести своего р о д а. Опять, стало быть, ничто другое, а р о д ъ управляетъ мыслями и дѣлами людей. А говорятъ, что родоваго быта у насъ вовсе не было! Но необходимо согласиться, что община, конечно, пожаловала бы въ бояре прежде всего своего избранника Пожарскаго, или своего выборнаго человѣка Минина, а не своего двоюроднаго брата Черкасскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ царь уступилъ и общинѣ. Вторымъ онъ пожаловалъ въ бояре стольника Пожарскаго. Потомъ, на другой день, третьимъ пожалованнымъ въ думные дворяне былъ Мининъ. Это и было торжествомъ справедливости и великою почестью для пожалованныхъ. Царю въ тогдашней системѣ понятій и порядковъ ничего больше сдѣлать было невозможно. О пожалованіи вотчинами подробности намъ неизвѣстны. За Пожарскимъ черезъ три недѣли была утверждена новою грамотою старая его вотчина, пожалованная ему Шуйскимъ несправчиво, безъ отдачи въ полное владѣнье и въ потомство, при чемъ были сказаны вышепомянутыя слова, вполнѣ засвидѣтельствовавшія значеніе заслугъ и подвигъ Пожарскаго. Затѣмъ царской власти, тогда молодой и слабой, находившейся въ рукахъ бояръ, соперниковъ Пожарскаго, идти дальше не

позволялъ уставъ царскаго быта. Наперекоръ желаніямъ даже самого государя, и Трубецкой, и очень многіе другіе бояре вездѣ должны были первенствовать предъ Пожарскимъ. Однако и то было великимъ дѣломъ, что на коронаціи онъ держалъ по чину третью регалію, весьма знаменательную, д е р ж а в у, яблоко владомое, великодержавное. Первую регалію—корону держалъ дядя царя, Ив. Никит. Романовъ, съ которымъ было заспорилъ о мѣстѣ Трубецкой, но былъ остановленъ царемъ, который ему сказалъ, что дѣйствительно Романовъ меньше тебя Трубецкаго, но онъ мнѣ по родству дядя, и потому быть вамъ безъ мѣстъ. Опять все тотъ же родъ указываетъ и руководитъ даже и при царскомъ вѣнчаніи. Трубецкой держалъ вторую регалію—скипетръ. Споръ Трубецкаго о мѣстѣ очень ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь люди занимали между собою свои почетныя мѣста не по личнымъ заслугамъ и достоинствамъ, а по заслугамъ и достоинству своего рода. Еслибъ Пожарскій былъ великороднѣе Трубецкаго, онъ занялъ бы и мѣсто почетнѣе. И не одинъ Трубецкой первенствовалъ въ это время передъ Пожарскимъ. Выше его стоялъ и подручный его воевода по ополченію, бояринъ Василій Петр. Морозовъ. Впрочемъ, не смотря на тѣсноту отъ этихъ пресловутыхъ о т е ч е с к и х ъ м ѣ с т ъ, смыслъ подвига Пожарскаго во время коронаціи избраннаго царя выдавался очень наглядно. Во время церемоніи Пожарскій предварительно былъ посланъ за царскимъ саномъ на Казенный Дворъ, откуда торжественно Благовѣщенскій протопопъ несъ на блюдѣ Крестъ, Діадиму и Мономахову шапку; за нимъ Пожарскій несъ Скипетръ, а затѣмъ дьякъ, будущій казначей, Траханіотовъ несъ Яблоко—Державу. Впереди для чести сана шелъ бояринъ Вас. П. Морозовъ, что было почетнѣе, чѣмъ несеніе скипетра, но знаменательный почетъ оставался на сторонѣ Пожарскаго. Любопытно и то, что этотъ царскій санъ пер-

выми выносили на торжество люди Нижегородскаго ополченія. Когда регаліи были тѣмъ же порядкомъ отнесены въ соборъ и поставлены посреди храма на налоѣ, тотъ же Пожарскій оставался при нихъ все время для почетнаго предстоянія и оберeганія. Такимъ образомъ и на символическомъ «дѣйствѣ» коронованія, Пожарскій, и онъ одинъ, первый торжественно поднялъ давно оставленный скипетръ Русскаго Царства, первый принесъ его къ священному торжеству царскаго постановленія, одинъ оберегалъ царскій санъ до времени коронованія, а потомъ ему же, не безъ знаменательнаго смысла, досталось при священнодѣйствіи хранить въ своихъ рукахъ державу того же царства, которая своимъ символомъ и обозначала это самое царство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ назначеніи для Пожарскаго церемоніальныхъ мѣстъ руководила царскимъ повелѣніемъ духовная власть, собравшіеся митрополиты и архіепископы, въ числѣ которыхъ вторымъ былъ Ростовскій святитель Кириллъ, миротворецъ Нижегородской рати отъ Ярославля до Москвы [63]). Современники стало быть очень хорошо понимали значеніе заслугъ Пожарскаго и искренно выражали ему свою признательность во всѣхъ случаяхъ, гдѣ этому не служили помѣхою чины (обряды) и мѣста (теперешніе чины). Вотъ здѣсь Пожарскій становился уже въ ряды людей, которыхъ царь долженъ былъ жаловать и беречь, не иначе, какъ по ихъ отечеству, какъ учила его сама церковь, торжественно провозгласившая этотъ стародавній Русскій завѣтъ тутъ же въ соборѣ, во время его коронованія. Въ этомъ заключался непреложный уставъ старой Русской жизни, и порушить этотъ уставъ могъ только Петръ—преобразователь этой жизни въ ея корняхъ: а до того времени этотъ уставъ стоялъ такъ твердо и нерушимо, что всегда бывалъ сильнѣе самой сильной самодержавной власти, ибо эта власть никогда

не касалась его корней, а напротивъ сама же ими существовала и питалась.

По этому всѣ разсужденія и глубокія соображенія о томъ, почему Пожарскій писался въ грамотахъ вторымъ послѣ Трубецкаго, почему онъ не игралъ значительной роли въ правительствѣ Михаила, почему былъ въ то время вообще не особенно замѣтенъ, такія разсужденія по меньшей мѣрѣ безполезны.

Не только государь въ оффиціальной средѣ жаловалъ и берегъ людей по ихъ отечеству, но такъ всегда относилось къ людямъ и все общество, среда неоффиціальная, на всѣхъ ея ступеняхъ. Въ этомъ состояло даже «вѣжество» общественной жизни, т. е. то, что̀ мы называемъ обыкновеннымъ приличіемъ. Пожарскій былъ стольникъ и потому съ бояриномъ писался вторымъ, ибо былъ младшій по отечеству. Земство выбрало его въ воеводы, поручило ему главное начальство; въ его полки собрались вскорѣ бояре, окольничіе, большіе дворяне; поэтому, бывши главнымъ воеводою, онъ все таки, если и отъ ихъ имени шла грамота, никогда не писалъ себя первымъ, а писалъ такъ: «бояре и окольничіе и Дмитрій Пожарскій; бояре и воеводы и Д. П., бояре и воеводы и стольникъ и воевода Д. Пожарскій,» прибавляя въ надобныхъ случаяхъ: «и по избранію всѣхъ чиновъ людей у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Д. П.» Однако при этомъ сохраненіи стариннаго вѣжества, сохранялось и первенство воеводы, именно тѣмъ, что прописывалось его имя, тогда какъ всѣ прочіе обозначались общими чинами. Такъ писалъ свои грамоты и Ляпуновъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ имя значило тоже, что̀ и мѣсто, а потому, хотя бы оно и стояло ниже общихъ названій, въ родѣ бояръ и воеводъ, оно все таки обозначало первое мѣсто, такъ какъ оно было одно.

Своимъ отечествомъ Пожарскій, хотя и князь, былъ не очень великъ. Онъ началъ службу при царѣ Ѳедорѣ Ив. и

въ годъ избранія на царство Годунова числился въ «стряпчихъ съ платьемъ», слѣд. носилъ, подавалъ, принималъ у царя, дома и на выходахъ, когда было надобно, различные предметы царской одежды. Безъ сомнѣнія въ эту должность онъ былъ назначенъ по выбору же Годунова, у котораго и остался въ службѣ, какъ у новаго царя. Должность эта была не маловажна по особому приближенію къ царской особѣ; но обыкновенно въ нее поступали конечно люди способные, по царскому личному выбору, но не по отечеству, а потому не изъ знатнаго боярскаго круга, а изъ рядовыхъ дворянъ, изъ родовъ захудавшихъ. Родъ Пожарскаго въ мѣстническихъ счетахъ именно отличался своею худобою. Непосредственные, ближніе его предки и родичи, опричь городничихъ и губныхъ старостъ, нигдѣ не бывали, а городничіе вездѣ во всѣхъ городахъ бывали меньше всѣхъ меньшихъ воеводъ въ росписи по разряду. Губнымъ старостой былъ именно дѣдъ Пожарскаго. Такимъ образомъ и въ ряду стряпчихъ Пожарскій занималъ послѣднее мѣсто. Очень естественно, что его служба (ему было тогда, въ 1598 г., только 20 лѣтъ) должна была сопровождаться безчисленнымъ рядомъ мѣстническихъ стычекъ и слѣдовавшихъ за ними счетовъ. Малѣйшее его движеніе по мѣстамъ службы тотчасъ поднимало шумъ и споръ со стороны товарищей или сверстниковъ, которые, какъ и самъ Пожарскій, разумѣется не хотѣли, да въ интересахъ своего рода и не могли уступать свободнаго шествія по мѣстнической лѣстницѣ кому бы то ни было. Между прочимъ въ 1602 г. Сент. 20, послѣдовала именно такая стычка, любопытная по нѣкоторымъ подробностямъ для біографіи Пожарскаго. Царь Борисъ велѣлъ тогда быть въ боярыняхъ у своей царицы княгинѣ Марьѣ Лыковой, а у дочери своей, царевны Ксеніи,—княгинѣ Марьѣ Пожарской, матери Дмитрія Мих., который тотчасъ и сталъ бить челомъ, что на такомъ мѣстѣ

его матери быть невмѣстно, а можно быть ей больше княгини Лыковой многими мѣстами и просилъ дать ему въ отечествѣ судъ и счетъ. Царь велѣлъ судить и по разрядамъ сыскать, кто изъ нихъ больше. Пожарскій на судѣ подалъ множество случаевъ, въ которыхъ доказывалъ, что ему можно быть больше даже Лыкова-отца, въ иномъ случаѣ 4, 5, 6, 7, въ иномъ 10, 11 и 12-ю мѣстами. Тѣмъ же способомъ отвѣчалъ и Лыковъ-сынъ, съ которымъ и стоялъ на судѣ Пожарскій. Судъ однако не былъ вершенъ, т. е. покончень, а потомъ скоро и царство Бориса миновалось. Но когда судъ никакимъ рѣшеніемъ не оканчивался, то въ мѣстничествѣ это значило, что спорившіе были равны, что дѣло не перевѣсило ни па ту, ни на другую сторону. Для тѣхъ, кто былъ похуже родомъ, это составляло не малую находку, и Пожарскій сталъ ею пользоваться. Въ 1609 г., при Шуйскомъ, онъ побранился за отечество съ Ив. Пушкинымъ и въ доказательство приводилъ, что онъ равенъ и Лыкову, что для этого равенства и судъ у него съ нимъ не вершенъ. Но Лыковъ постарался объяснить, что судъ не былъ оконченъ вовсе не по случаю его равенства съ Пожарскимъ, а по прихоти царя Бориса.

Это объясненіе очень любопытно. Лыковъ говоритъ, что въ 1602—1603 гг. князь Дмитрій доводилъ на него царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто онъ Лыковъ, сходясь съ Голицыными да съ княземъ Татевымъ, про него царя Бориса разсуждалъ и умышлялъ всякое зло; а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ туже пору доводила царицѣ Марьѣ на матерь его Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣзжаючись съ княгинею Оленою, женою князя Василья Ѳед. Шуйскаго-Скопина и будто-ся разсуждали про нее царицу и про царевну Оксенью злыми словесы.... И за тѣ затѣйные доводы и иныя многія лганья царь Борись и царица на ма-

терь его Лыкова и на него положили опалу и стали въ томъ гнѣвъ держать, безъ сыску, и матери его не велѣли безъ указу съ своего дворишка съѣзжать (выѣзжать). И въ тѣ поры тотъ Пожарскій, не по своему отечеству и не по стычкѣ, тѣша его царя Бориса, билъ челомъ на него Лыкова въ отечествѣ о судѣ; а царь Борисъ его князя Дмитрія, за тѣ затѣйные доводы и за многія лганья жалуючи, а его Лыкова, по своему тайному гнѣву, позоря и казня, вмѣсто смертной казни, велѣлъ ему Лыкову въ неволю отвѣчать ему кн. Дмитрію въ отечествѣ». Лыковъ, стало быть, почиталъ какъ бы смертною казнью спорить объ отечествѣ съ Пожарскимъ: такъ онъ низменно смотрѣлъ на родовую худобу князя Дмитрія [64]).

Дѣло въ томъ, что Пожарскій тягался съ Лыковымъ разрядами князей Стародубскихъ и Ряполовскихъ, своихъ далекихъ, но знатныхъ предковъ, которые бывали больше Лыковыхъ. На это до разрѣшенія дѣла онъ имѣлъ полное право. Но Лыковъ этого права ни за что не хотѣлъ признавать и требовалъ счета ближними родителями Пожарскаго, колѣно которыхъ не было велико въ разрядахъ, всегда бывало меньше Лыковыхъ. Чтобы объяснить предъ царемъ Васильемъ Шуйскимъ, почему возникъ такой неправильный судъ и почему онъ не былъ вершенъ, Лыковъ и прибѣгъ къ сплетнѣ, по которой выходило, что царь Борисъ не жаловалъ его Лыкова только за затѣйные доводы и лганье Пожарскаго, почему и суда вершить не велѣлъ, и его Лыкова за челобитье и докуку о судѣ послалъ на службу въ Бѣлгородъ, отъ чего судъ такъ и не былъ покончѣнъ.

Мы не знаемъ, что отвѣчалъ на эту сплетню Пожарскій, а потому, не выслушавши обоихъ сторонъ, ничего не можемъ сказать, гдѣ здѣсь правда. Озлобленному человѣку всегда надобны бываютъ всяческія объясненія своей злобы; и не мудрено, что Лыковъ иначе и не могъ себѣ разъяснить своего дѣла какъ ябедничествомъ Пожарскаго. Точно такъ, при царѣ Михаилѣ, Борисъ Пушкинъ жаловался на какое то умышленье Пожарскаго по счетамъ же о мѣстахъ, но по суду былъ обвиненъ передъ Пожарскимъ и за безчестье его посаженъ въ тюрьму.

Какъ бы ни было, но изъ сплетни Лыкова видно, что Пожарскій съ матерью былъ въ приближеньи у царя Бориса, впрочемъ на ряду съ Лыковымъ, съ которымъ онъ и завелъ споръ о старшинствѣ мѣстъ въ этомъ приближеньи. Однако царская опала достигала и самого Пожарскаго. Еще раньше этого времени, въ 1599 г., и на него и на матушку его пришла государева опала. О дѣдѣ своемъ Пожарскій писалъ, что при Грозномъ онъ въ опалѣ сосланъ былъ на Низъ (такъ назывался иногда и Нижній Новгородъ), что въ то время предки его много лѣтъ были въ государевой опалѣ.

При Разстригѣ, за торжественными столами, на пріемѣ пословъ и въ день вѣнчанія на царство, Пожарскій сидитъ у Сендомирскаго за ѣствою, т. е. исполняетъ должность дворецкаго за посольскимъ столомъ. При Шуйскомъ его уже не видно въ придворной близости. Съ этого времени онъ воеводствуетъ въ полкахъ. Судя по жалобѣ Лыкова, можно полагать, что Шуйскому онъ совсѣмъ былъ посторонній человѣкъ, рядовой со всѣми другими стольниками. Но онъ крѣпко стоитъ подлѣ Шуйскаго въ Москвѣ, въ осадѣ отъ воровъ; и въ то время, какъ другіе, напр. кн. Трубецкой, бѣгутъ въ Тушино и всюду къ знаемымъ ворамъ, онъ не колеблется, выдерживаетъ всякую нужду и голодъ, но стоитъ въ правдѣ и душею не кривитъ. Затѣмъ, съ тою же твердостью въ правдѣ, онъ служитъ царю и воеводою въ городахъ, а потомъ общимъ выборомъ земства становится во главѣ самаго здороваго правдиваго и крѣпкаго народнаго движенія на защиту и спасеніе

Отечества. Въ земской службѣ у него не могло быть споровъ о мѣстахъ; но какъ скоро возстановленъ былъ царскій порядокъ службы, тотчасъ возникли и счеты о мѣстахъ, ибо по существу дѣла здѣсь опять возвратилась служба холопей государю и государству, а не свободныхъ сиротъ своей землѣ, и оцѣнка людей была уже не земская, по общему мірскому выбору, а дворовая, кто каковъ великъ былъ во дворѣ государя, на лавкахъ его думной и совѣтной избы.

Земское уваженіе къ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ здѣсь не играло ни малѣйшей роли. Не прошло пяти мѣсяцевъ послѣ коронованія избраннаго государя и пожалованія въ бояре самого Пожарскаго, какъ произошла его извѣстная стычка съ Салтыковымъ. Велѣно ему было сказать Салтыкову пожалованное боярство. Пожарскій уперся своими счетами, что онъ больше Салтыкова; но тутъ же было ему доказываемо, противъ его счетовъ, что можно ему быть меньше. Онъ ничего не отвѣчалъ, и государь повторилъ свой указъ. Пожарскій все таки не послушался и уѣхалъ изъ дворца, сказавши, что болѣнъ.

Однако царь Михаилъ, поговоря съ боярами, не безъ уваженія отнесся къ личности Пожарскаго. Его не воротили во дворецъ, а рѣшили, что скажетъ Салтыкову боярство думный дьякъ, а въ разрядной книгѣ запишутъ, что сказывалъ кн. Пожарскій. Вотъ все, что̀ царю возможно было сдѣлать въ этомъ случаѣ, щадя Пожарскаго [65]). Но и это добродушное отношеніе къ его личности было побѣждено двумя неотступными просьбами Салтыкова, чтобъ государь далъ оборону. Тогда государь обязанъ былъ, въ виду и въ исполненіе уставовъ мѣстничества, выдать виновнаго головою. Тѣмъ не менѣе этотъ самый обычный въ мѣстничествѣ случай ни въ какую строку для личныхъ достоинствъ боярина ставить никакъ нельзя. Онъ смущаетъ насъ потому только, что на старый Рус-

скій бытъ мы смотримъ или иноземными, или новоцивилизованными нашими глазами и очень многое въ этомъ быту совсѣмъ не понимаемъ, какъ не понимали въ немъ многое иностранцы XVI и XVII ст.

Очень понятно, послѣ того, что въ службѣ царю Михаилу Пожарскій долженъ былъ занимать только свои мѣста, какія указывало ему его отечество, и что̀ точно также къ умаленію его личнаго достоинства и значенія ни въ какую строку идти не должно. Въ иныхъ случаяхъ онъ бывалъ первымъ, чаще всего вторымъ, а въ общемъ составѣ боярства двѣнадцатымъ изъ 16, десятымъ изъ 14, восьмымъ изъ 11, восьмымъ изъ 16, и т. п., смотря по отношенію его отечества къ другимъ боярамъ. Но изъ этихъ цифръ мы уже видимъ, что отечество его не первенствовало; и въ этомъ виноваты были развѣ только его предки, но ни онъ самъ, ни царь, ни все общество бояръ; и это же въ глазахъ современниковъ нисколько не умаляло его земскаго и, такъ сказать, историческаго значенія.

Вопреки сказаніямъ неразборчивыхъ историковъ, у царя Михаила онъ пользовался не малымъ почетомъ и исполнялъ порученія столь же важныя, какъ и другіе ближніе бояре. Надо замѣтить, что большіе и ближніе бояре Михаила были все его же родственники или состояли съ нимъ въ родствѣ по женамъ, каковы: Романовы, Черкасскіе, Шереметевы, Сицкіе, Салтыковы и пр.; даже кн. Трубецкой былъ въ родствѣ съ царемъ. Пожарскій былъ сторона царскому родству, но постоянно въ важныхъ для государя порученіяхъ становился рядомъ съ самыми первыми и довѣренными людьми этого родства. Такъ онъ нерѣдко во время государева отсутствія бережетъ Москву съ Ѳедоромъ, а потомъ съ Иваномъ Шереметевымъ, и въ 1620 г. бережетъ ее съ подручнымъ когда-то своимъ воеводою, а теперь по отечеству первымъ передъ

нимъ бояриномъ, Ив. Нкт. Одоевскимъ, бережетъ во время далекаго государева похода къ Макарію на Унжу, что̀ даетъ еще больше значенія царской и общей отъ думы довѣренности къ его лицу въ отношеніи этого береженія. Въ 1632 г. ему поручаютъ собирать «пятую деньгу» съ торговыхъ людей, а съ бояръ, и служилыхъ, и съ духовенства, кто что дастъ, на жалованье ратнымъ во время Польской войны. Можно вопросить: почему такого важнаго порученія не дали Ѳедору Шереметеву или другимъ изъ первенствовавшихъ и болѣе близкихъ къ царю бояръ, а дали его малоспособному и малозамѣтному Пожарскому? Въ другой разъ, въ 1634 г., когда Пожарскій былъ въ Польскомъ походѣ, это порученіе дано было Лыкову, его сопернику по мѣстничеству, но человѣку тоже вовсе недюжинному.

И тотъ и другой родъ порученій указываетъ только, что Пожарскій пользовался очень большою довѣренностью отъ царя и отъ царской думы, а заслужилъ онъ эту довѣренность еще прежде, у всего народа.

Въ домашнихъ отношеніяхъ государя мы видимъ Пожарскаго въ равномъ приближеніи со всѣми большими и родственными царю боярами, хотя, какъ мы сказали, въ родствѣ съ царемъ онъ не былъ. За праздничными и другими чиновными столами онъ бывалъ, если не чаще, то и не рѣже тѣхъ же самыхъ первыхъ бояръ. Впрочемъ обычное, такъ сказать, рядовое приглашеніе къ царскому столу бояръ вовсе не указываетъ того, что царь соразмѣрялъ эти приглашенія съ ихъ боярскими заслугами. За столами государя чаще большихъ бояръ бывали люди не очень извѣстные, напр. Мезецкій, Головинъ. Да и по разрядамъ самое большое число такихъ столовъ бывало въ годъ около 28, при чемъ Пожарскій былъ 7 разъ; въ другое время изъ 23 столовъ въ годъ онъ бывалъ 9 и 10 разъ, а иной годъ 5 и 3 раза, или изъ 6 столовъ

въ годъ 4 раза и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что число приглашеній зависѣло отъ разныхъ случайностей и со стороны самого Пожарскаго. Вѣрно только одно, что въ этихъ приглашеніяхъ передъ большими боярами онъ меньше не былъ. На свадьбахъ царя онъ тоже наравнѣ съ родственными боярами бывалъ у государя въ большихъ дружкахъ, по отечеству, вторымъ.

Посольскіе переговоры онъ велъ по большей части въ товариществѣ съ Ѳедор. Шереметевымъ, который былъ первымъ дипломатомъ въ то время. Въ 1617 г. онъ былъ въ отвѣтѣ у Англійскаго посла; въ 1635 шесть разъ, а въ 1640 г. три раза у Литовскихъ пословъ; въ 1639 году у Крымскихъ пословъ. Въ этихъ посольскихъ случаяхъ Пожарскій пользовался титуломъ намѣстника Коломенскаго [66]). Что онъ бывалъ здѣсь вторымъ, это опять къ умаленію его способностей или заслугъ ничего доказывать не можетъ. Напротивъ, порученіе посольскихъ дѣлъ показываетъ только, что и царь, и дума видѣли необходимость воспользоваться опытностью и способностями Пожарскаго, какъ бывалаго человѣка въ подобныхъ случаяхъ, а вторые дипломаты очень часто бывали главными, какъ напр. при царѣ Алексѣѣ Ординъ-Нащокинъ.

Еще больше дорожили современники ратными способностями Пожарскаго, и въ трудныхъ случаяхъ, не только государь, но даже и народъ, назначали его въ воеводы, опять, какъ человѣка искуснаго, бывалаго и способнаго вести это дѣло лучше другихъ. И здѣсь по своему отечеству онъ иногда бывалъ во вторыхъ, а хотя бывалъ и первымъ, то обстоятельства этой, царской, службы совсѣмъ уже были не тѣ, какими руководилъ Пожарскій въ службѣ земской. Здѣсь онъ всегда былъ въ полной зависимости не отъ мірскаго общаго совѣта, а отъ указовъ и наказовъ изъ Москвы, отъ товарищей воеводъ, отъ самаго войска, отличавшагося совсѣмъ другимъ характеромъ и

уже не имѣвшаго въ себѣ той нравственной силы, съ какою шли подъ Москву Нижегородцы.

Въ 1615 г. въ Сѣверскую область вторгнулся Лисовскій. Его отчаянные и быстрые въ набѣгахъ полки хорошо были извѣстны всѣмъ еще въ Смутное время. Царь Михаилъ, т. е. боярская дума рѣшили послать Пожарскаго, назначивъ ему въ товарищи воеводу Исленьева. Съ нимъ были отправлены Московскіе дворяне, жильцы, городовые дворяне, войско болѣе знатное, чѣмъ обычные ратники — дѣти боярскіе. Но въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключалась нравственная слабость этого войска. Оно въ нѣкоторомъ смыслѣ составляло въ то время какъ бы гвардію и очень любило пребывать въ Москвѣ, жить на Московскихъ калачахъ, въ покоѣ и довольствѣ, и потому очень не любило дальнихъ и трудныхъ походовъ.

Такъ князь Семенъ (Харя) Шаховской объ этомъ именно походѣ записываетъ слѣдующее: «Въ 123 году послали насъ съ Пожарскимъ на Сѣверу противъ Лисовскаго, и мы о томъ били челомъ, что заволочены съ службы да на службу, и за то челобитье мимо всѣхъ нашей братьи меня сослали на Унжу, и вскорѣ пожаловалъ государь, велѣлъ взять къ Москвѣ» [67]).

Съ полкомъ такихъ-то защитниковъ Земли Пожарскій долженъ былъ выступить въ походъ противъ Лисовчиковъ, которые однимъ своимъ именемъ наводили ужасъ среди бѣднаго и беззащитнаго населенія. Но воевода хорошо зналъ, съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло. Онъ двинулся съ быстротою и настигъ Лисовскаго у Орлова городища (у Орла). Въ битвѣ наши дрогнули и позорно побѣжали вмѣстѣ съ воеводою Исленьевымъ. На мѣстѣ остался князь Дмитрій, а съ нимъ осталось людей жилецкая сотня да дворянская, да дворянъ изъ городовъ непомногу, да человѣкъ 40 стрѣльцовъ, всего 600 ч. Лисовскій сталъ наступать со всѣми людьми (2000 ч.): былъ

бой зѣло крѣпокъ, чуть не хватались за руки, посѣкая другъ друга. Видя, что люди изнемогаютъ, Пожарскій обвернулся телѣгами и засѣлъ въ этомъ обозѣ. Однако ратные стали говорить боярину, чтобъ уйдти отъ бѣды назадъ къ Болхову. Никогда не отступавшій съ битвы, Пожарскій остался крѣпокъ и въ этомъ случаѣ. Онъ въ отвѣтъ сказалъ ратнымъ старозавѣтное русское слово, очень извѣстное еще отъ временъ древняго Святослава: «лучше всѣмъ здѣсь погибнуть, чѣмъ бѣжать отъ врага.» Воодушевленные твердостью воеводы, эти достальные люди бились отчаянно, и успѣхъ склонился на ихъ сторону: они не только многихъ побили, но и живьемъ взяли въ плѣнъ 30 ч., отбили знамена, литавры, и ни одинъ изъ нихъ не попалъ живымъ къ Лисовскому, который поэтому, вовсе не зная, что большая часть нашихъ въ бѣгахъ, отошелъ прочь, за Орелъ. Между тѣмъ воротились и бѣжавшіе. Пожарскій погналъ за нимъ по пятамъ. Лисовскій бѣжалъ отъ него, по выраженію лѣтописца, какъ разбойникъ, перебѣжалъ днемъ да ночью 150 верстъ, и едва не захватилъ Болхова внезапнымъ приходомъ, но тамъ отсидѣлись. Отсюда онъ бросился къ Бѣлеву, гдѣ воевода князь Мих. Долгорукій, заслышавъ его приходъ, покинулъ городъ, побѣжалъ въ поле. Также былъ покинутъ Перемышль. Оба города Лисовскій сжегъ и направился къ Калугѣ, но Пожарскій предупредилъ его, пославъ туда передовой отрядъ. Пока гонялъ за нимъ Пожарскій, ратныхъ все убывало: они разбѣгались съ похода по сторонамъ, по домамъ и по городамъ, такъ что потомъ не съ кѣмъ было и преслѣдовать Лисовскаго. Пришла было Казанская рать, князь двинулся снова на врага, но заболѣлъ, и его отвезли въ Калугу едва жива отъ лютой болѣзни. Казанцы побѣжали въ Казань, и рать Пожарскаго не пошла за Лисовскимъ, говоря, что одной ей гонять, только побитой быть. Лисовскому открылся свободный путь на всѣ стороны, и онъ

быстро прошелъ, воюя по всей около-Московной сторонѣ вокругъ. Едва отъ него отсидѣлся во Ржевѣ и Ѳедоръ Шереметевъ, стоявшій тамъ съ большимъ войскомъ на пути во Псковъ. Царь посылалъ многихъ воеводъ на Лисовскаго, но ни одинъ нигдѣ не могъ его настигнуть. За то государь опалу на нихъ положилъ, а кн. Долгорукой и другіе воеводы, покинувшіе города, были биты кнутомъ.

Всѣ обстоятельства этого похода, гдѣ личность Пожарскаго можно сказать сіяетъ твердостію и искусствомъ воеводскимъ, слѣд. обстоятельства очень дорогія для опредѣленія его личности, стерты неразборчивыми историками въ слѣдующей фразѣ: «Въ 1614 г. онъ воюетъ съ Лисовскимъ и скоро оставляетъ службу по болѣзни»!

Точно также еще болѣе важное событіе въ жизни Пожарскаго тѣ же историки затемнили въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1618 г. мы встрѣчаемъ его въ Боровскѣ противъ Владислава; онъ здѣсь не главное лице; онъ пропускаетъ враговъ, не дѣлаетъ ничего выходящаго изъ ряда, хотя и не совершаетъ ничего такого, что́ бы ему слѣдовало поставить особенно въ вину.» А пропускъ враговъ! Да и будто Исторія все только ищетъ обвиненія историческихъ личностей, все только играетъ роль прокурора? Дѣло заключенное въ этихъ словахъ, было если не военнымъ, то нравственнымъ торжествомъ Пожарскаго. Оно происходило такъ: Въ 1617 г. ожидали прихода королевича Владислава, который искалъ еще Московской себѣ присяги на царство. Еще въ Январѣ, слыша тѣсноту ратнымъ людямъ у Смоленска отъ Гонсѣвскаго, царь послалъ въ Дорогобужъ воеводу кн. Ю. Сулешева и многую рать конную и пѣшую. Они отбили натискъ Гонсѣвскаго, и Сулешевъ безъ повелѣнія государя отошелъ съ войскомъ къ Москвѣ, оставивъ въ Дорогобужѣ воеводу Ададурова. Узнавши объ этомъ и услыхавъ также о движеніи на Смоленскъ

королевича, и стоявшіе подъ Смоленскомъ воеводы тоже пошли къ Москвѣ. Царь очень разгнѣвался на это и положилъ на нихъ опалу. Между тѣмъ королевичъ придвинулся къ Дорогобужу. Это было въ началѣ Октября. Воевода Ададуровъ измѣнилъ, сдалъ ему городъ и присягнулъ со всѣми людьми. Изъ Вязьмы воеводы, Пронскій съ товарищи, покиня городъ, побѣжали къ Москвѣ. Осадный Вяземскій воевода кн. Никита Гагаринъ, хотѣлъ было сѣсть, затвориться въ городѣ на осаду, и остался одинъ одинехонекъ: посадскіе и стрѣльцы всѣ разбѣжались по другимъ городамъ. Горько заплакавъ, онъ и самъ пошелъ въ Москву. Затѣмъ былъ взятъ Мѣщовскъ, измѣнилъ Козельскъ, тоже присягнувъ королевичу. Кн. Пронскаго и кн. Бѣлосельскаго царь, бивъ кнутомъ и отнявъ вотчины, сослалъ въ Сибирь. Но тѣмъ не менѣе отступленіе, бѣгство, измѣна воеводъ произвели на земство впечатлѣніе очень нехорошее. Земля снова, повидимому, стала колебаться, а прошло всего пять лѣтъ отъ общей Смуты. И вотъ Калужскіе люди, какъ ближайшіе къ дѣйствію, и народъ отъ другихъ окрестныхъ городовъ собрались въ Москву къ царю и стали со слезами просить его, чтобъ Калуги Литовскимъ людямъ не выдалъ, чтобъ избавилъ отъ раззоренья и послалъ бы боярина съ войскомъ; и били челомъ именно, чтобъ государь послалъ къ нимъ кн. Пожарскаго. Мы не знаемъ какой еще бо́льшей награды отъ современниковъ могъ ожидать Пожарскій! Теперь земство Калужское, а не руководимое будто бы Мининымъ Нижегородское земство, теперь Калужане, покинутые подъ натискомъ враговъ царскими воеводами, просятъ, чтобъ пришелъ къ нимъ не кто другой, а именно кн. Пожарскій. Могло ли бы это случиться, еслибъ это былъ человѣкъ дюжинный, незамысловатый? Нѣтъ, вопреки отрицающимъ историкамъ, народъ очень хорошо зналъ, что существуетъ еще крѣпкій, неизмѣнный человѣкъ, которому отдать воеводство значитъ вы-

играть дѣло. Какой еще бо́льшей признательности нужно личнымъ заслугамъ?

Государь тотчасъ отпустилъ Пожарскаго главнымъ воеводою (18 Окт.), а въ Калугѣ готовъ былъ товарищъ ему, тамошній воевода кн. Аѳ. Гагаринъ. Пожарскій едва пробрался въ городъ между вражьими полками; сейчасъ же принялся укрѣплять городъ, устроилъ осаду и послалъ къ казакамъ, которые воровали въ Сѣверскихъ мѣстахъ, приглашая идти въ Калугу на помощь, а вины ихъ государь имъ простилъ (на это онъ былъ уполномоченъ). Казаки скоро явились съ большою радостію и многую службу показали. Два раза враги приступали къ городу и оба раза были отбиты. Въ первый разъ битва длилась весь день, съ обѣихъ сторонъ не мало побили и разошлись. Во второй разъ враги надвинулись въ ночь, думая въ расплохъ взять городъ. Но у боярина были крѣпкіе караулы и засады; пустилъ онъ враговъ въ деревянную ограду, внезапно сдѣлалъ вылазку и отбилъ ихъ съ большимъ урономъ. Онъ не давалъ имъ покоя и въ окрестныхъ мѣстахъ; гдѣ только готовилась опасность, тотчасъ посылалъ туда отряды и вездѣ дѣйствовалъ съ успѣхомъ, такъ что враги, видя себѣ тѣсноту, должны были уйдти отъ Калуги къ Вязьмѣ съ малыми остатками своего войска. Но въ Іюнѣ Пожарскій на воеводствѣ заболѣлъ и увѣдомилъ государя, что «лежитъ болѣнъ, ожидаетъ смерти съ часу».

Царь послалъ къ нему съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить. И здѣсь назначенный для этой посылки стольникъ Юрій Татищевъ заспорилъ о мѣстахъ, что ѣхать ему къ Пожарскому невмѣстно, за что былъ битъ кнутомъ и выданъ Пожарскому головою. Милостивое слово сказывалъ стряпчій князь Волконскій. Когда вскорѣ королевичъ затѣснилъ Можайскъ, царь повелѣлъ окольнымъ воеводамъ придвинуться къ этому пункту, изъ Волока Черкасскому

стать въ Рузѣ, изъ Калуги Пожарскому стать въ Боровскѣ. Вотъ по какому случаю, черезъ 8 мѣсяцевъ воеводства въ Калугѣ, онъ попалъ въ Боровскъ и занималъ и здѣсь не первое, да и не второе мѣсто, ибо самъ себѣ былъ большой самостоятельный воевода. Потомъ такимъ же распоряженіемъ онъ перешелъ въ Пафнутьевъ монастырь, а Черкасскій въ Можайскъ, къ Борису Лыкову.

Въ Пафнутьевѣ Пожарскій поставилъ острогъ, изъ котораго врагамъ тѣсноту дѣлалъ великую. Въ Можайскѣ Черкасскій съ Лыковымъ укрѣплялись, но были очень стѣснены и голодомъ, и непріятелемъ, а Черкасскій былъ даже раненъ изъ пушки, такъ что едва отъ раны ожилъ. Тогда царь двинулъ къ Можайску и Пожарскаго съ повелѣніемъ вывесть оттуда бояръ и ратныхъ людей сохранно, а въ городѣ для обороны оставить только пѣшихъ. Въ Борисовѣ воевода Ивашкинъ, услышавъ походъ Пожарскаго, покинулъ городъ и пошелъ со всѣми людьми за нимъ же самовольно. Между тѣмъ для операціи Пожарскаго это былъ пунктъ очень важный. Князь наскоро послалъ туда своего голову съ стрѣльцами, который едва захватилъ городокъ въ виду непріятеля. Въ Борисовѣ воевода и остановился, чтобы отсюда дѣйствовать, охраняя отступленіе бояръ изъ Можайска. Они прошли къ Москвѣ здорово. Пожарскій слѣдовалъ за ними для береженья. Не онъ былъ воленъ въ томъ, чтобы вмѣсто битвы съ врагами, охранять только бѣгство отъ нихъ Можайской рати съ Лыковымъ во главѣ.

Надо сказать, что все это Можайское дѣло положено было по приговору царя съ боярами на Можайскихъ главныхъ воеводъ, на Черкасскаго и Лыкова. Имъ дано на волю, буде возможно, то остаться въ осадѣ, а если нельзя будетъ сидѣть въ осадѣ, пусть идутъ къ Москвѣ, а Пожарскій выйдти имъ поможетъ, проведетъ которою дорогою бережнѣе. Воеводы рѣшили

уйдти въ отходъ. Царь между прочимъ прибавлялъ, обращаясь къ ратнымъ людямъ, чтобы они не усумнялись, что воеводы пойдутъ въ отходъ, велѣно де имъ идти по его указу, чтобъ въ осадѣ не истомить всѣхъ ратныхъ людей. Но ратные очень усумнились и когда вступили въ Москву, началось между ними великое волненіе: собирались многими толпами, приходили на бояръ съ великимъ невѣжествомъ и крикомъ, указывали, повелѣвали дѣлать, чего не слѣдуетъ и чего сами не знали, замѣчаетъ лѣтопись. Едва Богъ спасъ отъ кровопролитія!

Между тѣмъ извѣстно было, что идетъ изъ Запорогъ на помощь королевичу гетманъ Саадашный съ Черкасами. Онъ двигался на Серпуховъ, потому царь поспѣшилъ передвинуть сюда и Пожарскаго. Но Московская смута отразилась и въ этихъ полкахъ; и здѣсь было волненіе великое, никто не хотѣлъ идти подъ Серпуховъ, быть можетъ по той причинѣ, что Пожарскій шелъ въ походъ уже больной. Дойдя въ Серпуховъ, онъ впалъ «въ болѣзнь лютую и бысть крайне болѣнъ,» такъ что царь приказалъ ему ѣхать въ Москву, а товарищу его идти съ войскомъ на Коломну. Казаки въ это время опять заворовали, разсыпались по волостямъ и начали грабить. Саадашный свободно перелѣзъ черезъ Оку и направился къ Москвѣ [68]).

Такъ окончился походъ Пожарскаго. Очевидно, что все дѣло было смято и спутано указами изъ Москвы отъ бояръ, которые оттуда командовали полками и передвигали ихъ по Московскому усмотрѣнію. Дѣло было подозрительное или глупое и потому естественно, что ратные волновались и указывали боярамъ, какъ должно распоряжаться, спрашивали, по какой причинѣ отступили отъ Можайска и т. д. Но какъ бы ни было, не Пожарскій же пропустилъ къ Москвѣ Владислава. Онъ долженъ былъ подъ страхомъ опалы въ точности исполнять только Московскіе указы.

Черезъ нѣсколько лѣтъ началась опять война съ тѣмъ же Владиславомъ и при такихъ же весьма крамольныхъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ боярской думы.

Еще въ Іюнѣ 1631 года царь рѣшилъ собираться на службу и послать войска къ Дорогобужу и Смоленску. Воеводами были назначены: первымъ кн. Черкасскій-Мастрюковъ, какъ его называли въ народѣ, и вторымъ кн. Борисъ Лыковъ, которому это назначеніе показалось очень обиднымъ, такъ что придя въ соборъ, онъ говорилъ патріарху Филарету такія слова, что всякій человѣкъ, кто боится Бога и помнитъ крестное цѣлованіе, такихъ словъ говорить не станетъ. Однако въ теченіи цѣлаго года оба воеводы мирно наряжались на службу и ратныхъ людей къ службѣ строили. А какъ время дошло, что идти на службу, Лыковъ для своей бездѣльной гордости и упрямства, сталъ бить челомъ, что ему на службѣ съ Черкасскимъ быть нельзя: имъ люди владѣютъ, нравъ, обычай у него тяжелый, а главное, что передъ нимъ онъ Лыковъ старъ, служитъ государю 40 лѣтъ и лѣтъ съ 30 ходитъ за своимъ набатомъ (турецкій барабанъ), а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ. Черкасскій просилъ обороны отъ такого безчестья, и Лыковъ былъ наказанъ кстати и за то, что въ государевѣ службѣ учинилъ многую смуту. Съ него взяли двойной окладъ жалованья Черкасскаго, 1200 р., и отдали обиженному. Между тѣмъ обоихъ же и отставили отъ воеводства. Вмѣсто Черкасскаго царь назначилъ знаменитаго Шеина, а вмѣсто Лыкова знаменитаго же Пожарскаго. Это было 23 Апрѣля. Пожарскій въ то время былъ, кажется, тоже болѣнъ и во дворецъ не выѣзжалъ. 4 Іюня онъ былъ отставленъ отъ воеводства за болѣзнію (сказалъ на себя черный недугъ). На его мѣсто назначенъ Арт. Измайловъ, старый его пріятель. Можно было бы заподозрить Пожарскаго, что онъ притворно сказывался больнымъ. Но надо знать тогдашніе порядки. Притворная бо-

лѣзнь тотчасъ была бы обнаружена самимъ Шеинымъ, который счелъ бы себѣ безчестіемъ, что Пожарскій ухищреньемъ не хочетъ быть у него въ товарищахъ. Затѣмъ и царю всегда очень хорошо было извѣстно, кто здоровъ и кто болѣнъ изъ бояръ, ибо каждый день два раза они должны были пріѣзжать во дворецъ. Мы видѣли выше, что Пожарскій не пользовался особеннымъ здоровьемъ и часто хворалъ. Чернымъ недугомъ обозначалась меланхоліева кручина, также падучая болѣзнь, перемежающаяся лихорадка, вообще, когда люди бываютъ въ унынии и тягостны умомъ [69]). Какъ не придти было въ кручину и въ уныніе и не поколебаться умомъ человѣку, способному заболѣть душею на общее государственное дѣло, когда это дѣло совсѣмъ изъ рукъ вываливалось по милости боярскихъ крамолъ и неурядицъ.

Такимъ образомъ подъ Смоленскъ долженъ былъ отправиться Шеинъ съ Измайловымъ. Если Лыковъ своею гордостью и упрямствомъ сдѣлалъ смуту въ службѣ, то Шеинъ своею гордостью сдѣлалъ смуту въ боярской думѣ. Онъ на отпускѣ выговорилъ царю и передъ всѣми боярами такія оскорбленія, какихъ они конечно забыть не могли и постарались за то устроить такъ его положеніе, что, быть можетъ, именно за свои дерзкія слова онъ поплатился потомъ головою. Онъ на отпускѣ «вычиталъ государю прежнія свои службы съ большою гордостью и говорилъ, что его службы выше всѣхъ передъ всею его братьею, боярами; что его братья, бояре, въ то время, какъ онъ служилъ, многіе по за-печью сидѣли, и сыскать ихъ было нельзя (какъ напр. Ѳедоръ Шереметевъ, Лыковъ, Романовъ, и др., сидѣвшіе въ смуту у Поляковъ въ Кремлѣ) и поносилъ свою братью предъ государемъ и предъ ними предъ всѣми съ большою укоризною, и службою и отечествомъ никого себѣ сверстникомъ не поставилъ.» Государь на это умолчалъ, жалуя и щадя воеводу для своего и земскаго дѣла, не

желая его на путь оскорбить. Бояре на эти грубыя и поносныя слова тоже умолчали, боясь государя раскручинить, видя къ воеводѣ государеву милость.

Почему Шеинъ счелъ умѣстнымъ въ это время напомнить боярамъ о своей службѣ, намъ неизвѣстно. Но видимъ, что въ думѣ двигалась крамола, шла борьба, разыгрывалась драма, содержанія которой мы не знаемъ, и которая окончилась трагедіею—казнію Шеина, Измайлова и ссылкою другихъ достойныхъ воеводъ, напр. Семена Прозоровскаго,—все за несчастную сдачу Смоленскаго лагеря [70]).

Какъ бы ни было, но война началась, а денегъ не было. Тогда осенью соборнымъ опредѣленіемъ стали сбирать со всего государства, кто что дастъ, а съ торговыхъ пятую деньгу и сборъ поручили, какъ упомянуто, Пожарскому. Между тѣмъ лѣтомъ въ Іюнѣ пришли худыя вѣсти изъ Крыма. Москва испугалась новаго нашествія и стала укрѣплятьcя въ осаду. Пожарскій былъ назначенъ воеводою лѣваго крыла, по Коломенской дорогѣ; Лыковъ сталъ въ правомъ крылѣ, по Серпуховской дорогѣ. Къ осени и Шеинъ у Смоленска былъ такъ стѣсненъ и Владиславомъ и боярскими распоряженіями изъ Москвы, что необходимо же было помочь ему, хотя для виду. Въ Октябрѣ было рѣшено послать къ нему на выручку опять Черкасскаго-Мастрюка и съ нимъ въ товарищахъ опять того же Пожарскаго, котораго вездѣ выдвигали въ сомнительныхъ и трудныхъ случаяхъ. Съ ними назначенъ былъ въ походъ даже и государевъ дворъ, — тогдашняя гвардія, стольники, стряпчіе, жильцы и пр. Собираться велѣно въ Можайскѣ. Но сборы длились, а Шеинъ погибалъ. Писали воеводамъ наказы, какъ идти къ Смоленску, а изъ Можайска ихъ все-таки не двигали.

Они стояли тамъ всю зиму. Только 2 Февраля 1634 года посланъ къ нимъ изъ Москвы князь Волконскій совѣтоваться,

какъ бы поскорѣе помочь Шеину. Воеводы ему отвѣчали, что они только того и ждутъ, какъ бы помочь и походомъ не замѣшкать. Въ Москвѣ за эти мысли ихъ похвалили, и отъ 8 Февраля указали идти подъ Смоленскъ, но свѣстясь съ воеводами Ржева и Калуги. Пока пересылались эти грамоты и приказы, Шеинъ 16 Февраля сдался, почему Черкасскій съ Пожарскимъ такъ и остались въ Можайскѣ и уже въ Іюнѣ или даже въ Іюлѣ возвратились въ Москву. Все это объяснить пока нельзя ничѣмъ, какъ заговоромъ бояръ не помогать Шеину, оставить его, храбраго, на произволъ случая и на его гордыя силы. Сами воеводы двинуться къ нему на помощь безъ указу никакъ не могли, да и въ Москвѣ тоже собирались сѣсть въ осаду и, быть можетъ, потому боялись удалить войско изъ Можайска. Какъ было, неизвѣстно, но неудачи этой войны были позорнымъ дѣломъ Московскаго боярства, которое, распоряжаясь всѣми дѣйствіями полковъ, доставленіемъ запасовъ и всѣмъ ходомъ дѣла, повидимому употребляло всевозможныя уловки, чтобы эти полки не дошли во время до Шеина. Такія боярскія дѣла были въ ихъ боярскомъ обычаѣ, и наша старая военная исторія можетъ представить тому множество примѣровъ.

Пожарскій въ этомъ походѣ остается не причемъ. Онъ былъ товарищемъ и вполнѣ зависѣлъ отъ дѣйствій своего товарища, а оба они вполнѣ зависѣли отъ наказовъ и указовъ изъ Москвы. Здѣсь была не земская служба, всегда руководимая общимъ мірскимъ, хотя бы и военнымъ совѣтомъ; здѣсь была служба царская, находившаяся всегда въ крѣпкихъ рукахъ боярской думы и державшая воеводъ наказами, какъ своихъ холопей-прикащиковъ. Въ такой средѣ мудрено было развернуться какимъ бы то ни было военнымъ способностямъ, мудрено было даже и употреблять свои способности съ пользою. Мы отчасти видѣли, какъ паралично перекрещивались дѣйствія

воеводъ. Тотъ же Мастрюкъ-Черкасскій, воинъ храбрый и отважный, въ ополченіи Пожарскаго дѣлалъ чудеса, поражая напр. казаковъ подъ Угличемъ, а здѣсь онъ цѣлые мѣсяцы стоитъ безъ дѣла, когда дѣло на носу [71]).

Все сказанное о дѣятельности Пожарскаго при царѣ Михаилѣ дастъ намъ одно достовѣрное свидѣтельство, что рядовой воевода и рядовой стольникъ при Шуйскомъ, онъ, при Михаилѣ, не смотря на незначительную величину своего родословно-служебнаго отечества, занимаетъ все-таки весьма значительныя мѣста между первыми тогдашними воеводами на ратномъ полѣ, между первыми и ближними, родственными царю боярами въ домашнихъ или городскихъ отношеніяхъ. Ясно, что такому возвышенію рядоваго стольника способствовала одна только промежуточная эпоха его службы въ Междуцарствіе или въ Смутное время, эпоха службы земской, по общему земскому выбору. За эту службу, которая возстановила порядокъ въ государствѣ и царскую власть, онъ отъ царской же власти (однако, какъ тоже вѣроятно, по мысли самого земства) возводится въ первый санъ государственной службы. По отечеству своему онъ могъ быть пожалованъ только въ окольничіе, ибо ближніе предки его никогда не бывали даже и въ окольничихъ, да и сынъ его Иванъ Дмитр. при царѣ Алексѣѣ, по обычному порядку службы, получилъ тоже чинъ окольничаго, а не боярина, какъ бывали жалованы дѣти родовитыхъ бояръ. Но, получивши боярскій санъ, Пожарскій по отечеству хотя и занималъ въ общемъ составѣ боярства предпослѣднія мѣста, однако вовсе не былъ потерянъ въ толпѣ этихъ послѣднихъ мѣстъ, а вездѣ въ важныхъ дѣлахъ службы стоялъ впереди съ передовыми боярами и воеводами, а иной разъ и однимъ лицомъ бывалъ первымъ.

Мы желаемъ одно сказать, что, вопреки мнѣнію неразборчивыхъ историковъ, и царь, и боярское общество, не говоря

о всей Землѣ, очень хорошо помнили великую земскую заслугу Пожарскаго и по ея значенію уравновѣшивали къ нему свои отношенія, избирая его, подобно земству, къ исполненію дѣлъ важныхъ и трудныхъ, требовавшихъ полнаго довѣрія къ личности.

Мы не знаемъ, какую еще другую, еще бо́льшую оцѣнку заслугамъ Пожарскаго могли выразить его современники, именно въ оффиціальной, служебной средѣ? Намъ кажется, что большаго они ничего не могли сдѣлать, не порушивши всего порядка службы, всего быта, всѣхъ отношеній старины.

Вообще, напрасно отрицающіе историки думаютъ и даже говорятъ, что «въ свое время Пожарскаго не считали, подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси». Противное такому мнѣнію заявляли даже паны-Поляки, ведя посольскіе переговоры съ русскими уже при царѣ Михаилѣ, въ 1615 году. Они отчетливо говорили Московскому боярству, что оно, это «боярство, Пожарскаго въ большихъ богатыряхъ считаетъ», [72]) говорили слѣдовательно только то, что было тогда ходячею истиною. Вотъ почему и мы, потомки, почитаемъ его главнымъ героемъ и большимъ богатыремъ. Эту непреложную и всѣмъ тогда очевидную истину современники Пожарскаго засвидѣтельствовали во множествѣ своихъ сказаній объ исторіи Смутнаго времени. Его современники, какъ только касалось ихъ слово освобожденія Руси отъ Поляковъ, никого другаго и не поминаютъ, какъ только двухъ главныхъ героевъ этого освобожденія, Пожарскаго и Козьму. Лѣтописныя статьи объ ихъ дѣлахъ дошли до насъ при помощи хронографовъ въ великомъ множествѣ. Онѣ принадлежатъ не одному, а нѣсколькимъ лѣтописателямъ, излагавшимъ событія полнѣе или короче, при различныхъ даже взглядахъ, но всегда съ одною мыслью, что подвигъ спасенія Отечества совершенъ По-

жарскимъ и Мининымъ. Въ оффиціальныхъ, приказныхъ бумагахъ, каковы разрядныя записки, къ этимъ двумъ именамъ не совсѣмъ правильно присовокупляли и Трубецкаго единственно только за то, что онъ все стоялъ подъ Москвою, числился избавителемъ оффиціально. Но видно изъ всѣхъ событій, какого рода онъ былъ избавитель. Большинство лѣтописныхъ сказаній и не ставятъ его даже рядомъ съ кн. Пожарскимъ и Мининымъ. Нѣкоторые, еще глубже и точнѣе понимавшіе все дѣло и всѣ его обстоятельства, ставятъ впереди Минина, какъ перваго основателя и строителя всего подвига, гдѣ Пожарскій конечно является вторымъ лицомъ, какъ избранникъ того же Минина. Но у всѣхъ одно общее слово: Мининъ и Пожарскій, Пожарскій и Мининъ, смотря по тому, пишетъ ли дворянинъ-помѣщикъ, всегда впередъ выставляющій воинское дѣло, а съ нимъ и Пожарскаго; или пишетъ посадскій человѣкъ, придающій столько же значенія гражданскому дѣлу, гражданскимъ жертвамъ на общую пользу, гдѣ Мининъ показалъ себя на самомъ дѣлѣ первымъ и единственнымъ человѣкомъ. Одна легенда даже не упоминаетъ вовсе о воеводствѣ Пожарскаго, а ставитъ Минина и начинателемъ и воеводою, который довершилъ дѣло, заткнувши за поясъ боярина Трубецкаго. Такъ о Мининѣ долженъ былъ мыслить весь Русскій Посадъ, поднятый имъ въ это время до значенія государственной политической силы, управлявшей за одно съ боярствомъ самымъ великимъ дѣломъ, какого дотолѣ не бывало въ Русской Землѣ [73]).

Одинъ лѣтописецъ, заключая свое повѣствованіе о Смутномъ времени, высказываетъ мыслью всего народа слѣдующее:

«Бысть же во всей Россіи радость и веселіе, яко очисти Господь Богъ Московское царство отъ безбожныя Литвы, початкомъ боярина Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина, а совершеніемъ и конечнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ боярина князь Дмитрія Михаиловича Пожарскаго и Нижегородца Кузьмы

Минина и иныхъ бояръ и воеводъ, стольниковъ и дворянъ и всякихъ людей. И за то имъ здѣ слава, а отъ Бога мзда и вѣчная память, а душамъ ихъ во ономъ вѣцѣ неизрѣченная свѣтлость, яко пострадали за православную христіанскую вѣру и кровь свою проливали мученически. И на память нынѣшнимъ родомъ во вѣки аминь.»

«Съ царства Бориса было все въ раззореніи и въ кровопролитіи; не бывало покоя 13 лѣтъ, но всегда плачь и слезы!»

Такимъ образомъ, держась строго источниковъ, мы должны представить себѣ Пожарскаго именно такимъ лицомъ, какимъ привыкли себѣ его представлять, т. е. главнымъ, если не первымъ, то вторымъ подлѣ Минина героемъ освобожденія и спасенія Руси отъ Смуты, отъ Поляковъ и Воровъ или, въ сущности, вообще отъ Воровъ, ибо и Поляки здѣсь явились такими же ворами безъ всякой національной задачи, а съ одною цѣлью попользоваться на счетъ ослабленнаго смутою государства, поналовить въ его мутной водѣ рыбы.

Держась строго источниковъ, мы не можемъ согласиться съ отрицающими историками, что личность Пожарскаго принадлежитъ къ тусклымъ личностямъ, что это не болѣе, какъ неясная тѣнь. Напротивъ: изъ среды лѣтописныхъ и другихъ сказаній о немъ, его личность выдвигается съ достаточною ясностью и очертательностію. Она носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія и наименѣе боярскія или дворянскія, черты истиннаго слуги общественному, а не своему личному дѣлу; черты, болѣе приближающія его къ Минину, къ этому Зоровавелю Смутнаго времени, чѣмъ къ Ляпунову и къ другимъ подобнымъ героямъ, не съумѣвшимъ поставить общее Земское дѣло выше своей личности. Изъ этого общаго очертанія фигуры Пожарскаго вытекаютъ и всѣ частныя подробности его характера. Храбрый, мужественный и искусный воевода, никогда не отступавшій отъ опасности въ битвахъ, отличается

въ одно время не свирѣпыми, а гуманными качествами характера, которыя дороги не для семнадцатаго только, а для всякаго вѣка, наиболѣе развитаго и цивилизованнаго. Еслибъ не числилось за нимъ, записанныхъ лѣтописцами же, очень храбрыхъ и неустрашимыхъ дѣлъ, историки могли-бы приписать его гуманныя, человѣчныя черты простому благодушію или слабодушію. Но цѣлый рядъ твердыхъ, мужественныхъ и, главное, всегда прямыхъ поступковъ не оставляютъ сомнѣнія, что гуманныя, и великодушныя его дѣла составляли лучшее украшеніе его характера. Одно не могутъ ему простить его біографы и историки, что нѣтъ въ его личности ничего театральнаго: а извѣстно, что безъ театральныхъ драматическихъ прикрасъ какая же бываетъ исторія! Такую исторію или біографію никто и читать не станетъ. И вотъ біографы и историки не довольны такимъ лицомъ. За это они и отводятъ ему мѣсто въ ряду обыкновенныхъ пошляковъ, случайно, силою обстоятельствъ попавшихъ на высоту подвиговъ героическихъ [74]). Ляпуновъ имъ нравится больше, и въ немъ они находятъ неизмѣримо больше и талантовъ передъ личностью Пожарскаго, вовсе забывая, что одною мѣркою, да притомъ еще мѣркою театральности лица, никакъ нельзя измѣрять каждую историческую личность. Каждая личность, даже и современная, требуетъ мѣры болѣе широкой, т. е. мѣры всесторонняго ея изученія, непремѣнно вмѣстѣ со всею средою, гдѣ она дѣйствовала; ибо оторванная отъ своей среды, личность всегда превращается въ отвлеченность, а съ отвлеченностью, какъ съ математическими знаками, можно приготовлять любые выводы на счетъ этой личности. Театральное и истинно-драматичное въ личности Пожарскаго не поддается только поверхностному изученію исторіи вообще. Мининъ и Пожарскій личности въ полномъ и глубокомъ смыслѣ историческія, и чтобы вѣрно изобразить ихъ, недостаточно знать только одни ихъ личные дѣла и

подвиги и жаловаться по этому поводу на скудость будто бы источниковъ. Ихъ личности сливаются со всѣмъ ходомъ ихъ времени, отъ правильнаго пониманія и правильнаго изображенія котораго вполнѣ зависитъ и правильное изображеніе ихъ лицъ. Мало того, ихъ личности вросли корнями въ предыдущія эпохи, въ основы всего Русскаго быта, и чтобы открыть въ нихъ высокое и истинное драматическое, необходимо съ біографическими же подробностями возстановить предъ глазами читателя всю эпоху, которая постепенно готовила Русскую Смуту, и потомъ выдвинула эти чистые и свѣтлые, въ историческомъ смыслѣ, можно сказать, святые образы всенароднаго движенія.

Если о домашнихъ дѣлахъ Минина, какъ и самого Пожарскаго и другихъ историческихъ лицъ, мы вообще очень мало знаемъ, то развѣ есть тутъ какое либо затрудненіе для изображенія исторической личности? Неужели для Исторіи въ этомъ именно случаѣ очень важно знать, какъ и что̀ Мининъ кушалъ, съ кѣмъ и какъ ссорился, какимъ подвергался сплетнямъ и т. д. Намъ кажется, что историческое въ личности совсѣмъ не то, что̀ ея домашнее. Намъ кажется, что для историка весьма достаточно знать, что Мининъ заболѣлъ душею о страданіяхъ своей Земли и воплотилъ свою энергическую мысль въ дѣло, которое достославно довелъ до желаннаго конца. Какъ въ палеонтологіи по остаткамъ кости возстановляютъ цѣльный, полный образъ допотопнаго животнаго, такъ и въ Исторіи весьма достаточно одного свѣдѣнія, что человѣкъ способенъ былъ заболѣть душею на общее дѣло. Здѣсь все сказано, и можно очень легко возстановить, какой это былъ человѣкъ, потому что достаточно извѣстны нравственные законы, управляющіе каждымъ личнымъ характеромъ. Само же Смутное время до очевидности ясно доказало, что воры во всякихъ смыслахъ никогда не бываютъ способны заболѣть душею на общее дѣло.

Намъ кажется, что отрицающіе историки, изображая историческія личности, недостаточно уяснили себѣ, что такое историческое и что такое домашнее въ такихъ изображеніяхъ. Они смѣшиваютъ два совершенно различныя обстоятельства при опредѣленіи историческихъ однако, а не другихъ заслугъ взятой личности. Оттого ихъ портреты выходятъ даже не похожими и на людей.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о любопытномъ обстоятельствѣ, какъ Пожарскій и самъ Мининъ относились къ избранію царя. Они съ самаго начала писали, что должно избрать царя всею Землею, кого Богъ дастъ изъ Русскихъ родовъ. Они поставили эту мысль до точности ясно и опредѣленно и отняли всякую возможность избирать царя одною Москвою, одною областью, одною партіею. По всемірному совѣту!. твердили они всѣмъ городамъ и всей Землѣ.

Въ томъ самомъ хронографѣ, въ которомъ, въ лѣтописныхъ особыхъ вставкахъ, записанныхъ повидимому съ народнаго голоса, одному Минину присвоивается и воеводство надъ Нижегородскимъ ополченіемъ и всѣ побѣды подъ Москвою, разсказаны также и обстоятельства избранія на царство Михаила. Въ нихъ передовое мѣсто, подобно Минину, занимаетъ Пожарскій и какъ бы руководитъ избраніемъ. Разсказъ излагаетъ обстоятельства такимъ образомъ:

«И начали между собою совѣтъ творить со всѣмъ освященнымъ соборомъ всей Русской Земли князи и бояре и всякихъ чиновъ множество людей, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій со всѣми чинами. А вопрошаетъ (кн. Пожарскій) ихъ на искусъ, какой ему отвѣтъ подадутъ, и говоритъ: «Теперь у насъ въ Москвѣ благодать Божія возсіяла, миръ и тишину Господь Богъ даровалъ: станемъ у Всещедраго Бога милости

просить, дабы намъ далъ самодержателя всей Россіи. Подайте намъ совѣтъ. Есть ли у насъ царское прирожденіе?» Всѣ умолкли. Помолчавъ, духовныя власти стали говорить: «Государь Дмитрій Михайловичъ! Мы станемъ соборомъ милости у Бога просить. Дай намъ срока до утра.» — На утро сошлись всѣ предсѣдатели собора. Тутъ нѣкто изъ дворянъ города Галича предложилъ собору выпись о сродствѣ царевѣ, какъ царь Ѳедоръ Ивановичь, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ своему братану боярину Ѳедору Никитичу (Романову), какъ узналъ объ этомъ Годуновъ и заточилъ боярина въ Сійскій монастырь и съ сыномъ его Михаиломъ, дабы самому царствомъ завладѣть, что и случилось. Теперь бояринъ Ѳедоръ Никитичъ уже Филаретъ митрополитъ Ростовскій, а сынъ его бояринъ Михаилъ въ Костромскихъ мѣстахъ, въ Ипацкомъ монастырѣ пребываетъ и съ матерью своею. А тотъ Михаилъ Ѳедоровичъ царю Ѳедору Ивановичу по сродству племянникъ, по матери царя Анастасіи Романовнѣ, что была супруга царю Ивану Васильевичу. Тотъ да будетъ царь, а кромѣ его никто иной не можетъ быть.» Такова была выпись. Она приходила изъ Костромскихъ же мѣстъ, изъ Костромскаго Галича. Но оставалось еще ехиднино порожденіе, злоба и противорѣчіе. На соборѣ раздались клики: «Кто это писаніе принесъ, кто и откуда?» Значитъ, была сторона, которая недоброжелательно встрѣчала эту выпись. Но въ то время ускорилъ славнаго Дону атаманъ и предложилъ на соборѣ новую выпись, такую же. И вопрошаетъ его князь Дмитрій Михайловичъ: «Атамане! Какое вы писаніе предложили?» Отвѣчаетъ атаманъ: «О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ?» Царскаго прирожденія требовалъ и Пожарскій. Отвѣтъ слѣдовательно вторилъ его вопросу, какъ и отвѣтъ Галицкаго дворянина. И прочли писаніе атаманское. И всѣ на совѣтѣ стали согласны и единомысленны.» Дворяне и казаки

составляли главную силу на соборѣ и выборъ слѣд. по ихъ голосамъ былъ рѣшенъ окончательно. И видимо, что это рѣшеніе прошло черезъ руки Пожарскаго уже по той причинѣ, что на соборѣ онъ необходимо занималъ самое видное мѣсто, какъ главный воевода Нижегородскаго Ополченія. Старецъ Авраміи и здѣсь описалъ себя такъ, что избраніе проходило только черезъ его руки, что всякіе чины, желая подать голосъ, шли не на соборъ, а прежде къ старцу, моля его, чтобъ возвѣстилъ собору ихъ голоса и записки. Онъ и былъ ходатаемъ за всѣхъ передъ соборомъ, разумѣется похваливая всѣхъ, что избираютъ царемъ Михаила. Могло ли это такъ происходить, если созванные на соборъ чины всѣ сами имѣли прямое право присутствовать на соборѣ и тамъ подавать свои голоса и предлагать писанія [75])?

Между тѣмъ существовала сплетня или слухъ, что самъ Пожарскій подкупался на царство, что стало это ему 20 тысячъ. Въ 1635 году межевые судьи на Польскомъ рубежѣ, стольникъ князь Ромодановскій и дворянинъ Суминъ поссорились, все изъ за тѣхъ же отеческихъ мѣстъ. Ромодановскій назвалъ Сумина страдникомъ и хотѣлъ было схватить его за бороду. Суминъ схватилъ его за полу и крикнулъ: «только ты станешь меня драть за бороду, и я тебя зарѣжу!» Ихъ разступили дворяне Псковичи и Пусторжевцы, соткнуться имъ не дали. Тогда разобиженный Суминъ началъ лаять—браниться. «Тебѣ я страдникъ, кричалъ онъ, а государю что? Страдникомъ ты меня называешь! Не государь ты мнѣ. Государь у насъ одинъ, помазанникъ Божій, кого намъ Богъ далъ! А ты не государься и не воцаряйся! И братъ твой князь Дмитрій Пожарскій воцарялся и докупался государства, хотѣлъ на Москвѣ государемъ быть! Стало ему тысячъ въ двадцать, да того ему Богъ не далъ, а далъ намъ Богъ праведнаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси.

Тому я и страдникъ, а не тебѣ! И другаго государя у насъ не будетъ! А я тебѣ по государеву указу товарищъ. Велѣно намъ межевое государево дѣло дѣлать вмѣстѣ!» При розыскѣ Суминъ отъ этого «невмѣстимаго слова» отрекался: но было доказано свидѣтелями, что онъ это говорилъ. Правительству же важно было знать, когда Пожарскій докупался царства, въ безгосударное время или теперь, при царствованіи Михаила? Суминъ объяснилъ потомъ, что говорилъ такимъ образомъ: «и въ безгосударное время, какъ владѣли Московскимъ государствомъ бояре, Пожарскій и Заруцкій, и въ то время страдникомъ они его не называли» [76]). Нельзя совсѣмъ отрицать, что Пожарскій вовсе былъ чуждъ мысли о выборѣ на царство и его, на ряду съ другими кандидатами. Въ его положеніи, какъ уже избраннаго всѣми чинами воеводы Земскаго ополченія, это было какъ нельзя болѣе естественно и даже соблазнительно. Но предъ всенароднымъ множествомъ, по своему характеру, онъ конечно относился къ этому дѣлу кротко и скромно, точно такъ, какъ относился и къ совершившемуся своему избранію въ воеводы. Скромное и застѣнчивое отношеніе къ своему воеводству лучше всего онъ самъ высказываетъ по случаю посольскихъ переговоровъ съ Новгородцами, которые между прочимъ настаивали, чтобы посланы были въ Швецію послы о выборѣ на царство Шведскаго королевича. Пожарскій отвѣчалъ, что послать пословъ нельзя, потому что и къ Польскому королю за тѣмъ же были посланы послы, и какіе люди? Князь Василій Голицынъ съ товарищи. И тѣ теперь въ чужой землѣ погибаютъ. Новгородцы замѣтили, что Польскій король, задержавъ тѣхъ лучшихъ людей, никакой себѣ выгоды не сдѣлалъ. И безъ нихъ теперь идетъ дѣло не худо. Бояре и воеводы тоже собрались и тоже стоятъ противъ общихъ враговъ. Тогда Пожарскій сказалъ имъ: «Очень надобны были такіе люди въ нынѣшнее время. Только бъ нынѣ былъ здѣсь такой столпъ, князь Василій Васильевичъ, имъ бы всѣ держались. И я за такое великое дѣло безъ него не взялся (бы); а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся Земля силою приневолили!» [77]). Если и въ дѣйствительности, какъ увѣряетъ г. Костомаровъ, Пожарскій высказывалъ въ этихъ словахъ сознаніе о своей духовной скудости, то онъ же и въ этихъ же самыхъ словахъ высказывалъ сознаніе о своихъ достоинствахъ, говоря именно, что и бояре, и вся Земля силою его приневолили быть вождемъ великаго дѣла. Стало быть, здѣсь первое положеніе совсѣмъ упраздняется вторымъ, и остается простое, умное и скромное слово о настоящемъ значеніи своей личности. Въ подобномъ случаѣ тоже бы сказалъ и Ляпуновъ, за одно дѣйствовавшій съ Голицынымъ, высоко цѣнившій его достоинства; тоже бы сказалъ и самъ Голицынъ, ибо въ переговорахъ нельзя же безъ особенной глупости выставлять себя первымъ героемъ и восхвалять предъ другими свою только личность.

Самые эти Новгородскіе переговоры свидѣтельствуютъ о тонкомъ политическомъ умѣ Пожарскаго, о его полномъ сознаніи истинной мѣры своихъ достоинствъ. Онъ ставитъ себя не бояриномъ-воеводою, а простымъ земскимъ человѣкомъ, ищущимъ того только, чтобъ видѣть государство въ неподвижной правдѣ и соединеніи, чтобъ кровопролитье въ крестьянствѣ перестало, чтобъ настали покой и тишина... Другой цѣли онъ не имѣетъ. Какъ вождь собственно посадскаго, мужицкаго движенія на защиту родины, онъ совсѣмъ сливаетъ свою личность съ этимъ движеніемъ, совсѣмъ пропадаетъ въ немъ, не высовывается ничѣмъ оскорбительнымъ для этого движенія, а напротивъ вполнѣ точно и вѣрно и очень осторожно, несетъ его истинныя всенародныя желанья къ одной цѣли, чтобъ возстановить государственный покой и тишину.

Есть грамота отъ Пожарскаго, какъ отъ предводителя, и вмѣстѣ отъ всего Ополченія, написанная на стану у Троицы

въ Августѣ, слѣд. наканунѣ похода подъ Москву, Гамбургскимъ нѣмцамъ, которые предлагали свои услуги помочь Ополченію военными людьми, отъ чего Пожарскій отказался и писалъ между прочимъ и о своемъ всенародномъ избраніи въ воеводы, говоря тѣмъ нѣмцамъ, что его «изобрали всѣми государствы Россійскаго Царствія всѣ бояре и воеводы и чашники и стольники и пр., всѣ служилые и неслужилые люди, за разумъ и за правду и за дородство и за храбрость, къ ратнымъ и къ земскимъ дѣламъ...» Вотъ похвала себѣ, которую Пожарскій позволилъ выставить въ сношеніяхъ съ далекими иноземцами для наилучшаго разъясненія имъ, что помощь ихъ теперь не надобна, что теперь Русскіе люди всѣ собрались во едино и надѣются одними своими силами побороть Поляковъ, что Русское дѣло теперь со всѣхъ сторонъ идетъ благополучно. Грамота писана отъ имени всего войска, по вопросу, который также непосредственно касался всего войска, слѣдов. грамота неотмѣнно была читана предъ всѣмъ войскомъ, предъ всѣми боярами и воеводами, которые для русской же чести передъ Нѣмцами необходимо должны были ярче обозначить заслуги и добрыя качества своего излюбленнаго и всѣми избраннаго воеводы. То была не похвала, а общая молва о добромъ воеводѣ [78]).

Всѣ приведенныя обстоятельства даютъ намъ основаніе къ тому убѣжденію, что если и могъ Пожарскій думать о своемъ избраніи на царство, то по своему отношенію къ обществу, ко всей Землѣ, очень умному и скромному, не могъ пустить этого вопроса на подкупъ деньгами.

Однако есть и такія обстоятельства, которыя даютъ изобильную пищу для разныхъ вопросовъ и запросовъ, т. е. для голыхъ соображеній, догадокъ и домысловъ, на чемъ обыкновенно всегда построиваются всякія сплетни. Можно думать на всѣ лады. Можно думать, что Пожарскій съ Мининымъ, когда

начинали дѣло, условились: первому быть царемъ, второму— первымъ у него бояриномъ и начальникомъ всѣхъ денежныхъ и хлѣбныхъ по доходамъ Приказовъ. И лѣтопись говоритъ, что у нихъ еще допрежде было по слову. Въ первой же своей грамотѣ изъ Нижняго они провозгласили, что Нижегородцы рѣшили выбрать государя всею Землею, кого Богъ дастъ, и утвердили все Ополченіе въ мысли, что выбирать государя изъ Московскихъ родовъ, что было окончательно рѣшено при переговорахъ съ Новымъ-Городомъ, въ самый день выступленія изъ Ярославля подъ Москву. Не явно ли, что они дѣйствуютъ въ пользу своего задуманнаго выбора! Вѣдь другіе бояре, не желавшіе или не имѣвшіе увѣренности, чтобъ быть на царствѣ, указывали все иноземныхъ королевичей и имъ присягали. Затѣмъ, какъ осторожно и гуманно наши оба героя вели себя во все время, когда подвигались къ Москвѣ; угощали войско обѣдами, раздавали щедрое жалованье, награды и дары, всѣ силы употребляли на то, чтобъ всѣ были довольны, чтобъ не было несогласій, ссоръ, ненависти, чтобъ была вездѣ тишина и покой! Не явно ли, что они дѣйствовали такъ съ цѣлью всѣми мѣрами задобрить земство, дворянъ, казаковъ... Сколько разъ Пожарскій засылалъ именно къ казакамъ, сколько разъ ихъ пословъ удобривалъ подарками. Стоя подъ Москвою въ Октябрѣ, онъ засылалъ «наговаривать» даже и къ Заруцкимъ казакамъ, привлекая ихъ служить въ его полкахъ. Между тѣмъ Мининъ все сбиралъ, да сбиралъ земскую казну и наполнялъ свои и Пожарскаго карманы, чтобъ, когда начнется избраніе въ цари, сыпать деньгами направо и на лѣво, какъ и сдѣлалъ Пожарскій, истративъ понапрасну 20 тысячъ. Откуда было взять Пожарскому, не совсѣмъ богатому вотчиннику, да еще въ раззоренное смутное время, эти 20 тысячъ, сумму огромную въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и по тогдашней цѣнѣ денегъ. Ясно, что это были деньги земскія, набранныя

Мининымъ. Вѣдь бралъ же Мининъ взятки и посулы по дѣлу Толоконцевскихъ крестьянъ! И такъ далѣе и такъ далѣе... «Множество вопросовъ готовы явиться къ намъ на глаза, и на нихъ мы не въ состояніи отвѣчать!» Но развѣ это будетъ Исторія?

Такъ какъ Мининъ и Пожарскій составляютъ въ народной памяти и въ самой Исторіи какъ бы одно лицо, одинъ историческій образъ, и почти никогда другъ отъ друга не отдѣляются и своими именами, то къ свѣдѣнію о посулахъ Минина, является свѣдѣніе и о посулахъ Пожарскаго. Намъ встрѣтилась записка Вятскихъ земскихъ людей о расходахъ, какіе они дѣлывали по случаю доставленія своей податной казны въ Москву. Въ 1616 г. Іюля 28 они писали: «Пріѣхавъ къ Москвѣ (между прочимъ) ходили во дворъ челомъ ударить князю Дмитрѣю Михайловичу Пожарскому для отписи, несли ему рыбу-калушку да бѣлую рыбицу, да колачей, да яблоковъ на два рубли съ гривною; дворянамъ его дано гривна...» Въ 1617 году они пишутъ, что «отъ Нижняго ѣхали со княгинею и съ стрѣльцами и съ сыномъ боярскимъ, ходили ко княгини челомъ ударити и стрѣльцевъ и сына боярскаго почтили, и того стало намъ полтина.» Какая это была княгиня, Вятчане не упоминаютъ; но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣется мать Пожарскаго, княгиня Марья Ѳедоровна, жившая въ то время въ Нижнемъ и должно быть имѣвшая въ городѣ и въ земствѣ большое вліяніе, такъ что не нужно было и поминать ея фамиліи при имени княгини. Она тамъ спасла отъ позорной смерти плѣннаго изъ Кремля полковника Будила, котораго послалъ туда на житье Пожарскій, и съ которымъ озлобленный народъ хотѣлъ было расправиться по своему [79]). Затѣмъ Вятчане записываютъ: «Пріѣдучи къ Москвѣ ходили въ Ямской Приказъ, кони записывать, и стало намъ убытка

2 гривны. Ходили ко князю Дмитрѣю Михайловичу Пожарскому челомъ ударити и несли ему рубль.»

Въ какомъ же свѣтѣ и смыслѣ эти рубли рисуютъ намъ личность Пожарскаго? Мы конечно поспѣшимъ сдѣлать заключеніе, что, платя дань вѣку, онъ былъ взяточникъ, посуловзиматель! Но по старому коренному Русскому обычаю подобные приносы именовались и разумѣлись вообще гостинцами, поклонами, поминками, и безъ поминка-гостинца нельзя было войдти ни въ одинъ домъ, если люди вели между собою дружбу, знакомство, не говоря о родствѣ, или нуждались другъ въ другѣ. Самое слово гостинецъ показываетъ, что это былъ собственно неизбѣжный знакъ гощенія, гостьбы, какъ скоро люди являлись другъ у друга гостями, пріѣзжими и заѣзжими изъ близка или изъ далека. Это была непреложная форма привѣта, радости и радушія при встрѣчѣ и свиданіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была вѣжливая почесть лицу, форма признательности, благодарности, уваженія, почтенія. Въ отношеніи всего служилаго, управляющаго и владѣющаго сословія, это былъ стародавній уставъ обхожденія со всякою властью, уставъ первокняжескихъ уроковъ и оброковъ и всей древней финансовой системы, обозначаемой однимъ именемъ: кормленія. Такимъ образомъ старозавѣтный Русскій гостинецъ-поминокъ самъ по себѣ вовсе не тоже значитъ, что взятки или посулъ. Самъ государь Земли и вся царская семья собирали и даже золотые подарки отъ духовенства, вмѣстѣ съ капустою и квасомъ изъ монастырей, собирали на всякой царской радости дары отъ всего народа. Извѣстно, какъ самъ государь смотрѣлъ на значеніе такихъ подарковъ. Когда при рожденіи царскихъ дѣтей въ города присылались придворные съ радостными грамотами, то власти духовные и воеводы должны были давать обѣды и непремѣнно дарить этихъ вѣстниковъ царской радости. «А какъ пріѣдутъ они къ Москвѣ, замѣчаетъ Котошихинъ, и ихъ спра-

шиваютъ, кто чѣмъ дарилъ,—и будетъ кто подарилъ скудно, а мѣсто и человѣкъ богатые, и о томъ царь бываетъ гнѣвенъ, понеже будто тотъ человѣкъ н е р а д ъ рожденію того царевича». Таковъ былъ стародавній завѣтъ Русской жизни, покрайней мѣрѣ въ отношеніяхъ земства къ своей правящей и владѣющей власти, къ своимъ служилымъ людямъ. Очень естественно, что простые, обычные поминки-гостинцы незамѣтно являлись взяткою во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило до вымогательства, когда въ этомъ отношеніи употреблялось насиліе, принужденіе.

Вотъ почему, всякіе приносы къ управляющей власти, какъ скоро начиналась ссора съ этою властью, тотчасъ поступали, въ жалобахъ на власть, въ число взятокъ и посуловъ. А потому, чтобы отдѣлить взятки отъ обычныхъ приносовъ, необходимо знать, насколько такіе приносы были послѣдствіемъ вымогательства, прямаго, по приказу, или косвеннаго, изъ страха насилій и притѣсненій. Одинъ довольствовался лишь тѣмъ, что̀ по обычаю ему приносили въ почесть. Это не почиталось ничѣмъ болѣе, какъ обычнымъ даромъ, поклономъ, поминкомъ, отъ чего по вѣжливости вѣка безъ обиды и отказаться было невозможно, чего, какъ непремѣннаго условія жизни, требовало людское обхожденіе вѣка. Другой, хорошо зная силу своей власти, самъ назначалъ размѣръ приноса, или же такой размѣръ самъ собою выросталъ, когда дароприносители тоже очень хорошо понимали, что безъ увеличеннаго размѣра гостинцевъ никакого толку отъ власти не добьешся. Ясно, что въ этомъ случаѣ обычный гостинецъ пріобрѣталъ уже свойство взятки, и потому различіе обычныхъ гостинцевъ въ почесть отъ гостинцевъ-взятокъ можетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ показать именно размѣръ ихъ количества или цѣнности. Тѣже земскіе люди и въ тѣже почти годы, пріѣхавши на Верхотурье, записали. «Приходили къ Ивану Лаврентьевичу къ воеводѣ съ гостинцами, а несли гостинца полоть мяса, да полтора пуда меду, да с е м ъ рублевъ денегъ; да несли двѣ бѣлыя рыбы, да ковригу хлѣба; да сыну его Володімеру несли рубль, да дворяномъ его полтину. Да тогоже дни несли діяку Андрею Ермоличу ковригу хлѣба, да на грошъ колачей, да полоть мяса, да пудъ меду, да т р и рубля денегъ, да дворянину его двѣ гривны.» Здѣсь тяжесть воеводскихъ отношеній видимо увеличивала и тяжесть или объемъ обычнаго приноса. Два рубля съ гривною, или рубль, поднесенные одному изъ знатныхъ бояръ въ Москвѣ, или семь рублей и три рубля, поднесенные, кромѣ пудовъ меду и полтей мяса, рядовымъ воеводѣ и дьяку на далекомъ Верхотурьѣ,—гостинцы весьма различнаго свойства и значенія.

Мы вообще полагаемъ, что для и с т о р и ч е с к и х ъ дѣлъ личности, домашнія ея дѣла не совсѣмъ значатъ именно то, что̀ по теперешнимъ нашимъ понятіямъ мы стараемся въ нихъ найдти. Не говоримъ о томъ, что во всѣ вѣка въ нравахъ людей существуютъ положенія, осуждаемыя чистотою идеальныхъ нравственныхъ понятій, но тѣмъ не менѣе обязательныя для жизни, отъ которыхъ никакая нравственно-высокая личность свободна не бываетъ.

VII.

Поясненія къ предыдущему.

Достоуважаемый нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ почтилъ наши предыдущія замѣчанія о личностяхъ Минина и Пожарскаго подробнымъ и внимательнымъ разборомъ въ статьѣ: Кто виноватъ въ Смутномъ Времени? (Вѣстникъ Европы Сентябрь 1872 г.). Это вызываетъ въ насъ тѣмъ бо́льшую и тѣмъ живѣйшую признательность, что исторія Смутнаго Времени, въ дѣйствительности, требуетъ всесторонней перевѣрки и самыхъ подробныхъ и точныхъ изысканій, такъ что всякое новое слово по этому поводу получаетъ вѣсъ и силу и неизмѣнно служитъ спутникомъ къ открытію исторической истины. Наши взгляды на эпоху, по выраженію уважаемаго историка, діаметрально-противоположны. Но между ними находится истина, къ которой иначе невозможно приблизиться, какъ послѣ многихъ и долгихъ разбирательствъ, объясненій и поясненій, если и проводимыхъ иногда съ обѣихъ сторонъ съ излишнею настойчивостію и даже съ нѣкоторою запальчивостью (въ чемъ однако выражается только неминуемое свойство всякаго спора быть живымъ отголоскомъ живыхъ же людей), за то всегда способныхъ въ бо́льшей или меньшей степени раскрыть предъ читателемъ, какая изъ сторонъ наиболѣе достигаетъ желанной истины. Вотъ почему мы почитаемъ долгомъ и съ своей сто-

роны представить нѣсколько поясненій къ тѣмъ соображеніямъ и фактамъ, какими руководились, объясняя Смуту, — этотъ любопытнѣйшій эпизодъ нашей Исторіи.

Достоуважаемый историкъ не находитъ правильнымъ нашъ взглядъ, что Смута начальныхъ годовъ XVII ст. порождена и распространена на всю Землю боярствомъ и вообще служилымъ сословіемъ, и что, напротивъ, неслужилое сословіе, коренное Земство, народъ не только не участвовалъ въ сочиненіи и распространеніи Смуты, но, крѣпкій и здоровый нравственно, въ полной мѣрѣ испытавши, что́ значитъ государственная безурядица, поднялся наконецъ, угасилъ Смуту и спасъ отечество, т. е. собственными силами и средствами совершилъ великій государственный подвигъ. Уважаемый историкъ отмѣчаетъ, что «такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и какъ будто показываетъ, что тѣ и другіе были людьми инаго племени, языка, словно Турки и Греки въ Оттоманской имперіи или какіе-нибудь Остъ-Готы, либо Лонгобарды съ одной стороны и Римляне съ другой въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся (продолжаетъ онъ) въ возможности такого раздвоенія въ Русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ». Затѣмъ историкъ тщательно доказываетъ, что если и были на той и другой сторонѣ свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ, что родовитые и служилые были тоже Русскіе и имѣли съ народомъ одни нравы, одинакія понятія, одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, дни пороки и т. д.

Надѣемся, что за чужую фантазію мы не отвѣтчики, и приводимыя историкомъ выраженія (какъ будто, какъ бы) освобождаютъ насъ вполнѣ отъ доказательствъ, что въ нашей

статьѣ ничего мы не говорили о воображаемомъ какъ бы разноплеменномъ раздвоеніи служилыхъ и неслужилыхъ.

Надѣемся также, что еслибъ мы стали «задаваться мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ», еслибъ въ самомъ дѣлѣ задали себѣ спеціальную задачу «накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и «служилое сословіе, и какъ можно болѣе въ привлекательномъ «видѣ изображать своего Сироту-народъ», какъ свидѣтельствуетъ уважаемый историкъ (стр. 11, 16) то намъ вовсе не было бы нужды прибѣгать къ фантастическимъ преувеличеніямъ. Обставленное надлежащими неоспоримыми фактами одностороннее разрѣшеніе такой задачи постояло бы само за себя. Только стоитъ попасть на одну какую либо точку зрѣнія и направить свои соображенія въ одинъ какой либо уголъ, то самый строгій умъ, безъ всякой помощи фантазіи, всегда можетъ придти къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Изъ всѣхъ наукъ, Исторія—наука самая гостепріимная и благодарная въ этомъ отношеніи. Она широко растворяетъ двери своего храма всякому приходящему, и на столько же тому, кто съ великою ученостью усердно изучаетъ и обработываетъ ея необозримый матеріалъ, какъ и тому, кто, съ познаніями краткаго учебника, вчера только прочелъ какую либо историческую статью. Въ ея гостепріимномъ храмѣ всѣмъ свободно; въ немъ всякій чувствуетъ себя какъ дома, всякій и обо всемъ свободно и беззастѣнчиво мыслитъ, обо всемъ свободно и беззастѣнчиво судитъ и рядитъ по той именно причинѣ, что Исторія занимается разслѣдованіемъ и изображеніемъ человѣческихъ дѣлъ, а въ человѣческихъ дѣлахъ каждый человѣкъ есть полноправный и вполнѣ независимый судья и рѣшитель. Отъ этой же причины Исторія, какъ наука, до сихъ поръ не могла выработать себѣ своей собственной ученой техники, если можно такъ сказать. Она еще не выработала своихъ условныхъ знаковъ и

именъ, для обозначенія своихъ непогрѣшимыхъ истинъ, такихъ знаковъ и именъ, при указаніи которыхъ всѣ были бы согласны, что обозначаютъ они именно только тотъ смыслъ, какой разумѣетъ въ нихъ наука. Во всякой другой наукѣ вновь приходящій всегда чувствуетъ тѣсноту и неловкость, пока не освоится съ ея началами и съ ея техническимъ языкомъ. Какъ я могу разсуждать съ толкомъ въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи, въ наукахъ естественныхъ, юридическихъ, филологическихъ, математическихъ, когда не знаю ни ихъ техники, ни ихъ основаній? Съ первыхъ же словъ я долженъ буду сознаться въ своемъ невѣдѣніи и замолчать. Какъ я могу разсуждать хотябы о дробяхъ въ Ариѳметикѣ, если напередъ не узнаю хорошо, что̀ значитъ числитель и что̀ знаменатель? и т. п. Но за то, пріобрѣтая технику такой науки, всякій тотчасъ убѣдится, что дознанныя въ ней истины для всѣхъ ясны и точны и никакъ не могутъ возбуждать даже и малѣйшихъ недоразумѣній и споровъ. Какъ скоро скажутъ: числитель, знаменатель, то эти имена во всѣхъ умахъ изобразятъ одно и тоже безспорное понятіе.

Совсѣмъ другое происходитъ въ ученомъ храмѣ Исторіи, по крайней мѣрѣ у насъ. Здѣсь нѣтъ такихъ техническихъ именъ, которыя нельзя было бы съ той или съ другой стороны подвергнуть спору. Здѣсь все шатко и валко, и все можно погнуть на сторону. Казалось бы, что такія общія слова какъ — народъ, общество, государство, свобода и т. п., по безпрестанному употребленію въ историческихъ сочиненіяхъ, давно уже стали техническими и потому для всѣхъ и каждаго ясными и понятными; а выходитъ, что они-то больше всего и возбуждаютъ толки, споры, пререканія и именно о томъ, какая истина должна въ нихъ заключаться. Они-то больше всего и вносятъ непроходимую путаницу понятій въ историческія воззрѣнія на историческія личности и событія. Не го-

воримъ о словахъ частнаго значенія и смысла, въ родѣ словъ: дружина, бояринъ, казакъ и т. д. И тѣ еще далеко не уяснены и не опредѣлены окончательно и подаютъ нерѣдко поводъ растягивать ихъ смыслъ въ любую сторону. Вотъ почему изъ историческаго матеріала, при извѣстной сноровкѣ, очень легко вырабатывать какія угодно положенія и доказательства, и вотъ почему историческія сочиненія всегда могутъ возбуждать самыя разнообразныя недоразумѣнія и слѣдовательно безконечныя пререканія и споры.

Есть, однако, въ Исторіи великая сила, которая настойчиво противится этой собственной же способности и наклонности Исторіи, какъ искусства, превращаться время отъ времени въ одно лишь приманчивое и заманчивое, нерѣдко даже художественное сплетеніе фантазій, басенъ, сказокъ, легендъ и всяческихъ измышленій. Эта сила называется критикою, не въ смыслѣ той критики, какая въ обычномъ понятіи ограничивается только значеніемъ слова осуждать или охуждать (какъ еще до сихъ поръ нѣкоторые её разумѣютъ), а въ смыслѣ особой науки или особаго искусства правильно и разборчиво сомнѣваться, правильно и разборчиво разчленять и раздроблять для повѣрки не только свидѣтельства, но и самыя понятія, заключающіяся въ тѣхъ или другихъ словахъ; вообще въ смыслѣ той судительной силы ума, которая вѣруетъ только въ истину, изыскиваетъ только истину, а потому не принимаетъ никакихъ свидѣтельствъ безъ строгой и самой разборчивой, такъ сказать, истязательной повѣрки.

Но, къ великому сожалѣнію, должно согласиться, что эта сила Исторіи, составляющая существенное и прямо научное ея основаніе, не весьма распространена даже и между спеціалистами, которые точно также, какъ и профаны, очень рѣдко прибѣгаютъ къ искусству правильно и разборчиво сомнѣваться и по большей части добываютъ свои выводы такимъ порядкомъ умозаключеній, какой употребителенъ только въ обыкновенныхъ житейскихъ такъ называемыхъ пересудахъ. Ясно, что и съ этой стороны не заперты двери къ смѣлымъ и рѣшительнымъ упражненіямъ выдѣлывать изъ историческаго матеріала самыя замысловатыя фигуры.

Вовсе не задаваясь спеціальною мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ и накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, мы старались только возстановить очень простой и естественный фактъ, что въ Смутное Время Русскій материкъ-народъ, какъ политическое цѣлое, въ общей бытовой и государственной раздѣльности, состоялъ изъ трехъ пластовъ (богомольцы, холопы, сироты), что эти пласты отдѣлялись другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачъ жизни; что вслѣдствіе особаго характера дружинныхъ или вообще служилыхъ интересовъ, дружина искони производила въ Землѣ смуты и, затѣмъ, хотя и превратившись изъ друзей въ холоповъ, но нисколько не измѣняя своей старинѣ, она же произвела Смуту и въ началѣ XVII ст. Мы можемъ сказать больше. Мы скажемъ, что по тѣмъ началамъ или истокамъ жизни, какіе скрывались въ нѣдрахъ дружиннаго сословія, это сословіе неизмѣнно должно было произвести общую Смуту, точно такъ, какъ крестьянское и посадское сословіе, согласуясь съ своими началами и истоками жизни, тоже неизмѣнно должно было унять Смуту и успокоить государство всемірнымъ избраніемъ Государя. И то, и другое обстоятельство являлось только непреложнымъ историческимъ выводомъ изъ множества историческихъ жизненныхъ посылокъ. И приводили къ этому не враждебные, а лишь противоположные интересы, которые, разумѣется если съ какой либо стороны переходили за свои предѣлы, то, конечно, очень нерѣдко становились и враждебными.

Если смотрѣть на исторію нашихъ сословныхъ отношеній

съ одной только политической точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ уважаемый историкъ, то мы ничего политически-особнаго тамъ не увидимъ, кромѣ сплошной массы одинакихъ условій жизни, одинакихъ нравовъ, понятій, добродѣтелей, пороковъ и т. д. Но перейдя на точку зрѣнія экономическую, мы тотчасъ можемъ разглядѣть, пожалуй, нѣчто въ родѣ Турокъ и Грековъ, Остъ-готовъ и Римлянъ. Одною политикою исторію народа объяснить невозможно. Она несравненно лучше и точнѣе объясняется культурою, въ которой экономическимъ интересамъ принадлежитъ чуть не первое мѣсто.

Наши народные пласты еще точнѣе можно разсматривать только въ двухъ видахъ: пластъ верхній или служилый, кормовой, который за свою службу, сначала исключительно военную, кормился отъ Земли. Другой пластъ—нижній, черный, сирота и въ тоже время кормилецъ. Экономическою жизненною задачею служилаго пласта было право кормить себя на счетъ Земли, стало быть собирать дани и пошлины, брать кормленье за все и про все. Такою же жизненною задачею для сиротскаго пласта была обязанность давать кормленье —дани, дары, уроки, оброки и т. д., давать за все и про все. Брать и давать, конечно, интересы значительно противоположные.

Служилый пластъ, имѣя въ рукахъ право, правду суда и защиты внутренней и внѣшней, правилъ землею, управлялъ, что значило также владѣть, властвовать, откуда и названіе волости, какъ опредѣленнаго мѣста для дѣятельности этого права. Мы хорошо не знаемъ, что было до пришествія Варяговъ; но видимо, что Варяги, кто бы они не были, Норманны или Балтійскіе Славяне, были нарочно выписаны изъ за моря, дабы крѣпче и прочнѣе утвердить владѣнье, управленье, чтобъ оно ни шаталось ни на ту, ни на другую сторону. Сироты усердно давали за все и про все, лишь была бы въ Землѣ

защита и безопасность. Для того они и призвали новыхъ властителей. Съ властителями пришла дружина, разные Карлы, Фарлофы, Веремуды, Вуефасты и пр., которые сѣли по городамъ и соединились съ Русскою дружиною, каковая по всѣмъ вѣроятіямъ тоже существовала. Лѣтъ черезъ сто они сами сдѣлались совсѣмъ Русскими и стали прозываться Ратиборами, Остромірами, Радославами, Мирославами, Жирославами и т. д. Уже одно прибавленіе къ личному имени выраженія славъ, показываетъ, что это были славные, то есть извѣстные люди, въ смыслѣ отличныхъ, передовыхъ дѣятелей страны, въ смыслѣ архонтовъ и аристократовъ. Если дружина и вппослѣдствіи пополнялась всякими добрыми и храбрыми людьми, приходившими служить князьямъ съ разныхъ сторонъ, какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ иноземныхъ, то понятно, что ея роды и люди несовсѣмъ были браты сиротамъ-туземцамъ, у которыхъ они оставались дружинничать и на которыхъ смотрѣли больше всего, какъ на средство своего кормленья, оберегая (въ интересѣ того же кормленья) своихъ и безъ пощады раззоряя (все для того же кормленья) чужихъ. На этомъ, намъ кажется, держалась вся исторія дружинныхъ отношеній.

Однако со стороны дружины никакой вражды къ сиротамъ быть не могло. Кому придетъ въ голову враждовать противъ своего же хлѣба! Она всегда смотрѣла на нихъ, какъ на лакомый или вообще какъ на питательный кусокъ, который можно было объѣдать во всякое время. Другое дѣло со стороны сиротъ. Имъ иной разъ приходилось не-въ-терпѣжъ, и они вставали и производили всякія варварства, начиная со времени Древлянъ и оканчивая самыми поздними событіями въ томъ же родѣ. Вражды политической никогда никакой не было, развѣ въ эпоху перваго покоренія племенъ. Но вражда экономическая не угасала въ теченіе всей Исторіи. Вотъ что необходимо различить, и смѣшеніе понятій въ томъ и заклю-

чается, что, упуская совсѣмъ изъ виду экономическія условія быта, мы въ каждой избѣ желаемъ находить только политику, а въ ней, кромѣ куска хлѣба, добытаго проливнымъ потомъ, никогда и никакой политики не было. За этотъ-то кусокъ хлѣба Сирота, доведенный иной разъ до-зела, и производилъ неслыханныя варварства.

Экономическія затрудненія народа происходятъ отъ различія и противоположности экономическихъ же началъ, вошедшихъ въ его жизнь. Мы указали, что экономическимъ началомъ дружиннаго быта было право кормиться, а коренное земство стояло на обязанности кормить. Отсюда неизбѣжная борьба интересовъ—одному больше взять, другому меньше дать, причемъ самый судъ и защита находились въ рукахъ тогоже, кто больше бралъ. Вотъ отчего народъ и сталъ прозываться Сиротою, какъ лишенный необходимой точки опоры.

Существуетъ также чуть не физіологическій законъ, что когда человѣкъ или цѣлый порядокъ людей поставленъ въ условія жить на чужой счетъ, поставленъ въ необходимость брать дани, дары и т. п., то въ немъ, по естественнымъ причинамъ, развивается мало по малу безграничная алчность и жадность, съ родною ихъ сестрою — завистью къ чужимъ выгодамъ. Дружина перваго Игоря, собравши съ Древлянъ обычную дань, затребовала у князя новаго похода къ нимъ же, указывая, что «вотъ Свѣнельдовы отроки разодѣлись оружіемъ и портами, а мы наги; пойдемъ съ нами опять за данью къ Древлянамъ, да и ты добудешь, и мы!» Этотъ одинъ примѣръ въ полной мѣрѣ рисуетъ и всю послѣдующую исторію дружины, рисуетъ ея отношенія къ князю—наводить его на новыя дани и кормленья, и отношенія другъ къ другу, къ другой сторонней дружинѣ—не уступать ей въ пріобрѣтеніи богатства. «Сама князя млада суща, слушая бояръ, а бояре учахуть на

многая иманья,» отзывается о дѣйствіяхъ дружины даже и XII вѣкъ.

Здѣсь намъ необходимо сдѣлать поясненіе на счетъ самаго слова дружина. Достоуважаемый историкъ упрекаетъ насъ въ смѣшеніи понятій, что употребляя слово «дружина», мы не обратили вниманія на обширность его значенія. «Задавшись мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, говоритъ онъ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ дружиною разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ», т. е. говоря однимъ словомъ, въ значеніи кружка друзей. Слѣдуютъ доказательства и между прочимъ, что у св. Владиміра, когда онъ засѣдалъ въ думѣ съ дружиною, находились и епископы, которые стало быть тоже принадлежали къ дружинѣ. «Такимъ образомъ (продолжаетъ авторъ), самое слово дружина на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ о с т о р о ж н о приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу», заключаетъ уважаемый историкъ (стр. 12). Очень понятно также, замѣтимъ и мы, что намъ вовсе не было никакой надобности вдаваться въ особенныя разысканія о словѣ дружина и растягивать его смыслъ до нѣта, доказывая, что оно и еще имѣло множество значеній, что напр. и монашествующая братія и даже мужняя жена назывались тоже дружиною и т. д. Мы бесѣдовали объ историческомъ значеніи сословія, и потому для насъ достаточно было знать, что лѣтописи въ словѣ дружина главнымъ образомъ разумѣютъ сословіе военное, которое за одно съ княземъ владѣло и управляло Землею, кормилось земскою данью; что въ тѣсномъ смы-

слѣ это слово означало бояръ, дружину старшую, а въ пространномъ всѣхъ воиновъ. Такое значеніе этого слова въ наукѣ Русской Исторіи сдѣлалось уже какъ бы техническимъ, и потому, не вдаваясь въ его археологію, мы остановились только на его спеціальномъ, историческомъ смыслѣ.

Напрасно также достоуважаемый историкъ находитъ у насъ и другое смѣшеніе понятій, относительно слова бояринъ. Онъ говоритъ: «Не слѣдуетъ смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ тоже время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали Землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ земскихъ аристократовъ». О такихъ земскихъ аристократахъ мы встрѣчали указанія и въ статьяхъ г. Бѣляева, но не придавали этому большаго значенія, такъ какъ мало ли какихъ фантазій встрѣчается въ измышленіяхъ о Русской исторіи. На основаніи всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и всѣхъ изслѣдованій, чуждыхъ подобнымъ измышленіямъ, невозможно утверждать, что бояринъ, оставаясь бояриномъ, могъ и не быть дружинникомъ. Такого боярина древняя Русь не видывала, а потому и поздняя Русь никогда не давала этого имени даже и такимъ земскимъ аристократамъ, каковы были напр. Строгановы или Вятскіе и другіе богатые земцы. Она именемъ боярина всегда обозначала только передоваго дружинника и никого болѣе. Что были бояре въ Новгородѣ, во Псковѣ и во многихъ другихъ городахъ, управлявшихся иногда безъ князя, это доказываетъ лишь то, что въ городахъ (и отнюдь не въ селахъ) жила дружина, что

города были гнѣздами дружины, что и строились они собственно для дружины, хотя принимали въ себя и торговое и промышленное населеніе, но въ коренномъ значеніи, относительно этого населенія, все таки больше всего походили на Гоголевское губернское правленіе, обстроенное домами. Поэтому оставался ли князь въ городѣ или уходилъ изъ него, съ дружиною или безъ дружины, временно или навсегда, являясь только по призыву, — въ городѣ все таки оставалась дружина; ибо городъ безъ дружины существовать не могъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ и дружина не могла существовать безъ князя и готова была отыскивать его даже за моремъ, какъ Новгородцы грозили древнему Святославу и какъ они вѣрны были этому обычаю въ теченіи всей своей исторіи. Для чего имъ нуженъ былъ князь? Настоящее земство, въ родѣ Вятки, обходилось же до конца своей исторіи безъ князя. Но Новгороду необходимъ былъ князь, какъ главный дружинникъ, по той причинѣ, что владѣющая среда въ Новгородѣ составилась изъ дружины, т. е. изъ военнаго сословія, пришедшаго туда съ княземъ во главѣ. Князь былъ надобенъ по особому мятежному характеру дружинныхъ отношеній; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, когда при войскѣ не было князя, то боярина не всѣ слушали. Это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и мѣсто, какое занималъ бояринъ посреди дружины. Итакъ, дружина безъ князя, а городъ безъ дружины существовать не могли. Городъ въ древнемъ смыслѣ означалъ именно дружину, которая всегда и дѣйствовала подъ именемъ Кіевлянъ, Черниговцевъ, Переяславцевъ и т. д. Городъ владѣлъ своею волостью, своимъ княжествомъ; это значитъ, что владѣлъ волостью и княжествомъ не кто иной, какъ таже дружина, особенно первая, старшая, бояре. Такимъ образомъ каждый бояринъ былъ прежде всего дружинникъ, но отнюдь не земскій аристократъ, отнюдь не крупный землевладѣлецъ изъ сельскихъ или посад-

скихъ мужиковъ. Такой землевладѣлецъ никогда не могъ называться бояриномъ по той причинѣ, что въ то время пустыхъ титуловъ еще не существовало и каждое обозначеніе лица прямо и непосредственно указывало на его дѣловое специальное значеніе и назначеніе, на его родъ должности или занятія. Бояринъ былъ воевода, передовой ратникъ, водитель ратныхъ, зачинатель битвы и боя, отъ котораго слова по всему вѣроятію произошло и его прозваніе, какъ обозначеніе боевой спеціальности лица. Земскій мужикъ, сколько бы ни былъ онъ богатъ, чтобы получить санъ и имя боярина, долженъ былъ напередъ всего пріобрѣсти эту честь впереди ратныхъ, на боевомъ полѣ. Въ такомъ случаѣ онъ естественно уже становился дружинникомъ, ибо особой земской рати, отдѣльной отъ дружины, въ древней Руси не существовало. Мы нисколько не отрицаемъ того, что богатыри бывали и изъ мужиковъ и вообще изъ земскихъ людей; но какъ скоро они становились впереди рати, прославляли себя дружинными подвигами, ставили военное дѣло спеціальностію своей жизни, то неизмѣнно и поступали въ составъ дружины и неизмѣнно должны были служить ея жизненнымъ цѣлямъ и задачамъ. Ихъ интересы неизмѣнно отходили на противоположную сторону отъ земскихъ, то-есть собственно сиротскихъ, мужицкихъ интересовъ.

Само собою разумѣется, что каждое жизненное начало всегда выводитъ къ дѣятельности и свои особые нравы, т. е. свои особые спеціальные добродѣтели и пороки, которые никакъ не должно смѣшивать вообще съ христіанскими или общечеловѣческими, такъ сказать генеральными, добродѣтелями и пороками. Добрый человѣкъ значитъ одно, добрый князь совсѣмъ другое, добрый дружинникъ—третье и т. д.

Мы сказали, что жизненнымъ началомъ дружины было право кормить себя на счетъ земли. Кормить себя можно было хо-

рошо и худо, въ довольствѣ или бѣдно, только, какъ говорится, въ обрѣзъ. Кто добывалъ себѣ хорошее кормленіе, ясно, что, въ глазахъ дружины, тотъ былъ хорошій человѣкъ.

Но что это значило, добывать себѣ хорошее кормленье? Это значило—изыскивать случаи, поводы, средства, дабы овладѣть новою данью или новою лучшею волостью, слѣдов. за все и про все начинать брань, рать, ходить другъ на друга войною, отнимать другъ у друга волости, полонить, опустошать, жечь чужую волость, уводить населеніе изъ чужой волости въ плѣнъ въ свою волость, какъ напр. Всеславъ Полоцкій однажды завелъ къ себѣ изъ Новгородской области цѣлый погостъ, т. е. цѣлый округъ населенія; вообще грабить не только волостныхъ жителей или горожанъ, но обдирать и церкви, какъ тотъ же Всеславъ ободралъ Новгородскую Софію, какъ ободрала Кіевская дружина Владимірскую Богородицу (1176 г.) и т. д.

Дружинники въ этихъ походахъ отличались храбростью, отвагою и всякими военными добродѣтелями, за что имъ воспѣвалась слава до вѣку, а князья чтили ихъ доблести до позднѣйшаго колѣна. Честь своему роду и доброе имя себѣ самому пріобрѣтались только впереди рати съ храбрыми, гдѣ всегда и пребывали эти славы, эти славные люди. И конечно, и между дружиною, какъ и у князя, добрымъ дружинникомъ бывалъ тотъ, кто много пота утиралъ, добывая князю и себѣ, то-есть и всей дружинѣ, хорошее кормленье. А для Земли эти дружинныя добродѣтели значили, что она даже и страшныя физическія бѣдствія, желая выразить степень произведеннаго ими опустошенія, уподобляла опустошеніямъ отъ ратныхъ. «Бысть буря велика (въ 1143 г.) ака же не была николиже (говоритъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ) разноси хоромы, и товаръ (имущество), и клѣти, и жито изъ гуменъ и просто рещи, яко рать взяла и не остася у клѣтехъ ничтоже.»

Для Земли эта рать, гремѣвшая по всѣмъ ея угламъ цѣлыя столѣтія, означала напрасное истребленіе цѣлыхъ поколѣній, всеобщую бѣдность, полнѣйшее отсутствіе безопасности, а отсюда полнѣйшее равнодушіе къ улучшенію своего быта во всѣхъ его видахъ, полнѣйшее равнодушіе даже къ жизни, и т. д., всѣ тѣ невзгоды, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, выросли различныя достойныя сожалѣнія черты народнаго характера, надъ коими теперь иные весело посмѣиваются, другіе искренно плачутъ.

Идеалы дружинныхъ добродѣтелей, какъ и начала или задачи самой дружинной жизни скрывались въ дѣятельности первыхъ князей, собравшихъ или отыскавшихъ съ великимъ трудомъ Землю для новаго государства. Этотъ великій трудъ очертилъ и идеальные характеры добраго князя, какъ и добраго дружинника, тѣ характеры, которые остались надолго образцами въ жизни цѣлаго ряда поколѣній. Существенною чертою такого характера была беззавѣтная храбрость и отвага въ захватѣ чужихъ земель, новыхъ даней, новыхъ кормленій, беззавѣтная храбрость грабежа въ переводѣ на простое и болѣе сжатое понятіе. Герои метались во всѣ стороны, во всѣ углы земли, отвоевывая, примучивая дани, покоряя сосѣднія племена. Въ интересахъ созданія новаго народнаго общества или государства, это былъ въ дѣйствительности героизмъ, и люди этого великаго труда по справедливости именуются героями. Ихъ жизнь была историческимъ подвигомъ, имѣла великій историческій смыслъ и великое значеніе для потомства. Но, по ходу исторіи и народнаго развитія, сплошь да рядомъ бываетъ такъ, что добродѣтели и героизмъ дѣдовъ и отцовъ, оставаясь и во внукахъ, оказываются никуда негодными и даже положительно вредными; ибо историческія обстоятельства съ каждымъ вѣкомъ измѣняются и требуютъ новыхъ добродѣтелей и новаго героизма. Однако, по закону нравственной косности и нравствен-

наго застоя, которому также всегда подвергается народное развитіе, старыя добродѣтели живутъ очень долго и очень долго заправляютъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Такъ случилось и въ нашей исторіи. Послѣ первыхъ двухъ сотъ лѣтъ крѣпкаго и здороваго движенія упомянутыхъ добродѣтелей, мы прожили еще четыреста лѣтъ съ тѣми же добродѣтелями, сохраняя ихъ, какъ непреложный завѣтъ дѣдовъ и отцовъ, и вовсе забывая, что историческія обстоятельства совсѣмъ уже измѣнились, что собранная Земля была уже христіанскимъ обществомъ и требовала если не государственнаго, то общественнаго устройства, а не военныхъ походовъ по ней вдоль и поперекъ за пріискомъ волостей и даней.

Но что же намъ было дѣлать съ старыми добродѣтелями, которыя составляли нашъ нравственный капиталъ, нажитый дѣдами и отцами? Куда было ихъ дѣвать, эти добродѣтели? Весь служилый отрядъ народа, начиная съ волостнаго князя, объ нихъ только и помнилъ, на нихъ только и воспитывалъ себя, да въ добавокъ, что важнѣе всего, одними ими только и могъ существовать въ своемъ экономическомъ быту. Какъ въ первыя столѣтія князья и дружина ими и кормились, такъ и теперь они же одни доставляли кормленіе, и хорошее и худое. Вотъ почему по прежнему и въ XI, и въ XII, и въ XIII, и въ XIV столѣтіяхъ въ дружинномъ отрядѣ народа остается таже задача жизни—доставать всѣми способами хорошее кормленіе, искать волостей, волоститься, т. е. зачинать ссоры, споры, войны изъ за волостей, изъ за власти надъ волостями или землями. Первичные идеалы жизни не только не угасаютъ, но даже образуютъ изъ себя какъ бы особую практическую философію, нравственное ученіе, которому добрые князья, если хотѣли быть добрыми, должны были неизмѣнно слѣдовать и всегда слѣдовали, получая за то назидательныя для потомства загробныя похвалы отъ лѣтописцевъ. По завѣту

св. Владиміра, что дружину должно любить паче золота и серебра, ибо золотомъ и серебромъ дружины не добудешь, а лишь дружиною добывается золото и серебро, по этому завѣту распространяется дружинное ученіе, которое становится убѣжденіемъ цѣлыхъ вѣковъ, что князь долженъ дружину любить и беречь выше всего и ничего не долженъ жалѣть для своей дружины, не собирать имѣнія себѣ, а все отдавать дружинѣ. Это и почитается высотою добрыхъ качествъ самаго добраго князя, который любя дружину, «злата (себѣ) не сбирашеть, имѣнія (своего) не щадяшеть, но даяшеть дружинѣ; имѣяше дружину, имѣнья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ....» Кто же распространялъ такое ученіе и вперялъ его въ умъ добрымъ князьямъ? Конечно, не сироты-земледѣльцы и не посадскіе, проливавшіе потъ, дабы только доставить и свое зерно, и свою деньгу во многое имѣнье князя. Извѣстный Данила Заточеникъ, въ своемъ моленіи къ посадившему его въ затокъ князю, рисуетъ эти дружинныя идеи слѣдующимъ образомъ: «Какъ паволока, многими шелками испестренная, красивое лице являетъ, такъ и ты, нашъ князь, многими человѣки (дружинниками) славенъ и честенъ явися во всѣхъ странахъ. Какъ неводъ не удерживаетъ воды, а забираетъ только множество рыбъ, такъ и ты, нашъ князь, не удерживай богатства, но раздавай сильнымъ(!), совокупляй храбрыхъ,—злата бо и градовъ тѣмъ добудешь! Такъ Езекій, царь Израилевъ, похваляясь передъ послами царя Вавилонскаго, показалъ имъ множество своего золота, а послы отвѣтили: наши цари богатѣе тебя, не множествомъ золота, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ». Обрисовывая вообще значеніе дружины для князя, Заточеникъ говоритъ между прочимъ: «Не море топитъ корабли, но вѣтры; такъ и князь, не самъ впадаетъ во многія злыя вещи, но думцы вводятъ. Съ добрымъ думцею, князь высока стола до-

думается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ!» Въ этихъ немногихъ словахъ сказано все для характеристики дружинныхъ отношеній. Золото, городъ, высокій столъ, старшая, богатая, могущественная волость или старшее княженье—вотъ дружинные идеалы, которымъ служатъ дружинныя поколѣнія цѣлые вѣка. Цѣлые вѣка проходятъ въ исканіи другъ у друга волостей, такъ что вырабатывается даже особый терминъ для обозначенія такого рода дѣятельности, упомянутый уже глаголъ волоститься. Управленіе Землей, ея устройство разнесено было розно, на мелкія части; части терзали, рвали другъ друга на новыя части, и сильная вначалѣ Земля, отъ которой всѣ сосѣднія страны трепетали, теперь едва-едва справляется съ Половцами, съ Нѣмцами, и совсѣмъ является безсильною при нашествіи Татаръ.

Взваливать весь грѣхъ такого порядка на однихъ лишь князей, какъ это до сихъ поръ представляется въ Исторіи, мы не имѣемъ основаній, по той причинѣ, что если лѣтописцы и приписываютъ поле дѣйствій исключительно князьямъ и только ихъ именами обозначаютъ движенія волостныхъ интересовъ, то тѣже лѣтописцы объясняютъ, что князь безъ дружины ничего предпринять не могъ, а если что и начиналъ безъ ея думы, то дружина его покидала, оставляла одного. «Ты о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!» Вообще сами же лѣтописцы до точности объясняютъ, что князь безъ дружины, да и дружина безъ князя жить не могли, и князь, давая отвѣтъ на приведенное возраженіе дружины, грозитъ только перемѣнить лица, изъ дѣтскихъ, т. е. изъ младшей дружины сдѣлать тѣхъ же бояръ; но онъ не мыслитъ, чтобы возможно было существовать безъ дружины. И дѣтскіе, сдѣлавшись боярами, конечно стали бы поступать тоже по боярски, т. е. ограничивать волю князя своею думою. Изученіе дружинныхъ отношеній во всей ихъ совокупности не-

обходимо приводитъ къ тому заключенію, что всѣми дѣйствіями князей управляла дружинная дума, что въ большинствѣ случаевъ князь является только козломъ-грѣхоносцемъ, такъ какъ всѣ кровавыя дѣла обозначаются лишь его именемъ, что слѣдоват. грѣхъ многовѣковыхъ смутъ и усобицъ коренился главнымъ образомъ не въ князьяхъ, а именно въ дружинѣ. Къ тому же очень много путаетъ наши понятія и то обстоятельство, что мы смотримъ на волостныхъ князей, какъ на самостоятельныхъ, независимыхъ владѣтелей въ родѣ князей первой эпохи, или въ родѣ Московскихъ государей, а въ сущности это были только первые дружинники: не болѣе, какъ предводители своихъ дружинъ. Вся исторія между-княжескихъ дѣлъ указываетъ, что по смерти Ярослава полемъ дѣйствія овладѣла дружина. Она сдѣлалась водительницею своихъ князей на добро и на зло. Въ интересахъ кормленья она вабила, подманивала своихъ князей, какъ вабятъ, подманиваютъ соколовъ, на хищничество и на многое иманье, и князья стали дѣйствительно какъ бы ловчими птицами, которыхъ дружина носила на рукахъ и спускала при первомъ случаѣ за добычею.

Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, и хорошее и худое въ исторіи князей принадлежитъ столько же и дружинѣ, сколько князьямъ. Она достославно, съ безграничною храбростью, теряла свои головы въ защитѣ родной земли отъ хищныхъ сосѣдей; но она же безславно предъ лицемъ Исторіи терзала свою родную землю княжескими смутами и усобицами, разрознила ея общіе интересы на мелкія своекорыстныя доли, въ которыхъ только по особому смѣшенію понятій можно находить какой то федеративный строй Земли, какую-то федерацію особыхъ народцевъ или особыхъ племенъ, когда у одного и того же народца или племени сидѣло на плечахъ по нѣскольку особыхъ княжествъ, имѣвшихъ каждое особую дружину и да-

вавшихъ каждое особое кормленіе и князю и этой дружинѣ. Это былъ не болѣе, какъ широкій разгулъ надъ Землею княжескаго и дружиннаго самоволія и самовластія, отъ котораго всего больше страдали конечно не тѣ, кто искалъ и находилъ волости для своего кормленія, собиралъ дани и пошлины, а только тѣ, кто обязанъ былъ давать и давать, да сверхъ того переживать еще періодическія разоренія и опустошенія, испытывать весь точный смыслъ лѣтописныхъ словъ: «людей плѣнующе, сѣкуще и села жгуще.... села пожгоша и жита попасоша (потравиша).... села взяша и пожгоша и люди изсѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша, и скоты поимаша....» Не въ облакахъ, а по землѣ ходили дружинные полки. Земля-сирота и чувствовала всю тяжесть этихъ походовъ. Геройскія добродѣтели князей и дружинниковъ приходились ей очень солоны. Среди этого федеративнаго устройства не пахарь въ полѣ покрикивалъ, раздирая землю, чтобъ добыть золотое зерно для дара и дани тому же герою-дружиннику, а воронье въ полѣ кричало, раздирая трупы побитыхъ. Въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкамъ сокращались, а княжія крамолы выростали (какъ свидѣтельствуетъ Данила Заточеникъ) отъ лихихъ, какъ и отъ хорошихъ, думцевъ-дружинниковъ же.

Это было, по замѣчанію уважаемаго историка, тоже варварство, но варварство Европейское, которое «шло на пути къ идеалу личной свободы человѣка (только для бояръ), къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ (т. е. своевольныхъ) правъ (тоже для бояръ); понятій о чести (боярской) и о долгѣ (дружинника—добывать князю золото и городы, доискиваться съ княземъ волостей)». Но вотъ пришли Татары, началось (по мнѣнію историка) Азіатское варварство. Однако добродѣтели Европейскаго варварства, оставались и въ эту пору. Во времена Европейскаго варварства для добыванія высокихъ столовъ и волостей князья-федераты приводили на Русь Половцевъ; теперь

они стали приводить Татаръ, стали взапуски другъ передъ другомъ, опережая одинъ другаго, раболѣпствовать, холопствовать передъ ханомъ, лишь бы завладѣть высокимъ столомъ. Дружина работала за одно съ князьями, даже безъ князей, въ ихъ отсутствіе или при ихъ малолѣтствѣ, въ Твери при Михаилѣ, въ Москвѣ при Донскомъ, и отстаивала всѣми мѣрами высоту и старшинство своего княжескаго стола передъ всѣми остальными, отстаивала такимъ образомъ не одни княжескіе интересы, а еще болѣе и собственные свои; ибо дѣло шло уже о томъ, кому изъ князей быть Государемъ всей Земли и слѣд. какой изъ княжескихъ дружинъ быть первою и старшею во всей Землѣ. Въ Москвѣ она работала точно такъ же, какъ въ Твери, въ Переяславлѣ, въ Городцѣ и т. д., работала точно такъ же, какъ и въ предыдущія столѣтія, до Татаръ, съ тою лишь разницею, что тогда кровавые счеты велись по правамъ родства, а теперь они ведутся по правамъ сильнаго. И совершенно справедливо говоритъ уважаемый историкъ, что боярство, вообще дружинное служилое сословіе было главнѣйшимъ органомъ при образованіи государственнаго единства (стр. 14), что въ малолѣтство Донскаго «бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью». Сохраняя свое боярское первенство предъ остальными княжествами, они иначе и не могли дѣйствовать. Въ этомъ случаѣ интересы Московскихъ бояръ далеко разошлись съ интересами бояръ остальныхъ княжествъ и тѣсно сошлись съ интересами будущаго Государства. Но такъ шло лишь до тѣхъ поръ, пока Московскій государь не заговорилъ съ боярами инымъ языкомъ, уже не дружиннымъ, а прямо государственнымъ. Тутъ-то и обнаружилось, что бояре думали вовсе не о Государствѣ, а о своихъ кормленіяхъ, о своихъ старозавѣтныхъ правахъ ограничивать волю самодержца не обще-земскою, а только одною своею

Думою, вслѣдствіе чего самъ Самодержецъ (Грозный) первый же сталъ искать опоры въ этой Земской Думѣ, первый собралъ ее и первый же нажаловался ей на тѣхъ же бояръ. Вотъ почему знаменитая рѣчь Грознаго къ народу съ Лобнаго Мѣста принадлежитъ къ великимъ моментамъ нашей Исторіи. Это было необыкновенно смѣлое, необыкновенно либеральное слово, когда либо сказанное народу не кѣмъ инымъ, а именно самимъ Государствомъ. Въ сущности это слово представляетъ дѣйствительную жалобу предъ Сиротою-народомъ на дружинное сословіе и въ особенности на бояръ и вельможъ. «Я былъ малолѣтенъ, пустъ и безпомощенъ, говоритъ Государь, какъ бы устами самого Государства. Сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и были во всемъ самовластны. Моимъ именемъ сами себя награждали высокими чинами, сами себѣ похищали великія должности и упражнялись только во многихъ корыстяхъ, въ хищеніяхъ и въ обидахъ. Возбраняющаго имъ не было! Безсильный своею юностію и пустотою, я былъ глухъ и нѣмъ, ничего не слышалъ и не имѣлъ слова, дабы обличить ихъ неправды.... Они же продолжали властвовать. О неправедные лихоимцы и хищники и несправедливаго суда поборники! Что теперь намъ скажете въ отвѣтъ на эти всенародныя слезы, которыя повсюду вы на себя воздвигли? Не я въ нихъ виновенъ.... Вамъ должно ожидать за нихъ воздаянія!»

«Люди Божіи и Богомъ намъ врученные! (сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь прямо къ народу и поклонясь на всѣ стороны). Вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ, надѣланныхъ вамъ неправдами моихъ бояръ и властей, теперь исправить уже невозможно. Умоляю васъ вашею вѣрою къ Богу и къ намъ любовью! Оставьте другъ другу вражды и тяжбы, насколько это для каждаго возможно. Впередъ я вамъ самъ буду судія и оборона и неправды буду раззорять и хищенія возвращать».

Поистинѣ это было зрѣлище удивительное, торжественное для народа, какъ и для Исторіи.

Какъ было этому не удивиться, что Царское Величество соединяло свои цѣли съ цѣлями всенароднаго множества и совокупляло царскую душу съ интересами народнаго устроенія. «И бѣ чудно видѣніе и всякаго ужаса исполнено», замѣчаетъ Стоглавъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела таже по содержанію рѣчь Грознаго при открытіи Стоглавнаго Собора въ 1551 году.

Здѣсь дружинному сословію устами Государя произносился приговоръ, присужденный самою Исторіею. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — исполненіе этого приговора, т. е. упраздненіе дружинной стихіи въ жизни народа, протянулось на цѣлыя столѣтія, чуть не до настоящихъ дней.

Извѣстно, что, прося у народа забыть всѣ обиды, Грозный и самъ простилъ всѣ прежнія вины боярамъ и заповѣдалъ имъ помириться съ крестьянами, назначивши для этого особый срокъ. «И бояре мои всѣ и приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися», извѣщалъ онъ потомъ Стоглавному Собору, и тѣмъ объяснялъ, съ кѣмъ именно враждовало въ его лицѣ Государство.

По ходу Исторіи, Русскому народу, идя отъ такъ называемой федеративной, т. е. отъ степной, кочевой свободы къ свободѣ гражданской, необходимо было пройдти сквозь тѣсныя, мрачныя, скалистыя ущелья Государства. Говорятъ, таковъ неизбѣжный законъ всего прогрессивнаго въ народномъ, а не въ боярскомъ только развитіи (какъ было напр. въ Польшѣ), и самъ уважаемый историкъ свидѣтельствуетъ, что «остатки Византійскихъ государственныхъ понятій не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма» (стр. 14).

Вотъ этими-то остатками государственныхъ идей и воспользовалась Москва, найдя ихъ далеко заброшенными въ прапрадѣдовскихъ сундукахъ подъ разнымъ изношеннымъ тряпьемъ такъ называемаго федеративнаго строя Земли. Она смѣло и настойчиво повела народъ съ широкаго поля своей воли въ тѣсныя, скалистыя ущелья воли государевой, какъ тогда понималась вообще воля государственная, воля интересовъ пригодныхъ для всей Земли, а не для одного какого либо отряда дѣятелей. Сирота-народъ пошелъ за ней охотно, не обнаруживъ нигдѣ никакого сопротивленія, какъ напротивъ того онъ сопротивлялся постоянно даже грознымъ Татарамъ. Онъ хаживалъ и не по такимъ трущобамъ во времена федераціи. Но первые уперлись бояре, а за ними все то, что чувствовало потребность жить на чужой счетъ, на земскій счетъ, всякій человѣкъ, который чувствовалъ себя вольнымъ дружинникомъ или вольнымъ казакомъ. Бояре однако жъ не потянули въ степь вмѣстѣ съ казаками, а вѣдь могли бы они на Днѣпрѣ или на Дону устроить настоящую федерацію свободныхъ, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга общинъ и надѣлать Государству не такихъ хлопотъ, какія дѣлывались одними казацкими общинами. Нѣтъ, они потянули къ удѣльнымъ князьямъ Москвы или въ Литву (больше было не куда) все на новыя кормленья въ родѣ цѣлыхъ городовъ и княжествъ. Совершенно справедливо, что они спасали самихъ себя отъ крутой и кровавой воли государя; но мы ничего больше и не имѣемъ въ виду, какъ обнаружить фактъ, что дружина весь свой вѣкъ мыслила только о спасеніи самой себя, переходя своевольно отъ князя къ князю, заводя усобицы и вовсе забывая, что точно также было необходимо спасать и народъ отъ безобразій власти, отъ экономическихъ и всякихъ гражданскихъ неурядицъ и напастей. Мы имѣемъ въ виду только тотъ фактъ, что дружинное сословіе, въ верхнемъ его слоѣ, весь свой вѣкъ заботилось о чечевичной по-

хлебкѣ Исава, изъ-за которой заводило постоянныя смуты вездѣ, во всѣхъ княжествахъ и вольныхъ городахъ, и въ теченіи всей Исторіи. Оно знало одно, какъ наивыгоднѣе кормиться Земствомъ. «И многіе промежъ ихъ бяше вражды о корыстехъ и о племянехъ (родствѣ) ихъ, всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ», отмѣчаетъ лѣтопись уже XVI вѣка, т. е. говоритъ тоже самое, что говорила въ XII вѣкѣ. Самое понятіе о Земствѣ тогда только стало распространяться, когда Государь всея Руси самъ же сталъ отдѣлять это понятіе отъ своихъ личныхъ государскихъ интересовъ, до чего дружина въ теченіи Исторіи не успѣла ни разу додуматься. Она до послѣднихъ дней своей жизни почитала Земство все еще обычнымъ матеріаломъ своего кормленія, въ родѣ всякаго хлѣбнаго зерна или говяжьихъ и свиныхъ тушъ. Въ этомъ отношеніи, отъ смерти Ярослава Правосуда до смерти Василія Темнаго миновавшія четыреста лѣтъ прошли даромъ, и Исторія, т. е. Москва, должна была начать историческое дѣло съизнова. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ первые князья именемъ Руси объединяютъ разноплеменную землю около Кіева, такъ и Московскіе князья тоже именемъ Руси, всея Руси, объединяютъ землю около Москвы. Точно также и Новгородъ, вслѣдствіе тѣхъ же внутреннихъ боярскихъ смутъ и усобицъ (вста родъ на родъ) призываетъ себѣ Рюрика, теперь уже изъ Москвы. Точно также дружина Московскихъ князей (этихъ новыхъ Олеговъ, Владиміровъ, Ярославовъ) всѣми силами работаетъ за одно съ княземъ даже съ малолѣтнымъ, съ Дмитріемъ Донскимъ (какъ при Олегѣ съ Игоремъ), не выпускаетъ изъ рукъ главенства надъ Землею, присоединяетъ къ стольному княжеству разорванныя и разрозненныя земли. Точно такъ же, какъ Ольга, упраздняя независимость и самостоятельность Древлянскаго племени, истребляетъ его дружину, выводитъ отъ него лучшихъ людей, такъ и Москва, упраздняя самостоятельность вольныхъ городовъ и земель, тоже казнитъ ихъ дружину и выводитъ изъ нихъ лучшихъ людей. Все происходитъ такъ точно, какъ дѣлали далекіе отцы и дѣды, и Исторія, сдѣлавъ обширную и неудачную околесицу, въ сущности вступаетъ съизнова на старую колею, дабы повернуть уже прямо, при помощи славнаго плотника Петра, на путь дѣйствительнаго прогресса и гражданскаго совершенствованія. Но пока можно было достигнуть этого поворота, пришлось еще довольно долго ѣхать по глубокимъ и безобразнымъ колеямъ старозавѣтныхъ положеній жизни, въ числѣ которыхъ дружинныя отношенія занимали не послѣднее мѣсто. Они и разразились бурею такъ называемаго Смутнаго Времени. Дружинники XI, XII, XIII, XIV вѣковъ какъ будто встали изъ гробовъ, потребовали себѣ особыхъ князей (которые обозначаются теперь царями), стали водить этихъ князей-царей изъ стороны въ сторону, производя ихъ именемъ тѣже опустошенія, людей сѣкуще, а городы, домы и села жгуще, стали переходить, отъѣзжать отъ царя къ царю, добывая себѣ тѣже волости, тѣже боярскіе саны; стали по прежнему отдѣлять отъ Русской земли цѣлыя государства, Новгородское, Казанское, лишь бы занять въ этихъ государствахъ подобающее мѣсто. Словомъ сказать, дружинный духъ въ Смутное Время всталъ страшнымъ чудищемъ и готовъ былъ совсѣмъ погубить родную землю, собранную великимъ трудомъ первыхъ князей. И что особенно замѣчательно, новаго послѣ многихъ столѣтій жизни онъ ничего не принесъ, новаго онъ ничего ни сказалъ Землѣ, а только безобразно и до конца весь выразился въ старыхъ же своихъ формахъ и началахъ. Онъ не стерпѣлъ государственной новины, единства власти, которое по характеру времени иначе выразиться не могло, какъ въ единодержавіи и самодержавіи. Онъ всѣми силами отбивался отъ этого государственнаго начала, по той причинѣ, что оно посягало на уничтоженіе именно дружинной

власти надъ Землею, т. е. въ сущности дружиннаго самовластія. Изъ за того, съ конца XV до конца XVI ст., шла темная борьба, такъ сказать, въ подпольяхъ государева дворца, законченная упраздненіемъ династіи.

Что государственное начало земскаго единства вело съ дружиннымъ началомъ земской розни безпощадную борьбу именно за единодержавіе и самодержавіе государева лица, это послѣ Карамзина наука раскрыла въ достаточной ясности и подробности. Карамзинъ этого факта усмотрѣть еще не могъ, ибо въ его воззрѣніяхъ на Исторію на первомъ мѣстѣ были лица, а не начала, люди, а не стихіи ихъ жизни. Онъ объяснялъ Исторію посредствомъ лицъ, а не при помощи жизненныхъ началъ; а потому у него всегда и правы и виноваты были только лица; оттого и всякая борьба по понятіямъ такой Исторіи должна совершаться непремѣнно походомъ, войскомъ, громомъ орудій, штурмомъ крѣпостей. «Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее!» восклицаетъ г. Костомаровъ. «Покажите намъ хотя одинъ примѣръ (продолжаетъ онъ) когда представитель самодержавной власти выходилъ съ войскомъ противъ полчища враговъ самодержавія?» (стр. 15). Но достоуважаемому историку очень хорошо извѣстно, что внутренняя, всегда темная, собственно культурная борьба очень рѣдко ознаменовывается военными походами и собраніемъ полчищъ съ той и съ другой стороны. Культурная борьба, какъ перемѣна одного жизненнаго начала другимъ, совершается по большей части безъ грома и треска оружій. Она ведется тихо, очень медленно, при всеобщемъ даже убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. А между тѣмъ люди, какъ представители извѣстныхъ началъ, падаютъ, ряды ихъ съ теченіемъ лѣтъ рѣдѣютъ, остальные слабѣютъ въ своей энергіи, иные же совсѣмъ утекаютъ съ поля битвы, никому невидимой. Въ этой борьбѣ,

походы можно дѣлать не съ войскомъ и не съ полчищемъ, а напр. съ наказомъ или съ указомъ, какъ и въ данномъ случаѣ со стороны Самодержца съ дополнительными указами къ Судебнику, посредствомъ которыхъ боярство обездоливалось относительно владѣнія родовыми вотчинами; можно было дѣлать походы съ уставными грамотами Земству, по которымъ совсѣмъ отнималась власть кормленщиковъ надъ землею и т. д.; точно такъ, какъ съ другой стороны, со стороны дружинной, въ тишинѣ можно было употреблять всяческія средства, дабы совсѣмъ прекратить самое существованіе династіи, такія средства, изъ за которыхъ самый дворецъ государевъ сталъ походить на недоступную крѣпость; можно было заводить такія крамолы, изъ за которыхъ самъ же государь губилъ своихъ родичей, можно было пустить въ народъ шумиху въ родѣ той, что неродившійся государичь именно родился отъ разведенной супруги (отъ Соломоніи у Василья Ив.) и готовъ со временемъ искать своего права быть прямымъ наслѣдникомъ престола; можно было пустить въ народъ другую шумиху, что умершій царевичь вовсе не умиралъ, а живъ и со временемъ придетъ на царство, какъ даже и исполнилось, и т. д.

Нашу мысль, что династія въ этой борьбѣ сама истощила силы и должна была угаснуть, уважаемый историкъ обозначаетъ болѣе, чѣмъ непонятною, и въ опроверженіе такой нелѣпости отмѣчаетъ: «у Өедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножился!» прибавляя, что «фактъ прекращенія династіи чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій въ связи съ политическими событіями!» Но у Өедора, хотя и могли быть дѣти и въ дѣйствительности были (дочь Өеодосія), но именно по политическимъ задачамъ и событіямъ времени они не должны были быть, такъ какъ и его братъ, царевичъ Дмитрій, тоже не долженъ былъ существовать; такъ какъ не долженъ былъ

потомъ существовать и названный ложно Дмитрій, самый Годуновъ, его сынъ Ѳедоръ и даже царь Шуйскій. Всѣ эти лица могли остаться живыми, однако не остались. Да и мало ли что могло быть на мѣсто тѣхъ событій, которыя на самомъ дѣлѣ случились. Объ этомъ Исторія разсуждать не имѣетъ досуга. Она знаетъ, что въ Московскомъ княжескомъ родѣ съ того времени, какъ государь сталъ тягаться за свои новыя права съ старозавѣтною дружинною стихіею и даже въ то время, какъ государствомъ владѣли бояре (при Еленѣ Глинской) государевы родичи, кромѣ случайныхъ утратъ по волѣ Божіей, погибали и систематически по волѣ людей, въ темницахъ, страдальческою смертію. Она знаетъ, что цѣлое столѣтіе ознаменовано такою гибелью людей и съ той и съ другой стороны. Стоитъ только сравнить въ этомъ отношеніи конецъ XV съ концомъ XVI ст.: въ первое время поле битвы полно ратоборцами, а въ послѣднее оно чуть совсѣмъ не опустѣло.

Объясняя Исторію только побужденіями и дѣяніями лицъ, конечно, ничего больше и нельзя увидать въ такой борьбѣ, какъ лишь одни подвиги безсмысленнаго восточнаго деспотизма, и стало быть въ лицѣ государей одни лишь вѣрныя и точныя фотографіи хановъ Золотой Орды, такъ какъ въ лицѣ бояръ такія же фотографіи съ раболѣпныхъ и безмолвныхъ предстоятелей этому деспотизму, какъ все это и представляется уважаемому историку (стр. 13, 15.) Однако здравый смыслъ не можетъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ и не можетъ согласиться, чтобы люди оставались глупыми цѣлое столѣтіе. Они, напротивъ, были очень умны и только съ особою горячностью отстаивали свои самые жизненные интересы, за которые дѣйствительно требовалось постоять крѣпко. Государь хотѣлъ Государства, т. е. безграничной воли въ устройствѣ Земли. Онъ хотѣлъ, чтобы Государство было сильнѣе **сильныхъ** Земли, чтобы никакая другая власть по землѣ не хо-

дила. А дружина-бояре эту-то именно другую власть и отстаивали; они отстаивали свое самовластіе надъ Государемъ и надъ Землею, и потому употребляли всѣ ухищренья, дабы Государство было слабо, дабы въ немъ существовали и такіе углы, куда можно бы при случаѣ уходить отъ опалы Государства и затѣмъ очень радовались, когда оно попадало въ руки малолѣтнаго возрастомъ или умомъ, ибо тутъ наставала своя воля: что хочешь, то и дѣлай! «Это явленіе черезъ чуръ общеисторическое (замѣчаетъ историкъ), и на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія нельзя.» Да мы и не говорили, что это явленіе исключительно Московское, и указывали только, что въ этомъ случаѣ въ наибольшей силѣ разыгрывались дружинные инстинкты, никогда не выроставшіе выше личныхъ своекорыстныхъ интересовъ, какъ они не выросли выше такихъ интересовъ и въ Смутное Время, когда представилась полная возможность дать Землѣ какое угодно политическое устройство. Мы указывали только, что дружина какъ была, такъ и осталась только съ одними узкими понятіями о своемъ кормленьѣ. Отъ этого, съ своей точки зрѣнія, она совсѣмъ была права, что смотрѣла на Государство, какъ на деспотію, на Государя, какъ на хищника, который ради окаянныхъ вотчинъ истребляетъ цѣлыя поколѣнія. Между тѣмъ мы видимъ, что Государство, даже въ лицѣ Грознаго, шло къ общимъ цѣлямъ, ставило впереди общеземскіе интересы. Пусть, при Грозномъ, это дѣлали мудрые совѣтники, а не самъ Государь; но здѣсь важно, изъ какой среды бывали эти совѣтники и еще важнѣе то, что Государь всегда бывалъ на ихъ сторонѣ, слѣд. въ его мысляхъ, какъ бы ни были онѣ личны и деспотичны, всегда присутствовали и общія цѣли. Надѣемся, что мы, далекіе потомки, вовсе не заинтересованные въ борьбѣ, не можемъ подобно боярамъ смѣшивать государство съ деспотіей, и вообще съ личностью Ивана III или его внука

Ивана Грознаго. Какъ личность, такъ и всякая форма государства въ сущности есть только его одежда, которая можетъ быть и худа и хороша, можетъ перемѣняться, какъ перемѣняются костюмы. Но какъ бы разнообразны и даже безобразны ни были костюмы государственнаго начала, оно, какъ начало, всегда носитъ въ себѣ неизмѣнныя общечеловѣческія цѣли, къ которымъ рано ли, поздно ли, всегда также неизмѣнно и приводитъ свой народъ.

Нашъ Сирота-народъ, добывавшій въ потѣ лица насущный хлѣбъ не концомъ копья или меча, какъ добывала дружина, а концемъ плуга, сохи, косы, топора,—въ движеніи государственнаго начала и въ его борьбѣ съ дружинною стихіею, очень хорошо чуялъ эти общечеловѣческія цѣли и охотно, безропотно шелъ къ нимъ, неся на созданіе Государства всякіе поборы и всякія жертвы. Онъ въ иныхъ случаяхъ уходилъ изъ Государства, но не отъ развитія государственнаго начала, а отъ его слабости, отъ того, что не кто иной, а только старое же дружинное начало было исполнителемъ и водворителемъ въ Землѣ государственныхъ требованій, что старое же дружинное начало, по старому же продолжало обращать всякое государственное постановленіе въ новый способъ кормленія Землею, и подлѣ государевыхъ указовъ пристроивало тысячи новыхъ уловокъ, дабы собрать съ земца елико возможно больше своего кормленья, дабы затруднить его жизнь со всѣхъ сторонъ, чтобъ никакимъ способомъ не высвободился онъ изъ подъ тягла этого кормленія. Крестьяне брели розно, кто куда, не отъ силы, а отъ слабости Государства, не имѣвшаго еще способовъ защитить ихъ отъ кормящихся на чужой счетъ разнообразныхъ служилыхъ дружинъ, начиная съ бояръ и приказныхъ и оканчивая боярскими холопами и казаками. По мѣрѣ того, какъ Государство пріобрѣтало силу, — пріобрѣталъ силу, осѣдлость и относительную независимость и Сирота-на-

родъ. Вотъ почему мы совсѣмъ уже не можемъ понять отмѣтки историка что «если единодержавіе и самодержавіе вело съ кѣмъ безпощадную борьбу, то именно съ этимъ Сиротою (стр. 19).» Народъ, какъ живой человѣкъ, конечно не могъ выносить гнета, но не отъ государственныхъ порядковъ, а именно отъ государственныхъ безпорядковъ, и вставалъ и поднимался иной разъ страшными бунтами. Но будемъ справедливы, разберемъ хорошенько, изъ за чего народъ приходилъ въ такое отчаяніе? Всякія великія и малыя возстанія поднимались изъ за того, что не было, не то что скораго и праваго, но и никакого суда; что правящая и судящая власть, въ лицѣ своихъ представителей, дѣлала что̀ хотѣла; крѣпостное право, какъ и взяточничество доводимы были до Геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ притязаніяхъ и поборахъ; защиты нигдѣ, ни отъ кого и никакой не являлось, и естественно возникала необходимость защищать себя собственными средствами, т. е. разрушать безпорядокъ безпорядкомъ же, выбивать клинъ клиномъ. Служилое сословіе, какъ и понятно, всякое возмущеніе, а тѣмъ паче бунтъ, объявляло возстаніемъ противъ Государя и Государства; а народъ, напротивъ, въ одно только и вѣрилъ, что Государство-то непремѣнно его защититъ и спасетъ отъ всякихъ напастей и, въ залогъ этой непоколебимой увѣренности, совершалъ даже съ Государствомъ рукобитье, ударялъ по рукамъ съ самимъ Государемъ, какъ это случилось въ селѣ Коломенскомъ во время бунта при царѣ Алексѣѣ. Такое отношеніе къ государевой особѣ краснорѣчивѣе всего показываетъ, какъ вообще народъ смотрѣлъ на государственную власть. Это рукобитье лучше всего объясняетъ, что цѣли и задачи государевой власти по народнымъ понятіямъ сходились съ цѣлями и задачами Сироты-народа, въ чемъ его увѣрилъ самъ же государь, Грозный, на Лобномъ мѣстѣ, при всенародномъ множествѣ, предъ лицемъ церкви, митрополита и духовныхъ властей, по-

слѣ торжественнаго богослуженія. Вотъ почему уже въ XVII столѣтіи народъ въ своихъ просьбахъ твердилъ государю, чтобы въ устройствѣ Земли вездѣ было его государево Государство, какъ говорилъ Московскій посадъ, жалуясь на то, что Москва раздѣлена между многими вотчинниками.

Приведенная выше рѣчь Грознаго съ необычайною ясностью и простотою раскрывала, что у обоихъ, у Народа и Государства, было одно великое неудобство въ дѣйствіяхъ жизни, именно служилое кормленіе, на которое по временамъ обѣ стороны и поднимались, а потомъ успѣли и совсѣмъ его упразднить, дѣйствуя и положительно (какъ Государство), установленіями, и отрицательно (какъ дѣйствовалъ Народъ) бунтами и возстаніями, послѣдствіемъ которыхъ являлись и самыя установленія.

Окончательное закрѣпощеніе крестьянъ произведено Государствомъ, но именно въ то время, когда Государствомъ владѣли бояре и когда на престолѣ возсѣдалъ добрѣйшій изъ государей, смиренный, богомольный постникъ царь Θедоръ Ивановичъ. При деспотѣ Иванѣ Грозномъ этого произойдти никакъ не могло. Ясно, что здѣсь установленіемъ руководили дружинные интересы, которые безъ всякихъ интригъ установили только то, что̀ представлялось рѣшительною необходимостью для ихъ жизни. Государство, какъ начало, никогда не бываетъ отвѣтчикомъ за ту напасть, въ какія руки попадаетъ его управленіе; а въ настоящемъ случаѣ, по своей слабости, оно не видѣло другаго выхода изъ обстоятельствъ, созданныхъ дружинною жизнію.

Прикрѣпленіе крестьянъ послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ распространенію въ народѣ всеобщей смуты. Стòитъ только сообразить извѣстные доселѣ указы по этому случаю, чтобы понять, какимъ перекрестнымъ боярскимъ и вообще дружиннымъ вѣтрамъ и вліяніямъ подвергалось это дѣло. Повидимому оно началось съ холопскихъ отношеній. Въ разрядной

книгѣ 1586 г. читаемъ: «Іюня 1-го почели кабалы имать служилые на людей и въ книги записывать». Такое распоряженіе, стало быть, представляло для служилаго сословія особую важность, если оно было занесено, хотя бы какъ извѣстіе, даже въ число служебныхъ разрядовъ. Объясненіе этой мѣры и ея послѣдствій находимъ у Палицына. Въ своемъ Сказаніи онъ пишетъ между прочимъ «о началѣ разбойничества во всей Россіи» и говоритъ, что «въ то время многіе отъ вельможъ многихъ человѣкъ ввели къ себѣ въ неволю на службу (въ холопы), иныхъ ласканіемъ и дарами въ свои домы притянули и не токмо отъ простыхъ, ради искуснаго рукодѣлія или какова хитраго художества, но даже и отъ честнѣйшихъ (вѣроятно дѣтей боярскихъ) съ селами и съ вотчинами, а наипаче избранныхъ меченосцевъ и крѣпкихъ во оружіи, свѣтлыхъ тѣлесами, красныхъ образомъ и возрастомъ. Многіе другіе чины, слѣдуя вельможамъ, порабощали въ неволю кого только можно и написаніе служилое силою и муками брали». Таково объясненіе приведенной разрядной отмѣтки [80]).

Припомнимъ кстати указъ 1597 г., приводившій вообще въ порядокъ прикрѣпленіе слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлявшій очень важное постановленіе, по коему всякій свободный человѣкъ, прослужившій у кого либо въ слугахъ полгода, становился крѣпостнымъ холопомъ и долженъ былъ безъ отговорокъ дать на себя служилую кабалу, по тому случаю (какъ говоритъ указъ) что господинъ кормилъ, обувалъ и одѣвалъ того холопа. Но вѣдь холопъ за господскую хлѣбъ-соль и одежду тянулъ холопскую службу и слѣд. каждую минуту и съ избыткомъ уплачивалъ свои долги. Объ этомъ указъ не говоритъ ни слова и потому вполнѣ обнаруживаетъ свое одностороннее, чисто боярское происхожденіе. Такая возмутительная мѣра, конечно, должна была въ послѣдствіи явить свои плоды, распространяя въ людяхъ обиду и злобу и всякую готовность къ смутѣ [81]). Такимъ об-

разомъ владѣющее и правящее сословіе наполнило свои домы разнородными рабами, укрѣпивъ ихъ за собою служилыми кабалами. Оно здравствовало и высилось множествомъ холоповъ, собирая для нихъ съ Сироты-народа жирное кормленіе. Народъ конечно долженъ былъ побѣжать въ разныя стороны, по крайней мѣрѣ туда, гдѣ кормленья собиралось меньше. Но, какъ тутъ, является указъ о воспрещеніи стараго свободнаго выхода крестьянъ? Очевидно, что указъ, какъ необходимость, долженъ былъ явиться не въ то время, когда дѣла шли обычнымъ порядкомъ, а именно въ то время, когда сталъ происходить безпорядокъ, т. е. когда крестьяне отъ особыхъ качествъ боярскаго управленія стали съ особымъ напряженіемъ пользоваться своимъ правомъ перехода. Сколько помогъ этотъ указъ, неизвѣстно; но какъ будто въ возмездіе за него разразилась надъ владомыми физическая гроза. Насталъ великій голодъ. Тутъ только владомые обозрѣлись до одного всѣ, что невозможно кормить многую челядь, и начали рабовъ своихъ на волю отпускать, одни истинно, съ заручными отпускными, другіе лицемѣрно, т. е. просто выгоняли изъ дому, да вдобавокъ писали должно быть тайныя явки объ нихъ, какъ о бѣглыхъ ворахъ, дабы, къ кому придетъ на житье такой человѣкъ, затребовать отъ того сносы (уворованное имущество) и всякіе убытки. Такъ мы понимаемъ не совсѣмъ ясное и опредѣленное свидѣтельство Палицына о сносахъ и убыткахъ [82]). Многіе и того хуже дѣлали: имѣя чѣмъ пропитать своихъ домашнихъ, они, ради скопленія богатства, тоже отпускали и отгоняли свою челядь и даже сродниковъ и ближнихъ. Было еще и это зло у многихъ: все лѣто холопы у нихъ работали (въ поляхъ), а на зиму они ихъ прогоняли, и тѣ въ зимнее студеное время не знали гдѣ головы подклонить, надѣясь только, что на лѣто снова будутъ страдать-работать у тѣхъ же господъ. Кромѣ того, домы опальныхъ бояръ (а опалъ довольно было по милости Бориса) были распужены, всѣ ихъ многочисленные рабы распущены съ строгою притомъ заповѣдью никому ихъ не принимать. И вотъ бродили эти люди, питаясь кто и какъ чѣмъ могъ; иные, въ негодованіи на царя, злѣ распыхахуся и времени ждуще; которые же на коняхъ обыкше и воинственному дѣлу искусни, тѣ всѣ валили въ украинные городы, въ казаки. Палицынъ свидѣтельствуетъ, что, въ осадномъ сидѣніи, въ Калугѣ и въ Тулѣ, набралось такихъ воровъ больше 20 тысячъ, кромѣ старыхъ воровъ. Всѣ эти воры однако созданы были воровствомъ владомыхъ, и сами по себѣ сначала вовсе не были ворами.

Самый указъ о запрещеніи крестьянскаго выхода не въ томъ имѣетъ особую важность, что имъ крестьяне были навсегда прикрѣплены къ землѣ. Въ этомъ распоряженіи не лежало еще никакихъ основаній сдѣлать ихъ крѣпостными рабами, и правительство во всякое время могло до точности опредѣлить ихъ отношенія къ кормленью дружины, сохраняя за ними право гражданской свободы и разсматривая прикрѣпленіе къ землѣ, какъ особаго рода службу тому же Государству. Но конечно правительство, постоянно находившееся въ боярскихъ рукахъ, этого не сдѣлало, и крѣпостное право впослѣдствіи развилось до полнаго рабства. Указъ о запрещеніи выхода особенно значителенъ по тѣмъ озлобленіямъ, крамоламъ, ябедамъ, насиліямъ, безконечнымъ тяжбамъ и раззореніямъ, которыя охватили все тогдашнее общество и преимущественно его служилую среду, бросившуюся отнимать другъ отъ друга и сидящаго и бѣгущаго крестьянина. По всей Землѣ встала обида и злоба! Если въ періодъ княжескихъ усобицъ люди геройски двигались за цѣлыми волостями и княжествами, то и теперь, съ тою же отвагою въ ябедѣ, крючкотворной крамолѣ и тяжбѣ, они двигались, добывая себѣ на кормленье своего-ли, чужаго-ли крестьянина, одного только крестьянина!

Такая дѣятельность обурѣвала все дружинное, служилое сословіе съ верху до низу; а на верху кромѣ того двигались интересы болѣе обширные и замысловатые. Характеризуя общими чертами состояніе нравовъ и умовъ верхняго слоя дружины, лѣтописецъ разсказываетъ между прочимъ; «Во время то, Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, во множайшихъ владомыхъ сугубу зависть и гордость и неправды, но и паче же, не токмо другъ друга ненавидяще, но койждо единъ (на единѣ) и на самого государя помышляху смертнымъ убивствомъ, и не правду дѣяху... Искони діяволъ, ненавидяй добра роду человѣческому.... вложи діяволъ во владомые, но обаче другъ подъ другомъ чести желаста; ни единъ единаго (одного только) отческаго достоинства хотяху, но единъ отъ нихъ (каждый изъ нихъ) своею мыслію тщахуся самодержство восхитить и старѣйшимъ хотяху быти въ Русскомъ царствѣ» [83]).

Вотъ изъ какихъ нравственныхъ стихій образовалась Смута начала XVII ст. Мы видимъ, что Сирота-народъ, или все тяглое земство было только жертвою этихъ стихій, исходившихъ по преимуществу изъ сословія владомыхъ.

Опровергая наше мнѣніе, что Смута XVII ст. произведена служилымъ сословіемъ, уважаемый историкъ утверждаетъ: «Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то. напротивъ Смуту распространялъ тотъ самый Сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему». Затѣмъ историкъ продолжаетъ: «Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ, значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей». Охотно соглашаемся, что именно казаки,

если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно её распространяли. Одно только для насъ несовсѣмъ понятно—это широкое распространеніе смысла въ словѣ: «Казачество». Намъ извѣстно, что казаками назывались, особенно въ сѣверныхъ предѣлахъ, деревенскіе, волостные жители, равнявшіеся по своему значенію бобылямъ и батракамъ. Затѣмъ казачествомъ обозначался именно только особый родъ войска. И потому вся та масса народа, которая, по словамъ историка, искала воли и принимала имя казака, неизмѣнно становилась въ ряды этого войска, становилась казацкою военною силою. Болѣе общее значеніе вольнаго человѣка въ старину опредѣлялось словомъ гулящій и никогда словомъ казакъ, которое на югѣ спеціально обозначало воина. И самъ авторъ, начертивши широкою кистью идеалъ казака (стр. 17) опредѣляетъ его тоже воиномъ, Днѣпровскимъ и Донскимъ, хотя были и еще такіе же воины Понизовые, Волжскіе, Яицкіе (Уральскіе), Терскіе. Все искавшее воли, ерыжное, безъименное, гулящее, разбойное, и по большей части, какъ видѣли, боярское холопство, все это примыкало къ упомянутымъ воинамъ и высилось даже именемъ казака, стремилось пріобрѣсти его себѣ правительственнымъ указомъ, какъ особый чинъ, что Ляпуновъ въ дѣйствительности и устроилъ, какъ мы говорили выше. Такимъ образомъ, какъ бы ни была велика народная масса, искавшая воли и хотя бы самозванно принявшая имя казака, она все таки разумѣла себя въ этомъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ особымъ родомъ войска, т. е. особымъ отрядомъ народной массы, имѣвшимъ свое спеціальное назначеніе, и потому намъ очень трудно понять, какимъ образомъ казачество (не болѣе, какъ только военная сила) можетъ пойдти въ нашихъ разсужденіяхъ съ значеніемъ народа. Конечно и оно тоже народъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. и дружина, и помѣщики, и духовенство, и боярство тоже

народъ. Надо же согласиться въ одномъ какомъ либо смыслѣ употребляемыхъ въ историческомъ языкѣ словъ. Въ добавокъ, мы не даромъ приставили къ слову народъ и его чинъ: Сирота. Это въ дѣйствительности былъ чинъ въ смыслѣ исключительно тяглаго отряда или разряда народныхъ единицъ. Въ древности Сироты назывались смердами, потомъ сами князья все чаще и чаще стали ихъ обозначать христіанами-крестьянами, въ отличіе отъ поганыхъ или иновѣрныхъ. Есть указаніе, что въ началѣ XII вѣка имъ присвоивалось имя Сиротъ [84]). Въ началѣ XIII в., въ Суздальской землѣ, они обозначаются тоже Сиротами, какъ называетъ ихъ и Новгородъ въ началѣ XIV и въ началѣ XV в. Въ послѣдующее время юридическій языкъ утратилъ это имя, но сами Сироты сохраняли его до конца XVII вѣка, постоянно обозначая имъ все тяглое населеніе Государства. Вотъ этотъ-то народъ и разумѣемъ мы въ Государствѣ основнымъ, материковымъ, почитаемъ его народомъ въ собственномъ смыслѣ; ибо на немъ всегда, какъ на прочномъ фундаментѣ, основывается и самое Государство. Казакъ, какъ особый родъ войска, весьма бы оскорбился, еслибъ пришлось въ юридическомъ языкѣ обозначить его сиротою. Такого малаго чина онъ не позволялъ себѣ писать и въ своихъ челобитныхъ къ Государству, въ которыхъ всегда именовалъ себя холопомъ, обозначая тѣмъ, что онъ не тяглый, а служилый человѣкъ. Онъ никогда не причислялъ себя къ этому сиротскому Земству, а напротивъ, чуть не презиралъ его по случаю весьма очевидной высоты и противоположности своихъ съ нимъ интересовъ. Сущностью сиротской жизни было черное тягло; сущностью казацкой жизни было: «по чисту полю или по синю морю — гулять, зипуновъ-то доставать», т. е. эта сущность, по просту и точнѣе, можетъ именоваться грабежомъ или же благороднѣе — добываніемъ кормленья посредствомъ копья и меча. По своимъ инстинктамъ и существеннымъ ка-

чествамъ, это былъ древній дружинникъ, и начертанный авторомъ казацкій идеалъ въ полной мѣрѣ обрисовываетъ и идеалъ дружинника. Казакъ, по исторической необходимости, принужденъ былъ жить, какъ самъ онъ выражался, на травѣ (въ полѣ, въ степи) и на водѣ (на рѣкѣ и на морѣ) и всегда не прочь былъ послужить Государству съ травы и съ воды, обозначая тѣмъ, что у него ничего другаго не было, даже и хлѣба, и потому слѣдовало обезпечивать его всякимъ продовольствіемъ. Хлѣбопашество въ жизни казаковъ являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напр. у Донцовъ, строго воспрещалось: «а станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить», говоритъ одна войсковая грамота, разосланная въ 1690 г. по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городкамъ [85]). Ясно, такимъ образомъ, что казацкое сословіе есть сословіе служилое. Оно само такъ себя разумѣло, и мы не можемъ, вопреки этому разумѣнію, присвоивать ему другое, никогда не существовавшее въ дѣйствительности, значеніе. Оно сложилось въ земство, но въ земство особаго рода, въ земство травы и воды, такъ какъ и дѣти боярскіе тоже составляли своего рода земство, земство помѣстное. И оба они были земствомъ дружиннымъ, происходили изъ дружиннаго начала и держались въ своей жизни тѣмъ же началомъ, т. е. кормленьемъ на счетъ осѣдлой, тяглой земли. Казаки прямо и намекаютъ на свою траву и воду, какъ на особый видъ помѣстья, всегда требовавшій отъ Государства всякой матеріальной помоги. Вообще это былъ народъ, уходившій отъ Государственнаго тягла, освобождавшій себя отъ внутренней постройки Государства, и всегда готовый служить тому же Государству, но только на правахъ стараго дружинника.

Уважаемый историкъ, упрекая насъ въ идеализаціи Сироты-народа, которая (надѣемся) если и оказывается, то

идетъ вовсе не отъ нашего намѣренія, а выростаетъ сама собою изъ раскрытія связи событій и народныхъ отношеній въ Смутное Время, упрекая насъ въ томъ, что мы возводимъ въ идеалъ этого Сироту, самъ, какъ упомянуто, широкою кистью чертитъ уже настоящій идеалъ казака, придавая этому, въ сущности разбойному элементу смыслъ элемента политическаго, ставя его сильнымъ противникомъ Государству именно въ политическомъ отношеніи; а онъ, по нашему мнѣнію, въ теченіе всей своей свободной жизни былъ противникомъ только экономическимъ, въ родѣ пожара, наводненія, бури, саранчи и всякихъ подобныхъ физическихъ невзгодъ. Въ Малороссіи отношенія къ Польшѣ создали казакамъ политическое положеніе; но тѣ же Черкасы въ отношеніи къ Руси въ Смутное Время являлись простою физическою напастью, какъ ихъ собраты съ Дона и Волги. Всѣ они никогда и ничего политическаго съ собою не несли, а приносили въ Государство только грабежъ, разбой по всѣмъ волостямъ Сироты-народа. Историкъ свидѣтельствуетъ, что «казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разъѣдая и истощая ненавистное ему Государство» (стр. 18), а нѣсколько выше на той же страницѣ говоритъ, «что только по отношенію къ самимъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить». Слѣдовательно возникаетъ вопросъ, какое же Государство, подъ какимъ видомъ Государство, они разъѣдали и истощали? Противъ какихъ государственныхъ порядковъ они творили свои азіатскіе набѣги?

По свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, они это ненавистное Государство находили въ каждой крестьянской клѣти сколько нибудь полной одеждою или хлѣбомъ, или деньгами, собранными бережливостью и проливнымъ потомъ земледѣльца или промышленника; въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ, который съ тѣхъ же клѣтей собиралъ свое добро; въ каждой сельской

церкви, построенной и украшенной бѣдною утварью по большей части на мірскія же деньги. Вотъ гдѣ изливалъ казакъ свою политическую ненависть къ Государству, безъ пощады раззоряя и сожигая и клѣть и церковь. Съ такою политикою именно Черкасы, уже по усмиреніи Смуты, доходили чуть не до Студенаго моря, много земли запустошиша и сами всѣ пропадоша, ибо были побиты народомъ въ Заонежскихъ погостахъ и на Олонцѣ [86]). Мы не станемъ приводить тѣхъ скорбящихъ и вопіющихъ свидѣтельствъ, которыми лѣтописцы изображаютъ казацкія войны въ ненавистномъ Государствѣ. Мы скажемъ одно, что вся эта казацкая политическая ненависть противъ Государства выражалась по преимуществу раззореніемъ крестьянина, опустошеніемъ земли крестьянской. Съ коронованными особами казаки враждовали иначе. Они всегда готовы были имъ служить и помогать. Стало быть за все и про все отвѣчалъ одинъ только Сирота-крестьянинъ.

Извѣстно, что гнѣздомъ всяческихъ смутъ въ эту эпоху была Сѣверская сторона, Сѣверскіе города и волости, лежавшіе на югъ отъ истоковъ Оки и въ XVI ст. составлявшіе Татарскую украйну. Тамъ гнѣздилось вольное казачество, и набралось оно туда, по свидѣтельству историка, слѣдующимъ образомъ: «народъ, видите ли, почуялъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человѣка былъ только идеалъ казака или подобіе его (идеалъ грабителя, разбойника?). Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ... сосѣдство съ казаками увлекало жителей бѣдныхъ, но отважныхъ». Такъ разсказываетъ историкъ; но и лѣтописи, и даже старецъ Аврамій, говорятъ не то. Они свидѣтельствуютъ, что по этой Украйнѣ, въ виду Татарскихъ нашествій, само Государство постоянно заботилось о заселеніи мѣстъ казаками, т. е. особымъ родомъ войска. При Грозномъ туда, какъ на опасное мѣсто, выводи-

лись изъ Государства въ казаки лихіе люди, именно ябедники, крамольники, составщики крамольныхъ и рокошныхъ ябедъ, жалобницъ, доносовъ и т. п., изъ дѣтей боярскихъ, изъ холопей боярскихъ и изъ иныхъ чиновъ. Ихъ наказывали торговою казнью и ссылали именно въ казаки, въ украинные города, а Палицынъ прибавляетъ: «кто отъ злодѣйствующихъ, осужденный даже къ смертной казни, если уходилъ въ эти города, то тѣмъ избывалъ смерти». Онъ прямо называетъ Сѣверское казачество собраніемъ злодѣевъ и говоритъ, что разумомъ и жестокостію Грознаго «таковіи зміеве» двигаться не смѣли, а царь Ѳедоръ удерживалъ ихъ, какъ крѣпкою связью, своею молитвою. При Ѳедорѣ и Годуновѣ тамъ, для защиты отъ Татаръ, снова были укрѣплены и вновь построены многіе города и населены именно казаками и стрѣльцами. Такимъ образомъ это украинное казачество, дававшее всегда значительную силу смутамъ, разведено самимъ правительствомъ въ извѣстной долѣ посредствомъ ссыльныхъ, именно изъ людей крамольныхъ, отчего становится объяснимымъ и этотъ мятежный духъ тамошняго населенія. Вотъ какой, искавшій воли и свободы отъ государственныхъ цѣпей, народъ населилъ тамошніе города и волости! Къ нему Палицынъ присоединяетъ и всѣхъ обыкшихъ сидѣть на конѣ холоповъ, прогнанныхъ боярскимъ сословіемъ во время голода, въ сущности тоже служилыхъ и сдѣлавшихся казаками не по своей волѣ, а по насилію боярства [87]).

Какъ бы ни было, остается все-таки вѣрнымъ одно, что казачество, и по народнымъ, и по казацкимъ, и по государственнымъ понятіямъ, значило не другое что, какъ только особый родъ войска, ратныхъ людей особаго состава, коихъ назначеніе было — служить, брать, а не давать кормленье. И если, какъ и было въ дѣйствительности, казачество по преимуществу распространяло Смуту, то наше положеніе, что Смуту завело и распространяло служилое сословіе, еще больше

укрѣпляется и съ этой стороны. Поэтому мы никакъ не съумѣемъ понять, о какомъ именно народѣ говоритъ уважаемый историкъ, излагая слѣдующее: «Черный народъ, именно тотъ Сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смутъ, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіею тогдашней Смуты. Онъ-то приставалъ къ Тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости, этотъ же Сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворамъ той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и Поляки и свои удальцы проучили его — онъ опомнился; однако все-таки, склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени и доставлять изъ своей массы контингентъ для разъѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачева включительно» (стр. 19). Въ этомъ разсужденіи понятіе о казакѣ такъ слито съ понятіемъ о народѣ, что не представляется и малѣйшей возможности разчленить его на точныя и ясныя составныя части. Замѣтимъ только, что такая плачевная характеристика народа всегда жила въ умахъ лишь родовитыхъ и служилыхъ людей, которые, заводя въ народѣ смуты, по пословицѣ: «поссорь Богъ народъ, накорми воеводъ», всегда и ловили въ мутной водѣ рыбу. Мы вполнѣ согласны, что герои смутъ выдѣлялись изъ недостойнаго меньшинства въ этомъ сословіи, и что въ большинствѣ, какъ утверждаетъ историкъ, оно всегда составляло консервативный элементъ. Но по нашему мнѣнію именно это-то почтенное качество прежде всего слѣдовало приписать большинству народа, а не выставлять подъ именемъ народа однихъ только казаковъ,

а главнымъ образомъ всякихъ безъименныхъ, ерыжныхъ, бездомныхъ, гулящихъ, зернщиковъ, крамольниковъ и всякихъ дѣйствительныхъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ во всякое время въ народѣ бываетъ довольно. Да и консерватизмъ народа съ консерватизмомъ дружины въ своихъ интересахъ весьма несходны. Народъ охраняетъ единственно только свой кусокъ хлѣба и работу и потому охраняетъ въ своемъ устройствѣ самыя вопіющія напасти, лишь бы онѣ не вырывали изъ рукъ этотъ кусокъ хлѣба. Между тѣмъ изъ Исторіи мы видимъ, что консерватизмъ дружины никогда не простирался далѣе ея личныхъ выгодъ, ибо она охраняетъ не кусокъ хлѣба, а служебную честь, богатство, свою власть надъ народомъ, и даже надъ Государствомъ, и потому какъ скоро Государство выдвигало что либо новое, ограничивающее личныя выгоды дружины, хотя бы очень надобное, совсѣмъ необходимое для массы народа, то дружина неупустительно начинала крамолы и смуты, именно смущая Государство всякими навѣтами относительно способности и готовности народа при всякомъ случаѣ приставать къ воровскому знамени.

Впрочемъ, достоуважаемый историкъ, раскрывши старательно и другую сторону медали Смутнаго Времени, т. е. «взваливши вину смутъ на черный народъ», не хочетъ признавать правыми и родовитыхъ и служилыхъ, и въ концѣ концовъ самъ же говоритъ слѣдующее: «Ужъ если кого обвинять, то прежде всего послѣднихъ (родовитыхъ и служилыхъ) вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты»

Мы одно то самое и ставили на видъ разумному читателю, что въ эту эпоху всестороннимъ банкротомъ оказалась вся правящая и владѣющая среда, съ верху до низу, но не народъ; что Смута началась въ этой средѣ и распространялась по Землѣ дѣяніями этой же среды. Народъ если и являлъ въ иныхъ случаяхъ наклонность производить смуты, то всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ служилой же среды, возбуждавшей его къ смутѣ или гражданскими насиліями, въ родѣ воеводскихъ и приказныхъ притѣсненій, или такими сплетеніями политическихъ слуховъ, что у него голова кружилась, въ глазахъ темнѣло и самъ онъ не зналъ, куда поднимался и куда шелъ.

Въ заключеніе, достоуважаемый историкъ отмѣчаетъ, что онъ обвинять кого нибудь считаетъ неумѣстнымъ. «Виноваты ли тѣ и другіе, продолжаетъ онъ, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ?...» Исторія, конечно, не прокуроръ и не занимается обвиненіемъ. Она старается только во тьмѣ фактовъ раскрыть свѣтъ, найдти ихъ смыслъ и разумъ, какой въ дѣлахъ человѣческихъ всегда бываетъ, какъ бы безтолковы, безсмысленны и нелѣпы они ни казались. Но Исторія не можетъ бѣлое называть чернымъ, кривое прямымъ, и на оборотъ. Какъ наука, она является только свѣточемъ и, внося свѣтъ во тьму фактовъ, вовсе не отвѣчаетъ за то, какими эти факты кажутся по своей внутренней природѣ. Раскрывая въ безтолковыхъ фактахъ ихъ разумъ, она раскрываетъ собственно начала, истоки, идеи жизни, т. е. начала и идеи всякихъ человѣческихъ дѣлъ. Кто же станетъ обвинять начала, идеи! Но всякій принужденъ будетъ сказать, что вотъ это начало бѣлое, это черное, это прямое, это кривое, и только. Другое дѣло, если видѣть въ Исторіи одни только лица; тогда по необходимости придется утверждать: этотъ виноватъ, этотъ не виноватъ, этому можно поставить въ вину одно, а этому другое.

Въ частомъ употребленіи этихъ словъ: вина, винить, виноватъ, лучше всего и обнаруживается, такъ сказать,

личный взглядъ на Исторію, который всегда вноситъ въ нее много страстности и пристрастія. Достоуважаемый историкъ говоритъ дальше: «люди действовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ». Весьма справедливо. Но отчего же авторъ, въ виду этой оправдательной теоріи, однихъ оправдываетъ, напр. Палицына, другихъ обвиняетъ, и обвиняетъ именно тѣхъ, напр. Минина и особенно Пожарскаго, дѣянія которыхъ для ихъ правильной оцѣнки требуютъ самаго обширнаго приложенія этой теоріи? Вообще же говоря, эта теорія надлежащаго мѣста въ Исторіи имѣть не можетъ, ибо по ней можно оправдать все на свѣтѣ. Истинное призваніе Исторіи не оправдывать и не обвинять, а разумно объяснять человѣческія дѣла и событія, вносить свѣтъ во тьму человѣческой борьбы, предоставляя окончательный судъ надъ событіями и людьми совѣсти и разумѣнію каждаго.

У Исторіи можетъ существовать лишь одна мѣра нравственной оцѣнки людскихъ дѣлъ и подвиговъ, а слѣдовательно и событій, это мѣра достигаемаго тѣми дѣлами и подвигами всенароднаго (общечеловѣческаго) счастія, мѣра достигаемой не ложной, но истинной и всесторонней свободы для всѣхъ, для всего народа и для всего человѣческаго рода, ибо родовое, но отнюдь не видовое, не сословное, но всенародное общечеловѣческое счастіе и свобода и составляютъ прямую, да и единственную цѣль общечеловѣческаго всенароднаго развитія. Примирить, уравновѣсить и объединить потребности родоваго счастія съ потребностями счастія личнаго, единичнаго,— вотъ эта высокая и далекая цѣль и задача всеобщей человѣческой жизни, вотъ изъ-за чего происходитъ неумолкаемая борьба и историческій шумъ каждый Божій день и до настоящей минуты.

Кто служилъ и служитъ этой цѣли, тотъ самъ собою пріобрѣтаетъ въ Исторіи славное великое имя спасителя и устроителя человѣческаго счастія; кто отбиваетъ народное развитіе отъ этой цѣли, тотъ самъ собою пріобрѣтаетъ въ Исторіи заслуженное осужденіе и даже проклятіе потомства. По мѣрѣ того, насколько извѣстная личность своими дѣяніями приближается къ указанной завѣтной цѣли,—такое она и мѣсто занимаетъ на страницахъ Исторіи, занимаетъ его сама собою, какъ мы упомянули, лишь бы историческія изслѣдованія и повѣствованія постоянно и неуклонно озаряли свѣтомъ здравой критики непроглядную тьму человѣческихъ дѣлъ и выставляли на видъ предъ очами потомства одну правду.

Уважаемый историкъ настаиваетъ, что легенда о Мининѣ есть достовѣрное свидѣтельство, драгоцѣнное, до чрезвычайности правдоподобное сказаніе, безъ всякой легендарности. Называя ее лѣтописнымъ разсказомъ, онъ говоритъ, что смыслъ, къ чему относится слово сумняшеся, черезъ чуръ ясенъ. «Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ Нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; за тѣмъ говориться, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего!» заключаетъ авторъ, и вовсе забываетъ, что затѣмъ говорится еще не о сомнѣніи Биркина, а о томъ, чтобъ прочли грамоту въ соборѣ, и прибавляется въ заключеніе: «а что Богъ велитъ». Вотъ ужъ за тѣмъ непосредственно и говорится—сумняшеся. Слѣд. Биркинъ ближе всего и прямо сомнѣвался не въ томъ, что Минину являлся св. Сергій, а именно въ томъ, «что Богъ велитъ», ибо въ этихъ послѣднихъ словахъ заключался весь смыслъ рѣчи Минина; въ нихъ же заключался и самый воп-

росъ о Нижегородскомъ подвигѣ, котораго Биркинъ не желалъ и вполнѣ доказалъ это впослѣдствіи своимъ поведеніемъ. Онъ сомнѣвался и думалъ, что Богъ не велитъ ничего. Минину соперникомъ онъ никогда не былъ и быть не могъ, ибо былъ служилый, стряпчій, и если мѣтилъ на первое мѣсто, то скорѣе всего мѣтилъ на мѣсто Пожарскаго, а не Минина, хотя и выборнаго человѣка отъ всей Земли, но все таки посадскаго мужика, мѣсто котораго вовсе не соотвѣтствовало мѣсту воеводы, куда именно и мѣтилъ Биркинъ.

Въ опроверженіе нашихъ сомнѣній, что будто-бы召Мининъ былъ диктаторомъ и демагогомъ, что открылъ аукціонную продажу бѣдныхъ богатымъ, что былъ взяточникомъ, достоуважаемый историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ, ограничиваясь тѣми-же разсужденіями, какими исполнена его прежняя статья: Личности Смутнаго Времени. Желая по прежнему доказать, что Мининъ былъ крутымъ старостою, кулакомъ въ полномъ смыслѣ, и не имѣя на то свидѣтельствъ, историкъ отрицаетъ и самое достоинство тогдашняго крестьянскаго мірскаго управленія, именно съ его финансовой стороны, давая понять, что вообще оно не имѣло той важности и того значенія, какое выставляли мы, и что по этому характеръ земскихъ старостъ вообще рисовался качествами насильника и притѣснителя или самоуправнаго диктатора, а слѣдовательно таковъ могъ быть и Мининъ. Въ подтвержденіе такого общаго вывода приводится частный случай, челобитная Шуянъ на своего старосту въ томъ, что онъ, «стакався съ воеводою и откупщикомъ, а воевода, стакався съ нимъ земскимъ старостою, производили людямъ многія притѣсненія, продажи и убытки». Но эта самая челобитная, показывая характеръ иныхъ старостъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, что міръ всегда былъ крѣпокъ и никакъ не терпѣлъ у себя диктаторовъ и насильниковъ, отыскивая въ такомъ случаѣ защиты у царя даже противъ самого воеводы. Не смотря на поддержку сильныхъ лицъ, воеводы и откупщика, Шуяне просили совсѣмъ вывесть отъ нихъ этого старосту, который и диктаторомъ-то могъ сдѣлаться не самъ собою, а только по случаю стачки съ воеводою.

Понятно, что и Нижегородскій міръ, еслибъ худъ былъ Мининъ, тотчасъ бы откинулъ его, какъ откинула Нижегородская рать и самого Биркина. Тогда и этотъ міръ и эта рать были вполнѣ свободны въ своихъ дѣйствіяхъ: царя не было, слѣдовательно и воеводы были уже не тѣ въ своемъ самоуправствѣ. Именно такой вѣсъ и значеніе міра заставили Минина очень хлопотать о всеобщемъ заручномъ приговорѣ относительно сбора казны, по которому у иныхъ богатыхъ, не хотѣвшихъ давать положеннаго или возможнаго, и силою отнимали. Это свидѣтельство приводится въ слѣдъ за разсказомъ, какъ одна вдова отдала возможное, изъ 12000 капитала вдругъ отдала 10000, оставивъ у себя только 2000. Такимъ поступкомъ она привела въ страхъ многихъ людей, замѣчаетъ сказаніе, именно тѣхъ людей, которые прятались съ своими капиталами, давая положенное, но не желая дать возможнаго. Остается только доказать, что Мининъ отнялъ у ней и остальныя 2000.

Относительно взяточничества Минина по дѣлу Толоконцевскихъ бортниковъ, уважаемый историкъ снова утверждаетъ, что «по обыску, бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы». Но въ чемъ? Въ томъ ли, что Толоконцевскій монастырь принадлежалъ имъ, а не Печерскому монастырю, или въ томъ, что Мининъ былъ взяточникъ? Документъ не изданъ вполнѣ, и мы покуда увѣрены, что жалоба была на весь посадъ съ его старостами, а не на одного Минина, ибо старосты безъ посада подобными дѣлами распоряжаться самолично не могли. Подробнѣе объ этомъ см. Примѣчаніе 21.

Такимъ же образомъ историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ подтвержденіе своего невысокаго мнѣнія о Пожарскомъ. Онъ указываетъ, между прочимъ, о сплетнѣ Лыкова, что изъ одного и того же извѣстія мы принимаемъ то, что̀ не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаемъ. Но эту сплетню мы не отвергали, а замѣтили только, что не выслушавши обѣихъ сторонъ (ибо со стороны Пожарскаго отвѣта не имѣемъ) ничего не можемъ сказать, гдѣ здѣсь правда. Мы взяли себѣ въ строку одно только свѣдѣніе, что и Пожарскій былъ въ приближеньи у царя, и не видѣли въ томъ ни особой чести, ни безчестья, а приводили это свѣдѣніе, какъ голый фактъ.

По прежнему историкъ утверждаетъ, что Пожарскій «по своимъ способностямъ былъ человѣкомъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ, что случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда». Историкъ такъ наконецъ убѣжденъ въ ничтожествѣ Пожарскаго, что прямо свидѣтельствуетъ: «избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ Московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому». Въ глубокомъ, идеальномъ смыслѣ, это вполнѣ справедливо: ибо святые Московскіе чудотворцы, начиная съ святителя Петра, были основателями и созидателями той великой нравственной и политической силы, которая корнемъ своей жизни почитала Москву, какъ единственную и истинную представительницу всея Руси, всего Русскаго отечества. Въ этомъ смыслѣ они были настоящею причиною, что народъ поднялся и спасъ Москву-отечество отъ враговъ. Но все-таки идеальная сила требовала реальнаго воплощенія, все-таки нужны были люди и дѣйствія людей. Передовымъ дѣятелемъ спасенія былъ все-таки съ Мининымъ Пожарскій. Отрицаніе его способностей

на это великое дѣло у нашего достопочтеннаго историка основывается главнымъ образомъ на томъ, что «Сигизмундъ и Владиславъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено...; что если бы, напр., Владиславъ былъ коронованъ, то произошло бы даже коренное перерожденіе Русскихъ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ; тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ (воображаемое нами) раздвоеніе народа... но конечно Польскому торжеству наступилъ бы конецъ... народъ нашелъ бы готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху въ казачествѣ, нашелъ бы въ немъ опору и средоточіе; поднялось бы страшное народное возстаніе, произошло бы тоже что̀ происходило черезъ полвѣка въ южной Руси, только въ бо̀льшемъ размѣрѣ... Все это и многое другое произошло бы, еслибы Владиславъ былъ коронованъ. Но случай былъ упущенъ, дѣло попорчено, однако еще могло поправиться... Сигизмундъ съ Владиславомъ могли пріѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы... бояре разослали бы грамоты о прибытіи законнаго царя... Появленіе царя произвело бы сильное волненіе, образовалась бы многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться... Что̀ же (вообще) было бы, еслибы Владиславъ прибылъ во время? Что̀ дѣлалъ бы тогда Пожарскій въ Ярославлѣ?» Вотъ длинный рядъ доказательствъ, объясняющихъ ничтожество роли Пожарскаго. Въ 80 строкахъ къ ряду (стр. 28—30) историкъ употребилъ частицу бы 32 раза, кромѣ словъ могъ, могли. Но эта частица въ Исторіи, какъ и въ простомъ употребленіи, отличается тѣмъ достоинствомъ, что ее съ равнымъ успѣхомъ можно передвигать и въ ту и въ другую сторону. Кабы дѣдушка не дѣдушка, такъ бы дѣдушка былъ бабушка! Еслибъ пришелъ Сигизмундъ съ Владиславомъ, то Пожарскій тутъ-то бы и показалъ свои военные и дипломатическіе таланты. Съ

нимъ, разумѣется, поголовно пошелъ бы весь Сѣверъ Руси, и онъ разбилъ бы королей въ прахъ, взялъ бы ихъ въ плѣнъ и за выкупъ отмежевалъ бы у нихъ къ Москвѣ множество старыхъ Русскихъ областей. Государство тотчасъ бы успокоилось, и Пожарскаго непремѣнно бы всею землею единогласно выбрали бы въ цари и т. д., и т. д. Что́ можно отвѣчать противъ такихъ полновѣсныхъ доводовъ!

Достоуважаемый историкъ, утвердивши, что Пожарскій человѣкъ совершенно рядовой, дюжинный, присовокупляетъ между прочимъ: «Тѣмъ не менѣе однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ». Но тѣмъ не менѣе приговоръ произнесенъ, скажетъ всякій разсудительный читатель, даже поддерживается новыми доводами и къ сожалѣнію оставляетъ безъ оцѣнки существующія налицо и весьма достаточныя свидѣтельства источниковъ. Это тѣмъ непонятнѣе, что старца Аврамія Палицына историкъ защищаетъ даже противъ очевидности.

По словамъ достоуважаемаго историка, мы старца Аврамія обвиняемъ въ слѣдующемъ: «онъ беззастѣнчиво сочинилъ, что Ляпуновское ополченіе собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ Московской разрухи». Это такъ и есть. Мы сказали только то, что́ въ дѣйствительности существуетъ и бъяснили даже мотивъ, по которому явилась выдумка Аврамія. Уважаемый историкъ, въ опроверженіе якобы нашего навѣта на старца, развертываетъ его Сказаніе и находитъ не совсѣмъ то. Приводится вся 70-я глава Сказанія, изъ которой видно, что Рязанцы съ Ляпуновымъ переслались со всѣми Приволжскими городами, съ Казанью, съ Татарами, обратили къ своей мысли даже и Заруцкаго съ казаками и Сѣверскими городами, и всѣ начали изъ городовъ изгонять Литву. Только!

О грамотахъ, какъ и о собраніи подъ Москву, здѣсь ничего не говорится, и потому свидѣтельство вовсе не относится къ нашему обвиненію Палицына. Тоже подтверждаетъ и уважаемый историкъ, говоря: «До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ Троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впослѣдствіи, когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою и Поляки зажгли столицу—разослаша грамоты во всѣ города». Ниже мы подробнѣе скажемъ объ этой сказкѣ Палицына.

Совершенно справедливо обозначаетъ уважаемый историкъ, что сказанія Аврамія имѣютъ достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ. Здѣсь все сказано для должной характеристики сказаній старца. Это не лѣтопись и не Исторія въ нашемъ смыслѣ, а полная легенда. И самъ старецъ не заявлялъ претензіи написать правдивую лѣтопись съ точнымъ хронологическимъ обозначеніемъ дѣлъ и событій эпохи, или написать правдивую исторію въ теперешнемъ смыслѣ. Онъ писалъ «исторію благодѣяній Божіихъ, которыя показала Мати Слова Божія, совершивъ обѣщаніе Свое къ преподобному Сергію, что не отступна будетъ отъ обители его». Вотъ основная мысль его сказаній. Поэтому его исторія необходимо должна была выйдти Похвальнымъ Словомъ или эпопеей, гдѣ всѣ историческіе факты пошли только на подпору этой главной мысли. Оттого же, въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто правдиваго описанія событій, происходившихъ въ дѣйствительности, онъ старательно изображаетъ событія, происходившія въ чувствѣ и воображеніи современниковъ, а болѣе всего тѣ событія, какія, согласно основной мысли сочиненія, возникали въ собственномъ его чувствѣ и воображеніи. Всякое простое дѣйствіе и дѣло онъ непремѣнно ведетъ изъ творчества чудесной стихіи и такъ наполняетъ повѣствованіе изображеніемъ чудеснаго, что все оно является одною сплошною легендою, т. е. исключительно произведеніемъ фантазіи, хотя и съ употребленіемъ надобнаго

историческаго матеріала, гдѣ старецъ достаточно правдивъ, за исключеніемъ только обстоятельствъ, придуманныхъ имъ собственно для возвеличенія своей личности. Его эпическіе тезисы или положенія таковы: избавленіе отъ враговъ Лавры и всей Россіи совершилось заступленіемъ Богоматери и предстательствомъ Св. Сергія и Никона; ясно, что и спасеніе Москвы должно было совершиться заступленіемъ Лавры, ибо здѣсь былъ Божій источникъ всякаго спасенія. А такъ какъ самымъ энергическимъ лицемъ въ Лаврѣ былъ ея келарь, старецъ Аврамій, то ясно также, что онъ и долженъ былъ являться всюду и во всѣ тѣ моменты, гдѣ дѣло спасенія колебалось или было сомнительно и могло устроиться лишь присутствіемъ, поученіемъ и движеніемъ этого старца.

Великое событіе спасенія Лавры, Москвы и Отечества заступленіемъ Богоматери и предстательствомъ прп. Сергія и Никона было дѣйствительнымъ событіемъ; оно совершалось именно въ чувствѣ и воображеніи народа, совершалось въ его религіозномъ духѣ и потому должно принадлежать къ такимъ же неоспоримымъ фактамъ Исторіи, какъ и всякій реальный ея фактъ. Историкъ имѣетъ обязанность изобразить это событіе во всѣхъ его болѣе или менѣе рѣшительныхъ положеніяхъ и явленіяхъ. Но историкъ въ этомъ случаѣ обязанъ также опредѣлить, какое мѣсто, въ фактахъ религіознаго духа, занимала личность старца Аврамія, который беззастѣнчиво выставилъ себя подвижникомъ на этомъ полѣ дѣйствій. Мы понимаемъ, что религіозная мысль народа могла приписать послѣдній важнѣйшій ударъ врагамъ въ Московской битвѣ съ Ходкѣвичемъ тому же Минину, рисуя въ этомъ Господню благодать, которая охрабряетъ слабыхъ и въ ратномъ дѣлѣ неискусныхъ, дабы показать, что не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю. Мы понимаемъ, что еслибы такого событія въ дѣйствительности и не

было, то, по ходу религіозныхъ идей, оно должно было совершиться непремѣнно. Вотъ почему народъ съ особеннымъ чувствомъ и занесъ подвигъ Минина въ свои лѣтописи, между тѣмъ какъ о призваніи старца Аврамія быть исполнителемъ религіозной народной думы народъ не имѣлъ никакого понятія, и старецъ самъ уже постарался внести въ свою эпопею подвиги собственнаго чувства и воображенія, что онъ одинъ съ казаками именемъ св. Сергія нанесъ рѣшительный ударъ полкамъ Ходкѣвича. Уважаемый историкъ въ своей исторіи Смутнаго Времени однако далъ этому личному чувству и воображенію первое мѣсто предъ чувствомъ и воображеніемъ народа. Подвигъ старца поставилъ главнымъ, а подвигъ Минина придаточнымъ, дополнительнымъ, рядовымъ дѣйствіемъ и, не поминая о значеніи Мининскаго подвига, возвысилъ подвигъ старца слѣдующею отмѣткою: «Такъ, если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль,—одинъ человѣкъ (старецъ Аврамій) нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда Русское дѣло!» Какъ будто не было другихъ свидѣтельствъ, что все это происходило иначе. Достоуважаемый историкъ и теперь увѣряетъ, что сказаній старца «повѣрить будто бы нечѣмъ и отвергать ихъ также будто бы нѣтъ основанія; что хотя и чувствуется, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ (этотъ) источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе—нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе». Основанія для повѣрки сказаній Аврамія лежатъ въ его же сочиненіи, а данныя, что дѣло со всѣмъ не такъ происходило, находятся въ лѣтописяхъ, гдѣ о подвигѣ Аврамія не говорится ни слова. Мало ли что можетъ написать о себѣ любая личность! Но и сущую правду изъ устъ самой личности о собственномъ ея геройствѣ Исторія прини-

маетъ всегда съ большимъ сомнѣніемъ и осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не помѣститъ ее въ передній уголъ своего повѣствованія, въ виду свидѣтельствъ, отрицающихъ такую правду или вовсе о ней не вѣдающихъ.

VIII.

Личность Палицына долго еще будетъ служить предметомъ разногласія и спора въ историческихъ изслѣдованіяхъ, по той одной причинѣ, что старецъ, написавши свое Сказаніе, съумѣлъ въ немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ связать и сплести недостойную похвалу самому себѣ съ достойными хвалами своему монастырю, что изслѣдователи и до сихъ поръ никакъ не могутъ распутать этого узла и отдѣлить самохвальную личность отъ исторической знаменитости самаго монастыря. Они представляютъ обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ будто келарь Палицынъ есть самый этотъ монастырь, какъ будто дѣянія старца есть самыя тѣ дѣянія, которыми всегда былъ славенъ монастырь. Въ такомъ смыслѣ въ послѣднее время написано новое изслѣдованіе лично о Палицынѣ. Мы говоримъ о весьма почтенномъ, старательномъ и для своей цѣли весьма объемистомъ трудѣ г. Кедрова, напечатанномъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей 1880 г. кн. 4, подъ заглавіемъ А в р а а м і й П а л и ц ы н ъ, 202 стр.

Здѣсь Сказаніе старца, именно въ его лживыхъ мѣстахъ, утверждается и оправдывается со всѣхъ сторонъ, всѣми предположительными и сообразительными вѣроятностями, обсужденіями и разсужденіями, которыя настолько пространны, что опровергать ихъ значило бы писать еще цѣлую книгу, едвали полезную для сущности дѣла. Такъ какъ Палицынъ вплелъ свою личность

въ такія обстоятельства, что при оправданіи ложныхъ мѣстъ его Сказанія, неизбѣжно приходится обвинять другихъ, даже самыя лѣтописи, то естественнымъ, логическимъ путемъ до этого доходитъ и усерднѣйшій восхвалитель старца, г. Кедровъ. Изъ разсужденій г. Кедрова выясняется, что показанія лѣтописцевъ невѣрны, пристрастны къ Нижегородскому Ополченію; что событія у нихъ перепутаны, стр. 137—147; что Пожарскій и все его ополченіе во все время показывали трусость. Пожарскій изъ трусости и по случаю обильныхъ трапезъ медлилъ въ Ярославлѣ 119, 125, у Троицы 122, 123, что его ополченіе при отбоѣ Ходкѣвича въ Москвѣ изъ трусости спряталось по ямамъ и крапивамъ 145. Затѣмъ Пожарскій является лжецомъ 109 и обидчикомъ 110, противъ Трубецкаго, главнымъ виновникомъ того, что между казаками и земцами возникла ненависть и вражда, 130, 131, въ слѣдствіе чего Трубецкой съ казаками и не должны были помогать Нижегородцамъ. Не казаки, а Нижегородцы играли въ Смуту, не захотѣвъ стать въ казацкихъ таборахъ, оставаясь въ бездѣйствіи, когда казаки храбро работали 133. Пожарскій является настолько простоватымъ, что для пополненія своего разума необходимо долженъ былъ взять съ собою, идя въ Москву, старца Аврамія 123—124, 126, 129, какъ дальновиднаго политика, гораздо лучше всѣхъ знавшаго, какъ поступать, и какъ вести дѣло спасенія отечества.

Вообще въ сочиненіи г. Кедрова Нижегородское Ополченіе съ его передовыми героями теряетъ свое значеніе, сходитъ на задній планъ и впереди всѣхъ, ярко освѣщеннымъ, является одинъ Палицынъ, окруженный таборами храбрыхъ и великодушныхъ казаковъ, съ которыми онъ такъ достославно отбилъ приступъ Ходкѣвича. Вообще Аврамій до того является великимъ, что напр. распоряжается митрополитомъ Кирилломъ, какъ послушникомъ, посылаетъ его въ Ярославль на свое

мѣсто усмирять бунтовщиковъ, 121; и многое другое величавое творитъ старецъ, конечно только въ воображеніи г. Кедрова. Опровергать всѣ разсужденія и заключенія автора, какъ мы сказали, неудобно по объему работы и безполезно для сущности дѣла. Его усердная, очень старательная похвала и защита Палицыну представляетъ въ своемъ родѣ образецъ того, какъ защищаемая неправда сама собою плодитъ и распложаетъ въ каждой новой строкѣ новую неправду. Авторъ во многихъ мѣстахъ между прочимъ имѣлъ цѣлью обнаружить ошибочность и несостоятельность нашихъ заключеній о томъ же предметѣ. Это заставило насъ снова провѣрить наши изысканія и заключенія, послѣ чего мы только еще больше укрѣпились въ своемъ прежнемъ мнѣніи, найдя ему новыя подпоры въ томъ же изслѣдованіи г. Кедрова.

Въ поясненіе и дополненіе короткихъ нашихъ замѣчаній о личности старца Аврамія, намъ необходимо разсказать нѣсколько обстоятельнѣе исторію его настоящихъ и измышленныхъ дѣяній.

Когда седмь премудрыхъ бояриновъ, одни (Салтыковъ и комп.) по давнишнему намѣренію и желанію, а иные въ страхѣ отъ Тушинскаго царика, рѣшили избрать на царство Польскаго королевича Владислава и заключили по этому случаю договоръ на имя короля Сигизмунда съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, то для исполненія договора къ Сигизмунду подъ Смоленскъ были отправлены послы: митрополитъ Ростовскій Филаретъ Романовъ, кн. Вас. Вас. Голицынъ, нѣсколько думныхъ и выборные изъ разныхъ чиновъ.

Всего въ посольствѣ находилось больше тысячи человѣкъ. Собственно пословъ было пятеро изъ духовнаго чина и пятеро изъ свѣтскаго, а остальные составляли свиту.

Не малое мѣсто, третьимъ въ духовномъ чину, занималъ въ

посольствѣ и Троицкій келарь Авраміи. Надо замѣтить, что польская партія бояръ, руководимая Жолкѣвскимъ и Салтыковымъ, избрала послами Романова и Голицына особенно съ тою цѣлью, дабы во-время удалить ихъ изъ Москвы, какъ лицъ подозрительныхъ въ соперничествѣ избранному на царство королевичу. Филаретъ оказывался подозрительнымъ за своего сына Михаила, а Голицына самъ Ляпуновъ прочилъ въ цари. Народъ при случаѣ могъ поворотить въ ихъ сторону. Повидимому за устройство посольскаго дѣла въ такомъ видѣ Кридимому за устройство посольскаго дѣла въ такомъ видѣ Кривой-Салтыковъ съ сыномъ получили отъ короля 10 Сентября жалованныя грамоты на знатныя дворцовыя волости Вагу, Чаронду, Рѣшму и пр. И въ тоже время бояринъ Шереметевъ съ своей стороны также посылалъ челобитье о деревнишкахъ, увѣряя, что его служба и правда къ королю и королевичу вѣдома хорошо гетману Жолкѣвскому. Такимъ образомъ, отправляя пословъ, бояре уже были на сторонѣ самого Сигизмунда, готовясь цѣловать крестъ ему самому [88]).

Главнѣйшею статьею посольскаго наказа было требованіе, чтобы королевичь тотчасъ крестился въ православную вѣру, а отецъ его Сигизмундъ тотчасъ бы оставилъ со всѣми Поляками не только Смоленскъ, но вышелъ-бы совсѣмъ изъ Русской Земли.

При отпускѣ пословъ въ Успенскомъ Соборѣ патріархъ, благословляя ихъ, произнесъ имъ увѣщаніе, чтобы стояли непоколебимо за православіе, не прельщались ни на какія королевскія прелести и крѣпко держали-бы всѣ статьи договора. Послы отвѣчали словами Филарета, что готовы и смерть принять, чѣмъ учинить что-либо противное.

Сентября 12 послы выѣхали изъ Москвы, а Октября 7 прибыли подъ Смоленскъ. Король, хорошо зная, по вѣстямъ изъ Кремля-же, что къ нему высланы не послы собственно, а люди, которыхъ слѣдовало удалить, какъ немаловажную

помѣху его замысламъ, сталъ поступать съ посольствомъ, какъ подобало самовластцу. Онъ началъ съ того, что не давалъ посламъ кормовъ и поставилъ ихъ въ полѣ, въ шатрахъ, какъ будто была лѣтняя пора. 12 Октября происходилъ пріемъ посольства и послы поднесли обычные дары. Митрополитъ Филаретъ поднесъ сорокъ соболей; князь Голицынъ 2 сорока соболей, черную лисицу, рысь, два рыбья зуба. Такіе же дары, но въ меньшемъ количествѣ поднесли думные и дворяне.

Троицкій келарь, напротивъ, почтилъ короля больше другихъ. Онъ поднесъ ему кубокъ серебряный золоченый двойчатый, состоявшій собственно изъ двухъ кубковъ, которые накрывались другъ на друга; затѣмъ атласъ золотой и сорокъ соболей. Почему старецъ захотѣлъ отличиться своими дарами даже передъ первымъ посломъ митр. Филаретомъ, передъ своею духовною властью, — это раскрывается въ его подвигахъ, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Съ 15 Октября начались переговоры, а 16 числа (26 по новому стилю) первый владѣющій бояринъ въ Московскомъ Кремлѣ Ѳ. И. Мстиславскій удостоенъ первенствующаго чина, Государева конюшаго, за вѣрныя и добрыя службы къ королю и королевичу. Это показывало, какъ мы замѣтили, что премудрое Кремлевское боярство уже въ это время совсѣмъ отдавалось въ волю короля, въ слѣдствіе чего на переговорахъ очень скоро посламъ выяснилось, что Сигизмундъ не только не намѣренъ исполнить Московскій договоръ съ Жолкѣвскимъ, но и прямо предлагаетъ небывалую статью, чтобы Москва цѣловала крестъ не одному королевичу, но ему самому, чтобы отца съ сыномъ не раздѣляли, какъ онъ выражался. Очень также добивался король, чтобы отдали ему Смоленскъ. Безъ того онъ и дѣла начинать не хотѣлъ. Изумленные послы не подавались и стояли на своемъ.

Декабря 6 они послали гонца въ Москву съ подробною гра-

мотою о томъ, что происходило на переговорахъ, и просили рѣшенія отъ всей Земли, что имъ дѣлать и какъ поступить съ неимовѣрными требованіями Короля относительно сдачи Смоленска, присяги ему самому и т. д.

По прежнему и въ декабрскіе морозы послы жили въ полѣ, въ шатрахъ, терпѣли холодъ и голодъ и постоянныя угрозы, что за ихъ упрямство они пострадаютъ и еще больше. Однако крѣпкими, твердыми и прямыми людьми изъ пословъ оказались только главнѣйшіе: Филаретъ Романовъ, кн. Голицынъ и думный дьякъ Томило Луговской. Остальные болѣе или менѣе поколебались. Король и гетманъ Сапѣга успѣли обольстить ихъ наградами, жалованными на помѣстья грамотами и многими обѣщаніями. Но такъ было поступлено только съ передовыми лицами, а простымъ дворянамъ именемъ короля прямо было приказано присягать вмѣстѣ королю и королевичу, если кто не хочетъ лишиться помѣстья. Честныхъ людей это такъ смутило, что они тотчасъ же поворотили къ Москвѣ, по домамъ, и разнесли эту возмутительную вѣсть по всѣмъ городамъ, о чемъ пишетъ самъ гетманъ Жолкѣвскій, встрѣчавшій на пути въ Смоленскъ, въ концѣ Октября, множество такихъ озлобленныхъ людей. Кто остался и не хотѣлъ присягать, тотъ долженъ былъ претерпѣвать всякую тѣсноту и лишенья, а если присягалъ, то могъ получить вотчины и другія награды. Многіе такъ и сдѣлали. Чуть не на другой же день, какъ только начались посольскіе переговоры, иные посольскіе люди, вѣроятно ведя особо свои переговоры, стали получать отъ короля грамоты на пожалованныя помѣстья. 20 Октября, значитъ на пятый день послѣ начала переговоровъ, такія грамоты даны окольничему кн. Мезецкому, думн. двор. Вас. Сукину, стольнику Борису Пушкину; 8 Ноября — дворянину Андр. Ѳед. Палицыну, который тутъ же получилъ и чинъ стряпчаго; 15 Ноября Рязанцу Захарью Ляпунову, брату Прокопья; 24 Ноября дьяку Сыдавному-Васильеву и т. д.

Само собою разумѣется, какъ уже сказано, что получить королевскую милость и жалованную грамоту на желаемую вотчину иначе было невозможно, какъ согласившись присягнуть въ вѣрной службѣ самому королю, противъ чего такъ твердо и неуклонно стояли главные послы.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ главные послы приходили въ отчаяніе отъ требованій короля и по истинѣ страдали не отъ одного холода и голода, но и всею душею, — легкіе и новоротливые люди изъ посольства заботились только о себѣ и успѣвали устраивать свое благополучіе, какъ нельзя лучше, отдаваясь въ полную волю незваннаго самодержца. Естественно, что король не сдавался ни на что и только распространялъ и возвышалъ свои требованія и притязанія. Онъ видѣлъ, что посольская почва неустойчива и надѣялся совсѣмъ поколебать и главныхъ представителей посольства; а то и совсѣмъ ихъ переломить, то есть распорядиться съ ними по своей волѣ, какъ подобало самодержцу. Увѣренность короля больше всего утверждалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Москвѣ въ это же время очень усердно работалъ для него Кривой-Салтыковъ. Какъ мы видѣли, бояре уже служили нестолько королевичу, сколько самому королю, причемъ еще 21 Сентября Москва — Кремль уже совсѣмъ была отдана въ руки Поляковъ. Вотъ почему и посольскіе измѣнники, узнавая ходъ дѣла, точно также крѣпко надѣялись, что все устроится въ пользу короля, а потому забѣгали впередъ и выпрашивали у него всякія милости.

Члены посольства, думный дворянинъ Вас. Сукинъ и дьякъ Сыдавной-Васильевъ уже прямо отдались королю и были посланы имъ въ Москву съ грамотами и съ тайнымъ порученіемъ, на которое они сами и вызвались, что приведутъ къ при-

сягѣ на имя короля всю Москву и все Моск. Государство. Ясное дѣло, что они хорошо знали, что творилось въ Моск. Кремлѣ, а потому въ томъ же направленіи устраивали и свои отношенія къ Посольству, почитая его настойчивость дѣломъ глупымъ и безполезнымъ. Сукинъ за свою присягу королю получилъ въ кормленье даже цѣлый городъ Коломну. Кромѣ того измѣнники постоянно сообщали королю о всѣхъ посольскихъ совѣщаніяхъ и разговорахъ, такъ что Сигизмундъ все впередъ зналъ, о чемъ будутъ говорить послы.

Гетманъ Сапѣга очень старался склонить къ измѣнѣ и дум. дьяка Томилу Луговскаго. Въ немъ была существенная сила. Но это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, но величавыхъ столповъ, какъ выразился Пожарскій о кн. Голицынѣ, которые своею правдою и прямизною неколебимо держали и умѣли поддержать разшатавшуюся во всѣ стороны Русскую Землю.

Когда Сукинъ и Сыдавной совсѣмъ уже отправлялись въ Москву (8 Декабря), гетманъ Сапѣга позвалъ къ себѣ Луговскаго за какимъ то важнымъ дѣломъ. Посовѣтовавшись съ Филаретомъ и кн. Голицынымъ, думный дьякъ явился къ гетману. Первое, что ему представилось, были Сукинъ и Сыдавной, наряженные въ богатое платье, которыхъ Сапѣга велъ къ королю на прощальный поклонъ. Гетманъ попросилъ Луговскаго подождать немного:

— Я вотъ только представлю, говорилъ онъ, сихъ господъ и другихъ дворянъ на отпускную аудіенцію, потому что Сукинъ старъ, а прочіе, живучи здѣсь, проѣлись. Король отпускаетъ ихъ въ Москву по домамъ.

Луговской остановилъ гетмана.

— Левъ Ивановичъ!— сказалъ онъ. Не слыхано того нигдѣ, чтобъ такъ послы дѣлывали, какъ дѣлаютъ Василій и Сыдавной. Покинувъ Государское и Земское дѣло и товарищей своихъ, съ кѣмъ посланы, ѣдутъ къ Москвѣ. Какъ имъ посмотрѣть

на чудотворный образъ Пречистыя Богородицы, отъ которой отпущены! За нашъ грѣхъ, нынѣ у насъ такое великое дѣло началось, какого въ Московскомъ государствѣ не бывало! И кровь христіанская безпрестанно льется и впередъ не вѣдаемъ, какъ ей уняться. Хотя бы Василья Сукина и прямо постигла болѣзнь (старость) и ему бы лучше тутъ умереть, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣхати. И старѣе его живутъ, а дѣлъ не мечутъ. А Василью еще можно жить.... Также и Сыдавному: хотябъ онъ и проѣлся, а еще жить можно. А коли Сыдавной для того отпущенъ, что онъ проѣлся, такъ и насъ всѣхъ пора отпустить, всѣ мы такъ же проѣлися, какъ и Сыдавной. Подмога намъ всѣмъ равна дана... Судитъ имъ Богъ, что они такъ дѣлаютъ!

— Да и то, государь Левъ Ивановичъ, я тебѣ объявляю, продолжалъ Луговской. Какъ они къ Москвѣ пріѣдутъ, я ожидаю, что во всѣхъ людяхъ будетъ сумнѣнье и скорбь. Да и въ городахъ, какъ только про то услышатъ, и тамъ должно надѣяться, будетъ большая шатость. Гдѣ это слыхано, чтобы послы такъ дѣлали, какъ они дѣлаютъ! Да и митрополиту и князю Василью Васильевичу съ товарищи впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чину пять человѣкъ, а насъ пословъ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ: и половину отпусти, а другую оставь... И въ томъ воленъ Богъ, да государь Жигимонтъ король, а намъ впередъ никакими мѣрами нельзя ничего дѣлать.

— Печалиться объ этомъ нечего, отвѣтилъ гетманъ. Вы всѣ находитесь въ волѣ государевой! Его Величество отпускаетъ ихъ по ихъ просьбѣ, а вы и одни посольское дѣло можете справить. И отъ пріѣзда ихъ въ Москву, кромѣ добра, никакого худа быть не можетъ. Они нашему государю служатъ вѣрно. Авось, на нихъ глядя, и изъ васъ кто захочетъ также послужить вѣрою и правдою. Государь и ихъ также пожалуетъ ве-

ликимъ своимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчинами. А кто пожелаетъ, и въ Москву отпуститъ.

Луговской твердилъ свое:

— Надобно, Левъ Ивановичъ, просить у Бога и у короля, чтобъ кровь христіанская литься перестала, чтобы государство успокоилось... А присланы мы къ Королевскому Величеству не о себѣ бить челомъ и промышлять, но обо всемъ Московскомъ государствѣ.

Такъ заключилъ свои рѣчи думный дьякъ. Сапѣга вскорѣ ушелъ къ королю, представлять Сукина и Сыдавнаго.

Возвратившись къ Луговскому, онъ увелъ его въ особую комнату и сталъ уговаривать, что желаетъ ему всякаго добра, и останется всегдашнимъ его другомъ, только бы онъ послушалъ и послужилъ королю прямымъ сердцемъ. «А король наградитъ тебя всѣмъ, чего только пожелаешь», окончилъ гетманъ. Луговской отвѣчалъ, что всякій себѣ добра желаетъ, а потому и онъ принимаетъ за великую честь благосклонность короля и готовъ все для него сдѣлать, что только возможно.

Гетманъ тотчасъ же предложилъ, чтобы думный дьякъ отправился вмѣстѣ съ Сукинымъ въ осажденный Смоленскъ и уговорилъ бы Шеина и Смолянъ цѣловать крестъ королю и королевичу, и главное, чтобы они пустили въ городъ польское войско.

— Никакими мѣрами этого мнѣ нельзя сдѣлать,—отвѣтилъ Луговской. Безъ совѣту пословъ не только что того дѣлать, и помыслить о томъ нельзя. Левъ Ивановичъ! Какъ мнѣ такое дѣло сдѣлать, которымъ на себя во вѣки проклятіе навести! Нетокма Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ не потерпятъ, и земля меня не понесетъ! Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, а мнѣ первому же соблазнъ въ люди положить. Нѣтъ, по Христову слову, лучше навязати на себя камень и вринути себя въ море, нежели

соблазнъ такой учинить. Да и королевскому дѣлу, Левъ Ивановичъ, въ томъ прибыли не будетъ. Я знаю подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, а они и тѣхъ не послушали. А если мы поѣдемъ и объявимся ложью, то они впередъ и крѣпчае того будутъ и никого уже не станутъ слушать.

Гетманъ настаивалъ и повторялъ:

— Ты только съѣзди и себя имъ покажи, а говорить съ ними будетъ В. Сукинъ. Онъ ждетъ тебя и давно готовъ.

Повторялъ и Луговской:

— Безъ митрополита и безъ князя мнѣ ѣхать нельзя. Да и Василью ѣхать не пригоже и отъ Бога ему не пройдетъ. Коли хочетъ, пусть ѣдетъ, въ томъ его воля.

Надо къ этому прибавить, что во время длившихся переговоровъ послы успѣли передать въ осажденный Смоленскъ Шеину, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не сдавался, хотя бы и отъ нихъ самихъ было прислано повелѣнье о сдачѣ.

На другой день прямые послы призвали своихъ кривыхъ товарищей-измѣнниковъ и говорили имъ, чтобъ они попомнили Бога и души свои, да и то, какъ они отпущены изъ соборнаго храма Пречистыя Богородицы отъ чудотворнаго Ея образа; и какъ напутствовалъ ихъ патріархъ и весь соборъ, и бояре и всѣ люди Московскаго государства; чтобъ убоялись Господа и Его праведнаго Суда, и не метали бы государскаго Земскаго дѣла, къ Москвѣ бы не ѣздили; промышляли бы о спасеніи родной Земли, ибо обстоятельства безвыходны: сами видятъ, какъ государство раззоряется, кровь льется безпрестанно и невѣдомо какъ уймется; что видя все это какъ имъ ѣхать къ Москвѣ, покинувъ такое великое дѣло. «А у насъ, прибавляли послы, не то что кончается, а дѣло (уговоръ съ королемъ) еще и не началось».

— Прислалъ насъ король съ грамотами, какъ намъ не ѣхать,

отвѣтили кривые, вовсе не помышляя о томъ, что король еще не былъ ихъ государемъ и не могъ, по правамъ посольства, распоряжаться чужими послами. Но въ томъ-то и дѣло, что они уже присягнули королю, и уже служили ему, какъ вѣрные подданные. Они теперь хорошо понимали, что прямые послы, сколько бы ни стояли на своемъ, ничего не достигнутъ [89]).

Въ этомъ разсказѣ о раздвоеніи посольства довольно явственно обозначается тогдашнее раздвоеніе самой русской мысли или русскаго общества, гдѣ одни легко продавали Отечество по самой дешевой цѣнѣ всякому встрѣчному и поперечному, а другіе, напротивъ, самое помышленіе объ измѣнѣ русскимъ интересамъ почитали величайшимъ, неискупимымъ грѣхомъ, за который и земля не понесетъ измѣнника. Это были немногіе остаточные, последніе люди, но въ нихъ-то и хранилась завѣтная историческая національная сила, спасавшая не одинъ разъ русскую народность.

Что же во все это время, отъ 7 Октября и до 8 Декабря, дѣлалъ подъ Смоленскомъ немаловажный членъ Посольства, знаменитый спаситель Отечества, Троицкій келарь Аврамій Ивановичъ Палицынъ?

Ровно черезъ мѣсяцъ по прибытіи посольства въ станъ короля, и черезъ три недѣли послѣ того, какъ начались посольскіе переговоры, именно 7 ноября, онъ получилъ отъ Его Величества, по челобитью, отъ своего лица и братіи, не поминая объ архимандритѣ Діонисіи, тарханную утвердительную грамоту на всѣ монастырскія вотчины. Въ двадцатыхъ числахъ Ноября Авраміемъ получена еще грамота, утверждавшая за монастыремъ сборъ пошлинъ на Конской площадкѣ въ Москвѣ, съ освобожденіемъ отъ платы сто-рублеваго откупа. 6 Декабря, по его же челобитью, дана монастырю грамота, по которой велѣно съ монастыря взять денежныхъ доходовъ въ полки 200 р., да кормить ратныхъ людей; но велѣно взять деньги

со льготою, по случаю монастырскаго разоренья, только съ живущаго, т. е. съ наличныхъ данниковъ, кромѣ пустыхъ вытей, съ которыхъ по окладу также сбиралось [90]).

Стало быть монастырь, хотя и льготно, но все-таки отдавалъ не кому другому, а королю 200 р., да кормы ратнымъ, конечно тѣмъ, которые будутъ служить королю же. Монастырь, стало быть, на основаніи этой грамоты уже служилъ королю наравнѣ съ Кривымъ-Салтыковымъ.

Все это выпрашивалось, конечно, отъ имени и въ пользу роднаго монастыря. Но настояло ли разумное время для подобныхъ челобитій? Посольскіе переговоры велись въ такомъ характерѣ, что помышлять о какихъ-либо правахъ, а тѣмъ больше объ утвержденіи разныхъ правъ не представлялось возможности. Какія права и какое утвержденіе тарханныхъ грамотъ могло придти кому-либо честному человѣку въ голову, когда и самый Царь еще не былъ утвержденъ на царствѣ. Послы, дѣйствуя разумомъ и душею и сердцемъ всей Земли, ни за что не хотѣли присягать Сигизмунду, а онъ не хотѣлъ и сыну королевичу отдать Московское Царство, очень желая самъ быть царемъ. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ измѣнные члены Посольства оставляли пословъ и отъѣзжали въ Москву. Дѣло еще и не начиналось, говорили прямые послы, а кривые почитали его уже оконченнымъ. И вотъ среди этихъ-то безвыходныхъ обстоятельствъ и при полномъ отчаяніи главныхъ пословъ, препрославленный представитель знаменитѣйшаго и богатѣйшаго монастыря, всегдашняго заступника и поборателя Государству и всей Землѣ въ политическихъ напастяхъ, отложился отъ пословъ и слѣд. ото всей пославшей ихъ Земли, и ходитъ по переднимъ, у кого же? у католиковъ, у гетмана и короля, выпрашивая себѣ тарханы и льготы на ряду, плечо о плечо съ Кривымъ-Салтыковымъ, Ѳедькою Андроновымъ, Михайлою Молчановымъ, и со всякими предателями Отечества.

Сигизмундъ въ своей жалованной тарханной грамотѣ монастырю, называетъ Аврамія своимъ богомольцею, и повелѣваетъ архимандриту и братіи, по случаю пожалованія, за него Государя и за сына его Владислава Бога молити. Монастырь, слѣдовательно, по милости своего келаря сдѣлался тоже богомольцемъ короля Сигизмунда, о чемъ и рѣчи не было ни въ какихъ договорахъ съ Поляками и о чемъ безъ оскорбленія не могъ подумать ни одинъ истинно русскій человѣкъ.

И для чего понадобились эти жалованныя грамоты? Грозила ли монастырю какая опасность, что вотчины его будутъ отняты и розданы другимъ? Вѣдь въ Московскомъ Договорѣ о присягѣ королевичу, который такъ твердо отстаивали послы, а вмѣстѣ съ ними долженъ былъ отстаивать и Аврамій, прямо между прочимъ говорилось: «А што дано церквамъ Божьимъ и въ монастыри, отчины или угодьи, и што шло при прежнихъ государехъ ружнаго хлѣба и денегъ и всякихъ угодей, и того данья и всѣхъ прежнихъ государей Московскихъ, и боярскаго, и всякихъ людей данья, у церквей Божьихъ и у монастырей не отнимати, — быти всему по прежнему, ни въ чомъ не нарушаючи.»

Сигизмундъ не желалъ исполнить договоръ, но не въ этихъ статьяхъ. Онъ требовалъ новыхъ прибавокъ къ нему, о присягѣ себѣ, о сдачѣ Смоленска и т. п. Переговоры на этомъ и остановились. Кромѣ того, Сигизмундъ, стоя у Смоленска, вовсе еще не былъ такъ страшенъ, чтобы впередъ просить у него пощады. Было-бы честнѣе и понятнѣе, еслибъ первенствующій монастырь выпросилъ у короля общую грамоту, подтверждающую только вышеприведенную статью договора; а келарь, какъ Ѳедоръ Андроновъ, какъ Михайло Кривой-Салтыковъ и пр., выпросилъ тарханы только одному своему монастырю.

Явное дѣло, что Палицынъ, выпрашивая грамоты, дѣйствовалъ такъ или въ полнѣйшей увѣренности, что Сигизмундъ будетъ Великимъ Государемъ Москвы, или для какихъ либо себялюбивыхъ цѣлей, и напрасно, и недостойнымъ образомъ впутывалъ сюда же свой монастырь.

Можемъ съ вѣроятностью думать, что какъ духовный и немаловажный чинъ, онъ старался выставиться передъ королемъ, выдвигая свое особое усердіе передъ будущимъ Самодержцемъ Русской Земли на всякій случай, для всякихъ будущихъ милостей, въ числѣ которыхъ могъ представиться даже и патріаршій престолъ. Вѣдь многіе бояре думали же о царскомъ престолѣ; отчего же одному монаху невозможно было думать о патріаршемъ престолѣ, тѣмъ болѣе, что въ своемъ Сказаніи онъ постоянно выставляетъ себя учителемъ и поучителемъ православнаго народа, всѣхъ бояръ, всѣхъ казаковъ, всего воинства, присвоиваетъ себѣ отъ имени своего монастыря руководящій починъ въ важнѣйшихъ событіяхъ и тѣмъ самымъ, какъ бы поставляетъ себя на патріаршее мѣсто, а потому для той же цѣли скрываетъ и заслуги патріарха Ермогена. Нельзя также сомнѣваться, что грамоты были даны Аврамію не иначе какъ за принесенную королю присягу, ибо такова была воля Сигизмунда, объявленная всѣмъ, кто хотѣлъ что-либо получить отъ него. Въ этомъ случаѣ, старецъ ничего особеннаго не совершалъ. Онъ такъ поступалъ, взирая на Кремлевскихъ владомыхъ бояръ, которые уже давно присягали королю или готовились присягать. Стоя въ рядахъ Польской партіи, онъ, по всему вѣроятію, вполнѣ надѣялся на общій поворотъ всего Русскаго разума въ сторону Сигизмунда. Не совсѣмъ ясно, но онъ самъ проговаривается о такомъ своемъ воззрѣніи на ходъ тогдашнихъ дѣлъ.

Польскіе паны, на посольскихъ переговорахъ, видя твердость и настойчивость пословъ, сказали имъ, что только они одни бездѣльничаютъ, выстаивая на своемъ; что вопреки имъ

все Московское Государство королю хочетъ служить и прямить во всемъ, и показывали посламъ челобитныя за руками, кто что у короля проситъ. Конечно тутъ были челобитья и старца Аврамія.

«Послы до конца отчаяшася, и невѣдуще, что сотворити», говоритъ самъ старецъ и при этомъ высказываетъ свое мнѣнье, что вообще посольство бездѣльно бысть; а его усердный защитникъ, г. Кедровъ, уже прямо утверждаетъ, что посольство въ дѣйствительности было бездѣльно и безполезно. Съ точки зрѣнія радѣтелей Поляковъ и Сигизмунда оно такъ и было, но въ тоже время существовала и иная точка зрѣнія, вполнѣ Русская, на которой Палицынъ не стоялъ, а потому не могъ ее понять, и слѣдовательно не могъ отмѣтить въ своемъ Сказаніи той истины, что Посольство вовсе не было бездѣльно, а напротивъ съ честью сослужило великую службу для всей Русской Земли.

Это хорошо понимали лѣтописцы и всѣ истинно-Русскіе люди, заявлявшіе о томъ въ своей перепискѣ изъ городовъ. Ярославская грамота въ Казань такими словами описываетъ тогдашнія обстоятельства: «Въ смертной скорби люди сѣтуютъ и плачутъ и рыдаютъ.... а тѣмъ и утѣшаются, Божіимъ милосердіемъ, что далъ Богъ за православную вѣру крѣпкаго стоятеля, святѣйш. Ермогена патріарха... да премудраго боярина Мих. Борис. Шеина и всѣхъ православныхъ крестьянъ, Смоленскихъ сидѣльцовъ, что, узнавъ они то все, — оманки и ласканья ничьего не послушали и учинили досточудно и достохвально, стали крѣпко и мужественно на смерть, на память и на славу и на похвалу въ роды и въ роды. А на Москвѣ Смоленскіе люди тѣмъ помочь учинили великую, что король неопроставея. И тѣмъ (въ Москвѣ) утѣшались и ожидали, что на Резани Прокоѳей Петровичь Ляпуновъ съ Зарѣчными городы за православную вѣру стали, сами собрались и по городамъ ссылались; и услыша ихъ передовыхъ людей и походъ Прокоѳьевъ, во всѣхъ городѣхъ единодушно, и несумнѣнно и безбоязненно собрались и пошли». Еслибъ Смоленскъ отдался Сигизмунду, то вмѣсто Ляпуновскаго Ополченія въ Москву явился бы съ полками Поляковъ самъ король. Но Шеинъ не далъ ему опростаться! Въ этомъ и заключалась великая его заслуга для Русскихъ людей, не желавшихъ продавать отечество подобно разнымъ Аврамiямъ.

А кто же поддерживалъ и укрѣплялъ въ ихъ доблести самого Шеина и Смоленскихъ сидѣльцовъ, какъ не крѣпкіе стоятели Филаретъ, Голицынъ и Луговской? «И Московскаго Государства послы, говоритъ лѣтописецъ, видя королевскую неправду, въ Смоленскъ писали тайно къ боярину къ Михаилу Борисовичу Шеину, чтобъ онъ сидѣлъ въ Смоленскѣ накрѣпко и королю не здавался. Хотя Москва королевичу крестъ и цѣловали, но королевская и гетмана Желковскова неправда, на чемъ гетманъ на Москвѣ присягалъ, — тово (они) не учинили...» На тайныя сношенія пословъ съ Шеинымъ очень жаловались и Сигизмундовы паны.

Всѣ бѣдствія пословъ отъ того и происходили, что Сигизмундъ настойчиво заставлялъ ихъ писать Шеину, чтобъ сдалъ Смоленскъ. Потомъ онъ самъ посылалъ объявить Шеину, что Москва ему крестъ цѣловала, а потому и Смоленскъ долженъ быть въ его рукахъ. Шеинъ отвѣтилъ: «хотя Москва королю и крестъ цѣловали, и то на Москвѣ сдѣлалось отъ измѣнниковъ. Измѣнники бояръ осилили. А мнѣ Смоленска королю не здавывать, и ему креста не цѣловать, и биться съ королемъ до тѣхъ мѣстъ, какъ воля Божія будетъ. И кого Богъ дастъ Государя, того и будетъ Смоленскъ!».

Въ отвѣтъ на эти рѣчи король повелѣлъ еще пуще утѣснять пословъ во всемъ, хорошо понимая, что Шеинъ такъ говоритъ

и дѣйствуетъ, согласившись съ послами. Вотъ въ чемъ заключалось бездѣльничанье пословъ и бездѣльность Посольства. А въ это самое время, какъ продолжаетъ лѣтописецъ, откупяся у Сапѣги, многіе члены Посольства, Мезецкій, Сукинъ, Сыдавный, Палицынъ и другіе, отъѣхали къ Москвѣ. «И того ради послы до конца отчаяшася и не вѣдуще что сотворити!» восклицаетъ самъ Палицынъ, умывая руки во всемъ этомъ дѣлѣ и совсѣмъ не поминая, что онъ самъ былъ однимъ изъ усердныхъ и вѣрныхъ слугъ Сигизмунда. Не даромъ уже при царѣ Михаилѣ старца прозывали королемъ вмѣсто келаря [91]).

Когда послы призвали къ себѣ своихъ кривыхъ товарищей, чтобы остановить ихъ отъ безбожнаго дѣла, то не пришелъ только старецъ Аврамій, сказавшись больнымъ. Ему невозможно было прямыми глазами взглянуть на митрополита, на свою духовную власть, которая отъ божественныхъ писаній дѣйствительно могла бы его поколебать и остановить. А вслѣдъ за тѣмъ больной уѣхалъ въ Москву, получивъ отъ короля вмѣстѣ съ новоспасскимъ архимандритомъ Евфиміемъ отпускную грамоту, отъ 12 Декабря, къ патріарху, въ которой очень лукаво обозначено, что они приходили къ королю отъ всего Московскаго Государства съ послами бити челомъ о королевичѣ, что король ихъ челобитье слушалъ и отпустилъ ихъ къ Москвѣ. Только! Отъѣздъ этихъ черныхъ властей и членовъ Посольства подѣйствовалъ и на остальныхъ очень ободрительно. На нихъ глядя, попы, дьяконы, многіе дѣти боярскіе, многіе дворяне точно также поспѣшили убраться отъ тѣсноты и напасти, въ какой находилось посольство. Многіе мелкіе люди, не получившіе грамотъ на вотчины, конечно уѣхали раздраженные на коварство Поляковъ; но большіе люди и власти, получившіе вотчины и тарханы, несомнѣнно все еще надѣялись, что вѣтеръ будетъ попутный. «Но надобно предварительно увѣдомить читателя, говоритъ добрый Голиковъ, что изъ духовныхъ особъ, оставившихъ пословъ, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, сей поступокъ свой загладилъ сугубо. Онъ такую окажетъ отечеству услугу, что не только заслужитъ сію вину свою, но и удостоится причисленъ быть къ немногому числу избавителей отечества, какъ то мы увидимъ въ послѣдствіи».

Да. Это было бы справедливо, еслибъ оставленное Палицынымъ похвальное сказаніе о самомъ себѣ оставалось единственнымъ источникомъ для исторіи Смутнаго Времени. Къ сожалѣнію сохранились болѣе достовѣрныя свидѣтельства, при сличеніи которыхъ съ Сказаніемъ, подвиги старца представляются нѣсколько въ иномъ видѣ.

О своемъ участіи въ Посольствѣ онъ ни слова не промолвилъ; ни слова и никакого намека онъ не оставилъ и о выпрошенныхъ имъ грамотахъ у Сигизмунда. А похвастать было чѣмъ при его любви къ своей особѣ. Но въ томъ и дѣло, что вскорѣ случилось совсѣмъ неожиданное для него. Вѣтеръ такъ перемѣнился, что не только говорить, но и показывать эти грамоты было уже невозможно и даже опасно. Лучше, еслибъ ихъ не было. Съ Русской точки зрѣнія они составляли, и теперь составляютъ неизгладимое пятно въ Исторіи монастыря на той страницѣ, гдѣ говорится о дѣяніяхъ келаря Аврамія Палицына. Они возводятъ недостойную клевету на все поведеніе монастыря при архим. преп. Діонисіи, который въ бѣдственныя эти времена строго и неуклонно держалъ и исполнялъ святые монастырскіе завѣты первоначальника Лавры преп. Сергія, и выразилъ это уже тѣмъ однимъ, что содѣлалъ свой монастырь на все это время больницею и богадѣльнею для ратныхъ людей и всякихъ страдальцевъ на весь подмосковный округъ.

И такъ 12 Декабря старецъ Аврамій покинулъ посольство и поспѣшалъ, какъ предводитель многихъ такихъ же бѣглецовъ, къ Москвѣ. Его усерднѣйшій защитникъ г. Кедровъ очень пространно, на 10 страницахъ, обсуждаетъ этотъ поступокъ Аврамія и конечно приходитъ къ тому заключенію, что старецъ измѣнилъ посламъ для того, что лучше и вѣрнѣе ихъ понималъ задачу посольства, и такъ какъ оно было бездѣльно, то онъ заблагоразсудилъ уйдти, дабы въ Москвѣ пропагандировать противъ Поляковъ, отчего по пріѣздѣ его въ Москву и начинается будто бы повсюдное движеніе противъ нихъ. Измѣна Палицына была «оффиціальная, видимая», прибавляетъ авторъ, и старается показать, что невидимо, неоффиціально старецъ былъ честнѣйшій человѣкъ.

Это правда. Онъ въ дѣйствительности честно служилъ Сигизмунду. Въ слѣдъ за Сукинымъ и Сыдавнымъ онъ поспѣшалъ къ Москвѣ, не иначе, какъ за тѣмъ, чтобы поддерживать и распространять присягу королю Сигизмунду и вѣроятно, очень надѣялся, какъ мы замѣтили, что слѣдомъ за нимъ и Сигизмундъ скоро прибудетъ въ столицу. Всѣ кривые, получившіе вотчины, этого очень желали, а старецъ уже былъ богомольцею короля и слѣд. согласно полученнымъ грамотамъ долженъ былъ, какъ честный человѣкъ, работать всячески о пользахъ короля, и желать чтобы королевское дѣло поскорѣе установилось.

Но отецъ Аврамій не совсѣмъ хорошо зналъ, что творилось тогда въ Москвѣ. Объ этомъ не даетъ никакихъ свѣдѣній и его защитникъ.

Сторонники Сигизмунда устроивали все какъ нельзя лучше, дабы достигнуть своихъ цѣлей. Въ тѣ самые дни, когда Аврамій получалъ свои тарханныя грамоты, изъ королевскаго стана была послана отъ 16 Ноября увѣщательная грамота всему посаду Москвы, гостямъ, торговымъ и чернымъ всякимъ слободскимъ посадскимъ людямъ, въ которой король заявлялъ, что хочетъ дать на царство своего сына Владислава, чтобъ были надежны, смуты бы не дѣлали; что за то онъ и сынъ его всѣхъ пожалуетъ «великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ, и велитъ учинить миръ и покой и тишину и благоденство, такое, какъ бывало при прежнихъ государяхъ». Такія же грамоты были отправлены во всѣ важнѣйшіе города. Онѣ писаны не отъ Владислава, которому присягали, но отъ самого короля, который являлся главнымъ государемъ, не отдѣлялъ себя отъ сына, ожидая и себѣ такой же присяги. Это милостивое жалованное обращеніе къ посадскимъ, вызванное несомнѣнно ихъ недовольствомъ и озлобленіемъ противъ Поляковъ, конечно укрѣпляло надежду, что они сдадутся и согласятся на ожидаемую присягу. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ только были получены и прочтены эти грамоты въ Москвѣ, приступили къ своему дѣлу и радѣтели Сигизмунда.

30 Ноября, въ Никольскую пятницу, вечеромъ, пришли на подворье къ патріарху Мих. Кривой Салтыковъ да Θедоръ Андроновъ и стали говорить, чтобы патріархъ благословилъ ихъ и всѣхъ православныхъ крестъ цѣловать королю. А утромъ на другой день, 1 Декабря, съ тѣми же словами и въ сопровожденіи тѣхъ же измѣнниковъ приходилъ первенствующій бояринъ Θед. Мстиславскій. И вечеромъ, и утромъ они услышали отъ патріарха рѣшительный отказъ. Бояре кричали на него и бранили, а Салтыковъ даже вынималъ ножъ. Патріархъ не устрашился и отказалъ на отрѣзъ, что тому небывать.

Послѣ того онъ разослалъ по Московскимъ слободамъ и сотнямъ, къ гостямъ и торговымъ людямъ повѣстку, чтобы всѣ были къ нему немедленно въ Успенскій соборъ. Собравшійся Посадъ, выслушавъ въ соборѣ прискорбную повѣсть патріарха, одною душою и однимъ словомъ отказался цѣловать крестъ королю. Посадскіе конечно были безоружны, иначе

ихъ не впустили бы въ Кремль, а потому Поляки на коняхъ во всякой сбруѣ и вооруженіи подъѣхали къ собору, намѣреваясь можетъ быть поустрашить народъ. Но Посадъ и имъ далъ отповѣдь, что королю никто креста цѣловать не станетъ. По всей посадской истинно-Русской неизмѣнной Москвѣ распространилась скорбь, печаль, озлобленіе, что заставляютъ цѣловать крестъ королю. А именно на эту присягу такъ разсчитывали всѣ предатели съ ихъ соумышленниками, и такъ вѣроятно надѣялся старецъ Аврамій, скорыми стопами подвигавшійся къ Москвѣ. Для прямыхъ людей положеніе было безвыходное, отчаянное. Въ Кремлѣ измѣна и Поляки, въ Калугѣ Воръ, у Смоленска другой Воръ, Польскій Король. Помощи и заступленія ни откуда. Такъ Москвичи встрѣтили Николинъ день и несомнѣнно крѣпко помолились Николѣ Заступнику. Прошла еще недѣля и 14 Декабря по городу вдругъ разнеслась неожиданная и неимовѣрная вѣсть, что Тушинскій Царикъ убитъ 12 Декабря въ Калугѣ кн. Петромъ Урусовымъ. Радости Москвичей нельзя было изобразить. Въ дѣйствительности, цѣлая гора съ плечь свалилась. Дышать стало свободнѣе. Мгновенно во всѣхъ умахъ возродилась одна мысль: отъ одного врага избавилъ Богъ, теперь всѣми силами надо отдѣлаться и отъ другаго. Всѣ межъ себя стали говорить, какъ бы во всей Землѣ всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Поляковъ, чтобы выгнать ихъ изъ Государства всѣхъ до одного.

Вотъ гдѣ и вотъ въ какое время зародилась первая мысль о всеобщемъ ополченіи. Твердою опорою и непоколебимымъ хранителемъ этой мысли былъ патріархъ Ермогенъ. Но и съ своей стороны не малую опору онъ самъ находилъ въ Московскомъ Посадѣ, съ которымъ постоянно сносился и совѣтовался и о которомъ всѣ города вскорѣ узнали, что «Москвичи посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе всѣ принялись съ патріархомъ и хотятъ стоять». Едвали не въ тотъ же день патріархъ сталъ писать и разсылать по всѣмъ городамъ грамоты, и къ служилымъ, и къ посадскимъ, призывая и приказывая соединиться и идти не медля на общаго врага, чтобъ неотмѣнно придти къ Москвѣ по зимнему пути. Особую надежду, какъ на добраго воеводу, извѣстнаго всей Землѣ, онъ полагалъ на Прокопья Ляпунова, и къ нему-то прежде всего и отправлена была грамота. По свидѣтельству Маскѣвича такія грамоты были перехвачены Поляками уже 15 Декабря, слѣдовательно на другой же день, какъ Москва узнала о погибели Тушинскаго Вора.

Этихъ первыхъ грамотъ патріарха мы неимѣемъ; но объ нихъ очень ясно говоритъ тотчасъ же въ Генварѣ и Февралѣ начавшаяся горячая переписка городовъ между собою. Объ нихъ поминаетъ и самъ Сигизмундъ; единогласно утверждаютъ о томъ и всѣ его паны. Но въ тѣхъ же во всѣхъ случаяхъ никто ни однимъ словомъ не поминаетъ о какихъ либо грамотахъ, писанныхъ отъ Троицкаго монастыря.

Когда, съ половины Марта, по Москвѣ стала разноситься радостная вѣсть, что собравшіеся изъ городовъ полки уже приближаются, Московскій народъ не выдержалъ, воодушевился и охрабрился и по случайной ссорѣ тотчасъ поднялся на Поляковъ, загоняя ихъ внутрь города. Точно также и Поляки и Кремлевскіе бояре, видя неминуемую бѣду, озаботились о своей защитѣ и для этого употребили послѣднее средство—они зажгли городъ. Такимъ образомъ первою и единственною причиною Московскаго пожара 19 Марта было приближеніе со всѣхъ сторонъ Ляпуновскаго ополченія. Польскій Дневникъ упоминаетъ, что Ляпуновъ съ полками находился въ это время въ нѣсколькихъ миляхъ (у Николы на Угрѣши), хорошо видѣлъ зарево пылавшаго города и тотчасъ же послалъ Просовецкаго съ Гуляй-городомъ и нѣсколькими тысячами войска. Но 21

Марта этотъ передовой отрядъ былъ отбитъ паномъ Струсемъ въ 7-ми или 8-ми верстахъ отъ Москвы. Къ этому присовокупляются и Русскія свидѣтельства, подтверждаемыя и польскими, что въ самую ночь того же 19 Марта, какъ говорятъ Поляки, или утромъ на другой день, въ середу, 20 Марта, какъ говорятъ наши лѣтописцы, у города появился съ Ляпуновскимъ отрядомъ Ив. Вас. Плещеевъ, но въ битвѣ съ Поляками покинулъ щиты и побѣжалъ назадъ. Затѣмъ 24 Марта пришелъ къ городу Заруцкій, а 25-го Трубецкой и самъ Ляпуновъ, который послѣ писалъ въ грамотахъ, что всею Землею они собрались въ Москвѣ 1 Апрѣля.

Такимъ ходомъ дѣлъ собралось подъ Москву первое, Ляпуновское ополченіе, поднятое прямо и непосредственно грамотами патріарха Ермогена. Но старецъ Аврамій неукоснительно говоритъ, что оно было поднято грамотами Троицкаго монастыря. Этою баснею и начинаетъ онъ свои подвиги по возвращеніи отъ посольства въ Москву.

Онъ говоритъ, что въ самый день сожженія Москвы 19 Марта къ Троицѣ принесъ эту страшную вѣсть боярскій сынъ Алехановъ, что монастырь въ тотъ же день отпустилъ на-спѣхъ подъ Москву на помощь своихъ слугъ 50 ч. и стрѣльцовъ 200 ч., «а въ Переяславль Залѣсскій къ воеводамъ Ив. Волынскому и кн. Ѳед. Волконскому и ко всѣмъ служивымъ людямъ посылалъ вѣсть, прося тоже о помощи». По этому разсказу, около Москвы пусто, никого не видать, и только одинъ Троицкій монастырь заботится о ея спасеніи. И г. Кедровъ, стр. 79, говоритъ, что «Первые подали вѣсть о разореніи царствующаго града Москвы Троицкія власти». «По семъ же разослаша грамоты во всѣ города Россійскія державы къ боярямъ и воеводамъ, пишуще къ нимъ о многоплачевномъ конечномъ раззореніи Московскаго Государства, моляще ихъ отъ различныхъ божественныхъ писаній, и повѣдающе

имъ въ писаніихъ, како»...—здѣсь старецъ общими книжными мѣстами излагаетъ содержаніе грамотъ, призывавшихъ итти немедленно къ царствующему граду на богомерзкихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и на Русскихъ измѣнниковъ. «Много же и ина отъ Божественныхъ писаній пишуще къ нимъ со многимъ моленіемъ о поспѣшеніи на иноплеменныхъ».

«Сицевымъ же грамотамъ отъ обители Живоначальныя Троицы во вся Россійскіе городы достизающимъ, и слуху сему во ушеса всѣхъ распространяющуся, и милостію Пребезначальныя Троицы по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы, и все Христолюбивое воинство, и всенародное множество православныхъ христіанъ помалѣ разгарающеся духомъ ратнымъ, и вскорѣ сославшеся, сподвигошася отъ всѣхъ градовъ со всѣми своими воинствы, поидоша къ царствующему граду на отмщеніе крови христіанскія».

Первый по росписи старца, конечно, пришелъ его вѣроятный милостивецъ и другъ, кн. Д. Трубецкой. Вторые изъ Переяславля Ив. Волынскій и кн. Волконскій, за ними вѣдь посылалъ монастырь. Третій Ляпуновъ и т. д.

Если читать одно это Сказаніе, то какъ въ самомъ дѣлѣ не повѣрить, что Ополченіе собралось и пришло подъ Москву неотмѣнно по призыву Троицкихъ грамотъ и что передовымъ воеводою въ немъ красовался не Ляпуновъ, а Трубецкой, дотолѣ только тѣмъ и извѣстный, что у Тушинскаго Вора онъ получилъ боярство и служилъ ему, какъ подобало, называясь, конечно, его холопомъ и перебѣгая за нимъ изъ Тушина въ Калугу.

Дѣйствительно, одно это Сказаніе старца Аврамія и служило у многихъ единственнымъ источникомъ при описаніи событій Смутнаго Времени. Никто не потрудился хорошенько вникнуть въ самый разсказъ старца, довольно спутанный, затемненный и противорѣчивый. Впрочемъ, сто лѣтъ назадъ, когда стала

распространяться Авраміева слава, по многимъ причинамъ и невозможно было подвергать критикѣ его сказки.

Описывая событія и дѣла болѣе или менѣе извѣстныя всѣмъ его современникамъ, старецъ конечно не могъ совсѣмъ не сказать ни слова объ очевидной для всѣхъ истинѣ, что въ этомъ первомъ Ополченіи главнымъ дѣятелемъ былъ Ляпуновъ. Онъ и говоритъ объ этомъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ, и не на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало.

Описавши въ 69 главѣ съ напускнымъ омерзеніемъ погибель Тушинскаго Вора, онъ въ 70 главѣ сказываетъ очень коротко, что собственно не Ляпуновъ, а вообще Рязанцы, у нихъ же начальникъ былъ Ляпуновъ, сославшись съ другими городами и обративъ къ себѣ Заруцкаго съ казаками, не подъ Москву направились, куда ихъ призывалъ патріархъ, а начаша изо всѣхъ градовъ Литву изгоняти. Но во всѣхъ градахъ въ то время Литвы не было, а собирались тогда во всѣхъ градахъ и выходили изъ городовъ Русскіе люди изгонять Литву, засѣвшую въ Москвѣ. Затѣмъ слѣдуетъ очень витіеватая и многословная 71 глава, гдѣ изображается подвигъ, происшедшій отъ Троицкихъ грамотъ, для чего серединнымъ и исходнымъ обстоятельствомъ ставится пожаръ Москвы 19 Марта.

Старецъ на стр. 248 ясно говоритъ, а за нимъ утверждаетъ тоже и г. Кедровъ, что грамоты были разосланы, если не въ тотъ же, то на другой или на третій день, т. е. 20 или 21 Марта, и не поминаетъ при этомъ, что Ополченіе гдѣ-либо собиралось; а дальше, на стр. 251, прямо свидѣтельствуетъ, что оно стало собираться и духомъ ратнымъ разгораться по полученіи сицевыхъ грамотъ. Но за то прежде, на стр. 246, онъ довольно отчетливо сказываетъ, что Салтыковъ и Андроновъ, думая о скоромъ приближеніи многаго Россійскаго воинства, отъ Рязани, отъ Владиміра, отъ Казани и отъ иныхъ

городовъ, по своему лукавому нраву умыслили злое коварство надъ царствующимъ градомъ Москвою, т. е. совершили побоище Москвичей и пожаръ 19 Марта.

Такимъ темнымъ, если не лукавымъ способомъ изложенія, старецъ спутываетъ ложь съ правдою и оставляетъ внимательнаго читателя въ крайнемъ недоумѣніи. Если Салтыковъ и Андроновъ, сидя почти въ осадѣ въ Кремлѣ, уже знали о приближеніи ополченія и потому спасая себя запалили городъ, то какъ же старецъ и монастырь ничего объ этомъ не вѣдали и начали писать о призывѣ ратныхъ только послѣ пожара?

Они поспѣшили послать въ Переяславль къ воеводамъ Волынскому и Волконскому... Но откуда взялись тамъ эти воеводы? Старецъ объ этомъ молчитъ. А всѣмъ тогда было извѣстно, что Волынскій велъ полки Ярославскіе, а кн. Волконскій—Костромскіе, и 19 Марта они должны были стоять не въ Переяславлѣ, а гдѣ-либо ближе къ Троицкому монастырю или къ Москвѣ, ибо назначено было придти къ Москвѣ всѣмъ въ одинъ день, и 8 Марта они уже стояли въ Ростовѣ. Зачѣмъ было писать изъ монастыря грамоты въ города, въ Ярославль и Кострому, прося и моля скорѣе идти подъ Москву, когда полки этихъ городовъ уже находились въ окрестныхъ отъ монастыря мѣстахъ, когда и всѣ полки всѣхъ другихъ городовъ тоже приближались къ Москвѣ. Еслибъ Аврамій сказалъ, что грамоты писаны въ полки, то было бы похоже на правду; но онъ живописно изображаетъ, какъ именно въ городахъ услышаны были сицевыя грамоты и какъ всѣ по малу разгорались отъ нихъ ратнымъ духомъ.

И какъ быстро, по его описанію, собралось все это ополченіе, успѣвшее и грамоты получить, и увѣдомить о томъ сосѣдей, близкихъ и далекихъ, собрать полки, заготовить кормовой запасъ и т. д. и придти къ Москвѣ. На это всего потребовалось только какихъ-нибудь пять дней, ибо 20 Марта

были посланы грамоты (т. е. въ тотъ самый день, въ среду, когда подъ Москву утромъ уже пришелъ Ляпуновскій воевода Ив. Плещеевъ), а 24 и 25 Марта къ Москвѣ прибыли уже полки и воеводы изъ Калуги, Тулы, Владиміра, Рязани, изъ Ярославля и Костромы и пр. Впрочемъ, защитникъ старца, Г. Кедровъ, стр. 79, не шутя говоритъ, что грамоты изъ Троицкаго монастыря расходились съ быстротою молніи.

Какъ ни печальна истина, но должно сказать, что исторія старца объ обстоятельствахъ собранія перваго Ополченія подъ Москву, оказывается чистѣйшей выдумкой, составленной въ похвалу своему монастырю, а главное самому себѣ, такъ какъ старецъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ подлѣ монастыря и его архимандрита препод. Діонисія всегда ставитъ и очень выставляетъ самого себя. Эта печальная истина, конечно, очень неудобна послѣ тѣхъ, много и премного разъ написанныхъ непомѣрныхъ похвалъ старцу, какъ самому дѣятельному представителю монастыря и какъ герою Смутнаго Времени, стоящему будто бы даже впереди всѣхъ другихъ.

Намъ кажется, что историки напрасно пользуются дѣяніями знаменитаго въ лѣтописяхъ отечества старца Аврамія для изображенія дѣяній самаго монастыря. Лучше имѣть одну строку истинной славы и чести, чѣмъ цѣлую большую книгу славы и чести ложной или сомнительной!

Усерднѣйшій защитникъ старца, г. Кедровъ, разсуждая о томъ, почему Палицынъ ничего не говоритъ въ своемъ Сказаніи о личной дѣятельности препод. Діонисія, очень вѣрно замѣтилъ, стр. 77, что «ему (Палицыну) нужно было засвидѣтельствовать предъ современниками и потомствомъ о своихъ личныхъ подвигахъ, и совсѣмъ не о подвигахъ Діонисія»... Это вполнѣ справедливо. И здѣсь сказана лучшая характеристика для сказаній старца, ибо въ нихъ мы постоянно встрѣчаемся съ этимъ авторскимъ притязаніемъ келаря Аврамія. Такими недостойными

притязаніями передъ глазами легковѣрнаго потомства онъ совсѣмъ затемнилъ свѣтлую личность архимандрита Діонисія, истиннаго представителя монастыря и истиннаго героя во всѣхъ тѣхъ подвигахъ, какими Аврамій хотѣлъ прославить только себя. Но будемъ продолжать.

Ляпуновское Ополченіе въ весенніе три мѣсяца успѣло загнать враговъ въ Китай-городъ и въ Кремль и осадило ихъ тамъ. Между тѣмъ въ обители Троицкой по вся дни совершались молитвы о Божьей помощи. Вѣроятно, 5 Іюля, на память св. Сергія, въ монастырѣ святили воду и по обычаю съ этою освященною водою (какъ прежде приходили къ царю и патріарху) прибылъ въ Москву келарь старецъ Аврамій, дабы освятить молебною водою все воинство. «Пришедъ, онъ паки укрѣпилъ отъ Божественныхъ писаній все христолюбивое воинство и милость Господня была съ ними».

Послѣ того архимандритъ и келарь по совѣту бояръ и воеводъ писали въ Казань, по преждеписанному, къ митрополиту Ефрему, и въ Нижній, и во всѣ Понизовые городы, и въ Поморье, о великомъ раззореніи Московскаго Государства и о собраніи подъ Москвою воинства и пр.

По указанію А. В. Горскаго эта грамота писана отъ 13 Іюля. Она сохранилась. Но укрѣпленіе старца воинству оказалось напраснымъ, потому что, спустя недѣлю по написаніи грамоты, именно 22 Іюля Ляпуновъ былъ убитъ казаками по наученію воеводъ начальниковъ, за составленный имъ 30 Іюня всеобщій Земскій приговоръ, весьма ограничивавшій воеводскій произволъ по случаю раздачи вотчинъ. Между 30 Іюня и днемъ убійства 22 Іюля, т. е. въ эти три недѣли и именно послѣ того, какъ старецъ паки поучалъ и укрѣплялъ воинство, въ этомъ самомъ казацкомъ воинствѣ разгорался заговоръ противъ Ляпунова и происходила вся его борьба съ казаками, длившаяся конечно не одинъ день. Зналъ-ли и могъ-ли что-либо узнать

объ этомъ старецъ? Г. Кедровъ увѣряетъ, стр. 125, 126, что онъ хорошо зналъ всѣ тогдашніе секреты.

Посланная въ самый разгаръ упомянутой казацкой смуты и борьбы Іюльская Троицкая грамота не могла произвести своего впечатлѣнія по той причинѣ, что слѣдомъ за нею, черезъ недѣлю же, повсюду разносилась изумительная и возмутительная вѣсть объ убійствѣ поборателя Прокопья Ляпунова, а затѣмъ недѣли черезъ три и не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ изъ грамотъ патріарха Ермогена стало всѣмъ извѣстно, что подмосковные таборы, воеводы и атаманье, хотятъ присягать Воренку Ивашкѣ, Маринкину сыну. Патріархъ въ отчаяніи просилъ всѣхъ, и города и мѣстныхъ владыкъ, писать подъ Москву поученье, учительную грамоту противъ этой возмутительной и изумительной мысли. Онъ отдавалъ подмосковное казацкое Ополченіе, такъ сказать, подъ судъ всей Землѣ. И естественно, что все Земство, послѣ такихъ событій подъ Москвою, стало смотрѣть на казацкое Ополченіе, какъ на ближайшаго врага общему спасенію, столько же опаснаго, какъ и самые Поляки. Но въ то время (20 Августа), какъ патріархъ торопливо писалъ въ душевномъ волненіи эти грамоты, Троицкій келарь Аврамій получалъ отъ Трубецкаго и Заруцкаго утвердительную грамоту на завѣщанную монастырю вотчину отъ вдовы Шапкиной, на 2 сельца да 8 деревень съ пустошьми и со всѣмъ хозяйствомъ. Другихъ гражданскихъ властей тогда не было и поневолѣ приходилось утверждать себѣ права въ казацкихъ таборахъ [92]).

Всѣ лѣтописныя свидѣтельства объ этомъ времени, не исключая и Сказанія Палицына, одно только и говорятъ, что неистовство казаковъ превзошло всѣ мѣры, что земскіе ратные люди, въ скорби и въ страхѣ, почти всѣ разошлись изъ-подъ Москвы, а кто и остался, то всѣ претерпѣвали насиліе, безчестіе и тѣсноту отъ казаковъ и жили въ полномъ отчаяніи.

«Бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіанамъ, врагамъ же Полякамъ и русскимъ измѣнникамъ бысть радость велика. Казаки же начаша въ воинствѣ великое насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати дворянъ и дѣтей боярскихъ. Потомъ же начаша и села и деревни грабити и крестьянъ мучити и побивати. И такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ Царствующаго града.... Разыдоша бо ся тогда вси насилія ради казаковъ... только остались Трубецкой, Заруцкій, Просовецкій съ своими казаками и тѣмъ стали Литовскіе люди сильны». Они снова захватили въ свои руки Бѣлый Городъ, Замоскворѣчье и въ Кремль осажденнымъ провезли запасы. Все это повѣствуетъ самъ старецъ Аврамій въ 72 главѣ своего Сказанія.

Потомъ пришелъ Ходкѣвичь, говоритъ онъ дальше. Это было уже 25 Сентября. А въ Русскомъ воинствѣ, то есть у казаковъ, была скудость и голодъ великій, недоставало пороху и свинцу. Стѣсненный великою скорбью, бояринъ Трубецкой съ товарищами и со всѣми атаманы писали въ Троицкій монастырь со многимъ моленіемъ о свинцѣ и порохѣ и опять молящe, чтобъ писали грамоты во всѣ города о помощи на иноплеменныхъ.

Приходила вѣдь зима, надобны были и хлѣбъ и шубы — вотъ чего собственно желали казаки и ихъ воеводы. На зиму (въ первой половинѣ Октября съ 11 числа) отошли отъ Москвы и Ходкѣвичъ въ Рогачовъ и Сапѣга подъ Суздаль — кормиться. Но Ходкѣвичъ, на просторѣ отъ казаковъ, успѣлъ хорошо устроить защиту Кремля, доставляя туда не только запасы, но и свѣжее войско.

Между тѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ сотворили соборъ и по просьбѣ Трубецкаго съ товарищи рѣшили паки написать грамоты во всѣ города со многимъ моленіемъ о помощи. Одна изъ этихъ грамотъ въ Пермь отъ 6 Октября сохранилась. Частію

дословно она повторяетъ Іюльскую грамоту, а затѣмъ излагаетъ дѣло не совсѣмъ сходно съ обстоятельствами. О томъ, что говоритъ Палицынъ въ своемъ Сказаніи, т. е. о злодѣйствахъ казаковъ она не поминаетъ ни словомъ; о томъ, что отъ казаковъ всѣ Земскіе люди разбѣжались, что остались одни казаки, что по этому они потеряли и Бѣлый городъ и Замоскворѣчье и усилили Кремль, она ничего не говоритъ. Она напротивъ съ достоинствомъ упоминаетъ, что бояре и воеводы и всякіе ратные люди, т. е. все Ляпуновское Ополченіе, никакъ не одни казаки, стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно въ большомъ каменномъ Царевѣ Бѣломъ Городѣ, а измѣнниковъ и Поляковъ осадили въ Китаѣ городѣ и въ Кремлѣ, надъ ними промышляютъ, тѣсноту имъ чинятъ великую, въ Китаѣ Городѣ дворы верховымъ пушечнымъ боемъ выжгли (что происходило по Польскому дневнику, безъ особаго впрочемъ успѣха, 15 Сентября) и ожидаютъ на враговъ побѣды; что теперь пришелъ Ходкѣвичъ съ двумя тысячами войска, сталъ по дорогамъ, откуда идутъ запасы.... Но бояре и воеводы и всякіе ратные люди стоятъ крѣпко и неподвижно.... А Коширяне, Туляне, Калужане и иныхъ Замосковныхъ городовъ дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли; а изъ Сѣверскихъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ на-спѣхъ; а по сторону Москвы, многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые и ратные люди собираются нынѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ идти въ ходъ къ Москвѣ-жъ. А потому и Пермичамъ подобаетъ стати съ ними подмосковными—обще за одно и быть въ соединеньи и безо всякаго мѣшканья поспѣшить подъ Москву въ сходъ ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и всему множеству народа всего православнаго крестьянства. Смилуйтеся, оканчиваетъ грамота, ратными людьми помогите, чтобъ нынѣ подъ Москвою, скудости

ради, утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и воинскимъ людямъ порухи не учинилось...» Грамота не поминаетъ ни о деньгахъ, ни о запасахъ, указывая вообще только на претерпѣваемую скудость...

Витіеватое содержаніе грамоты принадлежало конечно Троицкимъ писателямъ; но все дѣловое ея содержаніе принадлежало казацкимъ воеводамъ. Что же они говорили? Они говорили неправду. Они скрывали истинное положеніе дѣлъ. Никто изъ земцевъ въ это время къ нимъ не приходилъ, развѣ новыя голодныя станицы казаковъ, да и тѣ не могли остаться у голодающей Москвы. Всѣ, напротивъ, уходили къ хлѣбу въ крестьянскія волости. Въ Переяславлѣ также никакого сбора не могло происходить по той причинѣ, что по этой дорогѣ Поляки промышляли о запасахъ и въ Ноябрѣ овладѣли уже Ростовомъ. О приходѣ, о собраніи ратныхъ, шедшихъ будто бы подъ Москву помогать казакамъ, о множествѣ у нихъ народа писалось для того, чтобы отвести далекимъ людямъ глаза и скрыть важнѣйшую истину, что ратные давно уже разбѣжались отъ казацкихъ злодѣйствъ.

Въ такомъ невинномъ видѣ хотѣли изобразить себя казаки. Но въ Перми, куда была послана эта грамота, еще 16 Сентября, то есть за 3 недѣли до ея написанія, всѣ уже знали полную истину о подмосковныхъ казакахъ. Пермь въ этотъ день получила грамоту изъ Казани, а Казань писала, что поборателя Прокопья казаки убили, что сославшись съ Нижнимъ и со всѣми Поволжскими городами Казань порѣшила и призываетъ къ тому же Пермичей — быть всѣмъ въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньи, другъ друга не побивать, новыхъ воеводъ и другое начальство въ городъ не пускать, прежнихъ не перемѣнять, казаковъ въ городъ не пущать; стоять на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, пока кого дастъ Богъ Государя, а выбрать его всею Землею; а если казаки учнутъ выбирать Госу-

даря по своему изволенью, одни, не сослався со всею Землею, того Государя не хотѣть, не принимать.

Въ слѣдъ за тѣмъ Октября 10 Пермичи получили новую грамоту изъ Казани же, въ которой, по присылкѣ изъ Нижняго, увѣдомляли ихъ, что казаки заводятъ присягу Маринкину сыну, причемъ прилагали и свидѣтельство объ этомъ, грамоту въ Нижній отъ патріарха Ермогена, чтобы писать отовсюду поученье въ казацкіе таборы.

Вотъ какія вѣсти расходились по Волгѣ и по Камѣ въ теченіи Сентября и Октября. Можемъ судить, какое впечатлѣніе должна была производить послѣ Іюльской и эта Октябрская Троицкая грамота.

Люди о Троицкихъ властяхъ могли думать только одно, что они власти не вѣдаютъ, гдѣ правда. Грамота же по дѣловому содержанію для всѣхъ была очень ясна, что она грамота таборская, казацкая, скрывающая истинное положеніе дѣлъ.

Но старецъ Аврамій пишетъ въ своемъ Сказаніи, глава 74: «Грамотамъ отъ обители Живоначальныя Троицы, дошедшимъ во вся грады Россійскія державы, и паки начаша быти во единомысліи»! Вотъ что совершилъ старецъ — опять привелъ всѣхъ въ единомысліе. Стоило ему только грамоту написать. «Паче же въ Нижнемъ въ Новѣградѣ крѣпцѣ яшася (крѣпко взялись) за сіе писаніе, и множество народа внимающе сему по многи дни. Во единъ же отъ дній сшедшеся единодушно» и пр.

Самымъ яснымъ и точнымъ отвѣтомъ на эти знаменитыя Троицкія грамоты, именно по существенному дѣлу, служитъ первая Нижегородская грамота, писанная по всему вѣроятію въ началѣ Ноября 1611 года, когда Нижній совсѣмъ почти изготовился идти подъ Москву и началъ передовымъ походомъ подъ Суздаль, вѣроятно, на стоявшіе тамъ въ Гавриловской волости полки Сапѣги.

«Будетъ, господа, вы дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди, писалъ Пожарскій къ Вологжанамъ, опасаетесь отъ казаковъ какого налогу или иныхъ коихъ воровскихъ заводовъ, и вамъ бы однолично того не опасаться: какъ будемъ всѣ Верховые и Понизовые городы въ сходу, и мы всею Землею о томъ совѣтъ учинимъ, и дурна никакова ворамъ дѣлати не дадимъ. А самѣмъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому покровеньемъ Божіимъ посямѣста мы не приставали, да и впредь дурна никакого не похотимъ; а однолично-бъ вамъ съ нами быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людемъ на Польскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки по прежнему Низовой рати, своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ, не розгонили. А пишутъ къ намъ изо всѣхъ городовъ, и ожидаютъ, какъ пойдутъ ваши ратные люди, и они съ нашими людми пойдутъ головами своими, и учинимъ совѣтъ о всякомъ Земскомъ дѣлѣ, утвердимся крестнымъ цѣлованьемъ... которые люди подъ Москвою или въ которыхъ городѣхъ похотятъ какое дурно учинити или Маринкою и сыномъ ея новую кровь похотятъ всчать, и мы дурна никакого имъ учинить не дадимъ... и стояти бы вамъ въ твердости разума своего крѣпко и неподвижно... А мы идемъ (теперь) на Польскихъ людей, которые нынѣ стоятъ подъ Суздалемъ.... [93]).

Вотъ что мыслили и о чемъ заботились всѣ истинно-Русскіе люди, никогда не припадавшіе на Польскую, ни на воровскую казацкую сторону, и вотъ какъ они смотрѣли на подмосковные таборы, совсѣмъ иначе, какъ описывали ихъ Троицкія грамоты.

Очевидно, что эти грамоты никого спящаго возбудить не могли, потому что на самомъ дѣлѣ въ городахъ никто тогда не спалъ и спать было невозможно.

Изъ-подъ Москвы приходили вѣсти одна другой возмутитель-

нѣе. Всѣ города бодрствовали, какъ одинъ человѣкъ; переписывались другъ съ другомъ, собирались на вѣча, на сходки; читали приходившія грамоты, разсуждали и обсуждали писаное и составляли отвѣты. Бодрствованіе и напряженіе всенародной патріотической мысли по всѣмъ городамъ яснѣе всего обозначилось и достославно выразилось въ обстоятельствѣ, которому удивлялись и изумлялись и сами современники. Народъ безъ монастырскихъ и церковныхъ поученій, безъ совѣта и повелѣнія отъ какихъ бы то ни было властей самъ собою наложилъ на себя суровѣйшій постъ, не избавляя отъ него ни младенцевъ, ни домашняго скота, и исполнилъ его не только въ городахъ, но и во всѣхъ волостяхъ. Три дня, понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли и не пили; въ четвергъ и пятницу ѣли сухо... желая благополучной тишины послѣ толикихъ волненій и всѣ рѣшились лучше умереть, чѣмъ нарушить этотъ земскій всенародный постъ. И дѣйствительно, по сказанію лѣтописцевъ, иные померли, не только младенцы, но и старые, и скотове, ибо какъ упомянуто, постъ былъ наложенъ на всю живущую тварь Дивно было, откуда сей постъ начался,—восклицаетъ Троицкій же келарь Симонъ Азарьинъ. Но пересылались изъ города въ городъ, изъ волости въ волость, и всѣ во всемъ государствѣ постъ исправили. Въ пересылавшихся грамотахъ такъ объясняли дѣло еще 29 Мая, когда подъ Москвою бодрствовало Ляпуновское Ополченіе: Въ Нижнемъ Новгородѣ было Божіе откровеніе нѣкоему благочестивому человѣку, именемъ Григорію. Являлся ему во снѣ Господь и повелѣлъ для спасенія Земли всѣмъ поститься три дни. А въ Нижнемъ Новгородѣ, прибавляетъ лѣтописецъ, объ этомъ никто не вѣдалъ. Нижегородцы, слыша такія вѣсти, сами удивлялись. Но послѣ отъ оныхъ же Нижегородцевъ произыде доброе дѣло, которымъ очистилось все Московское государство, заключаетъ лѣтопись. И вотъ явился въ народѣ невѣдомо откуда свитокъ съ описаніемъ помянутаго явленія. Свитокъ распространялся повсюду, онъ ходилъ и въ Московскихъ таборахъ. Это были вѣсти Божія откровенія. Затѣмъ Августа 24, черезъ мѣсяцъ по смерти Ляпунова и когда патріархъ Ермогенъ писалъ грамоту о казацкой присягѣ Воренку, въ Володимерѣ было видѣніе и тоже составился и распространился свитокъ. Получая эти свитки во всѣхъ городахъ всѣ православные народы приговорили, по совѣту всей Земли, не писанному и не сказанному, поститись три дня. Одна сохранившаяся грамота о такомъ приговорѣ со списками видѣній идетъ изъ Ярославля въ Вологду, оттуда въ Устюгъ, оттуда въ Вычегду, оттуда въ Пермь съ наказомъ чтобы пересылали вскорѣ списки-свитки Божіихъ откровеній дальше, и въ Пермскій уѣздъ, и въ Сибирскіе городы, чтобъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ всему православному христіанству было извѣстно тако сотворити. Въ Вычегдѣ эти свитки были получены 9 Октября. Значитъ города пересылали ихъ и налагали на себя постъ въ то самое время, какъ у Троицы писали по казацкой просьбѣ призывныя грамоты. Значитъ нигдѣ, ни въ какой волости народъ въ это время (въ теченіи Сентября и въ началѣ Октября) не спалъ, а сурово постился и непрестанно молился, всею мыслью и всѣмъ сердцемъ призывая благополучную тишину, совѣтъ, любовь и единенье всей Землѣ [94]).

Только въ воображеніи одного старца Аврамія все спало или изнемогало въ безчиніи для той конечно цѣли, чтобы ему при всеобщемъ молчаніи и неподвижности сказать или написать учительное слово и мгновенно всѣхъ поднять на доброе дѣло. И меньше всего по такому старческому слову могъ подняться именно Нижній-Новгородъ.

Баснословіе Палицына не выдерживаетъ критики и со стороны дневныхъ чиселъ, въ которыя Троицкая грамота могла

послужить первою причиною и исходнымъ началомъ къ собранію Нижегородскаго Ополченія.

Грамота посланная 6 Октября едвали могла придти въ Нижній, 390 верстъ отъ Москвы, раньше 11 числа, т. е. въ пять дней. Въ обыкновенное время царскія грамоты въ Нижній доходили по зимнему пути въ 8 дней, а осенью и весною въ двѣ недѣли и больше. Надо замѣтить, что основою Нижегородскаго Ополченія были Смольняне, проживавшіе въ то время понапрасну въ Арзамасѣ, куда ихъ изъ-подъ Москвы послали было казацкіе воеводы для размѣщенія въ дворцовыхъ волостяхъ на помѣстья, но Заруцкій при этомъ тайно впередъ написалъ, чтобы крестьяне отнюдь ихъ не пускали къ себѣ. Такъ и случилось. Даже и битвы были съ мужиками, но ничто непомогло. Смольняне остались, какъ на мѣли. Когда въ Нижнемъ устроилось доброе дѣло, былъ избранъ воевода и утвержденъ Земскій приговоръ о сборѣ ратныхъ, то эта вѣсть тотчасъ разнеслась по всѣмъ окрестнымъ городамъ, узнали объ этомъ и въ Арзамасѣ, и Смольняне, не мѣшкая, послали въ Нижній челобитчиковъ съ просьбою, чтобъ и ихъ приняли.

Челобитчики изъ Нижняго были отправлены къ самому воеводѣ, въ его вотчину за 120 верстъ отъ города. Тамъ Пожарскій и рѣшилъ принять и звать Смольнянъ, оттуда и послана была къ нимъ повѣстка, чтобъ шли въ Нижній. Они тронулись изъ Арзамаса о Дмитріевѣ днѣ, 26 Октября, и пришли въ Нижній въ одно время съ Пожарскимъ, вѣроятно не позднѣе 30 числа.

Такимъ образомъ со дня полученія въ Нижнемъ Троицкой грамоты, 11 Октября, и до присыла въ Арзамасъ за Смольнянами, 26 Октября, прошло всего двѣ недѣли. Въ эти 14 или 15 дней устроилось все. По полученіи грамоты происходили народныя совѣщанія по многи дни, говоритъ самъ Палицынъ и Лѣтописцы. Избранъ воевода, къ которому посылали для уговора многажды, а онъ жилъ, какъ упомянуто, за 120 верстъ отъ города. Избранъ Козьма въ распорядители хозяйскаго дѣла. Собранъ и утвержденъ Земскій приговоръ, конечно, послѣ долгихъ разсужденій. Приговоръ посланъ къ воеводѣ опять за 120 верстъ, при чемъ были отправлены къ нему и Смольняне челобитчики, а отъ него черезъ Нижній въ Арзамасъ (220 верстъ) дано знать, чтобы Смольняне шли въ Нижній. Если исключимъ время проѣзда взадъ и впередъ челобитчиковъ (440 верстъ пять или шесть дней), то окажется, что собственно нижегородскіе совѣщанія и переговоры съ воеводою, по многи дни, многажды — всѣ исполнились дней въ десять, что невѣроятно. На одинъ проѣздъ къ Пожарскому, взадъ и впередъ требовалось три дня, а къ нему присылали многажды, положимъ только три-четыре раза, выйдетъ 9, 12 дней, между которыми проходили дни совѣщаній, дни отвѣтовъ и новыхъ вопросовъ. Мы полагаемъ, что для устройства такого сложнаго и со всѣхъ сторонъ обдуманнаго дѣла едвали было достаточно и цѣлаго мѣсяца, а потому думаемъ, что Троицкая грамота была получена въ Нижнемъ уже въ самый разгаръ народнаго воодушевленія, а быть можетъ она и написана, хотя и по просьбѣ казацкихъ воеводъ, но главнымъ образомъ по слухамъ, что въ Нижнемъ и вообще на Низу люди собираются.

Другой Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ, въ своихъ писаніяхъ, хотя и пользуется Сказаніемъ Палицына и заимствуетъ оттуда многое, въ томъ числѣ говоритъ объ умиленіи городовъ отъ Троицкихъ грамотъ при собраніи Ляпуновскаго Ополченія, а потомъ при собраніи и Нижегородскаго Ополченія, но въ тоже время въ новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія описываетъ, что Нижній поднялся только по мысли и по слову Козьмы, а Козьма самъ былъ поднятъ чудеснымъ явленіемъ и благословеніемъ Св. Сергія, и началъ свое дѣло, какъ только

былъ выбранъ въ Земскіе Судьи, въ старосты. Такіе выборы бывали годовые и по обычаю происходили около новаго года, т. е. около 1 Сентября. Можно полагать, что въ такое время случился и выборъ Минина, а потому Нижегородскія совѣщанія о помощи государству могли начаться еще въ началѣ Сентября, особенно по поводу грамоты отъ патр. Ермогена о поученіи Московскихъ таборовъ.

Много было грамотъ писано и отъ Троицкаго монастыря, какъ свидѣтельствуютъ монастырскіе писатели, и производили эти грамоты должное впечатлѣніе и дѣйствіе, но не такое, о которомъ говоритъ старецъ Аврамій, указывающій при томъ на грамоты, какихъ и совсѣмъ не было писано. По словамъ Симона Азарьина, не Аврамій и писалъ грамоты, а писалъ (сочинялъ) ихъ ключарь Иванъ Насѣдка, который въ свою очередь указываетъ, что въ этомъ случаѣ особенно много работалъ нѣкто Алексѣй Тихоновъ и что въ грамотахъ болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ было безчисленно много. Объ Авраміи ни слова. О притязаніяхъ старца, Насѣдка, въ одномъ мѣстѣ, говоря, какъ арх. Діонисій устроилъ изъ монастыря обширнѣйшую больницу и страннопріимницу для всѣхъ приходящихъ, выражается, что все это устроилъ именно только Діонисій, а не келарь Аврамій Палицынъ, изъ чего явствуетъ, что знаменитый старецъ и здѣсь вплеталъ свою личность безъ всякаго зазрѣнія. [94])

Третья Троицкая грамота, писанная къ Пожарскому въ Ярославль вскорѣ послѣ 28 Марта, не позже первыхъ чиселъ Апрѣля, которую Пожарскій въ презрѣніе положи, также, по своему содержанію, принадлежитъ собственно къ грамотамъ казацкимъ. Казацкій воевода Трубецкой и просилъ написать эту грамоту. Но сверхъ того она писана, кромѣ монастырскихъ властей, еще и отъ имени бывшихъ измѣнниковъ Филаретовскаго посольства, отъ Вас. Сукина и отъ Андрея

Палицына. Они просятъ Нижегородцевъ, собраться въ одно мѣсто, когда тѣ, собравшись, уже стояли въ Ярославлѣ; просятъ очень поспѣшить помочь казацкимъ таборамъ, когда у этихъ таборовъ былъ уже свой новоизобретенный царь Сидорка; просятъ идти на-спѣхъ къ себѣ въ монастырь, откуда вкупѣ и предлагаютъ обвѣстить всю Землю о совѣтѣ и рѣшеніи на общее дѣло, когда такой совѣтъ и рѣшеніе уже были провозглашены изъ Ярославля.

Сукины и Палицыны желали, стало быть, присоединить и свои руки къ дѣлу, такъ успѣшно поднятому Нижнимъ. Именно успѣхъ этого дѣла повидимому и не давалъ имъ покоя. Какъ оно могло дѣлаться безъ ихъ участія, когда они и отъ короля Сигизмунда пріѣзжали въ Москву, чтобы неиначе какъ все Московское государство заставить цѣловать крестъ королю. Пожарскій положилъ въ презрѣніе голосъ этихъ людей; но онъ въ такихъ случаяхъ всегда дѣйствовалъ по совѣту со всѣмъ своимъ Ополченіемъ, которое, особенно Смольняне, хорошо было знакомо съ дѣяніями Сукиныхъ и Палицыныхъ. Нельзя вообще не замѣтить, что эти три Троицкія грамоты въ своемъ содержаніи раздваивались, первое—на слова отъ божественнаго писанія, которыя были истинны и умильны, и второе—на слова казацкаго писанія, которыя были сомнительны и подозрительны.

Пожарскій въ грамотѣ къ Строгановымъ отъ 7 Апрѣля, значитъ въ то самое время, какъ получилъ эту Троицкую грамоту, писалъ, что подъ Москвою еще крѣпко стоитъ присяга новоподдѣланному Вору Сидоркѣ. А Троицкіе власти увѣдомляютъ, и молятъ, и просятъ, по просьбѣ Трубецкаго, что съ 28 Марта тотъ Трубецкой тайно радѣетъ о соединеньи съ Нижегородцами, что присягалъ неволею, чтобъ Нижегородцы шли къ Москвѣ на-спѣхъ, т. е. Троицкіе власти умоляютъ идти, вмѣсто одного, на двухъ враговъ разомъ, и идти, спѣшить

въ то самое время, когда одни казаки стояли въ Угличѣ, а другіе изъ-подъ Москвы изъ самыхъ таборовъ подъ предводительствомъ Василья Толстова уже забрались въ тылъ Ярославля, въ Пошехонье, въ чемъ обнаруживалось явное намѣреніе разогнать изъ Ярославля Нижегородцевъ.

Вотъ для какой цѣли Нижегородцы призывались на-спѣхъ идти подъ Москву. Съ права и съ тылу, отъ Углича и Пошехонья, казаки провожали бы ихъ натискомъ къ Москвѣ, а изъ Москвы ихъ встрѣтили бы всѣ таборы со знаменемъ новаго Самозванца. Тогда охрабрились бы и другіе всѣ Васильи Толстые. Быть можетъ и Василій Сукинъ и Андрей Палицынъ вышли бы изъ монастыря помогать своимъ. Дѣло вообще было крайне сомнительное и крайне подозрительное. Пожарскій однако въ ловушку не пошелъ и положилъ сомнительную грамоту въ презрѣнье. Если, какъ постоянно увѣряетъ г. Кедровъ (104, 113, 125, 126 и др.), Троицкіе власти, то есть старецъ Аврамій, знали положеніе тогдашнихъ дѣлъ лучше, правдивѣе, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ кто либо другой, то въ этомъ именно обстоятельствѣ является еще больше подозрѣній и сомнѣній относительно содержанія грамоты. На половину монастырская, на половину казацкая грамота призывала Нижегородцевъ на прямую погибель. Таковы на самомъ дѣлѣ были окружающія обстоятельства въ первыхъ числахъ Апрѣля. Намъ кажется, что Сукины и Палицыны, составлявшіе эту грамоту, дѣйствовали по тому же направленію, какъ дѣйствовалъ, напр., Ив. Шереметевъ, то есть въ пользу сидѣвшихъ въ Кремлѣ бояръ, для которыхъ Нижегородцы въ Ярославлѣ являлись не малою помѣхою. Несомнѣнно, что Польская партія и до послѣднихъ дней употребляла, какъ и слѣдовало, всякія усилія, дабы поворотить дѣло въ свою сторону. А старецъ Аврамій съ Сукинымъ и другимъ Палицынымъ, хотя и не очень явственно, но по прежнему, какъ видится, оставались слугами этой партіи и непремѣнно ожидали, что вѣтеръ можетъ еще перемѣниться. Не даромъ же они набрали владомыхъ и тарханныхъ грамотъ и чинъ стряпчаго у короля Сигизмунда.

Вотъ гдѣ скрываются причины, почему старецъ Палицынъ не совсѣмъ былъ доволенъ Нижегородскимъ Ополченіемъ и старательно умалялъ его заслуги, по крайней мѣрѣ передъ собственными своими заслугами, которыя впрочемъ только ему одному и были извѣстны.

Въ своемъ Сказаніи, старецъ очень ярко выставляетъ себя, во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, въ роли всенароднаго поучителя, въ нѣкоторомъ смыслѣ въ роли патріарха, ибо таковымъ учителемъ и духовнымъ двигателемъ прежде являлся патріархъ Ермогенъ, о чемъ старецъ мало помнитъ. Особенно усердно и больше, чѣмъ другихъ, онъ поучаетъ Пожарскаго, то есть Нижегородское Ополченіе, очень трусливое, лѣнивое, предававшееся только насыщенію, сладкопитательнымъ трапезамъ. Потомъ поучаетъ казаковъ въ такомъ видѣ, что однимъ этимъ поученіемъ одерживаетъ какъ бы самолично побѣду надъ Ходкѣвичемъ.

Въ этомъ обстоятельствѣ, что казаки наконецъ опомнились, образумились и пошли на дѣло, хотя бы и за обѣщанную всю казну прп. Сергія, находится дѣйствительная заслуга Палицына, о чемъ говорятъ и лѣтописи. Но монастырскіе писатели присовокупляютъ сюда не совсѣмъ правильное толкованіе. Келарь Симонъ, ни слова не говоря о героическомъ поученіи Палицына, ставитъ однако въ особую заслугу Троицкимъ властямъ примиреніе двухъ Ополченій, казаковъ и земцевъ, и ихъ воеводъ. «Явственно же вси видихомъ, говоритъ онъ, какъ подъ Москвою межъ бояры и межъ дворянскимъ и казаческимъ войскомъ несогласіе бысть въ послѣдней гетманской приходъ Хоткѣвичевъ.... и въ то время архимарита Діонисія и келаря

Аврамія много болѣзнованія было, едва бояръ приведоша во смиреніе и дворянское войско съ казаческимъ въ согласіе, призывая ихъ къ себѣ изо обѣихъ полковъ и по вся дни многи сотницы кормяще и питіемъ всяко утѣшающе». И въ другомъ мѣстѣ: «Бысть между бояры Трубецкаго и Пожарскаго и у ихъ совѣтниковъ зависть и вражда велія, яко вмалѣ кровопролитію междоусобному не бысть». Въ приходъ Ходкѣвича: «Воинство обоихъ полковъ (ополченій) несогласно бысть, другъ другу не помогаху на бой съ погаными выходили особо каждый полкъ, казаки себѣ, а дворяне себѣ». Изъ этихъ рѣчей выясняется, что и Нижегородцы, какъ точные казаки, тоже играли въ Смуту, и что эту обоюдоострую Смуту привели въ смиреніе арх. Діонисій и келарь Аврамій, призвавъ на помощь и Минина, какъ прибавляетъ потомъ Симонъ. Въ дѣйствительности въ это время первыми и главнѣйшими виновниками всякихъ задоровъ отъ начала и до конца были одни казаки и примиреніе ополченій по существу дѣла заключалось лишь въ томъ, что поученіемъ Аврамія, или обѣщаніемъ всей Сергіевой казны, казаки унялись, пришли въ чувство и помогли Нижегородцамъ, то есть стали работать за одно съ ними. Что Нижегородцы не помогали будто бы казакамъ, это была казацкая коварная клевета, о которой и самъ Палицынъ, выражается какъ о лукавой мысли казаковъ, возникшей между ними по зависти дьявола (Сказ. 273). Напрасный навѣтъ на Нижегородцевъ въ писаніи келаря Симона явился самъ собою для цѣлей его похвальнаго слова, хотя болѣе правильная точка зрѣнія нисколько не уменьшила бы славы и похвалы для монастырскихъ дѣяній.

Совершивъ побѣду надъ Ходкѣвичемъ, Палицынъ ставитъ себя очень важнымъ дѣятелемъ и въ обстоятельствахъ избранія на царство Михаила Романова. Черезъ его руки прошли

всѣ надобные въ этомъ случаѣ голоса. Къ нему на подворье, въ Богоявленскій (Кремлевскій Троицкій) монастырь приходили всѣ съ своею мыслью о Михаилѣ и приносили писанія о его выборѣ, моля и прося, чтобы старецъ похлопоталъ о томъ у бояръ и воеводъ. Онъ, конечно, очень этому радовался, много восхвалялъ благую мысль приходившихъ; отъ радости плакалъ многими слезами, и тотчасъ представилъ выборъ всему Собору духовенства и боярства. Соборъ возблагодарилъ Бога о преславномъ начинаніи и на утро избралъ въ цари Михаила, написавъ также особое свое писаніе. Потомъ старецъ въ числѣ пословъ отъ Собора ходилъ на Лобное мѣсто къ вопрошенію всего воинства и всенароднаго множества о избраніи царскомъ. Дивно тогда сотворилось! Народъ (собранный именно только для избранія царя) не вѣдалъ для чего его собрали; но еще прежде вопрошенія, какъ изъ однихъ устъ онъ возопилъ: «Михаилъ Өедоровичъ да будетъ царь и Государь!» Такъ разсказываетъ Аврамій. Его сказанье почти дословно вошло потомъ въ «Книгу о избраніи на превысочайшій престолъ Царя Михаила Өеодоровича,» составленную въ 1672 г. извѣстнымъ Арт. Серг. Матвѣевымъ. Издатель этой Книги кн. Оболенскій въ предисловіи прямо и обозначаетъ, что «пружиною дѣйствій (по избранію именно Михаила) былъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей того времени—Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, главный руководитель и выразитель» всего дѣла. [96])

При повѣсти о выборѣ царя упомянемъ кстати достойныя памяти имена Нижегородцевъ, выборныхъ людей, пріѣзжавшихъ въ Москву для царскаго избранья. Это были: Спасскій протопопъ Сава, Предотечевской попъ Герасимъ, Мироносицкой попъ Марко, Никольской попъ Богданъ; посадскіе люди: Өедоръ Марковъ, Софронъ Васильевъ, Яковъ Шеинъ, Третьякъ Андреевъ, Екимъ Патокинъ, Богданъ Мурзинъ, Богданъ Кожев-

никъ, Третьякъ Ульяновъ, Мирославъ Степановъ, Алексѣй Маслухинъ, Иванъ Бабуринъ.

Всѣ они потомъ просили Земскую Соборную Думу, чтобы отпустили ихъ въ Кострому къ избранному Государю, видѣть его царскія очи. Но Дума отпустила только протоп. Саву да старосту Ѳедора Маркова. Другіе, сверхъ поименованныхъ: Григорій Измайловъ, дьякъ Вас. Сомовъ, таможенный голова Борисъ Понкратовъ, кабацкій голова Оникей Васильевъ посланы въ Нижній приводить всѣхъ Нижегородцевъ къ крестному цѣлованью. 97)

IX.

Безвѣстный герой Смутнаго Времени.

Бѣдственное время нашей Смуты въ началѣ XVII ст. выставило множество героевъ на всѣхъ путяхъ и по всѣмъ направленіямъ жизни. Подлѣ знаменитыхъ мужей—заводчиковъ крови, мужей вѣроломства и темныхъ интригъ, которые жадно отыскивали всякія корысти и почести,—блистаютъ люди чистаго сердца и высокихъ помысловъ, которые съ полнымъ самоотверженіемъ отдавали свою жизнь одному святому дѣлу спасенія и очищенія отечества отъ враговъ.

Славный Иванъ Сусанинъ, который представляется намъ какъ бы одиночнымъ явленіемъ, совершившимъ свой русскій подвигъ по особенной мысли только о спасеніи своего господина въ качествѣ избраннаго и излюбленнаго царя, въ сущности представляетъ рядовой типъ многихъ точно такихъ же дѣяній, пропавшихъ безъ вѣсти для лѣтописцевъ и для историковъ по той причинѣ, что подобные подвиги, какъ обычные и рядовые, лѣтописцы и не почитали за особенно важное событіе. Полякъ Маскѣвичъ, разсказывая объ опасностяхъ, какимъ иногда подвергался въ своихъ походахъ по подмосковнымъ мѣстамъ, описываетъ одинъ случай, въ точности изображающій и под-

вигъ Сусанина. Однажды, въ Мартѣ 1612 г., съ небольшимъ отрядомъ онъ пробирался на помощь своимъ въ Московскій Кремль. Гдѣ-то вблизи Волоколамска «въ деревнѣ Витенцѣ, говоритъ онъ, мы поймали стараго крестьянина и взяли его проводникомъ, чтобы не заблудиться и не набресть на Волокъ, гдѣ стоялъ сильный непріятель. Онъ велъ насъ въ одной милѣ отъ Волока; ночью же нарочно повернулъ къ сему мѣсту. Уже мы были отъ него въ одной только верстѣ: къ счастію попался намъ Руцкій, который въ то время, проводивъ Товарищей, вышедшихъ изъ столицы къ пану Гетману, возвращался подъ самыми стѣнами Волока на свои квартиры въ Рузу, гдѣ стоялъ съ казацкою ротою. Отъ него узнали мы, что сами идемъ въ руки непріятелю, и поспѣшили воротиться. Проводнику отсѣкли голову; но страха нашего никто не вознаградитъ» [98]).

Смутное время тѣмъ особенно и любопытно и достопамятно, что оно въ полной мѣрѣ раскрыло русскую жизнь со всѣхъ сторонъ. Оно вполнѣ раскрыло русскій общественный нравъ, русскую политическую мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружило до полной наготы всѣ русскіе пороки и добродѣтели, общественные и домашніе, все худое и хорошее, сколько того и другаго накопилось въ теченіи прожитыхъ вѣковъ. Однако подвигъ всенароднаго спасенія и очищенія земли отъ политическихъ и общественныхъ бѣдъ совершился не руками какой либо хитрой своекорыстной партіи, не подстановкою новаго замысла, но только помощію той общественной и нравственной чистоты народныхъ понятій, которая скрывалась глубоко въ самомъ же земствѣ и которая, послѣ многихъ, удачныхъ и неудачныхъ опытовъ, наконецъ восторжествовала, какъ природная ничѣмъ не побѣдимая сила самой жизни.

Отечество спасъ простой посадскій человѣкъ — Мининъ. И это не было случайностью. Напротивъ, здѣсь исторія раскрыла

только настоящее основаніе русской жизни, истинную ея середину. Въ лицѣ Минина народное множество нашло только достойнаго, истиннаго выразителя своихъ сокровенныхъ желаній и всегдашнихъ помышленій о томъ, какъ надо жить по правдѣ и дѣлать дѣло по правдѣ.

Выставивъ своего подвижника и дѣятеля праведной общественной жизни, народъ въ тоже время выставилъ и другаго героя, такого же полнаго и истиннаго выразителя народныхъ стремленій и помышленій въ иномъ кругу жизни. Подлѣ героя—общественнаго дѣятеля, героя—дѣлателя жизни, онъ выставилъ героя—созерцателя жизни, героя религіозной мысли и религіознаго чувства, который своими подвигами явно обозначилъ сокровенныя народныя думы о событіяхъ времени и о той тяжелой исторической долѣ, какую неповинный народъ долженъ былъ переживать ради безчисленныхъ смутъ и интригъ служилаго сословія.

Подвижникомъ въ этомъ кругу народныхъ понятій и представленій явился Ростовскій затворникъ прп. Иринархъ.

Старецъ Иринархъ, мірскимъ именемъ Илья, былъ сынъ крестьянина изъ Ростовскаго села Кондакова. Съ малыхъ лѣтъ Илья говаривалъ матери: «Какъ выросту большой, постригусь въ монахи, буду желѣза на себѣ носить, трудиться Богу». Однажды, вѣроятно на праздникахъ, у его отца обѣдалъ приходскій священникъ и за столомъ разсказывалъ житіе Макарія Калязинскаго. Отрокъ Илья слушалъ внимательно и потомъ сказалъ: «И я буду монахомъ такимъ же». Во время голода въ 1566 г., когда ему было 18 лѣтъ, онъ ушелъ изъ дома безъ вѣдома родителей въ Нижній Новгородъ, гдѣ, въ подгородномъ селеніи, у какого-то благочестиваго крестьянина, прожилъ три года. Между тѣмъ, отецъ померъ. Возвратившись домой и сдѣлавшись послѣ отца полнымъ хозяиномъ, Илья

переселился съ матерью въ Ростовскій посадъ. Тамъ они купили домъ и стали промышлять торговлею.

Торги шли очень успѣшно и выгодно, но барыши не могли побѣдить крѣпкой мысли будущаго подвижника. Онъ усердно ходилъ въ церковь и дѣлилъ свои прибытки нищимъ. Лучшее, что онъ пріобрѣлъ торговлею, была горячая дружба съ однимъ изъ торговыхъ же посадскихъ людей. Преподобный полюбилъ этого человѣка особенно за то, что онъ былъ грамотный, читалъ божественныя книги и охотно проводилъ съ другомъ время въ бесѣдахъ о св. писаніи. Того только и искалъ и желалъ торговецъ Илья. Неграмотный невѣжда и селянинъ, какъ называлъ себя, онъ отдался этимъ дружескимъ книжнымъ бесѣдамъ съ тою любовью, какая за рѣдкость встрѣчалась и у грамотныхъ.

Разсужденія и размышленія друзей отъ божественнаго писанія не замедлили окончательно укрѣпить завѣтную мысль Ильи,—что для спасенія души необходимо уйти подальше отъ суетнаго міра. И вотъ, въ нѣкоторое время, онъ беретъ свой родной поклонный крестъ, благословляется имъ и уходитъ съ нимъ въ монастырь къ Борису и Глѣбу на Устье помолиться, какъ онъ сказалъ матери, и остаться тамъ навсегда.

Нѣсколько лѣтъ онъ живетъ на послушаніи, переходитъ по разнымъ случаямъ въ другіе монастыри, но къ концу снова возвращается въ свой любимый монастырь Борисоглѣбскій. Теперь онъ еще усерднѣе молится и проситъ Господа, какъ спастись ему грѣшному и неразумному селянину. Во время одного такого моленія предъ образомъ Распятія, въ теплотѣ сердечныхъ слезъ, его осѣняетъ святое извѣщеніе и онъ опредѣляетъ себѣ жить навсегда въ своей кельѣ, въ затворѣ.

Чѣмъ же ознаменовалась затворническая жизнь преподобнаго старца, который вышелъ искать спасенія души изъ крестьянскихъ клѣтей, черезъ посадскій дворъ, вообще изъ простой, рабочей, черной и тяглой среды? Естественно, что мысли, понятія и созерцанія этой среды должны были дать затворничеству свой особый обликъ и свою думу о назначеніи новаго подвига.

Первымъ помысломъ новаго затворника было создать себѣ особый трудъ, дабы не праздно и не льготно сидѣть въ затворѣ. Онъ сковалъ желѣзное ужище, то есть цѣпь, длиною въ три сажени, обвился ею и прикрѣпилъ себя къ большому деревянному стулу (толстый отрубокъ дерева), который, вѣроятно, служилъ и мебелью для преподобнаго, и добровольною тяжелою ношею при переходѣ съ мѣста на мѣсто.

Очень замѣчательно, что это происходило въ 1586 году, въ тотъ самый годъ, когда въ боярской средѣ послѣдовала первая попытка закрѣпить за собою вольныхъ слугъ — холопей. Ужище затворника служило какъ бы прообразованіемъ крѣпостнаго ужища, наложеннаго государствомъ на вольныхъ людей.

Вскорѣ приходитъ навѣстить старца другой такой же подвижникъ и всегдашній его собесѣдникъ, ростовскій и московскій юродивый, Иванъ Блаженный, по прозванію Большой Колпакъ, и въ бесѣдѣ совѣтуетъ старцу сдѣлать себѣ сто крестовъ мѣдныхъ, чтобъ каждый былъ въ полугривенку вѣсомъ (четверть фунта).

Иванъ Блаженный самъ всегда носилъ множество крестовъ съ желѣзными веригами и со всякими другими трудами, покрываясь большимъ колпакомъ, простиравшимся до колѣнъ.

Старецъ Иринархъ съ радостію пожелалъ исполнить совѣтъ Блаженнаго, но затруднялся тѣмъ, что, по бѣдности, не зналъ, откуда можно достать столько мѣди. Блаженный успокоилъ его, говоря, что Богъ поможетъ, что сказанное имъ мимо не пройдетъ.

За тѣмъ Иванъ Блаженный сталъ иносказательно и пророчески говорить старцу: «Дастъ тебѣ Господь Богъ коня. Никто не сможетъ на томъ конѣ сѣсть, ни ѣздить, кромѣ одного тебя. Твоему коню очень будутъ дивиться даже и иноплеменные. Господь назначилъ тебѣ быть наставникомъ и учителемъ. И отъ пьянства весь міръ отводить... За это беззаконное пьянство наведетъ Господь на нашу землю иноплеменныхъ. Но и они тебя прославятъ паче вѣрныхъ». Надо замѣтить, что преп. Иринархъ съ первыхъ же лѣтъ всегда съ особою горячностью возставалъ своимъ учительнымъ словомъ противъ «хмѣльнова», за что и терпѣлъ отъ братіи ненависть, поношенія и даже преслѣдованія.

Чрезъ нѣсколько дней по уходѣ Ивана Блаженнаго, одинъ изъ друзей затворника, посадскій человѣкъ, принесъ ему совсѣмъ неожиданно большой мѣдный крестъ, изъ котораго при великой радости, скоро были слиты назначенные сто крестовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, другой посадскій пріятель, также неожиданно, принесъ затворнику желѣзную палицу—дубинку, около трехъ фунтовъ вѣсомъ. Это было оружіе противъ лѣности тѣла и противъ невидимыхъ бѣсовъ.

Вскорѣ и число крестовъ увеличилось до 142, когда одинъ изъ иноковъ, поревновавшій трудамъ Иринарха и тоже сковавшій себѣ вериги и кресты, удалился потомъ въ пустыню и тѣ кресты завѣщалъ преподобному.

Шесть лѣтъ старецъ Иринархъ трудился на трехъ саженяхъ ужища. Въ это время смутныя дѣла стали затягиваться сильнѣе. Въ Угличѣ погибъ царевичъ Димитрій. Въ правительствѣ ходила мысль о закрѣпощеніи всего крестьянскаго населенія. И вотъ преподобный и себѣ прибавилъ еще три сажени желѣзнаго ужища, которое получилъ, по замѣчательному совпаденію обстоятельствъ, отъ одного христолюбца изъ того же Углича.

Прошло еще шесть лѣтъ и въ 1598 году, когда уже явился прямой указъ о закрѣпощеніи крестьянъ, когда съ кончиною царя Θеодора пресѣкся на русскомъ престолѣ царскій Рюриковъ корень и внутреннія дѣла стали запутываться въ новыя ужища и цѣпи, у преподобнаго подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища, полученныя отъ нѣкоего брата также трудившагося въ желѣзѣ.

Такимъ образомъ, мало по малу, всего ужища стало девять сажень, въ которомъ Иринархъ трудился тринадцать лѣтъ, до 1611 года, то есть до самой трудной и по бѣдствіямъ государства самой безвыходной минуты тогдашнихъ смутныхъ отношеній. Въ это послѣднее время, въ томъ же Борисоглѣбскомъ монастырѣ, уже семь лѣтъ, то есть еще со времени появленія перваго самозванца, также трудился въ желѣзномъ ужищѣ иной старецъ, Тихонъ; но, убоявшись нашествія панов ъ (ляховъ), ушелъ изъ монастыря и свое ужище отдалъ Иринарху.

И стало ужища желѣзнаго всего двадцать сажень. Преподобный обвивался имъ еще пять лѣтъ, до дня своей кончины въ 1616 году, когда и волненія Смуты стали утихать окончательно: усмирены были казаки, взятъ Заруцкій съ Маринкою, успокоенъ сѣверъ миромъ со шведами и т. д.

Но старецъ Иринархъ проходилъ свой подвигъ не въ одномъ этомъ двадцати-саженномъ ужищѣ, которое съ такою изобразительностью обозначаетъ ходъ смутной исторіи. Послѣ старца осталось его «праведныхъ трудовъ», кромѣ ужища, кромѣ 142 крестовъ и желѣзной палицы, еще семеры вериги, плечные или нагрудные, путо шейное, путы ножныя, связни поясныя въ пудъ тяготы, восемнадцать оковцевъ мѣдныхъ и желѣзныхъ, для рукъ и перстовъ; камень въ 11 фунтовъ вѣсу, скрѣпленный желѣзными обручами и съ кольцомъ, тоже для рукъ; желѣзный обручъ для головы; кнутъ изъ желѣзной цѣпи для тѣла. Во всѣхъ сохранившихся и до-

селѣ праведныхъ трудахъ затворника находится вѣсу около 10 пудовъ *)

Болѣе тридцати лѣтъ онъ подвизался, обвитый этимъ желѣзомъ, отгоняя дреманіе очей, не давая покоя рукамъ въ непрестанной работѣ. Для братіи онъ вязалъ изъ волоса свитки (одежды) и клобуки. Послѣ него самого осталась сорочка изъ свинаго волоса. Онъ шилъ всякую одежду нищимъ, безпрестанно имъ помогалъ чѣмъ только былъ богатъ, обидимыхъ отъ сильныхъ отнималъ, защищалъ, освобождалъ. Однажды, еще въ началѣ подвига, въ лютый зимній морозъ, онъ побѣжалъ въ Ростовъ босой, желая избавить отъ истязаній правежа за долги одного благочестиваго жителя, отморозилъ себѣ ноги и страдалъ отъ этого три года.

Но все это были только домашнія, келейныя повседневныя дѣла. Старецъ, сидя даже и въ крѣпкомъ затворѣ, отнюдь не удалялъ своихъ мыслей и отъ общихъ дѣлъ государства. Онъ чутко стерегъ ходъ народныхъ событій, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія изъ нихъ, почти всѣ, проходили такъ сказать въ виду его затвора, по той же ярославской и ростовской дорогѣ, съ сѣвера на югъ въ Москву. По сѣверу, отъ Ярославля и Вологды до Вятки и Нижняго, жила тогда настоящая Русь, откуда только и возможно было ожидать помоги. Мимо старца, прославившагося своими подвигами-трудами, конечно ни пѣшій не прохаживалъ, ни конный не проѣзживалъ. Всѣ приходили къ нему благословиться на путь и на подвигъ и побесѣдовать объ общемъ горѣ, облегчить сердце и душу упованіемъ на Божій Промыслъ.

Весьма естественно, что старецъ очень хорошо могъ знать

*) И теперь богомольцы Борисоглѣбскаго монастыря, чествуя память преподобнаго и служа ему молебны, обыкновенно надѣваютъ на себя его вериги и другіе труды и стоятъ въ нихъ во время молебнаго пѣнія.

и понимать, какъ и какими нитями завязывались смутные узлы и какъ, какими событіями они будутъ развязываться.

Однажды, еще въ 1608 году, видитъ онъ въ тонкомъ снѣ потрясающую картину всеобщаго бѣдствія. Вотъ, царствующій городъ Москва посѣчена отъ Литвы, все царство поплѣнено, разграблено, пожжено. Проснувшись, сталъ онъ плакать и сокрушаться о видѣніи. Поплакавъ довольно, онъ успокоился. Тогда внезапно озарилъ его праведный свѣтъ и изъ свѣта послышался гласъ, повелѣвавшій немедленно идти въ Москву и разсказать царю Василью (Шуйскому), что все это непреложно сбудется.

Старецъ оставляетъ свой многолѣтній затворъ, поспѣшаетъ въ Москву; по обычаю сначала приходитъ въ Успенскій соборъ, оттуда его зовутъ во дворецъ. Представъ царю, старецъ благословляетъ его своимъ крестьянскимъ поклоннымъ крестомъ и возвѣщаетъ пророчество: «Я пришелъ разсказать тебѣ правду!.. А ты, царь, стой въ вѣрѣ твердо и непоколебимо», заключилъ затворникъ свою бесѣду съ государемъ.

Эта правда, конечно, состояла въ той народной мысли, что по ходу дѣлъ въ царствованіе Шуйскаго уже невозможно было отвратить грядущихъ для отечества бѣдствій; что бѣды собирались со всѣхъ сторонъ уже по той одной причинѣ, что царемъ былъ Шуйскій; и самое пророчество затворника являлось какъ бы обличеніемъ царю, не показавшему достойныхъ силъ и талантовъ въ борьбѣ съ смутными обстоятельствами. Однако народная мысль желала злополучному царю, чтобы стоялъ онъ въ своемъ злополучіи твердо и непоколебимо.

Когда смута разгорѣлась и пришли хозяйничать въ землѣ польскіе полки, то разные паны и воеводы, и въ томъ числѣ знаменитый Сапѣга, заходили не разъ въ келью Иринарха посмотрѣть и подивиться его праведнымъ трудамъ. Этотъ святой затворъ безъ сомнѣнія указывала имъ народная молва. Они

повсюду искали русскаго добра, золота и богатства: люди приводили ихъ къ затвору праведника. Здѣсь хранилось послѣднее русское сокровище.

Паны, между прочимъ, любопытствовали узнать, какъ старецъ вѣруетъ и допрашивали его за какого царя онъ молится, почему не молится за Дмитрія (Тушинскаго)? «Въ русской землѣ я родился и крестился, за русскаго царя и молюсь, за Василья (Шуйскаго)»,—безъ боязни отвѣтилъ старецъ—«другаго царя не знаю». Сапѣга примолвилъ: «Велика правда въ этомъ батькѣ—въ какой землѣ жить, тому и царю служить». «Воротись-ка и ты въ свою землю» говорилъ старецъ Сапѣгѣ—«полно тебѣ воевать на Россію, не выйдешь ты изъ нея живой». Сапѣга разстался съ батькою любезно, даже прислалъ ему въ милостыню пять рублей, воспретилъ своимъ полкамъ трогать монастырь и, по преданію, оставилъ въ немъ знамя (русское, XVI вѣка), которое сохраняется и теперь.

Полякамъ затворникъ всегда говорилъ одно, чтобы уходили по домамъ, и не воевали Русской земли, если хотятъ остаться живы. «А то всѣ вы будете побиты», твердилъ онъ каждому. Какъ извѣстно, пророчество его исполнилось и надъ Сапѣгой: домой въ живыхъ онъ не воротился. Видимо было, что въ это трудное время тѣсная келья затворника становилась для народа тою нравственною надежною опорою, которая помогала людямъ больше, чѣмъ оружіе.

По пророческому слову старца Иринарха князь Скопинъ-Шуйскій отбилъ Сапѣгу отъ Калязина. Затѣмъ, весь побѣдоносный походъ Скопина къ Москвѣ и его быстрыя пораженія польскихъ полковъ совершились все благословеніемъ и укрѣпленіемъ преподобнаго затворника, при чемъ онъ всегда посылалъ князю благословенную просфору и святыя слова: «Дерзай, не бойся, Богъ тебѣ поможетъ!» Но сильнѣйшая благодать, укрѣпившая воеводу, заключалась въ крестѣ затворника,

который онъ послалъ князю еще въ Переяславль. Съ этимъ крестомъ Скопинъ побѣдоносно пошелъ до самой Москвы, совсѣмъ тогда погибавшей.

Точно также старецъ Иринархъ укрѣпляетъ благословеніемъ и Нижегородское ополченіе и точно также на одоленіе враговъ вручаетъ свой крестъ Минину и Пожарскому, см. выше стр. 101.

Такимъ образомъ, этотъ мѣдный простой крестьянскій поклонный крестъ затворника возвышается своею благодатію именно надъ тѣми людьми и надъ тѣми событіями, гдѣ народъ чувствовалъ, что дѣло находится въ рукахъ истинной преданности отечеству, что полагается трудъ и подвигъ только за общее, земское дѣло.

Благословеніе и приснопамятный крестъ старца Иринарха возносятся до послѣдней минуты Смутнаго времени и окончательно побораютъ смуту уже при царѣ Михаилѣ.

Извѣстно, что съ избраніемъ на царство Михаила, хотя въ Москвѣ и водворилась тишина и всеобщая радость, однако далекіе города, особенно на богатомъ и зажиточномъ сѣверѣ, оставались еще долго подъ ужасомъ казацкой и именно только казацкой лютости, съ которою совладать было не совсѣмъ легко. Въ Августѣ 1614 года, изъ Поморскихъ городовъ воеводы и приказные люди стали писать къ государю, что «пришли туда воры-казаки во множествѣ и въ уѣздахъ по селамъ, по деревнямъ, и по дорогамъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, всякихъ торговыхъ людей и крестьянъ грабятъ и до смерти побиваютъ, пытаютъ, жгутъ и мучатъ разными муками изъ за денегъ и пожитковъ; села и деревни жгутъ; къ городамъ приступаютъ и къ Москвѣ ни съ чѣмъ не пропускаютъ; тѣсноту московскому государству учиняютъ великую».

По этимъ вѣстямъ, въ Москвѣ, 1 сентября, созванъ былъ соборъ, на которомъ положили однако дѣйствовать миролюбиво, больше всего увѣщаніемъ, ибо иначе дѣйствовать не было воз-

можности. Съ такою цѣлью къ казакамъ прежде всего были посланы духовныя власти; а за ними уже бояринъ князь Борисъ Лыковъ, который на случай отправился съ полками.

И вотъ благословеніе и поклонный крестъ затворника Иринарха снова являются крѣпкою помощью и въ этой бѣдѣ. Съ его благословеніемъ Лыковъ отправился въ походъ. Онъ гонялъ казаковъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ города къ городу, такъ что по необходимости они всѣ должны были потянуть къ Москвѣ—другаго выхода имъ не оставалось. Возвращаясь слѣдомъ за ними къ столицѣ, бояринъ самъ побывалъ у затворника, дабы испросить новое благословеніе и взялъ на помощь благодатный его крестъ. Подъ Москвою умными распоряженіями воеводъ казаки были стѣснены со всѣхъ сторонъ и послѣ многихъ переговоровъ сдались государю. «И Божіею милостію, и слезами и моленіемъ и благословеніемъ Иринарховымъ раззорился казачій злой совѣтъ и плѣненіе и грабежъ по дорогамъ прекратились. И отъ того времени бысть тишина».

Таковъ былъ подвигъ затворника Иринарха, воздержителя, крѣпкаго столпа, страдальца, наставника и учителя, какъ свидѣтельствуетъ его «Житіе».

Слезами, моленіемъ, благословеніемъ, онъ ратоборствовалъ противъ злыхъ совѣтовъ Смуты, противъ враговъ отечества. При всякомъ значительномъ случаѣ онъ отдавалъ воеводамъ свое единое и неодолимое оружіе, родной поклонный крестьянскій крестъ, съ которымъ русскіе полки всегда несомнѣнно достигали полнаго успѣха въ низложеніи смутной вражды.

Но добрый ратникъ больше всего боролся съ смутою собственнаго тѣла и помысла и вооружился противъ нихъ разнообразными желѣзными **трудами**, какъ бы подавая образецъ и примѣръ, какъ и чѣмъ прежде всего надо было бороться и съ политическою общественною смутою земли, съ тѣмъ общественнымъ растлѣніемъ, которое собственно и подготовило, и подняло всеобщую народную Смуту.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мыслилъ объ этомъ самъ народъ и усердно несъ свое сочувствіе и благословеніе всѣмъ подобнымъ подвигамъ, прославляя ихъ и дивясь имъ, какъ истинному богатырству первыхъ людей и первыхъ временъ.

Вообще, своимъ житіемъ и подвигами затворникъ Иринархъ вполнѣ запечатлѣлъ народную мысль о праведной жизни, какъ и народную думу о современной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти старцы—крѣпкіе столпы, обвивающіе себя желѣзомъ, эти плечныя вериги, ножныя путы, поясныя связни, эти многочисленные тяжелые кресты, всѣ эти изумительные **труды**, развѣ все это не столько же краснорѣчиво выражаетъ и изображаетъ истинный смыслъ эпохи, какъ и писаное слово грамотъ, сказаній и лѣтописей.

Житіе преп. Иринарха описано его ученикомъ, Александромъ, который, живя при немъ 30 лѣтъ, самъ былъ участникомъ въ сношеніяхъ затворника съ людскимъ міромъ и всегда исполнялъ важнѣйшія его порученія. Обыкновенно, старецъ посылалъ его къ воеводамъ и съ благословеніемъ, и взять обратно святой свой крестъ. Житіе написано просто, безъ особыхъ книжныхъ замысловъ, а потому отличается полною достовѣрностію. Историческія событія описаны такъ, какъ, вѣроятно, онѣ передавались въ разсказахъ современниковъ, то есть вѣрно въ основаніяхъ и съ нѣкоторыми разногласіями въ подробностяхъ. Мы пользовались собственными рукописями житія, изъ которыхъ одна писана въ 1725 г. Поновленное въ слогѣ и разсказѣ, оно было издано почтеннымъ архим. Амфилохіемъ, по спискамъ XVIII—XIX ст., съ приложеніемъ изображеній затворника и его праведныхъ трудовъ подъ заглавіемъ: «Жизнь преподобнаго Иринарха Затворника» и пр. М. 1863.

По свидѣтельству издателя, одинъ крестъ затворника, на-

ходившійся на его гробницѣ, былъ похищенъ въ 1830 году и неизвѣстно, тотъ ли это знаменитый крестъ, съ которымъ побѣждали враговъ Скопинъ-Шуйскій, Пожарскій, Лыковъ? Сохранившійся до настоящаго времени крестъ своимъ устройствомъ вполнѣ отвѣчаетъ ношенію его въ походахъ на груди поверхъ брони. Онъ съ оборотной стороны вверху и внизу имѣетъ особыя скважины для продѣванія въ нихъ тесьмы, чтобы потомъ надѣть святыню на грудь, на рамена, отчего такой крестъ назывался «параманный».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Грамота жалованная боярину и воеводѣ князю Димитрію Тимоѳеевичу на вотчину Вагу, данная отъ собравшихся подъ Москвою духовныхъ и свѣтскихъ властей въ генварѣ 1613 года.

Бжиею милостію великихъ Государствъ Россійского царствия Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены, и весь освященный соборъ, *) *и* Цари и Царевичи разныхъ земель, которое служатъ въ Московскомъ Государствѣ, и Бояре, и Околничие, и Столники, и Стряпчие, и дворяне, и приказные люді, и дворяне изъ городовъ, и дети Боярские, и всякие служилые, и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люді Московского Государства, приговорили Боярину и Воеводе Князю Дмитрею Тимоѳеевичу Трубетцкому дати в вотчину Вагу со всѣми волостми и з доходы потому же, какъ была Вага преже сего при великомъ Государе Царѣ и Великомъ князе Ѳедоре Івановиче всеа Русіи за Борисомъ Ѳедоровичемъ, а послѣ того при Государе Царе и Великомъ Князе Василье Івановиче всеа Русіи за Бояриномъ за Княземъ Дмитремъ Івановичемъ Шуйскимъ. За его Боярина Князя Дмитрея Тимоѳеевича къ Московскому Государству многие службы и за радѣнье, и

---

*) Слова напечатанныя *курсивомъ*, здѣсь и ниже, въ подлинникѣ прописаны золотомъ.

за промыслъ и за дородство, и за храбръство, и за правду, и за кровь, какъ в прошломъ в рѳі (1611) году по вражью дѣйству, и по своему злому умыслу Полской и Литовской Жигимонтъ Король, преступивъ свои многие крестные целованья, и поруша мирное постановенье, прислалъ под Москву Гетмана коруны Полскіе Станислава Желковского, злокозненымъ коварствомъ умысля, какъ бы ему Московское Государство под себя и под Полшу и под Литву привести; и Гетманъ Станислав, пришед под Москву, Московскихъ Бояр и всяких чинов людей прельстил да в запис о всемъ по Боярскому хотѣнью, как было (приписано вверху: Ко)ролевичю бытп на Московскомъ Государстве; и по той договорной записи ни которые статьи не здержали, все нарушил, и совѣтовав Московского Государства сызмѣнники, с Михайлом Салтыковым с товарыщи, вошли в Москву, и учали православным Христіяном тесноту чинити, Церкви Божіи православные Христіянские вѣры Греческого закона осквернять и разорять, и вѣрѣ поруганье чинить, я Римские Костелы, и вѣру Римскую заводить, и всякое насилство и тесноту и разоренье православным Христьяномъ чи(ни)ти, и царствующій градъ Москву по его велѣнью Полские, и Литовские люди выжгли и высѣкли, и церкви Божьи, въ которых из давных лѣтъ славилося имя Божіе и за весь миръ жертва к Богу приносилась, разорили, и чудотворные мощи обругали, и сами в Москвѣ сѣли. И Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимофѣевич, видя святымъ Божіимъ церквамъ разоренье, и святой православной вѣре поруганье, и такое многое невинное крестьянское кровопролитіе, хотя врагом Польским и Литовским людем их неправду и крестопреступленье и разоренье святыхъ Божіихъ церквиі, и попранье и поруганье православной Христіанской вѣре, и кроворозлитье невинные Христіянские крови мстити, и царствующій град Москву от нихъ врагов очистити, во всѣ городы к нам Бояром и Воеводам, которые были по умышленью Полских людеі и Московского Государства измѣнниковъ розосланы по городамъ с ратными людми, и на

Донъ, и на Яикъ, и на Волгу, к Атаманомъ и х Казакомъ писалъ, объявляючи Полских и Литовских людей неправду и от них разоренье святым Божьимъ церквам и царствующему граду, чтобъ мы всѣ с нимъ были единомышленно на ихъ вражье мщенье; и мы вiдя злокозненые умыслы Полского Жигимонта Короля, і от него Московскому Государству разоренье, и крестьянской крови безчисленное пролитье, и нашей істинной Крестьянской вѣре поруганіе, а по его Князя Дмитрея Тимоѳѣевича богоприятному і премудрому совѣту и разуму, видя его на их мщенье всѣмъ серцемъ подвижна, собрався к нему, і за его разум и премудрость, і за дородство, и за храбрость, и за правду, и за ревнителство по святых Божіихъ церквей и православноі крестьянской вѣре по великородству его, въ Московскомъ Государстве Правителем изобрали и пришед под Москву *по милости Всемогущаго в Троицы славимаго Бога нашего і Пречистые Богородицы и великих Чюдотворцовъ молитвами*, болшой каменной Царевъ городъ всѣ ворота і башни взятьемъ взяли. А послѣ того Новой Дѣвичь монастырь: і в томъ взятье многих Полскихъ, і Литовских, и Неметцких людеі побили, и живыхъ поимали. А х Китаю и х Кремлю многими приступы приступали, и многихъ Полскихъ, и Литовских, и Неметцких людеі в приступехъ и на выласках без числа побили. *А какъ по Божиі милости С*толник і Воевода Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, собрався с нами, с Цари і с Царевичи, і з Бояры, і Воеводы, и Столники, и Стряпчими, и з дворяны и з дѣтми Боярскими Верховных и Украинных Сѣверских і Поморских городов и с Казанскими Князьми і Мурзами, и со всякими служилыми людми, пришел к Боярину і Воеводе ко Князю Дмитрею Тимоѳѣевичю в сходъ подъ Москву; і положа меж себя они богосоюзной совѣт, бытп істинно по Христе і по истинной нашеі православной Хрестьянской вѣре Греческого закона крѣпкие поборники, многим своим доброопаснымъ осмотреннем и премудрымъ разумом Московское Государство очищали, с Полскими і с Литовскими людми, которые

сидѣли в Москвѣ, бились, и многою имъ тесноту і голодъ I чинили. А какъ по повелѣнию Жигимонта Короля Гетман Великого Княжства Литовского Карло Хоткѣев, собрався с Полскими і с Литовскими, и съ Неметцкими і с Венгры, і с Угры со многими людми, пришелъ подъ Москву, похвалясь, превысочайшею нечестивою гордостию располаяся, аки лев рыкая, хотя всѣхъ нас православных крестьян поглатити, а Московское Государство і нашу православную Христіанскую вѣру до конца разорити, і къ Московскимъ сидѣлцом в город запасы пропостити, и тѣмъ ихъ хотя окрепити, а Бояръ і Воевод и все Христоимянитое воинство от Москвы отгонить. *И милосердый в Троицы славимый Богъ нашъ, по умоленію Богоматери своей Пречистой Богородицы, нашеі Христіанские Надѣжи і Заступницы, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра, и Алексѣя, і Іоны, дали Б*оярину і Воеводе Князю Дмитрею Тимоѳеевичю Трубетцкому храбрость, и утверженье, и дерзосердіе против Гетмона: сам бился не щадя головы своея три дни да три нощи, і рать многую Московского Государства утвержали, и на бой подвизали безо всякого сумнения и страху. *И молитвами Пречистые Богородицы* и велиних Россійских Чудотворцов Господь *Богъ побѣду и одоленье* на Полских і Литовских людей подалъ, Гетмана Карлуса Хоткѣева побили, и запасов въ городъ не пропустили и от Москвы отогнали; і Полские и Литовские люди, которые сидѣли в Москвѣ, стали безнадежны; а после того своим крѣпким разумом и бодроопаснымъ осмотрениемъ, не дая себѣ николи покоя, со всякимъ многимъ трудомъ, і тщаніемъ, почали Московского Государства доступати и своимъ радѣньемъ, и промыслом, и счастьем, Московского Государства, и святыхъ мѣстъ церквей Божіих, которые в цѣлости ещо осталися, доступили, и Еласонского Архиепископа Арсенья, и священноиноческиі чин, и плѣнныхъ, и насилующих Бояръ, Князя Ѳедора Івановича Мстисловского с товарищи, і Околничих и Столников, і Стряпчих, и дворян, і всяких людей, которые у Полских, и у Литовских лю(дей) в нево(ле) си-

дѣли в Москвѣ, и іхъ жонъ и детей и всѣхъ православных Крестьянъ от плѣн свободили і разорителей Московского Государства, и на православную Христіанскую вѣру гонителеі, Полскихъ і Литовских людей, в Китае городе во взятье побили, а достолныхъ Полковников, і ротмистров, и шляхтичев, и гайдуков, и Нѣмец, многихъ же людей в Кремле городе взяли за щитам, и Московское Государство, і святые Божіи церкви, которые от Полскихъ і от Литовских людей были осквернены, очистили. И послѣ того пришол был в Московское Государство Полской Жигимонтъ Король со многими людми, похвалясь великое Росіское Государство под себя, и под Полшу, і подъ Литву подвратити, і нашу истинную православную Христіанскую вѣру до конца разорити, а свою злую Католицкую ересь во всемъ Московском Государстве утвердить; и какъ учинилось ету вѣдомо, что промысломъ і радѣніем и храбростью Боярина і Воеводы Князя Димитрея Тимоѳеевича Трубетцкого, да Столника і Воеводы Князя Димитрея Михайловича Пожарского, царствующиі градъ Москва у Полских и у Литовских людей взятъ, і Полские и Литовские люді поиманы, а многие безчисленно побиты, месть надъ ними Богъ по их злым дѣлам воздал, и Король побежал отъ Волока с великимъ страхованьемъ в Полшу, и на побѣге у него многих людей Полскихъ і Литовских побили. И за тѣ Боярина и Воеводы Князя Дмитрея Тимоѳеевича многие службы и промыслы, и за правду и раденье к Московскому Государству, і за дородство, і за храбрость, та его вотчина Вага ему Боярину Князю Дмитрею Тимоѳеевичу въ вотчину ему, и его жене, и дѣтем, і внучатам, і правнучатам, и въ родъ его в вѣки неподвижно; и волно ему та своя вотчина продать і заложить и по душе в Монастырь отдать, и роду своему и племяни кому похочет дати. А какъ Богъ дастъ на Московское Государство Государя Царя и Великого Князя всеа Русіи и намъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ и Епископомъ, и Архимаритомъ, и Игуменомъ, и всему освященному Собору, і Царемъ і Царевичемъ, и Княземъ і Мурзамъ,

которые служатъ Московскому Государству, и Бояромъ, и Воеводамъ, і Околничимъ, и Чашникомъ і Столникомъ, и дворяномъ болшимъ, і стряпчимъ и дворяномъ из городовъ, и дѣтемъ Боярскимъ, и всяких чинов людям, Государю Царю и Великому Князю бити челомъ, чтоб Государь пожаловалъ велѣл Боярину и Воеводе Князю Дмитрею Тимоѳѣевичю на тое его вотчину дати свою царскую грамоту, противъ сеѣж грамоты, за красною печатью. А на болшое утверженіе дали есмя сеѣ грамоту Боярину Князю Дмитрею Тимоѳѣевичу в Соборной и Апостольской церкве *Пречистые Богородицы честного и славного ея Успения у Чюдотворного Ея образа Владимерского, еже написа божественный Евангелистъ Лука, и у многоцелебныхъ Чудотворныхъ мощей Московскихъ Чудотворецъ Петра и Іоны.* И руки свои есмя къ той грамоте приписали, и печать земскую привѣсили, что быти крѣпко і стоятелно, и непремѣнно на веки. (Другими чернилами написано:) Дана сія грамота въ царствующем граде Москвѣ лѣта от созданія миру зрка (7121) Генваря мѣсяца. Дьякъ Петръ Третьяковъ.

(На оборотѣ слѣдуютъ подписи:)

Смиренный Кирил Митрополитъ Ростовской и Ярославской.

Троицы Сергиева Монастыря Архимаритъ Денисей.

Смиренный Феодоритъ Архіепископъ Резаньскій и Муромскій.

Смиренный Арсеній Божіею милостію Архіепископъ Архангельскиъ.

Князь Дмитрей Пожарской.

Василей Бутурлинъ во кня Дмитреево места Мостpуковичя Черькасскаво и вь свое мѣста руку приложил.

Князь Петръ Пронскай руку приложилъ.

Кнезь Олексѣй Лвовъ и во князь Юрьево мѣсто Авшеичя (Сулешева) руку приложилъ.

Михайло Бутурлинъ руку приложил.

Кнезь Ѳедоръ Борятинской руку приложилъ.

Михайла Пушкинъ руку приложилъ.

Кнезь Иванъ Ондреевич Голицын.

Иванъ Биркинъ руку приложилъ.

Чудова Монастыря Архимаритъ Аврамей руку приложилъ.

Спаса Новаго Архимаритъ Іосифъ.

Симонова Монастыря Архимаритъ Павелъ.

Андроникова Манастыря Архимаритъ Сергей.

Троицы Сергеева Манастыря келар Аврамій.

Спасской із Ярославля Архимаритъ Феофилъ.

Колязина Монастыря Игуменъ Феодосей.

Борисоглѣбского Монастыря из Торжку Архимаритъ Іона.

Богоявленья Господня съ Коломны Голутвина Манастыря Игуменъ Аврамей.

Чудова Монастыря Келарь Мисайло руку приложилъ.

Игнатій Михневъ руку приложилъ.

Из Ярославля Спаской Келарь Перьфирей.

Впервые грамота была напечатана Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, изд. 1-е, часть VIII, стр. 376—388; изд. 2-е часть XV, стр. 201—211.

Для настоящаго изданія текстъ вновь провѣренъ съ подлинникомъ. Подлинникъ хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ. Первый издатель предложилъ слѣдующее описаніе подлинника: „Подлинная грамата писана стариннымъ чистымъ почеркомъ на большомъ паргаминовомъ листѣ, а по краямъ украшена золотыми травами. Къ сей граматѣ привѣшены четыре восковые печати на снурахъ, изъ коихъ на трехъ никакого изображенія нѣтъ, на четвертой же означенъ нагой человѣкъ, держащій въ правой рукѣ обнаженный мечь, а въ лѣвой вѣсы. Съ правыя и лѣвыя стороны сего человѣка есть означеніи, но ихъ разобрать невозможно. Вкругъ всей печати Греческая надпись, которую также разобрать невозможно. Подлинная грамата хранится у его сіятельства Князя Петра Никитича Трубецкаго“.

Для полноты описанія присовокупляемъ, что грамота писа-

на на пергаменномъ листѣ шириною $12^1/_2$ вершковъ, длиною $15^5/_8$ вершк. Вверху травная заставка прописана золотомъ. По сторонамъ столбцы изъ травъ писаны также золотомъ. Слова такъ называемаго *богословія*: *Божіею милостію* и пр. писаны *вязью*, буквами почти-что въ 2 вершка величины. Описанныхъ печатей нынѣ не сохранилось. Судя по почерку текста, грамоту на-бѣло переписывалъ скрѣпившій ее своею подписью дьякъ Петръ Третьяковъ.

II.

Въ Переславль Резанской Воеводѣ Господину Ивану Матвѣевичю Бутурлину (приписано вверху: да Степану Михайловичу Ушакову) да дьяку Якову Демидову Московского Государства бояре Дмитрей Трубецкой, Иванъ Заруцкой челомъ бьютъ. Писали есмя Господине къ вамъ напередъ сево многижда, чтобъ вамъ о Московскомъ Государствѣ и о земскихъ дѣлѣхъ и о ратныхъ людехъ, которые стоятъ съ нами подъ Москвою, порадѣти, денежные всякіе доходы съ Переславля съ посаду и съ уѣзду и съ пригородовъ и кабацкіе доходы служивымъ людемъ на жалованье и шубы на одежу собрати, и о запросныхъ денгахъ въ Переславлѣ гостемъ и посадскимъ людемъ говорити, чтобъ онѣ ратнымъ людемъ на жалованье денегъ дали, что кому мочно, да тѣ зборные и запросные денги и шубы велѣно прислати къ намъ къ Москвѣ вскорѣ часа того; да и зборщикъ Господине для того шубново сбору къ вамъ посланъ, а велѣно его съ шубами выслати къ Москвѣ вскорѣжъ часа того. И вы Господине дѣлаете не гораздо, что о земскомъ и о ратномъ дѣлѣ и о служивыхъ людехъ не радѣете, и нашихъ грамотъ не слушаете, денежныхъ никакихъ доходовъ и шубъ, что собрано, къ Москвѣ не пришлете; а служивые люди о жалованье бьютъ

намъ челомъ безпрестанно, а намъ дати нечево; и они отъ Москвы безъ жалованья хотятъ идти прочь. И вамъ бы Господине одиолично по прежнимъ и по сей нашимъ грамотамъ о Московскомъ Государствѣ порадѣти, съ Переславля съ посаду и со всего Переславльского уѣзду и съ пригородовъ со всѣхъ сохъ съ патреаршихъ и съ митрополичьихъ и со владычнихъ и съ боярскихъ и съ монастырскихъ сохъ, и съ дворянъ и дѣтей боярскихъ съ вотчинъ и помѣстей со всѣхъ сохъ, и съ черныхъ волостей, на прошлой 118 годъ и на 119 годъ недоборные деньги, а на нынѣшней на 120 годъ окладные и неокладные четвертные всякіе денежные доходы и кабацкіе денги по окладу собрали всѣ сполна безъ не добору тотъ часъ; да тѣ деньги, что съ кого сберете, велѣли писати въ книги подлинно порознь, для счету; да тѣ денги и книги тѣмъ денгамъ, съ цѣловалники прислали къ намъ къ Москвѣ вскорѣ, часа того, и послали за тѣми денгами провожатыхъ, чтобъ имъ тѣ денги до Москвы довезти здорово и безстрашно, а дати ихъ ратнымъ всякимъ людемъ на жалованье, чтобъ онѣ отъ Москвы съ голоду и стужи не разошлися. А которые люди учнутъ ослушатись, четвертныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ не учнутъ давати и выбъ на тѣхъ ослушникѣхъ всякіе четвертные денежные доходы по книгамъ и по счету велѣли доправити нещадно, чтобъ имъ впередъ ослушатись было неповадно. А что въ Переславлѣ на посадѣ и въ уѣздѣ и въ пригородѣхъ по нашему наказу велѣно зборщику Григорью Пороватово собрати шубы бораньи казакомъ я стрѣльцомъ на одежу для подмосковные земскіе службы, и онъ тѣхъ шубъ и по ся мѣста не собралъ и къ Москвѣ не прислалъ, и выбъ того зборщика за непослушанье, что онъ по ся мѣста шубъ не собралъ и къ Москвѣ не привезъ, били кнутомъ, а тѣ шубы, что у него собраны, прислали къ Москвѣ съ разсыльщики и съ цѣловальники и съ провожатыми вскорѣ, часа того; а достальные шубы на сборщикѣ и на ослушникѣхъ доправити нещадно, а доправя денги и шубы прислали къ Москвѣ вскорѣжъ часа того, чтобъ

однолично денежному и шубному збору ни зачѣмъ мотчанья и земскому и ратному дѣлу порухи не было, однолично никоторыми дѣлы. А что къ вамъ и къ гостемъ и къ посадскимъ ко всякимъ людемъ посланы наши многіежъ грамоты о запросныхъ денгахъ, имъ говорити, чтобъ онѣ всякимъ ратнымъ людемъ для подмосковные земскіе службы денегъ дали, сколко кому мочно, чтобъ ратные люди безъ жалованья отъ Москвы не разошлися, и вы къ намъ о тѣхъ денгахъ не писывали, что гости и всякіе посадскіе люди вамъ про тѣ денги сказали, и выбъ однолично о тѣхъ имъ о запросныхъ денгахъ говорили по прежней нашей грамотѣ, да что онѣ скажутъ и выбъ о томъ къ намъ вскорѣ жъ отписали; а хто что тѣхъ запросныхъ денегъ ратнымъ людемъ дастъ, и выбъ тѣ денги и иные всякіе денежные доходы и шубы прислали къ намъ къ Москвѣ вскорѣ жъ, часа того, однолично безовсякаго мотчанья, чтобъ ни зачѣмъ земскому и ратному дѣлу мотчанья и порухи не было; а какъ тѣмъ кабацкимъ и таможеннымъ денгамъ и инымъ какимъ откупнымъ пошлинамъ срокъ былъ и выбъ у головъ и у цѣловальниковъ и у откупщиковъ и у посацкихъ людей смотрили грамотъ за дьячьими приписми и за печатми да о томъ къ намъ отписали имянно, чтобъ про то было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7120 года Ноября въ день.

(Точно такая же грамота писана 20 Ноября того же года въ Володимеръ окольничему и воеводамъ Артемью Васильевичу Измайлову съ товарищи, гдѣ сборщиками шубъ обозначены Семенъ Жеребятичевъ да Шереметь Кубасовъ. Послѣдній собралъ только 70 шубъ и тѣхъ къ Москвѣ не прислалъ, за что по грамотѣ обоихъ велѣно бить кнутомъ. Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Печатнаго Приказа №. 2, л. 34 и слѣд.).

III.

Лѣта 7120 Ноября въ 25 день Московского Государства бояря князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Зарутцкой велѣли Мокѣю Ивановичю Злобину ѣхати въ Переславль Залѣской и въ Аргуновскую и въ Круглую волость да въ Ярославль да на Кострому и въ Костромскіе пригороды: на Нерехту, въ Великую и въ Малую Соль, въ Кадыевъ, и въ Буй-городъ, въ Судиславль, въ Любимъ, для того: По боярскому и всей земли приговору посланы въ тѣ городы къ бояромъ и къ воеводамъ и къ дьякомъ о денежномъ и о сошномъ зборѣ и о запросныхъ денгахъ и о шубахъ многіе грамоты въ Переславль Залѣской ко князю Василью Борятинскому да къ дьяку къ Ивану Булыгину, а въ Ярославль къ воеводѣ къ Никитѣ Михайловичю Пушкину да къ дьяку къ Ивану Болотникову, и на Кострому и въ Костромскіе пригороды къ стольнику и къ воеводѣ къ Ивану Петровичю Шереметеву да къ дьяку къ Марку Поздѣеву, а велѣно имъ въ тѣхъ городѣхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ всякіе денежные четвертные доходы по книгамъ и кабатцкіе (зач: и запросные) денги служивымъ людемъ на жалованье и шубы на одежу собрати и о запросныхъ денгахъ гостемъ и посадцкимъ людемъ говорити, чтобъ онѣ ратнымъ людемъ денегъ дали, что кому мочно, да и зборщики къ нимъ въ тѣ городы для тово шубновожъ збору посланы, въ Переславль Залѣской и въ Аргуновскую и въ Круглую волость Иванъ Осѣевъ, а въ Ярославль Григорей Мартемьяновъ да Неустрой Савастьянъ Зародской, а на Кострому Иванъ Варгановской да Агѣй Өедоровъ; а велѣно бояромъ и воеводамъ и дьякомъ и сборщикомъ съ тѣхъ же городовъ собрать съ сохи по двадцати по семи шубъ бараньихъ; а съ черныхъ волостей собрать съ трехъ вытей по шубѣ; а собравъ шубы и денежные сошные всякіе доходы и кабатцкіе и запросные денги ве-

лѣно имъ прислати къ Москвѣ съ дѣтми боярскими и съ зборщики и съ цѣловальники вскорѣ, часа того. И онѣ о Московскомъ Государствѣ и о земскомъ и о ратномъ дѣлѣ и о служивыхъ людехъ не радѣютъ и отъ бояръ и воеводъ грамотъ не слушаютъ, денежныхъ никакихъ доходовъ и запросныхъ денегъ и шубъ къ Москвѣ не присылаютъ; а зборщики заворовали, шубъ не собралижъ и къ Москвѣ и по ся мѣста не приваживали; а дворяня и дѣти боярскіе и Казаки и Черкасы и стрѣльцы и всякіе служивые люди, будучи на земской службѣ подъ Москвою, бояромъ бьютъ челомъ о жалованьѣ безпрестанно, а дати имъ нечево, и онѣ безъ жалованья и съ стужи отъ Москвы хотятъ итти прочъ. И Мокѣю пріѣхавъ въ Переславль Залѣской и въ Ярославль и на Кострому и въ Костромскіе пригороды, на Нерехту, въ Великую и въ Малую Соль, въ Кодыевъ, въ Буй-городъ, въ Судиславль, въ Любимъ тотъ часъ у бояръ и воеводъ и у дьяковъ взять сошные всякіе четвертные доходы и кабацкіе и запросные денги и шубы, что у нихъ и у зборщиковъ въ зборѣ есть, да тѣ денги и шубы съ дѣтьми боярскими и съ разсыльщики и съ целовальники и съ провожатыми прислати къ Москвѣ, часу не мѣшкавъ, и велѣти имъ дорогою ѣхати на спѣхъ днемъ и ночью безо всякого мотчанья; да о томъ съ ними имянно къ бояромъ писати, что какихъ денегъ и шубъ съ ними къ Москвѣ пошлетъ; а достальные сошные четвертные и кабатцкіе денги и шубы, въ тѣхъ городѣхъ съ бояры и воеводы и съ дьяки и сборщики на ослушникехъ доправити (слѣдуетъ черновое другой грамоты) съ посадовъ и съ уѣздовъ со всѣхъ сохъ съ патріаршихъ и съ митрополичьихъ и со владычнихъ и съ боярскихъ и съ монастырскихъ сохъ и съ дворянъ и съ дѣтей боярскихъ съ вотчинъ и съ помѣстей и съ черныхъ волостей на прошлой на 118 и на 119 годъ недоборные денги, а на нынѣшней на 120 годъ окладные и неокладные четвертные всякіе денежные доходы и кабатцкіе денги и шубы по окладу и по книгамъ, что съ ково не взято, всѣ сполна безъ недобору тотчасъ; да тѣ деньги и шубы, что на комъ и доправить, велѣти писати въ книги подлинно порознь для спору и счету, да тѣ денги и шубы и книги съ розсылщики и целовалники прислати къ Москвѣ вскорѣжъ часа того и послати за тѣми денгами и за шубами провожатыхъ, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ тѣ деньги и шубы до Москвы довести здорово и безстрашно, а дати ихъ ратнымъ всякимъ людемъ на жалованье, а шубы на одежу, чтобъ ратные люди отъ Москвы съ голоду и стужи не розошлися; а которые люди учнутъ ослушатись, четвертныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ и шубъ не учнутъ давати и Мокѣю на тѣхъ ослушникѣхъ всякіе четвертные денежные доходы и шубы по книгамъ и по счету доправити нещадно, а на ночь метати ихъ въ тюрму, чтобъ имъ впередъ ослушатись было не повадно; а что въ тѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ по наказомъ и по сошнымъ же книгамъ велѣно сборщикомъ собрати шубы бараньи казакомъ и стрѣльцомъ на одежу для подмосковные земскіе службы и онѣ тѣхъ шубъ и по ся мѣста не собрали и къ Москвѣ не привезли. . . . . и тѣхъ зборщиковъ за непослушанье, и за нера(дѣнье) что онѣ тѣхъ шубъ и по ся мѣста не собрали и къ Москвѣ не привезли, бити кнутомъ нещадно и тѣ шубы на нихъ на зборщикѣхъ и на ослушникехъ на сошныхъ людехъ доправити нещадно; а доправя шубы и сошные деньги всю сполна со зборщики привести къ Москвѣ вскорѣ, часа того, чтобъ одноличнo денежному и шубному збору ни за чемъ мотчанья и земскому и ратному дѣлу порухи не было, одноличнo ни которыми дѣлы. А что въ тѣ городы къ бояромъ и къ воеводамъ и къ дьякомъ и къ гостемъ и къ посадцкимъ ко всякимъ людемъ посланы многіежъ грамоты въ запросныхъ денгахъ, велѣно имъ гостемъ и посатцкимъ людемъ говорити, чтобъ онѣ всякимъ ратнымъ людемъ для подмосковные земскіе службы денегъ дали, сколько кому мочно, чтобъ ратные люди безъ жалованья отъ Москвы не разошлися,—и бояре и воеводы и дьяки о тѣхъ деньгахъ не писывали жъ, что гости и всякіе посадцкіе люди имъ про тѣ запросные денги сказали, и

Мокѣю одноличио о тѣхъ о запросныхъ денгахъ гостемъ и всякимъ посадцкимъ людемъ говорити противъ ихъ воеводскихъ грамотъ, каковы къ нимъ посланы, да что онѣ скажутъ и о томъ къ Москвѣ вскорѣжъ отписати; а хто что тѣхъ запросныхъ денегъ ратнымъ людемъ дастъ и Мокѣю тѣ денги и иные всякіе денежные доходы и шубы привести къ Москвѣ вскорѣжъ часа того, одноличио безо всякого мотчанья, чтобъ ни за чемъ земскому и ратному дѣлу мотчанья и порухи не быложъ. А не зберетъ Мокѣй въ тѣхъ городѣхъ сошныхъ сборныхъ четвертныхъ и кабатцкихъ денегъ и шубъ всѣхъ сполна вскорѣ, часа того, и къ Москвѣ ихъ не пришлетъ на передъ, часа того, и съ достальными денгами и съ шубами зборщики къ Москвѣ не пріѣдутъ тотчасъ, и Мокѣю отъ бояръ и ото всей земли быти въ наказанье. Да память Мокѣюжъ: пріѣхавъ въ тѣ во всѣ городы взяти у посадцкихъ людей и у кабатцкихъ откупщиковъ и у вѣрныхъ цѣловалниковъ откупнымъ кабакомъ и банямъ и таможеннымъ денгамъ и всякимъ доходомъ, за кѣмъ въ откупу или на вѣрѣ или въ которомъ годѣ кабаки отданы на землю посадцкимъ людемъ, и тѣмъ откупнымъ всякимъ денгамъ взяти у нихъ грамоты за дьячьими приписьми и за печатми; а что съ которово кабака и съ бани и съ иныхъ доходовъ откупныхъ денегъ и какой которымъ денгамъ срокъ минулъ и съ тѣхъ грамотъ списати противни и велѣти тѣмъ людемъ руки приложити да тѣ противни привести къ Москвѣ и отдати въ Ярославской Чети дьяку Григорью Витофтову для кабатцкого денежного сыску и для сроковъ и кто чѣмъ владѣетъ.

(Черновой отпускъ съ помарками. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Печатнаго Приказа №. 2, л. 30 и слѣд.).

IV.

Лѣта 7120-го Декабря въ 12 день по боярскому указу велѣно арзамасцу Василію Мотовилову пріѣхавъ въ Арзамасъ, а велѣно ему, пріѣхавъ въ Арзамасъ по боярскому указу и по наказу збирати съ Арзамаса съ посаду съ Арзамасково уѣзда съ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстей и съ татарскихъ и съ мордовскихъ деревень збирати на ратныхъ людей шубы на одѣжу съ сохи по двадцати по семи шубъ, а съ дворцовыхъ селъ и съ черныхъ волостей съ трехъ вытей по шубѣ. И съ которыхъ помѣстей Василій Мотовиловъ взялъ шубы на одежу атаманомъ и казакомъ и тѣ шубы написаны въ книгахъ.

Взято съ Микифоровского помѣстья Зиновьева съ пол-полчети сохи взято сполна.

Взято съ Ивановсково помѣстья Куроѣдово по отписи съ пол-пол-полтретьи сохи шубы сполна.

Взято съ Неустроево помѣстья Арбузова съ пяти четьи.

Взято съ Федорова помѣстья Полченинова съ братьею съ 5 чети взято.

Взято съ Русинова помѣстья Бронсково съ пол-пол-пол-чети сохи.

Взято съ Неупокоево помѣстья Скрябина 8 чети шубы взяты.

Взято съ Безсоново помѣстья Кулюпанова 6 чети шубы взяты. (Далѣе съ такими же отмѣтками слѣдуетъ роспись того же взятья).

(Архивъ Мин. Юстиціи, по Арзамасу книга Отказная 2-я, № 17).

V.

Царю Государю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всея Руссіи бьютъ челомъ сироты твои Николы Чюдотворца Зараскова пасатцкія людишка и черныя слободы крестьянишка Якушко Кириловъ съ таварищи. Въ нынѣшнемъ въ 120 году выбрали государь насъ посатцкія люди и черные слободы крестьяне къ Земскому дѣлу въ Зараскомъ городѣ на кабакъ въ целовалники девети человѣкъ на вѣру збирати кабацкія прибыли Сентября съ перваго числа. И тово жъ государь месеца Сентября въ 19 день приходили на кабакъ Петровы люди Кошелева Гаврила Дѣвочкинъ да Василій Ильинъ съ товарищи и взяли государь анѣ насильствомъ съ кабака Земского питья на Петра Кашелева шеснатцеть ведръ меду кислова да пива дватцеть семь ведръ; да на племянника его на Родіона на Кашелева взяли ведро вина да полтретья ведра меду безденежна. И мы государь а томъ били челомъ воеводѣ Семену Яковлевичю Беклемишеву да Ѳедору Ивановичу Ѳомину, что емлютъ съ кабака земское питье Петровы люди насильствомъ безденежна. И воевода Семенъ Яковлевичъ Беклемишевъ да Ѳедоръ Ѳоминъ намъ сказали: намъ де кабакъ не приказанъ и отъ Петра де намъ Кошелева васъ не оборонить, бейте де на него челомъ баяромъ; и указу государь намъ ни коково не учинили. А продовали государь въ тѣ поры на кабакѣ земское питье меду ведро по десети олтынъ, а пиво ведро по полуполтинѣ, а вина ведро по полутора рубли. А были государь у земского дѣла мы на кабакѣ всего десеть недѣль да чатыре дни съ Семеня дни па Филипава заговенья; и съ тѣхъ государь мѣстъ по баярскому указу съ Филипова заговенья тотъ кабакъ отдонъ въ откупъ откупщикомъ, а книги государь у насъ кабатцкія и денги прибыль кабатцкую, что мы собрали въ десеть недѣль и въ чатыре дни, взяли у насъ воевода Василей Петровичъ

Чевкинъ да діякъ Василей Бормосовъ. И нынѣча государь за то питье за медъ и за пиво и за вино, что имали съ кабака насильствомъ, на Петра Кашелева и на племянника ево Родивона, Петровы люди Гаврила Дѣвочкинъ да Василей Ильинъ съ таварищи, правитъ діякъ Василей Бормосовъ денегъ на насъ, почему въ тѣ поры медъ и пиво и вино продавано, а намъ государь бѣднымъ взяти не гдѣ и мучимъ государь въ томъ животъ свой на провежѣ не подѣлно. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ бѣдныхъ, не вели государь за то питье, что имали Петровы люди на Петра насилствомъ, денегъ правити и вели государь вамъ дати а томъ свою Государеву грамоту къ Николѣ Зараскому къ ваеводѣ ко князю Аѳанасью Ѳедоровичу Гагарину, что бъ мы сирота твоя напраснаю смертію на провежи не померли и розна не розбрелись. Государь Царь смилуйся пожалуй!

На оборотѣ помѣта: Отписать грамота ко Государыни, чтобъ на Петрѣ велѣла взять и имъ отдать.

Затѣмъ: 120-го Марта въ 13 день діяку Григорью Витоѳтову. По Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всей Русіи указу бояре и воеводы Князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Зарутцкой приговорили послати на Коломну грамоту къ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Маринѣ Юрьевнѣ всеа Русіи, а велѣли на Петрѣ Кошелевѣ за то питье денги взять и посадцкимъ людемъ Якушку Кирилову съ товарыщи отдати. Думной діакъ Сыдавной Васильевъ.

VI.

Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Маринѣ Юрьевнѣ всеа Русіи (*прибавлено на оборотѣ*: и Государю Царевичю Ивану Дмитреевичю всеа Русіи). *Вмѣсто зачеркнутаго*: Московскаго Государства бояре и воеводы Дмитрей Трубецкой

Иванъ Заруцкой челомъ—*вверху строки написано*: холопъ, *поправлено*: холопи, *зачеркнуто*: твой Митка; *вверху строки*: ваши Митка Трубецкой, Ивашко Заруцкой челомъ бьютъ. Били челомъ Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіи Николы Зараского съ посаду черные слободы крестьяня (*поправ*: нинъ) Якушко Кириловъ съ товарыщи, а сказали: Въ нынѣшнемъ де въ 120-мъ году выбрали (*зач*: де) ихъ Николскіе посадцкіе люди черные слободы крестьяне на кабакъ въ вѣрные целовалники на годъ, а збирати (*зачеркн*: де было) *вверху строки*: Государыни имъ кабатцкіе доходы (*вверху*: на вѣру). И въ нынѣшнемъ де въ 120-мъ году Сентября въ 19 день приходили къ нимъ на кабакъ Петра Кошелева люди Гаврилка Дѣвочкинъ да Васка Ильинъ съ товарыщи и взяли у нихъ съ кобака насилствомъ вашего Государева казенного питья Петру Кашелеву шеснатцать ведръ меду кислова да дватцать семь ведръ пива да племяннику его Родиона Кошелева взяли ведро вина да полтретья ведра меду и за то де Государыни питье денегъ имъ въ вашу Государеву казну не платятъ и по ся мѣста. А въ тѣ деи Государыни поры покупали на кобакѣ ведро меду по десяти алтынъ, а пива ведро по полуполтинѣ, а вина ведро по полутора рубли. И нынѣ де Государыни въ тѣхъ въ кабатцкихъ денгахъ (*зач*: въ томъ питьѣ которое у нихъ съ кобака насилствомъ поимали на Петра Кошелева да на племянника ево Родиона стоятъ) у Николы Заразского у приказныхъ людей стоятъ онѣ на правежѣ и о томъ Государыни намъ холопемъ своимъ какъ укажете (*зачеркн*. чтобъ Петръ Кошелевъ вашею Государевою казною не корыстовались) и будетъ такъ какъ Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіи Николы Зараского съ посаду черные слободы крестьяне Якушко Кириловъ съ товарыщи били челомъ, а то будетъ у нихъ питье съ кобака Петровы люди Кошелева имали, а денегъ имъ за то питье не платили, и тыбъ Государыня на томъ Петрѣ Кошелевѣ за то питье велѣла денги взяти, а взявъ тѣ денги велѣла отдати Якушку Кирилову съ

товарыщи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7120-го Марта въ день. (Черновой отпускъ со многими помарками, которыя повидимому сдѣланы рукою дьяка Сыдавнаго Васильева, подписавшаго помѣту на предыдущей челобитной. Архивъ Мин. Юстиціи, Столбцы Печатнаго Приказа №. 2, л. 24, 25.).

VII.

Царю государю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ полку боярина и воеводы князя Дмитрѣя Тимофеевича Трубецково казакъ Сергѣевой станицы Донсково Ивашка Костянтиновъ. Въ нынѣшнемъ государь въ 121-мъ году, какъ приходили подъ Москву Полскіе и Литовскіе люди многіе со Тьхеевичемъ съ запасы и какъ государь приступали къ острошку у церкви у (въ обоихъ случаяхъ по зачеркн. *изъ* поправлено *у*) Климонта пановъ захватили и и мой, государь, братишко ходилъ подъ знамемъ, Мишка Костянтиновъ; и въ тѣ поры, государь, исъ церкви паны ранили тово знаменщика, моево братишка родново, изъ санапала двумя пульками въ бокъ повыше поясницы, и отъ тое раны посямѣсто лежалъ и гнилъ и умеръ; и нынѣ государь мнѣ ево похоронити нѣчимъ, лижитъ третей день не похороненъ. Милосердый государь царь и великій князь Михаило Өедоровичъ всеа Русіи! Пожалуй меня холопа своего чѣмъ мнѣ братишка своего похоронити. Государь царь смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: Дать на похороны полъполтины. 121-го Марта въ 20 день печатнику Ефиму Григорьевичу Телепневу да дьяку Ивану Мизинову: Государь царь и великій князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи пожаловалъ велѣлъ ему на похороны дать полъполтины. Діякъ Иванъ Булыгинъ.

Полъполтины на похороны.

(Тамъ же л. 8.).

VIII.

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Якушко Өедоровъ сынъ Шушеринъ. Сидѣлъ государь я въ осадѣ на Москвѣ при царѣ Васильѣ и посланъ государь я отъ твоихъ государевыхъ бояръ отъ князя Өедора Ивановича Мъстиславского съ товарыщи въ Смоленскъ къ боярину Михаилу Борисовичу Шеину зъ грамоты и сидѣлъ въ осадѣ въ Смоленскѣ годъ, и какъ государь Смоленскъ взяли и меня холопа твоего взяли въ полонъ въ Литву и былъ въ полону полтора годы и вышелъ государь исъ полону зъ дочеришкомъ и съ племянницою и билъ челомъ твоимъ государевымъ бояромъ князю Дмитрею Тимофѣевичю Трубецкому да столнику и воеводѣ князю Дмитрею Михаиловичю Пожарскому, и велѣно государь мнѣ дать выходу 10 рублевъ; и мнѣ государь дано выходу пол-осма рубли, а пол-третья рубли не дано; да язъ жа холопъ твой билъ челомъ боярину князю Дмитрею Тимофеявичю Трубецкому да столнику и воеводѣ князю Дмитрею Михаилу (такъ) Пожарскому што нашему городу Смольяномъ дано большой статьѣ по 20 по 8 рублевъ, а мнѣ холопу твоему велѣно дать противъ тоежа статьи 28 рублевъ зъ Болшого Приходу, и мнѣ государь тѣхъ денегъ дано 10 руб., а 18 рублевъ не дано; а которые государь наши сестры, мужни жены и вдовы вышли исъ полону и тѣмъ государь давали выходу для бѣдности по 5 руб. и по 10, а дочеришки государь моей и племянницѣ не дано ни одной денги; а помѣстейца государь за мною нѣтъ ни въ которомъ городѣ ни одной четверти. Милосердый государь (т.)! Пожалуй меня холопа своево своимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ и досталными выходными денгами и вели государь дать дочеришкѣ моей и племянницѣ свое царской жалованья, выходъ, какъ тобѣ государю Богъ извѣститъ. Государь (т.) смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣлъ дать 18 рублевъ.

121 Апрѣля въ 20 д. Ефиму Григорьевичу Телепневу да дьяку Ивану Мизинову: Государь (т.) пожаловалъ, велѣлъ дать 18 руб. Діякъ Гаврила Богдановъ.

(Тамъ же л. 28).

IX.

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой государевъ полку боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофѣевича Трубецкова Сергѣевой станицы Лонскова есоулъ Иванъ Даниловъ. Въ нынѣшнемъ государь во 121 г. какъ приступали Китаю городу и на приступѣ ранили братишка моего родново Завьялка Данилова сына, казака нашіежъ станицы исъ санапала, двемя пюлками въ бокъ въ правой, да евожъ государь ранили исъ санапала по стѣгну по лѣвому и отъ тѣхъ ранъ по ся мѣсто животъ свой мучилъ летжалъ и умеръ и нынѣ летжитъ не похараненъ. И ты государь (т.) пожаловалъ, велѣлъ дать на похороны рубль денегъ въ Разрядѣ казачемъ боярину Ивану Александровичю Колтовскому, и онъ государь мнѣ отказалъ, денегъ у себя не сказываетъ. Милосердый государь (т.) пожалуй, вели дати гдѣ тебѣ Государю Богъ извѣститъ. Государь царь смилуйся пожалуй.

Зачеркнуто: Государь пожаловалъ, и бояре приказали именно дать рубль, дать тотчасъ.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ, велѣлъ дать рубль у Печати. 121 Апрѣля въ 28 день Ефиму Григоревичу Телепневу да діяку Ивану Мизинову: Государь (т.) пожаловалъ, велѣлъ дать рубль у Печати. Діакъ Иванъ Булыгинъ.

(Тамъ же л. 39).

X

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой Сенка Степановъ сынъ Рагозинъ. Нынишнего государь 121 году, какъ приходили Литовскія люди подъ Москву, гетманъ Хаткѣевичъ,

и я холопъ твой на томъ бою тебѣ государю служилъ и бился явственна; и на томъ бою меня холопа твоего ранили да подо мною жъ холопомъ твоимъ убили конь наповалъ; и за тое мою службишко и за кровь твои государевы бояронь и столникъ и воеводы князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой да столникъ и воевода князь Дмитрей Михаиловичъ Пожарской пожаловали, а за лощедь государь пожаловали указали дать твое царьскоя жалованья 10 рублевъ; и за тое государь лошедь мнѣ холопу твоему дано половина 5 рубловъ, а другая половина мнѣ холопу твоему 5 рубловъ не додано. Милосердый государь (т.) пожалуй меня, холопа своего, вели государь за тое мою службишко и за лошедь выдать свое царьское жалованья достолную половину 5 рубловъ, штобъ я холопъ твой на твоей царьской службѣ пѣшь не былъ и твоей царьской службы впередъ не осталъ. Царь государь смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: Какъ будутъ денги, дадутъ. 121-го Апрѣля въ 30 день Ефиму Григорьевичу Телепневу да дьяку Ивану Мизинову: Государь царь (т.) пожаловалъ, какъ будутъ деньги въ зборѣ и ему велѣлъ дать. Дiакъ Гаврила Богдановъ.

(Тамъ же л. 42).

XI.

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой казачей войсковой есаулишко Өетка Патрекѣевъ. Служилъ я холопъ твой твои царскiе службы на полѣ и на Руси и подъ Москвою стоялъ третей годъ бесьѣзду и съ Полскими и съ Литовскими и съ Нѣметцкими пѣшею дракою на приступехъ и на вылазкахъ и конною дракою на многихъ тобѣ государю служилъ и бился явственно, не щадя головы своея; въ прошломъ году, во сто въ двадцатомъ году былъ (бой) послѣ Велика дни за Москвою рѣкою въ Садѣхъ съ Литовскими людми и я на томъ бою былъ и подо мною убили на томъ бою меринъ гнѣдъ, а тотъ меринъ данъ былъ 7 рублевъ; да послѣ тово вскорѣ было

дѣло за рѣкоюжъ на Лугу съ Литвою и я на томъ бою былъ и на томъ бою меня холопа твоего въ тѣ поры Литовскiе люди збили меня съ лошади и меня ранили, а тотъ меринъ взяли Литва, а тотъ меринъ данъ былъ у меня 15 рублевъ; и за тѣ свои службишка и за убитые лошади я холопъ твой и по ся мѣста ни чѣмъ не пожалованъ, и по ся мѣста. Милостивый государь (т.) пожалуй меня холопа своего, за мое службишко и за кровь и за убитые лошади своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ милосердому государю и царю Богъ извѣститъ, чтобъ я холопъ твой въ конецъ не погибъ и твоей бы царской службы не отсталъ. Государь царь смилуйся!

На оборотѣ: Государь пожаловалъ, велѣлъ дать 10 руб. отъ Печати.

(Тамъ же л. 67).

XII.

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой Суздалецъ Якушко Семеновъ сынъ Евской, бѣдной и разореной безъ остатковъ отъ Петра Овдокимова. Билъ я челомъ холопъ твой тебѣ государю милосердому царю, чтобъ ты милосердый царь мнѣ холопу своему бѣдному свѣтъ далъ видѣть, что у меня взялъ князь Дмитрей Михаиловичъ Пожарской перстень твоей царьской казны, а данъ былъ у меня холопа твоево 10 рублевъ; и мнѣ холопу твоему твое царьское милостивое жалованное слово было и сказалъ мнѣ холопу твоему твое царьское жалованье твой государевъ бояринъ и ближней прiятель Иванъ Микитичь, что рекся ты милосердый царь меня холопа своево пожаловати; а я бѣдный разоренъ безъ остатковъ и помираю голодною смертью, день ѣлъ, а два не ѣлъ. Милостивый государь (т.) пожалуй меня холопа своево, вели мнѣ дать денги изъ своей царьской казны, чтобъ я холопъ твой, волочась межъ дворъ, голодною смертью не умеръ, и умеръ бы на твоей царьской службѣ. Царь государь (т.) смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: Дано за перстень 6 рублевъ.

(Тамъ же л. 68).

XIII.

Государю царю (т.) бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Бѣлогородцкой казакъ Парфеньевы станицы Денихина Ивашка Селиверстовъ сынъ. Служилъ я холопъ твой тебѣ государю на Москвѣ третей годъ подъ Москвою безъ съѣзду и какъ государь подъ Москву приходилъ Хоткеевичь о Семенѣ дни и я холопъ твой на томъ дѣлѣ по 3 дни съ Полскими съ Литовскими людми бился явственно и у меня холопа твоего на томъ бою убили конь 12 рублевъ и ты государь меня холопа своего пожаловалъ, велѣлъ мнѣ за тотъ конь дати полъшесть рублевъ; и мнѣ твоего царского жалованья казначей Ефимъ Телепневъ далъ 4 рубля, а дву рублевъ мнѣ и по ся мѣста не дано, потому что я былъ посыланъ за твоимъ царскимъ кормомъ. Милосердый государь (т.) пожалуй меня холопа своего, вели государь мнѣ свое царьское жалованья 2 рубля дати, чтобъ я холопъ твой впредь твоей царьскіе службы не осталъ. Царь государь (т.) смилуйся!

На оборотѣ: Будетъ ему велѣно дать и тѣ ему денги додать, не волоча. 121 Іюня въ 24 день Ефиму Григорьевичу Телепневу да дьяку Ивану Мизинову: Государь (т.) пожаловалъ, будетъ ему велѣно дать и тѣ денги велѣлъ ему додать, не волоча. Дьякъ Иванъ Булыгинъ.

(Тамъ же л. 81).

XIV.

Царю государю (т.) бьетъ челомъ холопъ государевъ Смольянинъ Якушко Федоровъ сынъ Шушеринъ. Выбрелъ государь я холопъ твой исъ полону исъ Литвы послѣ Смоленского взятья и билъ челомъ твоимъ государевымъ боярамъ князь Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому да князь Дмитрею Михаиловичю Пожарскому о жалованьи и велили мнѣ холопу твоему дать противъ моей братьи Смольянъ, которымъ дано твое государево жалованье въ Нижнемъ Новѣгородѣ болшой статьи по 20 по 8 рублевъ; а мнѣ холопу твоему велѣно дать тужъ 28 рублевъ исъ Болшово Приходу; и мнѣ государь холопу твоему дано въ Болшомъ Приходѣ 10 рублевъ денегъ, а осминацети рублевъ мнѣ холопу твоему не додано; и билъ челомъ тебѣ государю и твои государевы бояре мнѣ холопу твоему указали ту осминацеть рублевъ на Казенномъ дворѣ у Яфима у Телепнева, и Яфимъ мнѣ холопу твоему твоево государева жалованья 14 рублевъ далъ, а 4-хъ рублевъ не додалъ. Милостивый государь (т.) пожалуй меня холопа своего, вели свое государево жалованье ту четыри рубли выдать Яфиму Телепневу. Государь смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: 121 Іюля въ 16 день Ефиму Григорьевичю Телепневу да дьяку Ивану Мизинову: Государь пожаловалъ, велѣлъ ему досталные денги додать. Дьякъ Герасимъ Мартимьяновъ.

(Тамъ же л. 85).

XV.

Царю государю и великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Полуехтка Нарышкинъ. Сидѣлъ я холопъ твой въ темницѣ отъ царя Василья въ Казанскихъ пригородѣхъ... мъ лѣтъ да отъ Никонора отъ Шулгина животъ мучилъ полтора годы въ темницѣ, И нынѣшняго государь 121 году, какъ тебѣ государю царю и великому князю Михайлу Өедоровичу всеа Русіи крестъ целовали всѣмъ Казанскимъ Царствомъ и меня холопа твоего для твоего царьского величества и многолѣтного здравія исъ темницы выпустили. И нынѣча я холопъ твой прибрелъ къ Москвѣ нагъ и босъ и голоденъ. И нынѣча волочюсь на Москвѣ межъ дворъ, помираю голодною смертью; а помѣстьишка государь мое и вотчинишка роздано въ роздачю. А женишка государь моя и дѣти, волочась межъ дворъ, померли голодною смертью. Милосердый государь ц. и в. к. М. Ө. всеа Русіи! Пожалуй меня холопа своего на одежепка и чѣмъ

мнѣ холопу твоему кормитца, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ объ моей бѣдности, чтобъ я холопъ твой, волочась межъ дворъ, голодною смертью не померъ. Государь царь смилуйся пожалуй!

На оборотѣ: Бояре указали дать полтину.

(Тамъ же л. 93).

XVI.

(Окончаніе статьи хронографа кн. Оболенскаго, напечатанной въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній Н. В. Калачёва, М. 1850, кн. 1, отд. VI, подъ заглавіемъ: Объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, стр. 35—38, вполнѣ неизданной въ свое время по цензурнымъ неудобствамъ).

„И начаша между собою (совѣтъ творити) со всѣмъ освященнымъ соборомъ всея земли Россійскія, князи и боляре и всякихъ чиновъ множество людей, князь Дмитрей Михаиловичъ Пожарской со всѣми чины. А вопрошаетъ ихъ на искусъ, кій ему отвѣтъ подадутъ и говоритъ: „Днесь у насъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ благодать Божія возсія, миръ и тишину Господь Богъ дарова. Станемъ у Всещедраго Бога милости просить, дабы намъ далъ самодержателя всей Росіи. Подайте намъ совѣтъ. Есть ли у насъ царское прирожденіе?“ И тако вси умолчаша. И начаша власти глаголати: „Государь Дмитрей Михайловичъ! Мы станемъ соборне милости у Бога просить. Дай намъ до утрія срока.“

„Во утріеже снидошася вси предсѣдатели собору и нѣкто дворянска чина Галича града предложи на томъ соборѣ выпись о сродствѣ царевѣ, како благочестивый царь Θеодоръ Іоанновичь, отходя сего свѣта, вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему, болярину Феодору Никитичю; и увѣдалъ то царь Борисъ, воздвиже злодыхательный свой гнѣвъ, поточи его во отоки морскія, въ Сійской мнстрь, и съ сыномъ его Михаиломъ Θеодоровичемъ, дабы ему царство самому получить, еже и бысть. А днесь по благодати Божіи той преждереченный бояринъ Θеодоръ Никитичь пресвящен-

ный митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, а сынъ его бояринъ Михаилъ Θеодоровичъ въ Костромскихъ предѣлехъ съ матеріею своею великою старицею Марθою Ивановною въ Ипацкомъ монастырѣ пребываютъ. А той Михаилъ Θеодоровичъ Царю Θеодору Ивановичу по сродству племянникъ, по матери же его благовѣрной царицѣ Анастасіи Романовнѣ, иже бысть супруга царю Ивану Васильевичу,—той да будетъ царь, а опроче ево никто инъ не можетъ быти.

„О злобы еще ехиднино порожденіе остася, испущая своя блевотины, рѣша: „Кто то писаніе принесъ, кто и откуда?“ И ускори въ то время Славнаго Дону атаманъ и выпись предложилъ на соборѣ таковужъ. И вопрошаетъ его Князь Дмитрей Михайловичь: „Атамане! Какое вы писаніе предложили?“ Отвѣща атаманъ: „О природномъ Государѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.“ И прочетше писаніе атаманское и бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ..... и избраша въ путное шествіе князь (пробѣлъ) и атаманства великаго войска и всякихъ чиновъ ратныхъ людей пріидоша на Кострому и начаша у нея милости просити, къ честнымъ ея ногамъ припадающе и слезы многи изливающе, дабы благословила сына своего на Московское Государство на наслѣдіе дяди своего Царя Θеодора Ивановича. И она отвѣща имъ несумняся: „Власти святіи отцы и вы Московстіи правители и вси оруженосцы! Просите вы сына моего на царство, а у васъ въ боярскихъ сердцахъ злоба вкоренилася, надъ царевичемъ Дмитреемъ что учинилося! А Царю Василью Шуйскому какое поруганіе сотвориша, насильствомъ постригоша да кроволокателемъ Поляком въ руки отдаша. А сыну моему тоже будетъ. Кая вамъ отъ Бога милость, а въ иныхъ Государствахъ вѣдомость учинится. Кая вамъ честь. А сынъ мой еще во младыхъ летехъ, а время днесь обуреваемо, яко море волнами великими покрывается.“ И тако начаша власти и князи и бояре и великого Дону атаманство просити милости и поднесоша ей прежереченное писаніе о избраніи сродства Царева за руками всѣхъ чиновъ. И она Государыня повелѣ предъ собою прочесть и преклоняется на милость и

положи упованіе на всещедраго Бога и сыну своему даетъ благословеніе и вручаетъ его всѣмъ оруженосцемъ. И тако вси внидоша въ церковь и молебная совершивше пути касаются къ царствующему граду. И тако граждане града Костромы провожденіе сотвориша со святыми иконами. И егда быша близь царств. града Москвы и тако власти Московстіи изыдоша со святыми иконами и съ кадилы и со дары, якоже подобаетъ царемъ. И внидоша въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго ея Успенія, молебная совершивше; и вѣнчанъ бысть царскимъ вѣнцемъ въ лѣто 7119 мѣсяца Сентября въ 28 день (такъ вмѣсто 7121 и Іюля 11) и тако бысть благочестію начало и всемірная радость возсія".

(Хронографъ кн. Оболенскаго хранится въ библіотекѣ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ N 101—128).

XVII.

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михаило Өеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ пожаловали есмя Живоначалные Троицы Сергиева монастыря богомолца своего келаря старца Аврамия Палицына з братьею, что били они намъ челомъ, а сказали: в прошлом де во 126 году Августа въ 21 день ѣхалъ с Москвы в Троецкой Сергиевъ монастырь служка Карпъ Юдинъ, а везъ с собою отъ Троецкого Стряпчево от Өедора Конищева ящикъ, а в немъ были жаловалные грамоты блаженные памяти Великихъ Князей и Царей: Грамота Великого Князя Дмитрея Ивановича Донского о податѣхъ и о торговыхъ пошлинахъ и несудимая и о крестномъ целованье. Грамота Великого Князя Ивана Васильевича в Нижнемъ Новѣгородѣ в рѣкѣ Волгѣ на Кресцовскую Заводь и пески и озеро Лунское сыстоки и на пожни. Грамота Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи всѣхъ городовъ и съ изъ Троецкихъ вотчинъ со всякими запасы проѣзжая о пошлинахъ. Грамота Великого Князя Василья Васильевича на рыбные ловли въ Переславскомъ

и в Сомниѣ озерѣ и в рѣкахъ. Да на тѣжъ рыбные ловли грамота Царя и в. к. Василья Ивановича всеа Русіи подписана на наше Царское имя. Да двѣ грамоты Царя и в. к. Өедора Ивановича всеа Русіи, одна грамота села Крутца на деревню Омутище да на деревню Крутое съ угодьи, да другая на тѣжъ деревни. Да и иные де были жаловалные грамоты и даные и крѣпости, и того де ихъ служку на дорогѣ у рѣки Клязмы подъ селомъ Черкизовымъ воры ограбили и тотъ ихъ ящикъ съ жаловалными грамотами и з даными крѣпостми у него взяли. И намъ бы ихъ пожаловати велѣти бъ тѣхъ жаловалныхъ грамотъ съ списковъ дати на наше царское имя новые жаловалные грамоты, чтобъ за тѣми нашими жаловалными грамотами въ податѣхъ и во всякихъ пошлинахъ впередъ смуты не было, а Троецкими бъ селы хто вклепався напрасно не завладѣлъ. А в списку съ жаловалные грамоты Великого Князя Дмитрея Ивановича Донского, каковъ списокъ положилъ в Дворцѣ передъ бояриномъ нашимъ передъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ да передъ дьяки нашими передъ Иваномъ Болотниковымъ да передъ Патрекѣемъ Насоновымъ Троецкой стряпчей Өедоръ Конищевъ за рукою Троецкого келаря Аврамья Палицына написано: „Князь Великии Дмитреи Ивановичь Донской пожаловалъ святого Сергіевъ монастырь, гдѣ въ которомъ городѣ Сергиева монастыря вотчина ни будетъ ино не надобе дань в прокъ, ни ямъ, ни торговая пошлина, ни посоха, ни которая пошлина во всѣхъ городѣхъ и которымъ прародителемъ его благоволитъ Богъ Сергиевымъ молениемъ на Московскомъ Государствѣ быти до скончанія вѣка и имъ Сергіева монастыря не порудити ихъ монастырьской вотчины, какъ еѣ Богъ распространитъ, всякихъ податей не имати и торговыхъ пошлинъ сь ихъ купчинъ; а в разбоѣ и в татбѣ ихъ бояре наши не судятъ; будетъ дѣло, ино ихъ велитъ кому Сергеи судити, а продажи имъ не чинятъ и судныхъ пошлинъ съ нихъ не емлютъ. А слугамъ Сергиевымъ креста не целовать, сироты ихъ стоятъ у креста. А которые его прародители тотъ его обѣтъ порушатъ или что ста-

нутъ с Троецкой вотчины имати какую подать и имъ будетъ судъ съ нимъ передъ Спасомъ в будущемъ вѣцѣ, тамъ его с ними Богъ разсудитъ. А хто той его грамоты ослушаетца и тѣмъ людемъ быти в казни." И мы В. Г. Царь и в. к. Михаило Өедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, выслушавъ с старые жаловалные грамоты списка, для милости Пречистые Живоначалные Троицы и великихъ Преподобныхъ отецъ Сергия и Никона Радонежскихъ Чюдотворцовъ Живоначальные Троицы Сергиева монастыря богомолца своего келаря старца Аврамія Палицына з братьею пожаловали велѣли имъ съ списка старые жаловалные грамоты великого Князя Дмитрея Ивановича Донского дати нашу новую жаловалную грамоту таковужъ, какъ у нихъ в прежней жаловалной грамотѣ написано. И сеѣ у нихъ жаловалные ни кому ни чѣмъ рудити не велѣли, а велѣли есмя о всемъ ходити по тому какъ въ прежней жаловалной грамотѣ Великого Князя Дмитрея Донского написано. Дана ся наша царская жаловалная грамота в нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7127-го Ноября въ 2 день. А подписалъ Великого Государя Ц. и В. К. Михаила Өедоровича всеа Русіи діокъ Иванъ Ивановъ сынъ Болотниковъ.

На оборотѣ вверху: Царь и Великій Князь Михаило Өедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ. *Внизу*: Справилъ прежніе жаловалные грамоты съ спискомъ подьячей Сурьянинъ Тороканов.

При грамотѣ красносургучная печать на красномъ снурѣ поломана; на ней изображены на одной сторонѣ орелъ двуглавый, на другой Георгій Побѣдоносецъ.

(Архивъ Мин. Юстиціи: Собраніе монастырскихъ грамотъ Нижегородскаго Уѣзда, Архивн. N 90. Хронол. 8031).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ, изд. 2, стр. 283, 284. По случаю развода перваго царя Василія Иван. съ неплодною супругою Соломоніею былъ распространенъ слухъ, что неплодная разрѣшилась сыномъ Георгіемъ, котораго будто бы тайно скрывала до его возраста, надѣясь, когда будетъ онъ царемъ, отомстить свое оскорбленіе.
2. Тамъ-же, стр. 198—200.
3. По замыслу Годунова, оно началось крушеніемъ Нагихъ и удаленіемъ ихъ съ царевичемъ Димитріемъ въ Угличъ. Затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ крушеніе Богдана Бѣльскаго, о которомъ распространенъ былъ слухъ, что онъ „извелъ царя Ивана, хочетъ побить бояръ, хочетъ искать смерти царю Өедору, а по немъ быть бы ему самому на царствѣ (или Годунову, по другому свидѣтельству)." Сама собою объявлялась, такимъ образомъ, затаенная программа будущихъ событій. Движеніемъ руководятъ тоже будущіе герои: Шуйскіе, Ляпуновы.
4. Временникъ Общ. Ист. и Древн. книга 17, Новый Лѣтописецъ стр. 78, 83.
5. Новый Лѣтописецъ стр. 103, 116.
6. Акты, собр. Археогр. Экспед. т. 2,—N 188.
7. Вѣстникъ Европы, іюнь 1871 г., Личности Смутнаго Времени, стр. 511—517.
8. Нижній Новгородъ и Нижегородцы въ Смутное Время, статья П. Мельникова, въ Отеч. Запискахъ 1843 г. т. XXIX, отд. II, стр. 31—32.
9. Нижній Новгородъ и Нижегородцы, П. Мельникова, стр. 23, 32. Москвитянинъ 1850 г. N 21, стр. 9. Исторія Россіи Соловьева VIII, 443.
10. Вѣстникъ Европы 1867, сентябрь, стр. 3 и 1871 г. іюнь, стр. 512, статьи г. Костомарова. Надо замѣтить, что легенда по списку XVIII ст., а за нею и всѣ пересказы о явленіи Мини-

ну преп. Сергія, повидимому, идуть изъ одного источника, изъ сказанія Троицкаго келаря Симона Азарьина, описавшаго это обстоятельство въ новоявленныхъ чудесахъ Преподобнаго. Какъ извѣстно, благочестивый и усердный панегиристъ своей обители, Симонъ, дополнилъ такими сказаніями существовавшее житіе Преподобнаго, по желанію царя Алексѣя Мих. приготовилъ его къ печати, но при печатаніи встрѣтилъ препиратель-ства и осужденіе нѣкоторымъ статьямъ своего труда со стороны печатниковъ или типографскихъ *справщиковъ*. По тогдашнему это были не только корректоры, но и редакторы книгопечатнаго дѣла. Они усумнились въ иныхъ писаніяхъ Симона, по его словамъ „истину бо глаголаху ложь быти, и вмѣняху въ *случай*, а не въ *чудеса*“ и потому иное напечатали съ поправками, а иное совсѣмъ выпустили, въ какомъ видѣ Житіе и было издано въ 1646 году. Однако рукопись сохранилась. Въ ней о явленіи преп. Сергія Минину Симонъ разсказываетъ, что оно совершилось *во снѣ*. Въ сокращеніи м. Филарета (Житіе препод. Сергія, изд. 5, М. 1857 г. стр. 70) объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто, какъ мы и изложили на стр. 22. И самъ Симонъ опускаетъ его при описаніи вторичныхъ явленій. Сравн. у г. Кедрова: Авраамій Палицынъ, стр. 97—98, Чтенія О. И. и Д. Р. 1880, кн. IV.

11. Новый Лѣтописецъ, стр. 146.

12. Описаніе города Шуи, Вл. Борисова, М. 1851, стр. 225.

13. Акты Арх. Эксп. т. 2, N. 176.

14. Обыкновенно пишутъ, что Пожарскій въ это время жилъ въ селѣ *Пурехѣ* (Юрино) Балахонскаго уѣзда, верстахъ въ 50 отъ Нижняго. Мельниковъ въ статьѣ „Нижній и Нижегородцы“, обозначивъ это вѣроятнымъ, сообщаетъ свѣдѣнія о находящемся тамъ Спасопреображенскомъ монастырѣ и о разныхъ церковныхъ вещахъ съ надписями, пожертвованныхъ въ монастырь сыновьями Дмитрія Михайловича. Между тѣмъ въ числѣ вотчинъ Дм. Мих. о селѣ Пурехѣ не упоминается. По указанію Погодина Пожарскій, израненный, отъ Троицы былъ отвезенъ въ село свое Нижній Ландехъ, разстояніе котораго отъ Нижняго дѣйствительно равняется указаннымъ въ лѣтописи 120 верстамъ. Но это село, по челобитью *вѣрноподданнаго* польскому королю и королевичу Григорья Орлова было отнято у Пожарскаго за его измѣну и отдано челобитчику 17 августа 1611 г., то есть почти наканунѣ собранія въ Нижнемъ ополченія. Собр. Госуд. Грам. т. 2, N 267.

Мы полагаемъ, что вѣроятнѣе всего Дмитрій Михаиловичъ

на излеченіи отъ ранъ проживалъ въ то время въ своей родовой отчинѣ и дѣдинѣ, именно въ суздальскомъ селѣ Мугрѣевѣ, которое въ писцовыхъ книгахъ 1630 г. описывается слѣдующимъ образомъ: „Въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Стародуборяполовскомъ стану за бояриномъ за княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ, *отца его и дѣда родовая вотчина село Волосынино, Мугрѣево тожъ*, а въ селѣ церковь Николы Чудотворца, древяна вверхъ шатрова, да въ предѣлѣхъ Илья Пророкъ, да св. вмч. благов. князей русскихъ Бориса и Глѣба, да Никита Переславскій, да муч. Христовъ Лупцъ; да теплая церковь Живон. Троицы древяна клѣтцки, въ предѣлѣхъ Алексѣй митроп. Московскій да Преп. Сергій Радонежскій Чюдотворецъ. А въ церквахъ образы, и свѣчи, и книги, и ризы, и колокола, и сосуды церковные и всякое церковное строеніе вотчиниково. А на церковной землѣ дворы: попъ Данило, попъ Иванъ, 2 дьякона, дьячекъ, пономарь, проскурница, да 6 дворовъ нищихъ, питаются отъ церкви Божіей, 2 двора бобыльскихъ. Да въ селѣжъ дворъ вотчинниковъ боярина кн. Дмитрія Михаиловича Пожарскаго, да людскихъ 2 двора. Въ деревнѣ *Адашевой* служнихъ дворовъ 2. Да въ приселкѣ *Могучемъ* дворъ вотчинниковъ да дѣловыхъ людей 4 двора. Въ починкѣ, что была пустошь Нестерова, дѣловые боярскіе люди 2 двора. И прочія деревни, починки и пустоша, а всего: село, приселокъ, да 30 деревень, да 2 починка живущихъ, да 21 пустошь, 2 двора вотчинниковыхъ, 9 дворовъ людскихъ, служнихъ и дѣловыхъ, 47 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 59 челов., 68 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 70 челов., да 6 дворовъ пустыхъ.

Да къ селужъ Мугрѣеву и приселку Могучеву на Богоявленскомъ озерѣ монастырь, а въ немъ церковь Срѣтенія Пресв. Бцы иконы Владимірскія, да предѣлъ Іоанна Богослова да Петра митроп. москов. чудотворца, древяна клѣтцки; а въ церквѣ образа, и свѣчи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и колокола и всякое церковное строеніе боярина князя Д. М. Пожарскаго. А у церкви на монастырѣ въ кельѣ черной попъ да братіи 11 старцевъ, питаются отъ церкви Божіей; пашни подъ монастыремъ нѣтъ, а на питаніе изъ порожжихъ земель даны отхожіе пустоша“. См. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго изсл. М. Погодина, Спб. 1852, стр. 28. Мугрѣево лежало на древней (верхней) дорогѣ изъ Суздаля въ Нижній, также во 120 верстахъ.

15. Новый Лѣтописецъ, стр. 145.

16. Акты Арх. Эксп. т. 2, N 188.

17. Временникъ Общ. Исторіи и Древн. кн. 17, Смѣсь, стр. 1—2. Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ, М. 1850, кн. I, отд. VI, наша статья о хронографѣ кн. Оболенскаго, стр. 36.

18. Изборникъ статей, внесенныхъ въ хронографы, Андрея Попова, М. 1869, стр. 353. Сравн. также помѣщаемое выше, стр. 310, Приложеніе XVI.

19. Лѣтопись о Многихъ Мятежахъ, изд. 2. М. 1788, стр 237.

20. Изборникъ Андрея Попова, стр. 331.

21. Послѣ того, какъ мы выразили сомнѣніе въ правильности показаній приведеннаго обвиненія Минину, вышелъ второй томъ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографическою Коммиссіею (Спб. 1875 г.), гдѣ, между прочимъ, подъ №№ 189 и 234 помѣщены три документа, послужившіе, повидимому, основаніемъ для сообщеннаго г. Костомарову свѣдѣнія о взяткахъ Минина. Однако, въ напечатанныхъ документахъ о Мининѣ нѣтъ ни одного слова. Изъ нихъ раскрывается только слѣдующее:

В. К. Василій Ивановичъ за службу и за кровь Толоконцовскихъ бортниковъ устроилъ имъ въ Толоконцовской волости Спасскій монастырь и велѣлъ въ томъ монастырѣ ихъ бортниковъ постригать безо вкладу, давши къ монастырю села и деревни и всякія угодья, и кромѣ того въ Нижнемъ-Новгородѣ въ Кремлѣ-городѣ на пріѣздъ велѣлъ устроить имъ особый монастырь (во имя Соловецкихъ чуд. Изосима и Савватія). Съ того времени бортники въ своемъ монастырѣ постригались безо вкладу и кормились за общею трапезою. Царь Иванъ Вас. Грозный утвердилъ ихъ монастырскіе вотчины жалованными грамотами. При царѣ Өедорѣ Ив. въ томъ монастырѣ управлялъ игуменъ Калистъ, который, по словамъ бортниковъ, пилъ и воровалъ, монастырскую казну всю пропилъ и проворовалъ, а что осталось и то все, и старинные крѣпости, жалованныя грамоты, отдалъ Печерскаго монастыря Архимандриту Трифону. Съ тѣхъ поръ до 8 сентября 1613 г., почти пятнадцать лѣтъ, Толоконцовскимъ монастыремъ владѣли Печерскіе архимандриты напрасно, о чемъ бортники били челомъ новоизбранному царю Михаилу, присовокупляя, что имъ бортникамъ отъ Печерскихъ архимандритовъ тѣснота и обида великая: „безо вкладу не постригаютъ, поповъ перемѣняютъ по часту, отъ того люди помираютъ безъ даровъ и безъ покаянья; съ угодей сбираютъ деньги и корыстуются, монастырь запустошили до конца. А

городской въ Кремлѣ монастырь Соловецкихъ чюдотворцевъ раззорили же, и храмъ не покрытъ, и дверей нѣтъ“.

Въ 1612 г. Толоконцовскій черный попъ, старецъ Аврамій, обо всемъ этомъ билъ челомъ подъ Москву боярамъ, Трубецкому и Заруцкому, которые по его челобитью февраля 22 посылали про тотъ Толоконцовскій монастырь *обыскивать*. По обыску всѣмъ Нижегородскимъ посадомъ оказалось, что монастырь искони государево строенье, а не Печерскаго монастыря, что его игумены всякими угодьями и доходами владѣли независимо сами. Выслушавъ обыскъ, бояре велѣли влазѣть монастыремъ черному попу Маркелу, да старцу Аврамью, на что была дана имъ и *владѣльная* грамота. На тѣхъ же основаніяхъ бортники просили и царя Михаила Өед., чтобы ихъ Толоконцовскій монастырь былъ отдѣленъ отъ Печерскаго.

Новая владѣльная грамота была дана 1613 г. сент. 8, изъ Приказа Большаго Дворца, причемъ повелѣно отобрать у Печерскаго Архимандрита Өеодосія и всѣ собранные имъ доходы и запасы и отдать Толоконцовскому игумну Макарью, а жалованныя грамоты прислать въ Москву. Такъ представлялось дѣло въ челобитной самихъ бортниковъ въ 1613 г.

Другія свѣдѣнія получаемъ изъ двухъ челобитныхъ, 1) отъ Печерскаго архимандрита Рафаила и 2) отъ властей и крестьянъ самой Толоконцовской пустыни. Архимандритъ объясняетъ, что въ 1597 г. изъ Заволожья Толоконцовской пустыни игуменъ Калистъ билъ челомъ царю Өедору Ив. и просилъ, чтобъ тому Толоконцовскому монастырю быти отъ всякихъ обидъ приписану къ Печерскому монастырю. Царь пожаловалъ: тое пустынку съ деревнями и со всякимъ угодьемъ велѣлъ приписать къ Печерскому монастырю и велѣлъ ею владѣти и беречи ее архимандриту Трифону, братью поить и кормить и отъ сторонъ оберегать изъ Печерскаго монастыря. Арх. Трифонъ тотъ монастырь строилъ, Божье милосердіе, храмъ въ монастырѣ и кельи поставилъ, и братью поилъ и кормилъ, и пашни распахалъ, и отъ сторонъ оберегалъ. Но когда въ смутное время подъ Нижній пришли воры, то въ межъусобную брань Нижегородцы, земскіе старосты, Өедоръ (не Андрей) Марковъ съ товарищи ту Толоконцовскую пустынку у Печерскихъ старцевъ отняли для своей корысти, а въ ту пору въ Печерскомъ монастырѣ и архимандрита не было.

Въ 1613 г. Печерскій архимандритъ Өеодосій сталъ бить челомъ царю Михаилу, чтобы пустынку по прежнему приписать къ Печерскому монастырю. Царь пожаловалъ, далъ отводную

грамоту; но крестьяне (бортники) учинились сильны и владѣти пустынкою арх. Ѳеодосію не дали Они, какъ мы видѣли, успѣли выправить и для себя грамоту на независимое владѣніе.

Но вотъ времена перемѣнились. Спустя лѣтъ 15 или 20, сами Толоконцовскіе старцы и ихъ крестьяне уже бьютъ челомъ, чтобы по прежнему снова ихъ приписали къ Печерскому монастырю, при чемъ они разъясняютъ еще подробнѣе, какъ было дѣло. По ихъ словамъ Толоконцовскій игуменъ Калистъ, видя что ему въ той пустынѣ отъ сторонъ случались обиды великіе и отъ патріаршихъ десятильниковъ продажи великіе и кормитись было нечѣмъ, въ 1597 г. билъ челомъ царю Ѳеодору Ив. и просилъ чтобы пустынку приписать къ Печерскому монастырю, къ архим. Трифону. Такъ и исполнилось. (По грамотѣ 7105 г. марта 21, которая до нынѣ хранится въ Архивѣ Министерства Юстиціи по Нижегородскому уѣзду, Архивн. № 53, Хронолог. № 7994. Въ грамотѣ прописаны и обозначенныя выше причины, по коимъ пустынка была приписана къ Печерскому монастырю). Арх. Трифонъ, по тѣмъ же словамъ, Толоконцовскую пустынку-монастырь строилъ, храмъ поставилъ, во храмѣ Божье милосердіе — деисусъ и подстѣнные образы, и книги въ церквѣ устроилъ, и кельи поставилъ Печерскаго монастыря казною; и пашенку завелъ и распахалъ (12 деревень и починокъ), и братью кормилъ Печерскимъ хлѣбомъ; и мельницу на пустомъ мѣстѣ на рѣкѣ на Везломѣ къ тому монастырку Печерскою же казною поставилъ. Въ межьусобную брань, когда подъ Нижнемъ стояли воры, Толоконцовскіе старцы сидѣли въ Нижнемъ въ осадѣ 5 лѣтъ, за одно съ Печерскими, а потомъ, въ 1612 г., Нижегородскіе земскіе старосты Петръ Григорьевъ да Ѳеодоръ Марковъ (совсѣмъ не Мининъ) ту пустынку отняли и приказали вѣдать ее бражникамъ, черницу Маркелу да черницу Аврамью, для своей корысти, мимо царскихъ грамотъ; и что въ пустынкѣ было въ церкви ризъ и книгъ и хлѣба, то все строенье тѣ черницы проворовали и пропили, а лѣсныя угодья и мельницу стороннимъ людямъ на пустошенье роздали и братью разогнали, и крестьянишекъ выпродали". Вотъ къ чему привело самостоятельное независимое владѣнье. Теперь, спустя 15 — 20 лѣтъ пустынку кромѣ того сталъ очень тѣснить и обижать ея богатый сосѣдъ, думный дьякъ Иванъ Грамотинъ, которому въ 1619 г. августа 15 село Толоконцово было пожаловано за службу. Вслѣдствіе этого старцы пустынки и крестьяне просили царя и патріарха приписать ихъ по прежнему къ Печерскому монастырю, чтобъ имъ достальнымъ отъ сторонъ, отъ насильства голодною смертью не померети и розно не разбрестись.

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя напечатанными теперь документами. Другихъ свидѣтельствъ, гдѣ бы прямо говорилось, что земскіе старосты Андрей (здѣсь Ѳедоръ) Марковъ и Козьма Мининъ Сухорукъ „*норовя Ѳеодосію архимандриту Печерскому по дружбѣ и посуламъ*", — такихъ свидѣтельствъ пока не открыто. Да едва ли могло существовать такое свидѣтельство, ибо оно совсѣмъ противорѣчило бы ходу обстоятельствъ. Архимандр. Ѳеодосій, какъ видѣли, выпросилъ было монастырь къ Печерскому уже въ 1613 г., но не получилъ, — бортники воспротивились и оставили монастырь за собою по особой царской грамотѣ. Мининъ уже никакъ не могъ *норовить* въ этомъ случаѣ Ѳеодосію, ибо находился тогда въ Москвѣ, судя по времени, или на избраніи царя, или же служилъ избранному царю. При этомъ и *Андрей* Марковъ, староста, тоже вѣроятно никогда не существовалъ. Здѣсь подлѣ Ѳедора Маркова стоитъ не Мининъ, а Петръ Григорьевъ, что подтверждается и расходною Нижегородскою книгою 1612 г. (Временникъ Общ. Исторія и Др. кн. 17). Въ добавокъ эти старосты, по напечатаннымъ актамъ, отнимаютъ Толоконцовской монастырь у Печерскаго, а по свидѣтельству, сообщенному г. Костомаровымъ, они, напротивъ, отдаютъ его Печерскому монастырю. Мы не сомнѣваемся, такимъ образомъ, что все свидѣтельство о взяткахъ Минина сводится къ нечаянной, но печальной напраслинѣ.

22. Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, Н. Калачева, въ нашей статьѣ о хронографѣ кн. Оболенскаго, стр. 36.

23. Изборникъ Андр. Попова, 202.

24. Тамъ же, 310.

25. Дворцовые Разряды I, 178, 208. Разрядныя книги.

Нефедъ Мининъ въ чинѣ Стряпчаго участвовалъ при двухъ свадьбахъ царя Михаила. Дв. Раз. I, стр. 637, 768. Онъ скончался осенью 1632 года. Акты Арх. Эксп. III, №. 215. Наше упоминаніе о его стольничествѣ вкралось ошибкою по недосмотру,—онъ не былъ стольникомъ.

26. Новый Лѣтописецъ 80. Изборникъ Андр. Попова 342.

27. Новый Лѣтописецъ 110.

28. Тамъ-же 108, 118, 119, 130. Изборникъ А. Попова, 200.

29. Тогда особенно господствовали Борисъ и Михаило Салтыковы. Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ, изд. 2, стр. 230—241.

30. Чтенія Общ. Ист. и Др. 1879, кн. 2: Описаніе Сергіевы Лавры А. В. Горскаго, изданное Архим. Леонидомъ, стр. 100.

31. Исторія Россіи Соловьева Т. VIII, стр. 434. Соб. Госуд. Гр., т. 2, стр. 594.

32. Акты Арх. Эксп. Т. 2, № 188, 189.

33. Тамъ-же №. 194, 197.

34. Собр. Госуд. Грам. Т. 2., № 275.

35. Акты Арх. Эксп., т. 2, № 176. Можно полагать, что грамота отъ Москвичей изъ-подъ Смоленска писана или Филаретомъ, или всего вѣрнѣе Думнымъ дьякомъ Луговскимъ. Акты Западной Россіи, т. 4, № 209.

36. Новый Лѣтописецъ 147, Лѣтопись о Мятежахъ 240.

37. Акты Арх. Эксп., т. 2, № 202.

38. Тамъ-же № 203.

39. Собр. Госуд. Грам. т. 2, № 281.

40. Новый Лѣтописецъ, 150. Акты Арх. Эксп., т. 2, № 210.

41. Новый Лѣтописецъ, 151.

42. Собр. Госуд. Грам. № 283.

43. Тамъ-же №. 285.

44. Впрочемъ келарь Симонъ Азарьинъ прямо такъ и пишетъ, „что въ Троицкомъ монастырѣ грамоты (Самозванца) оплевали и во многіе грады о семъ писали, такожде и подъ Москву къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ воинскимъ людемъ съ моленіемъ, архим. Діонисій съ братіею, увѣщевая ихъ отстати отъ вора.... Милостію же Божіею *вскорѣ* людіе обратишася отъ таковой прелести на истинный путь.“ См. г. Кедрова: Авраамій Палицынъ, 105. Къ сожалѣнію упомянутое *вскорѣ* держалось до тѣхъ поръ, пока подъ Москвой не провѣдали вполнѣ, что Нижегородцы—большая сила и продолжать игру въ смуту въ виду ихъ Ополченія уже поздно.

45. Исторія Росс. Церкви Митр. Платона и Исторія Росс. Іерархіи. Г. Костомаровъ: Смутное Время, „Вѣстникъ Европы“, сентябрь 1867, стр. 26.

46. Новый Лѣтописецъ, 126.

47. Тамъ-же, 152. Лѣтопись о Мятежахъ 244.

48. См. послѣднюю, IX главу сей книги.

49. Русская Историческая Библіотека, т. 2, стр 316.

50. Новый Лѣтописецъ, 150. Дворцовые Разряды, т. I, приложенія №. 1—36.

51. Новый Лѣтописецъ, 153.

52. Тамъ-же, 155.

53. Тамъ-же, 156. Ротмистръ панъ Хмелевскій, измѣнивъ своимъ, въ 1612 г. вышелъ изъ осажденнаго Кремля и отдался на службу въ полки Пожарскаго. Въ 1614 онъ былъ сосланъ царемъ Михаиломъ за измѣну въ Сибирь. Русскій Архивъ 1863 г., №. 10 и 11.

54. Полн. Собр. Лѣтописей, т. 5, стр. 62.

55. Г. Кедрова: Авраамій Палицынъ, 142.

56. Акты Юридическаго Быта, изд. Н. В. Калачовымъ, т. 2, стр. 601.

57. Русская Истор. Библіотека, т. 2, стр. 326, 354, 356.

58 Тамъ-же, 351. Дневникъ Поляковъ показываетъ, что Русскіе вошли въ Кремль 28 октября. Русскія показанія вообще сбивчивы, а въ Дворцовыхъ Разрядахъ указанъ даже, вмѣсто Октября, Ноябрь, 27 день (т. I, стр. 9), что повело къ неправильной отмѣткѣ и въ Исторіи Соловьева VIII, стр. 455—456, будто Поляки послѣ взятія Русскими Китай-города держались въ Кремлѣ еще цѣлый мѣсяцъ.

59. Сокращенное Описаніе Служебъ Росс. Дворянъ, ч. 2, стр. 77.

60. О возвратной отписи захваченныхъ волостей и помѣстій еще Земскимъ Соборомъ см. Дворцовые Разряды т. 1, стр. 1081. Въ Ноябрѣ 1613 г. Вага принадлежала уже Дворцу, см. Акты Истор. т. 3, стр. 2.—Вага, плодородная и въ древнее время очень промышленная область рѣки Ваги, впадающей въ сѣв. Двину, особенно примѣчательна тѣмъ обстоятельствомъ, что къ ней въ Смутное Время постоянно тянулись руки всѣхъ великихъ бояръ, занимавшихъ сильное и первенствующее положеніе. Ею владѣли: при царѣ Ѳеодорѣ—Борисъ Годуновъ, при Годуновѣ—Дмитрій Годуновъ, при Шуйскомъ — Дмитрій Шуйскій и Мих. Вас. Шуйскій Скопинъ. Послѣ Шуйскихъ съ 10 Сент. 1610 г. ею завладѣлъ Мих. Кривой—Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ (Акты Зап. Россіи, т. 4, 317), чему очень завидовали сидѣвшіе съ нимъ въ Кремлѣ другіе бояре (Акты Историч. т. 2, №. 306). Но вскорѣ Вагою овладѣлъ Заруцкій, а послѣ него вѣроятно Трубецкой, пожелавшій укрѣпить ее за собою на вѣчно особою Земскою Грамотою, см. Приложеніе № 1. Въ этой достопамятной грамотѣ Трубецкой тщательно описываетъ свои заслуги, изъ которыхъ лично ему принадлежитъ самая важнѣйшая одна—это призваніе подъ Москву казацкихъ полчищъ съ Дона, Яика (Урала) и съ Волги (см. стр. 287), куда онъ писалъ призывныя грамоты, неизвѣстно только, въ какое время. Мы полагаемъ, что онъ созывалъ казаковъ еще къ Тушинскому Царику, отъ котораго быть можетъ за это са-

мое и получилъ боярство. Самая мысль подозвать казаковъ могла народиться только въ Тушинскомъ лагерѣ. Остальные похвальные подвиги, упоминаемые въ грамотѣ, усвоены отъ дѣяній Ляпунова и Пожарскаго по случаю общей совмѣстной службы на ряду съ ихъ ополченіями. О добромъ воеводствѣ Трубецкаго вообще нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ. Очень плохимъ воеводою онъ оказался въ первый же годъ царствованія Михаила, когда былъ посланъ противъ Нѣмцевъ подъ Великій Новгородъ (см. Новый Лѣтописецъ, стр. 161). Другихъ свидѣтельствъ о его воеводскихъ дѣлахъ, кромѣ стоянья подъ Москвою, намъ не встрѣтилось. За то онъ часто бывалъ у Царя на обѣдахъ и нерѣдко горячо и даже дерзко ратоборствовалъ въ мѣстническихъ стычкахъ. Въ 1625 г. онъ померъ въ Тобольскѣ, куда въ тотъ годъ былъ отправленъ на воеводство.

61. Временникъ Общ. Исторіи и Древн. кн. 15, стр. 73. Обозрѣніе Помѣстныхъ Правъ, П. Иванова. М. 1836, стр. 144—149.

62. Дворц. Разряды I, 1207.

63. Тамъ-же 97—100.

64. Рус. Истор. Сборникъ, т. 2, стр. 267—377.

65. Дворц. Разряды I, 120—123.

66. Тамъ-же подъ означенными годами.

67. Москв. Вѣстникъ 1830 г., ч. 5, стр. 65.

68. Новый Лѣтописецъ и Разряды.

69. Старинные рукописные лечебники.

70. Акты Арх. Эксп., т. 3, №. 251. Изборникъ Попова, 316—318.

71. Новый Лѣтописецъ и Разряды.

72. Акты Зап. Россіи, т. 4, стр. 494.

73. Архивъ Истор.-Юрид. Свѣдѣній, изд. Калачевымъ, наша статья о хронографѣ кн. Оболенскаго стр. 36—37.

74. Г. Смирновъ: Біографія Пожарскаго, М. 1852, стр. 131, которой указанія въ полной мѣрѣ утверждаются г. Костомаровымъ.

75. См. Приложеніе №. XVI.

76. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. 1848 г. кн. 7, смѣсь, 85—122.

77. Акты Арх. Эксп. т. 2, №. 211.

78. Собр. Госуд. Грамотъ, т. 2, №. 285.

79. Русская Истор. Библіотека, т. 1, 355.

80. Сказаніе Палицына, изд. 2, М. 1822, 14, 15.

81. Акты Историческіе, 1, №. 221.

82. Сказаніе Палицына, стр. 15.

83. Лѣтопись о Мятежахъ, изд. 2, М. 1788, стр. 20, и ея неизданные списки, которые во многомъ исправнѣе напечатаннаго.

84. Русскія Достопамятности, изд. Общ. Исторіи и Древн., ч. I. стр. 68.

85. Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи — Земля Войска Донскаго, Г. Краснова, Спб. 1863, стр. 245.

86. Лѣтопись о Мятежахъ, 302.

87. Сказаніе Палицына, 14—16. Судебникъ Царя Іоанна Вас., изд Татищевымъ, М. 1768, стр. 118, 121.

88. Акты Зап. Россіи, т. 4, стр. 347, 407. Акты Историческіе, т. 2, №. 298.

89. Голикова: Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. 2, 135—146. Изъ посольской свиты остались вѣрными своему долгу и раздѣлили съ митр. Филаретомъ всякую тѣсноту и плѣнъ дворяне: Борисъ Ив. Пушкинъ, Богданъ Матв. Глѣбовъ, Иванъ Гавр. Короблинъ, Ѳома Ив. Квашнинъ, Андрей Ив. Баскаковъ, Борисъ Дм. Бартеневъ, Антонъ Павл. Загосткинъ, Вас. Павловъ и др. Изборникъ Попова, 366.

90. Акты Зап. Россіи, т. 4, стр. 378, 394. Собр. Госуд. Грам., т. 2, стр. 481. Сравн. Приложеніе XVII.

91. Г. Кедрова: Авраамій Палицынъ, стр. 64.

92. Акты Арх. Эксп. т. 2, №. 192.

93. Акты Арх. Эксп. т. 2, №. 201.

94. Акты Арх. Эксп. т. 2, №. 199.

94 (95). Житіе прп. Діонисія, М. 1817, стр. 46. Замѣтимъ кстати, что г. Кедровъ (Авраамій Палицынъ, стр. 172—176 и 195—202) напрасно присвоиваетъ Палицыну утѣшительное посланіе, писанное къ Діонисію неизвѣстнымъ авторомъ. Доводы г. Кедрова не совсѣмъ достаточны для „несомнѣннаго“, по его словамъ, заключенія, что посланіе писано Палицынымъ. Именно содержаніе и самый слогъ посланія обнаруживаютъ, что вѣроятнѣе всего оно писано тѣмъ же Иваномъ Насѣдкою.

96. Книга объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, въ лицахъ, М. 1856, стр. II и III.

97. Дворцовые Разряды, I, стр. 1086.

98. Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, V, стр. 118. Повидимому Маскѣвичъ ошибкою называетъ здѣсь Волокъ, вмѣсто Звенигорода. Между Рузою и Звенигородомъ по Воскресенской дорогѣ и теперь есть селеніе Вишенки.

Моммсена. Римская исторія. Т. I и II. Перев. *Н. Д. Ахшарумова*. Т. III. Пер. *А. Веселовскаго*. М. 1880 г. Ц. за три тома 13 р.

Морлея Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Морлей Дж. Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Ц. 2 руб. 75 к.

Огарева. Стихотворенія. Изд. 3. М. 1871 г. Ц. 50 к.

Полонскаго Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Попова. Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Ц. 4 р.

Рихтера. Вліяніе целлулярной патологіи. М. 1872 г. Ц. 1 р.

Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкинъ*. М. 1881. Ц. 2 руб.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Ц. 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенка*. М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Изд. третье, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тацита. Лѣтопись. Перев. *К. Кронеберга*. М. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Томъ I. Перев. *Н. И. Стороженко*. М. 1883 г. Ц. 3 руб.

Трачевскаго. Польское безкоролевье. М. 1865 г. Ц. 3 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Ц. 2 р.

Фета. Стихотворенія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 2 р.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. М. 1876 г. Ц. 4 р.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II и III. М. 1880 г. Ц. 4 р.

Фюстель-Куланжъ. Гражданская община античнаго міра. Перев. *Е. Корша*. М. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3 и 4. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Ц. 1 р.

— Областныя учрежденія. М. 1876 г. Ц. 3 р.

— Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Ц. 1 р.

— Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Ц. 1 р.

Шекспира Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.

Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Ц. 3 р.

Шмидта Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ I, II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 20 р.

Сочиненія того-же автора:

История Русской Жизни съ древнѣйшихъ временъ. Часть 1-я М. 1876. стр. I—XII+647.—Часть 2-я М. 1879. стр. 520.

Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. XX+372,+263, съ рисунками. Изданіе 2-е съ дополненіями. М. 1873. (За расходомъ 2-го готовится 3-е изданіе).

Домашній бытъ Русскихъ Царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. VIII—680—166, съ рисунками. Изданіе 2-е съ дополненіями. М. 1872.

Опыты изученія русскихъ Древностей и Исторіи. Изслѣдованія, описанія и критическія статьи. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Часть 1-я М. 1872, стр. 566. Содержаніе: Дѣтскіе годы Петра Великаго.—Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время.—Русская личность и русское общество наканунѣ Петровской реформы.—Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ.—Изъ книги „Златоустъ".—Замѣтка о старинныхъ повѣстяхъ.—Для біографіи Сильвестра Медвѣдева.—Царь Алексѣй Михайловичъ.—Охотничій Дневникъ царя Алексѣя Мих —Современные взгляды и направленія въ Русской Исторіи.—Математическій методъ въ Исторіи.—Фельетонизмъ въ критикѣ и пр.

Часть 2-я М. 1873, стр. 506. Содержаніе: Размышленія о современныхъ задачахъ Русской Исторіи и Древностей.—Русская археологія.—Исторія и Древности Москвы.—По поводу семисотлѣтія Москвы въ 1847 г.—Три неизвѣстныя гробницы въ Моск. Архангельскомъ соборѣ.—Московскіе и подмосковные сады въ XVII и XVIII ст.—Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст. и пр.

Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. Историческія воспоминанія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1873, стр. 256.

Историческое описаніе Моск. Донскаго монастыря. М. 1865, стр. 160.

Преображенское или Преображенскъ, Московская столица достославныхъ преобразованій перваго Императора Петра Великаго. М. 1883. стр. VI и 54.